

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

◀ НЕПОЗНАННОЕ ▶

ЦВЕТ ТВОЕЙ
КРОВИ

АЛЕКСАНДР
БУШКОВ

ЦВЕТ ТВОЕЙ КРОВИ

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б94

Иллюстрация на обложке
Владимира Нартова

Бушков, Александр Александрович.

Б94 Цвет твоей крови / Александр Бушков. — Москва : Эксмо, 2024. — 416 с. — (Бушков. Непознанное).

ISBN 978-5-04-190197-4

Жаркий июнь 1941 года. Почти не встречая сопротивления, фашистская военная армада стремительно продвигается вглубь нашей страны, на восток. Старшего лейтенанта погранвойск Костю Багрякова война застала в отпуске, и он вынужден был в одиночку пробираться вслед за отступающими частями Красной армии и догонять своих.

В неприметной белорусской деревеньке, еще не занятой гитлеровцами, его приютила на ночлег молодая училка Оксана. Уже с первой минуты, находясь в ее хате, Костя почувствовал: что-то здесь не так. И баньку она растопила без дров и печи. И обед сварила не поймешь на каком огне. И конфеты у нее странные, похожие на шоколадную шрапнель...

Но то, что произошло потом, по-настоящему шокировало молодого офицера. Может быть, Оксана — ведьма? Тогда почему по мановению ее руки в стене обычной сельской хаты открылся длинный коридор с покрытыми мерцающими фиолетовыми огоньками стенами? И там стоял человек в какой-то странной одежде...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-190197-4

© Бушков А.А., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

— Как ты думаешь, чем эта война кончится?

— Кончиться она должна хорошо. Она слишком уж плохо началась. Когда вначале все идет плохо, то потом всегда получается хорошо.

В. Шефнер. Сестра печали

Ох, и хлебнул я горького летом сорок первого! Больше сорока лет прошло, а порой, редко, слава богу, в ночном кошмаре привидится — в холодном поту просыпаться...

Нет, так уж получилось, что дело не в особенно жутких боях с немцами. Не было никаких таких особенно жутких боев, а тот, что однажды случился за время до события, никак к жутким не отнесешь, бой как бой, не особенно и долгий, не особенно и крупнее тех трех, которые мне пришлось пережить до войны, — дважды с бандитами и один раз с группой немецких диверсантов (они в сорок первом уже вовсю лазили через границу).

Тут другое... То ли невезение у меня вдруг открылось такое, то ли просто карта так легла. Судите сами. Поезд, на котором я возвращался из увольнения, немецкие самолеты разбомбили часов в десять утра километрах в восьмидесяти восточнее Минска. Причем в чистом поле, вдали от населенных пунктов. Ну, я включил пограничную смекалку, установил, что поблизости есть

центр цивилизации в виде райцентра, часов через несколько туда и добрался. Городок этот немцы бомбили уже вовсю, неразбериха там царила жуткая, и всем было не до меня. Хорошо хоть, военный комендант обнаружился. Документы у меня были в порядке, в том числе, понятно, и предписание, где четко значилось, что я следую из отпуска к месту службы, опять-таки четко указанному. С одной стороны, это мне помогло, а с другой — чуточку и повредило. Замотанный и задерганный капитан так прямо и сказал в лицо:

— Во-от! Пока вы, пограницы brave, по отпускам разъезжали, граница и оказалась вовсе не на замке. А шуму-то было, в кино снимали, как вы там с вашими Джульбарсами героически рубежи Родины бережете!

Я на него толком не обиделся: с рассвета человек крутится, как белка в колесе, лишь тремя подчиненными военнослужащими располагая, света белого не видел, и в кабинет к нему за время нашего разговора валом пер самый разный народ, большей частью с такими делами, которые вообще лежат вне полномочий военного коменданта. А он ничего, добросовестно пытался справиться... Потом отошел немного, выдалась минутка передышки, он малость охолонул и помог. Добрался я с военной попуткой до большой дороги, а там она уходила в другую сторону, противоположную той, куда я рвался. Пришлось ловить другие попутки. Они были главным образом военными — в первый день войны войска двигались исключительно на запад, в сторону границы, и техника туда же шла, и самолеты порой пролетали — в гораздо меньших количествах, чем следовало ожидать, порой и вовсе поодиночке.

Оказался в колонне грузовиков — а ближе к темноте на нее налетели «мессеры», сбросили изрядно мелких бомб, из пулеметов и пушек на бреющем полете про-

утюжили. Не стало колонны. Двинулся я пешедралом на запад. Потом были и еще разные попутки (в том числе даже броневтомобиль БА-20), и бомбежки. Долго рассказывать, да и ни к чему. Главное, уже ходили всякие дурацкие слухи: что немцы давно обошли Минск и прут к Москве, что у них есть танки, способные прицеплять крылья и по воздуху летать, что немецкие диверсанты уже подорвали Кремль, а вместе с ним и Самого...

В общем, в Минск я попал через сутки, вечером двадцать третьего. Не без труда отыскал начальство пограничного округа — вчера переехали на новое место, штатских расспрашивать бесполезно, а военные мало того что не знают — всерьез во мне диверсанта или шпиона подозревают. Двое совсем зеленых, явно только что из училища, лейтенантов даже затащили в подворотню и устроили «проверку», стали задавать коварные, по их мнению, вопросы: мол, знаю ли я, как зовут по имени-отчеству Ворошилова и кем он до революции работал. Соплячье зеленое, кино насмотрелись и книжек дурацких начитались... Вот я за год службы в пограничной комендатуре, в разведке погранвойск четырежды видел настоящих немецких шпионов, и это сплошь был такой народ, на которого и не подумаешь. И подготовлены были отлично: не только сказали бы с маху, что товарищ Ворошилов до войны был слесарем в Луганске, но, очень может быть, добавили бы еще, какими он напильниками работал и по какому металлу..

(К слову, в соседней комендатуре агента изобличили по-другому, не примитивными вопросами. Выложили перед ним дюжину картофелин и спросили: «Где командир должен быть?» Он замялся, и все с ним стало ясно — чтобы советский парняга двадцати пяти лет, отнюдь не из глухой деревни, «Чапаева» не видел?! Правда, там был не нацеленный на долгое оседание

персонаж, а разовый порученец, польский белорус — во многом его немцы поднатаскали, а насчет советского кино не додумались...)

Отбился я от лейтенантиков, ответил на все их вопросы, вот и отпустили с сожалением душу на покаяние. А потом встретил на улице капитана с зелеными петлицами, показал документы, он и отправил куда следует.

Вот там со мной поговорили обстоятельно люди из нашей системы, не простые зеленые фуражки. И то, что я от них услышал, лишь прибавило тягостных раздумий: ясно уже, что немцы заняли пограничные районы и продвинулись вперед, ни с одной заставой связи нет с утра двадцать второго, с большинством комендатур тоже, лишь одна успела передать по телефону, что атакована большим количеством пехоты при поддержке артиллерии и танков, а через пару минут замолчала, как оказалось, навсегда...

(Лишь после войны выяснилось, что зеленые фуражки товарища Берии немцев встретили качественно, дрались как черти и не отступали. Однако о судьбе многих погранзастав и нескольких комендатур так ничего и не известно. Никого из тех, с кем я служил до войны, за сорок лет так и не встретил и ничего о них не знаю...)

Оставили меня при управлении — а уже двадцать шестого немцы вышли к Минску. Я попал в группу, вывозившую бумаги, из Минска мы худо-бедно выскочили, но вскоре напоролись на немецкие танки. Танки у них были не особенно могучие, иные даже без пушек, только с пулеметами, но мы-то, на трех грузовиках и одной легковушке, не имели ничего, кроме пистолетов и карабинов, гранаты ни одной не было... Хорошо, лес оказался близенько. И когда я опомнился, то оказалось, что остался один. Сориентировался по солнцу и пошел на восток — а что еще оставалось?

Всякое бывало. На проселке наткнулся на пехотинцев, человек восемь. Только они меня форменным образом прогнали, даже вскидывали винтовки и щелкали затворами, сказали: немцы пограничников расстреливают на месте, вот и их могут положить за компанию, заподозрив в них переодетых пограничников. Судя по выговору, экземпляры были с Западной Украины, а по виду — свежемобилизованные.

(Тогда я им не поверил касаясь пограничников — сидела в нас иллюзия: немцы — культурная нация, да и германский пролетариат, воспитанный Тельманом, вот-вот свое слово скажет и повернет штыки против Гитлера. Быстро эти иллюзии развеялись...)

Потом меня чуть не расстреляли свои же. Вышел на большую дорогу, там на обочине стояла полуторка, а поперек дороги — десяток солдат с примкнутыми штыками под командой какого-то дерганого старшего лейтенанта. У меня были при себе все бумаги, но дерганный все равно с ходу произвел в немецкие шпионы. Железных доводов у него было два. Во-первых, что пограничнику делать так далеко от границы? Во-вторых, «почему я такой нарядный»? Ну тютя! А каким еще быть бравому лейтенанту-погранцу, в самое что ни на есть мирное время поехавшему в отпуск к родителям и девушке? Обмундирование, само собой, гимнастерка коверкотовая, синие галифе диагоналевые, петлицы и околыш фуражки не полевые, а сияют зеленым, что твой светофор, значки зубным порошком начищены. Пока странствовал, все изрядно помялось и запылилось, но все равно видно, что обмундировка не повседневная, а сапоги хромовые...

Сейчас, конечно, смешно, а тогда было не до смеха: дерганный, не слушая моих объяснений, приказал «расстрелять на месте немецкого шпиона», и двое его орлов уже приготовились. Спасли меня, вы не поверите, немцы:

показалась их немаленькая колонна, с мотоциклистами впереди — они и дали издали пару очередей. Дерганный со своими попрыгали в полуторку и драпанули, а я, пока не заметили немцы, припустил в лес. Что хуже всего, у дерганого остались все до единой мои бумаги: не только документы, но и фотокарточка Наташки, и пара писем...

И снова я шагал в одиночестве, как тот Робинзон Крузо, и даже без Пятницы — где перелесками, где пустыми дорогами. Часов через несколько наткнулся на воинское подразделение, числом до роты, без строя и не в ногу идущее на восток. За старшего у них был майор, имелось аж три капитана, два «максима» катили...

Я по всей форме доложил майору, и он разрешил присоединиться. Насчет обстановки он меня не обрадовал: выходило, что немцы уже со всех сторон, и неизвестно, насколько обогнали, так что мы в полном окружении. И спросил с подначкой: «Ты что, от самой границы драпаешь?» Неприятная была рожа. Не стал я ему рассказывать подробности, сказал просто: «Из Минска». Хватит, думаю, с него...

Прошел я с ними немного — и быстро определил, что за публика. Сбродные из разных частей, а никакое не воинское подразделение: тут и пехота, и несколько кавалеристов, и артиллеристы, и саперы. Майор и один капитан были пехотными, а остальные двое — сапер и военюрист.

Я пошел с офицерами, пытался их порасспросить, но получалось плохо, злые они были, угрюмые, отвечали сквозь зубы, а один и вовсе отмалчивался. Выходило, что везде одно и то же: повсюду немцы, серьезных боев не видно, немецкие самолеты ходят по головам при полном отсутствии в небе сталинских соколов, мотоциклисты и танки выскакивают, как чертики из коробочки, в самых неожиданных местах, и совершенно непонятно, где

наши главные силы, которым давно пора малой кровью, могучим ударом обрушиться на врага...

Мы, командиры, шли впереди, метрах в пятнадцати от солдат, и, чтобы они не услышали лишнего, чуть ли не шепотом обсуждали животрепещущую тему: почему так вышло, почему немец прет, а мы в первую же неделю войны оставили Минск? И почему германский пролетариат себя ведет совсем не так, как мы ждали?

Пехотный капитан был самый оптимистичный. Говорил: по его глубокому убеждению, немцев попросту заманивают поглубже, как это сделал Кутузов с французами в тысяча восемьсот двенадцатом году. Пусть они растянутся, распылят силы, и тогда все случится, как в знаменитом кинофильме «Если завтра война...»: все небо будет в наших самолетах, все поля — в наших танках, а там пойдет и матушка-пехота с развернутыми знаменами и военными оркестрами. Вот только мне показалось, что убедить он хотел не нас, а в первую очередь себя...

Майор был настроен гораздо более уныло. Говорил, что проходил уже это в двадцатом году: тогда они браво двинулись на Варшаву, рассчитывая еще и на то, что польский пролетариат повернет штыки против пилсудчиков. А там, как объяснил в приказе Тухачевский, через труп белой Польши пойдем к мировому пожару. Вот только ничего из этого не вышло, у польского пролетариата национальное взяло верх над классовым. Тухачевский все это время сидел в Минске, войсками управлял исключительно по телеграфу, и когда поляки повалили столбы с проводами, произошло известно что... Так что майор на германский пролетариат не особенно и надеется.

Саперный капитан отмалчивался. Военюрист, в общем, тоже, только время от времени угрюмо бурчал одно и то же:

— Измена, к бабке не ходи... Не всю сволочь в тридцать седьмом году повывели...

Что до меня, я твердил одно: не по моим кубарям рассуждать о высокой стратегии, вот я и не берусь. Это была правда, но не вся — в глубине души я был склонен прислушаться скорее к утрюмому военюристу, чем к пехотному капитану. Не верилось мне во внезапное нападение. Уж я-то знал, сколько информации о накопивших немаленькие силы у границы немцах добыла пограничная разведка, — у нас на той стороне хватало надежных людей. Всю эту информацию пограничники не в погребе солили, как капусту, а передавали в Москву — а там сидели не сопливые лейтенанты.

(Уже после события, выбравшись к своим, я узнал кое-что, в первую очередь на версию об измене и работавшее. Оказалось, еще восемнадцатого июня из Москвы в приграничные военные округа пришел приказ: вывести войска из лагерей и привести в боевую готовность, военные самолеты на аэродромах рассредоточить. А за несколько часов до нападения немцев товарищ Берия отдал приказ пограничным войскам: занять окопы и боевые позиции, быть готовыми ко всему. Так вот, приказ выполнили все военные округа — кроме Западного особого, которым командовал генерал Павлов. Войска не тронулись с места, самолеты не то что не рассредоточились — с них сняли пушки и пулеметы, а во многих местах орудийные замки увезли в Минск якобы на какую-то проверку. Что вышло в итоге? На севере и на юге Ворошилов и Буденный отступали, что правда, то правда, но в строгом порядке, даже с контратаками, немцам, как ни старались, так и не удалось оторвать от них и окружить более-менее крупные части. А вот через Белоруссию, то есть генерала Павлова, немцы прошли как нож сквозь масло, все окружения, разгром и нескончаемые колонны

наших пленных — это Белоруссия. Прикажете поверить, что Павлова расстреляли зря? Мы тогда уже думали, что это — недострелянные остатки заговора Тухачевского...)

Мы шагали, пыля сапогами, унимая ворчавшие кишки, — все равно ни еды, ни воды. Что хуже всего, дорога не шла строго по компасу с запада на восток — порой петляла, отклонялась к другим сторонам света. Тогда шли напрямик (у майора был компас), то голыми равнинами, то, гораздо чаще, лесом — лесистые были места. По дороге попались две немаленьких деревни, издали удалось рассмотреть, что и там немецкие машины и танки, пришлось давать крюк. Казалось, немцы были везде. Понемногу создавалось устойчивое впечатление, что они не просто обошли эти места справа или слева, а заняли весь немаленький район и впереди, на востоке — тоже уже немцы, рано или поздно мы в них упремся, и обойти ни за что не удастся...

Майор не говорил вслух, но, оказалось, именно так и думал. Когда перевалило за полдень, он выстроил солдат на большой поляне и толкнул форменную речь. Сказал, что уверен: мы в полном окружении, и нас, если будем двигаться в прежнем порядке, скоро обнаружат и задавят числом, а то и гусеницами. А потому он как старший по званию приказывает: закопать пулеметы (замки отдельно), разбиться малыми группами и выходить к своим самостоятельно. Сам он пойдет с командирами, и чтобы никто к ним не набивался.

Руки чесались достать пистолет (мне выдали в Минске ТТ) и загнать ему пулю в лобешник. С точки зрения устава он был никакой не командир части, но как кадровый военный должен был понимать: подразделение, пусть с бору по сосенке сколоченное, после такого приказа боеспособным подразделением быть перестанет, рассыплется черт знает во что...

Но я сдержался. Не стоило переть против доброй сотни вооруженных людей. Видел, что солдаты приказ приняли большей частью с облегчением, иные даже с одобрительными возгласами — мол, такую толпу и с самолетов в два счета перешелкают, а танки... Ну что мы можем танкам сделать без единой гранаты? А так — ловчее будет к своим пробираться, а там, смотришь, и наши главные силы подойдут. В таком вот духе. Военюрист, по лицу видно, думал то же, что и я, — явно пришел к тем же выводам, что и я, вот и получилось, что плетью обуха не перешибешь...

Пулеметы и замки закопали, наскоро разбились по трое-четверо и стали расходиться, будто — тьфу! — публика после спектакля. Мне майор предложил идти с ними, но я отказался, особенно не раздумывая, — не мог видеть эту рожу. Какое-то время по-дурацки торчал на поляне, где людей становилось все меньше и меньше, совершенно не представляя, что же теперь делать. Тут ко мне и подошли двое, судя по ухваткам, кадровые, с пехотными эмблемами в петлицах — один моих лет, с винтовкой и противогазной сумкой через плечо, а второй лет на пять постарше, с кавалерийским карабином и двумя треугольниками в петлицах: командир отделения, по тогдашней терминологии, комотд (или, как солдаты по-свойски говаривали в отсутствие командиров, попросту «комод»), оба без головных уборов. Молодой сказал:

— Давайте вместе, товарищ старший лейтенант? Коли уж пограничник, места эти знаете...

И мы пошли втроем. Молодого звали Тарас, а комотда — Василий. Особенно мы не разговаривали — так, поначалу. Оба не без осторожности интересовались, что я, как командир Красной армии да вдобавок пограничник, человек, информированный побольше простой пехоты, обо всем происходящем думаю и как, по-моему, события

будут развиваться дальше (оба были белорусы, хотя и не из этих мест). Я отвечал тоже с некоторой осторожностью: по-моему, все немецкие успехи объясняются коварной внезапностью удара, и, вне всяких сомнений, вскоре развернутся наши главные силы и выметут врага с нашей земли поганой метлой. При моих последних словах они переглянулись, как мне показалось, иронически, и комотд проворчал:

— Вторую неделю разворачиваются, знать бы только — где...

Слова его и тон мне не понравились. В другое время я бы его как следует распек за такие настроения, но время и место были неподходящие. Да и сам я не мог избавиться от тягостного недоумения: где же наши?

Шли долго лесом. Через пару часов наткнулись на небольшую деревушку и быстро определили, что немцев там нет, — а потому рискнули и пошли туда в полный рост, они с оружием на изготовку, а я с рукой на расстегнутой кобуре. Но немцев там, как и представлялось, не оказалось. А там и местные вышли во дворы. Смотрели на нас без тревоги и любопытства — но и, сразу видно, без дружелюбия. На наши вопросы отвечали неохотно: немцев пока что не видели, а вот наши солдаты (или, как они выражались, «радянские») пару раз через деревню проходили, и оба раза «на восход» (то есть на восток), просили поесть и напиться, а на вопросы, что творится, не отвечали, только один проворчал: «Нам бы кто обсказал, что творится...» И уже было известно, что «немчуки повсюду прут на железных самоходах» и носятся по небу как хотят, вообще говорят, что они уже всю Беларусь заняли и в Россию пошли, а «радянских» войск что-то не видно.

Дали нам напиться, дали хлеба, пару головок лука и даже кусочек сала — но с такими лицами, словно ка-

лекам одолжение делали. А одна бабка так и заявила в лицо:

— Столько лет вас кормили, а вы теперь от немцев драпаете...

Ну что тут скажешь? Пошли мы из деревни как оплеванные. А у околицы шипали травку гуси. Молодой, не заботясь, видит его кто из деревенских или нет, проворно сцапал одного, вмиг свернул шею и засунул в противогазную сумку, вытряхнув оттуда противогаз. Так, словно меня здесь и не было вовсе. Все же покосился на меня и обронил словно бы даже с вызовом:

— Если так дальше пойдет, все равно немцам достанется. А мы без жратвы далеко не уйдем...

И я, знаете, промолчал: не та была обстановка, чтобы ставить его по стойке «смирно» и напоминать о моральном облике советского красноармейца. Да и, положив руку на сердце, живот подвело, гусь был очень кстати...

Отошли мы от деревни недалеко, наткнулись на тихий ручеек в редколесье, возле него и устроились. Харч, что раздобыли в деревне, для нашей оголодавшей троицы был на один зуб, только подразнил животы...

У Комода (мужик явно был хозяйственный) нашлись и перочинный нож приличного размера, и спички. Ошипывать трофей он поручил Молодому, а потом сам сноровисто выпотрошил гуся, отрезал лапы и голову, разрезал на четыре части. Собирать хворост отправил Молодого, а сам срезал зеленые ветки, из двух смастерил рогульки, а третью заострил и использовал как вертел — ну правильно, сырая ветка не загорится так быстро, как сушняк.

Развели приличный костер, поварские обязанности Комод взял на себя и старательно поворачивал жаревое над невысоким прозрачным пламенем. Большая дорога, оказалось, пролежала не так уж далеко — мы из своего расположения ее не видели, но отчетливо расслышали

шум машин, громыхание танков, шум конского обоза. С некоторых пор звуки эти раздавались едва ли не непрерывно — легко можно было догадаться, что идут немаленькие колонны. Один раз донесся треск мотоциклов — опять-таки, судя по затянувшемуся надолго тархтенью, проходило немалое количество.

— Немцы, — уверенно сказал Комод, медленно поворачивая уже зашкворчавшую гусятину.

— А может, наши, — возразил я без особой убежденности.

— Наши танки лязгают иначе, — сказал Комод. — И машины фырчат иначе. За неделю наслушались... Точно немцы. Дорога идет аккуратно на восход, вот они и катят...

Сам я думал в точности так же — не наши танки едут и не наши машины, — но промолчал. И так было тошно. От гуся уже тянуло аппетитными запахами, но нужно было выдержать еще немного, чтобы не лопать полусырое, — уж настолько-то мы пока что не одичали...

Когда гусю оставалось совсем немного, я почувствовал позывы в животе — вполне возможно, после голодовки сало с луком дали о себе знать. Я отошел метров на пятнадцать в лес и устроился в зарослях изрядно вымахавших диких лопухов, крайне подходящих с практической точки зрения.

Пронести, слава богу, не пронесло, но тянулось долго. Еще издали, возвращаясь к костру, я увидел, что спутники мои оживленно беседуют. Именно что увидел, а не услышал, — они прямо-таки шептались, сблизив непокрытые головы. И когда у меня хрустнула под сапогом сухая ветка — я и не крался, шел нормально, — оба друг от друга отшатнулись, замолчали.

Что-то это мне не понравилось, но я не показал виду, сел на прежнее место — но ухо держал остро. Такие вот шепотки, учитывая окружающую обстановку, могли обер-

нуться чем угодно. Перед полуднем, когда я часа два прошагал с «командой» майора, вдруг четверо солдат опрометью кинулись в лес, в том месте особенно густой. Вмиг исчезли с глаз. Майор сделал единственное, что мог, — запустил им вдогонку матерную тираду, а потом сказал:

— То-то ночью на привале долго шушукались... Хохлы западные, мать их так...

Вот и гусь, пожалуй что, готов. Соли нет, ну да в нашем положении не до капризов. Комод снял прут с аппетитно пахнущей жарехой с изрядно прогоревшего костра, положил его на заранее приготовленную кучу лопухов. А потом вдруг подобрал с травы карабин и целеустремленно, с видом человека, знающего, что он делает, направился прочь от костра. Я ничего не успел сказать — он остановился метрах в пяти, повернулся к нам и сказал спокойно:

— Поговорим, лейтенант...

Молодой проворно вскочил, подхватил свой винтарь и, клацнув затвором, встал в сторонке, метрах в пяти от меня, целя не в лоб, но все же в мою сторону, так что я оказался под прицелом с двух направлений.

Ситуацию я оценил моментально и понял, что шансов нет ни малейших. Патрон у меня все эти дни, как только выехали из Минска, был в стволе, но это ничем не помогло бы: кобуру я, может, и успею расстегнуть, но не дадут мне выхватить пистолет и снять курок с предохранительного взвода, достанут не из одного ствола, так из другого, Комод затвор не передергивал, но патрон у него явно в стволе...

В голове пронеслось: вот это влип! О немецких диверсантах к тому времени широко ходили слухи. Иногда это были дурацкие побасенки (вроде такой, что у диверсантов есть рации размером с пачку папирос, по которым они вызывают немецкие самолеты). Однако я в силу

службы немало знал о реальных диверсантах, ничуть не похожих на киношного идиота Дедину, притворявшихся безукоризненно. Даже если они не диверсанты, а просто сволочь, решившая переметнуться к немцам наподобие тех западных украинцев, мое печальное положение от этого не меняется — сдадут немцам в знак своей полной лояльности. Может, для того и пригласили с ними идти — в качестве этакой контрамарки. Безусловно, они решение не сейчас приняли, чуток пошептались — должны были заранее обдумать и обговорить... Глупо как попался...

Впечатление такое, что Комод понял, о чем я думаю.

— Ты не думай, мы не изменники какие, — сказал он. — Будь мы предатели, давно бы вышли к дороге и сдались немчукам. Да и тебя бы прихватили как пропуск для новой власти. Просто решили мы, братовья сродные¹, что отвоевались напрочь. Ясно уже: что-то крепенько идет не так. И техника по дорогам пылит исключительно немецкая, и над головой исключительно немецкие самолеты носятся. И нет той оравы советских танков, про которую до войны завлекательные кина крутили. Может, ее и вовсе не было, той оравы, пропаганда все... Похоже на то, что немчук пришел обстоятельно и надолго, очень может быть, и насовсем. Еще немножко прошагать — и начнется Россия, а наша с Тарасом деревня не далее чем верстах в семидесяти, если забирать к юго-востоку. Вот и решили выйти из войны, устраивать жизнь при новом обороте дел...

Что хуже всего, он говорил без злости и даже без злорадства — веско, рассудительно, с этакой крестьянской сметкой, словно будущий урожай прикидывал. Честное слово, было бы легче, начни он орать, что ненавидит красных и всю советскую власть...

¹ То есть двоюродные.

— Ах вот оно что, — сказал я со всей язвительностью, на какую был способен. — Полагаешь, немцы вас будут салом с салом кормить?

— Не полагаю, — сказал он все так же рассудительно. — С чего бы вдруг? Однако жизнь, полагаю, наступит совершенно другая. Немцы колхозов не одобряют, значит, будут раздавать землю крестьянам. Понятно, что-то себе возьмут, как же без этого, но и люду немало останется, сколько тех немцев...

— Ах вот оно что, — сказал я. — Если прикинуть... В коллективизации ты явно был не хлопцем, а здоровым парнем... У папаши, наверно, землицы было преизрядно? Столько, что до сих пор жалко?

— Мимо мишени, лейтенант, — спокойно сказал Комод. — Земли у него было не много и не мало. Столько, что и под раскулачивание не попал, но в колхоз¹ нас, ясное дело, загнали. А теперь есть нешуточная надежда и старую вернуть, и новой прирезать. Раньше как-то случая поговорить не было, кто откуда... Ты, по тебе видно, городской?

— Городской, — сказал я сквозь зубы.

— Вот... Значит, деревни не знаешь. А у крестьянина испокон веков одна мечта: как бы не только нынешнюю землю не потерять, но и новой добавить. Даже Сталин как-то сказал на людях: мужик, мол, на все на свете смотрит с точки зрения землицы — добавят или убавят? Ну головастый же человек, хоть и перехитрили его, судя по всему, немцы. Думаю я, во всех странах, где крестьяне есть, мужик так именно и думает. Вот и решили жизнь обустроить. Доберемся домой околицами, зброю² припрячем, форму либо спалим в печке, либо в навозе

¹ Колхоз.

² Оружие.

закопаем и заживем спокойно. У меня жена и двое по лавкам, у Тараса нареченная, ждать обещала, и девка такая, что непременно дождется. Крепко я сомневаюсь, что от немца будут обиды. Немцы — культурная нация. У меня отец в ту войну два года был в плену в Германии, так до сих пор добром вспоминает. Работал у справно-го хозяина, за одним столом с хозяевами ел, на перине спал, как помещик. Я, когда стал постарше, понял по некоторым намекам за самогоном с его друзьями, что он еще и хозяйскую дочку в сарае валял с полного ее согласия. Вот и я надеюсь, что от культурной немецкой нации ущерба не понесем, наоборот, жить будем, как люди, не за палочки в журнале работать, а для себя и деток...

— Ну-ну, надейся, — хмыкнул я. — Понадеялась свинья, когда ее на свадьбу звали, что ее плясать зовут...

— Глупости говоришь, — сказал Комод словно бы даже с превосходством. — Нечего человека со свиньей равнять, свинья для сала и существует, а человек, если честно работает, достаток приобретает... Лейтенант, давай с нами? Честью предлагаю, без задней мысли. Что тебе теперь эта армия? Старая граница рухнула, а новая неизвестно когда образуется. Деревня у нас большая, не захолустная, даже электричество есть, и райцентр в паре всего верст, там железная дорога и кино... Девки у нас одна другой краше, а вот парней страшная нехватка из-за мобилизации. Подберем тебе красивую, работающую, покладистую на характер... Ты ведь, говорил, неженатый? Даже если походил по девкам, все равно не знаешь, как это приятно — с молодой женой постельку мять. Пахать-сеять ты, конечно, не умеешь, да мало ли в деревне других ремесел? Вот у тебя значок кавалерийский, значит, с конями обращаться умеешь. Только ты теперь не красный кавалерист, про которых былинные речи-стые ведут рассказ, — а непонятно даже и кто. А в де-

ревне со знанием коней не пропадешь. А, лейтенант? Ты подумай, я не тороплю...

— А нечего тут думать, — угрюмо отозвался я. — Я присягу принимал. И вы ведь тоже...

— Принимали, — сказал Комод. — Только кто ж виноват, что нас запихнули в ситуевину, когда присягу, хоть ты лоб себе разбей, не выполнишь? Честное слово, мы б с Тарасом и в мыслях не держали до дому подаваться... Если б были окопы, где все б сидели, да с пушками и пулеметами, да с танками, да с «ястребками» в небе. Только не получилось никаких окопов. Танков на обочинах видели с дюжину — и все они не немцами спаленные, а танкистами брошенные, целехонькие. «Ястребок» видели только один, и тут же на него немцев штук несколько навалилось, враз запалили... Слаб оказался Иосиф Виссарионович, все пшиком обернулось... Значит, не идешь? Ну, сам себе дорогу выбрал, нечего тут речи разводить... Тарас, прихвати жаренину, только лейтенанту кусок оставь, чтобы ноги не волочил...

Молодой, придерживая одной рукой направленную на меня винтовку, присел на корточки, снял прут с рогулек и переправил гусятину в противогазную сумку. Комод сказал спокойно:

— Ну, не поминай лихом, лейтенант...

Оба отступили в чашу, влоборота, держа меня на мушке, — и, когда пропали с глаз, судя по треску веток и кустарника, припустили бегом, чтобы оказаться от меня подальше. Я не шелохнулся. Бесплезно было. Даже вспыхни у меня желание догнать их и всадить по пуле за нарушение присяги и дезертирство, к тому же с боевым оружием, — где их искать, и пытаться нечего. Говорится же, что у беглеца сто дорог, а у погони — одна...

(В сорок четвертом я попал в Белоруссию, служить на границе с Польской Народной Республикой. И поин-

тересовался судьбой той деревни — Комод сказал ее название. Судьба ей, как и сотням других деревень, выпала незавидная — немцы ее в сорок втором спалили дотла, угнали в Германию тех, кто помоложе, а остальных, кто не успел убежать в лес, расстреляли. Культурная нация, ага. Вполне могло оказаться, что и те двое попали под раздачу. Никакого злорадства я по этому поводу не испытывал — сами себе дорогу выбрали, что тут скажешь...)

Благородно мне оставили четвертушку гуся, причем с ногой. Не раздумывая долго, я отломил большую часть и съел без хлеба и соли, обглодав и обсосав косточки. Остаток завернул в лопух и упрятал в карман галифе — просалится карман моих шикарных синих бриджей, да что теперь их беречь...

Вытерев лопухами жирные руки, напился впрок из ручейка и зашагал на восток, уже бодрее, чем до того, — неплохо подзаправился. Понемногу шум на большой дороге становился все тише, а там и вовсе пропал — определенно я забрал влево, как бывает с человеком без компаса в лесу без тропинок. Шагал, и в голову поневоле лезли разные мысли...

Прежде всего я гадал о судьбе друзей-товарищей в зеленых пограничных фуражках. Уж они-то ни за что не стали бы драпать на восток. После войны стало известно, что так оно и произошло, достойно встретили немца войска товарища Берии, занявшие оборону еще в ночь перед немецким нападением. Вот только об участии многих застав, отрядов и комендатур мы ничего не знаем до сих пор и никогда уже не узнаем — живым оттуда никто так и не вышел...

Подумав тревожно о людях, я подумал и о своем Абреке — с ним-то что приключилось? Комод не на пустом месте назвал меня «красным кавалеристом» — я им и был. В городе у нас был ипподром, и давно, еще

до того, как я вошел в пионерский возраст, там сколотилась группа мальчишек (было и немного девчонок), которые там пропадали, за что иногда получали дома втык — когда это шло в ущерб выполнению домашних заданий и чтению книг. Убирали в стойлах, а потом нам доверяли и поить коней, и чистить скребницами. Все, кто работал на ипподроме, относились к нам хорошо, если видели, что это не минутный каприз, а серьезное увлечение. Иногда доверяли даже немного проехаться верхом — в виде особого поощрения. И многие из «юных кавалеристов», как нас кто-то прозвал, достигнув призывного возраста, стремились как раз в кавалерию — и многие попадали. Вот и я, прикипев душой к коням, когда подошел мой год, попросился в «синие петлицы». В военкомате я был такой даже не десятый, но капитан рассудил иначе — и петлицы мне достались не синие, а зеленые, направили в Харьковское кавалерийское пограничное училище. Там я и заслужил значок «Ворошиловский конник» — гораздо более редкий, чем «Ворошиловский стрелок». Он и теперь красовался у меня на гимнастерке рядом с «Ворошиловским стрелком». До войны их разрешалось носить на гимнастерках, но после начала войны они как-то быстро с военной формы исчезли. Нет, не было запрещающего циркуляра — просто-напросто как-то и неуместно показалось носить посреди грохотающей войны мирные значки довоенного, во многом беспечного времени...

Потом лес стал редеть, и я вышел к довольно широкой, наезженной дороге. Почва здесь была песчаная, дожди давно не шли, и следы легко читались — пограничник должен уметь разбираться во всевозможных следах. Больше всего их было от копыт и тележных колес, но среди них виднелись и оставленные безусловно автомобильными шинами — одним-единственным авто-

мобилем, явно тут проходила не колонна, а одинокий самоход, очень похоже, что не грузовик или легковушка, а тяжелый бронеавтомобиль, типа БА-10.

После недолгого раздумья я и двинулся по дороге — она вела на восток, пусть и не прямехонько, а с некоторым отклонением к северу, но не особенно большим. Разумеется, непонятно было, иду я к деревне или от деревни (такая дорога свидетельствует, что неподалеку есть деревня, очень возможно, и немаленькая), — откуда на такой дороге указатели и таблички? Но, в конце концов, передо мной стояла самим собой поставленная задача — не людей искать, а продвинуться как можно дальше на восток. Впрочем, если места достаточно оживленные, может, и удастся разузнать обстановку. Лишь бы там не было немцев, казавшихся уже вездесущими...

А там меж деревьями показалась и околица, первые деревенские дома. Вот тут следовало держать ухо востро, чтобы не попасть как кур в ошип... Присмотрев местечко, где подступавший к околице лес был погуще, я укрылся за толстой елью и стал наблюдать в четыре глаза, слушать в четыре уха.

Определил я правильно: через пару домов от крайних стоял бронеавтомобиль БА-10, серьезная машина на трех осях, с танковой пушкой в башенке. Калибр я с ходу определить не смог (он мог быть и тридцать семь миллиметров, и сорок пять), но такие подробности были мне совершенно ни к чему. Гораздо интереснее другое: башенный и бортовой люки распахнуты настежь, и по броневику, азартно перекликаясь, лазают с обезьяньим проворством с полдюжины босоногих мальчишек. Двое гордо восседают на башенке, один подтягивается на стволе пушки, как на турнике (башня повернута так, что пушка смотрит в сторону), а еще двое — мать же твою! — вертят в руках снаряд от пушки. Хорошо еще,

просто разглядывают, но если один из огольцов трахнет камнем по капсюлю...

В том доме, возле которого стоял бронеавтомобиль, возилась в огороде женщина, не обращая никакого внимания на забавлявшихся со смертоносной шутоквиной ребятишек. Она была ко мне спиной, но, судя по оплывшей фигуре, уже в годах. В доме слева мужик лет пятидесяти лениво что-то делал с тележным колесом. Доносился, так сказать, повседневный собачий брех. Поблизости слышался стук топора — судя по интервалам между ударами, рубили дрова. Наконец, слева щипал травку табунок гусей. Судя по всему — особенно последнему обстоятельству, — немцев в деревне не было, может быть, еще не появлялись вообще. Иначе бы точно не обошли вниманием гусей, наверняка и бронеавтомобиль. Капитан рассказывал: два дня назад они встретили на дороге тройку БА-10 и обрадовались было, но вовремя заметили на бортах свеженамалеванные немецкие кресты, черные с белой каймой. Укрылись в лесу, но броневики их обстреляли и покатали дальше, — а за ними тянулись грузовики с немецкой пехотой.

Положительно, деревня жила мирной жизнью, как до войны... И я решился: вышел из-за дерева и направился в деревню, предварительно все же расстегнув кобуру и продумав пути отхода — если не так возвышенно, прикинув, как в случае чего со всех ног припустить в лес.

Пацанята меня заметили — и дружно припустили вдоль по улице, только босые пятки мелькали. Снаряд те двое бросили — ну, он от сотрясения не взрывается, не то что иные артиллерийские калибры с ввинченными взрывателями... Я подобрал его и осмотрел — капсюль целый. Заглянул в броневик: там на своем месте лежали пулеметные диски, а в решетчатом ящике торчали острые головки снарядов — все на месте, только одно

гнездо пустое, вот он, снаряд оттуда, лежит в пыли у моих ног. Помянул недобрым словом экипаж — машину они, предположим, бросили, потому что кончилось горючее, причина самая что ни на есть уважительная, но вот бросить снаряды там, где детвора запросто могла подорваться... Боекомплект целехонек — значит, за все эти дни с немцами ни разу в бой не вступили. Драпали, обогнав пехоту, или попросту не выпало случая повоевать? Да ну их к черту, незачем ломать голову...

Неплохо было бы прихватить с собой пулемет с парочкой дисков — но замучаешься тащить, и, что важнее, в одиночку против колонны не много и навоюешь, даже с двумя пулеметами... Так, приборная доска вдребезги разбита, сразу видно, не спеша и обстоятельно: ни одного целого циферблата, только осколки стекла на полу, стрелки либо погнуты-вмяты, либо выломаны. Хоть об этом позаботились, моторные. Да и пулемет без замка...

Сзади раздался звонкий тенорок:

— Интересуетесь, военный товарищ в синих штанах?

Я вздрогнул от неожиданности, но тут же взял себя в руки и не спеша вылез. Спрашивал старичок в поношенном пиджаке со значком давным-давно отмененного общества «Друг детей», с редкой сивой бородкой на манер всесоюзного старосты товарища Калинина. Судя по лукавой хитрованской физиономии, здешний дед Шукарь, изволите ли видеть.

Оказалось, за то недолгое время, что я осматривал нутро броневедомки, возле него собралась немалая кучка деревенских: злоязычный «друг детей», две старухи, мужик крепко за сорок, три женщины того же примерно возраста и два юнца старшеклассных годков — оба, кроме комсомольских значков (они тогда были не с профилем Ленина, а с буквами КИМ в кружочке — Коммунистический интернационал молодежи), щеголя-

ли и неплохим набором значков других: тут и «Ворошиловский стрелок», и БГТО, и ПВХО¹. И та женщина, что возилась в огороде, смотрела на нас, подойдя вплотную к невысокому хлипкому заборчику.

Подходили еще двое мужчин и две женщины — ну форменное тебе «по улицам слона водили»... Их взгляды оптимизма не внушали: двое мальчишек, правда, тарасились чуть ли не восторженно, а взрослые смотрели хмуро, недружелюбно. Навидался я уже таких взглядов за последние дни. У таких язык не повернется еды в дорогу просить. Ладно, перебежую, кусманчик гусятины есть, разве что попросить какую-нибудь баклажку или пустую бутылку под воду... Уж напиться, я думаю, дадут...

— Отступаете, значит, военный товарищ? — спросил язвительный дедок, светясь улыбочкой и поглядывая искоса на односельчан с видом успешного клоуна.

— Так сложилось, — ответил я.

— Поди, на заранее подготовленные позиции?

Тут уж я промолчал.

— В точности как в ту германскую, — сказал мужик в годах с тем напускным бесстрашием, что хуже явной насмешки. — Тоже орали все поначалу, с батюшки-царя начиная: шапками закидаем, на вилы взденем, как сноп соломы... А потом насмотрелись... Сидишь в окопе с винтовкой, а он «чемоданами»² забрасывает...

— Да что вы такое говорите, дядя Рыгор! — воскликнул негодуя тот из комсомольцев, что был повыше ростом. — Сравнили тоже царские времена с советскими! Красная армия, я так полагаю, разворачивается для решающего удара...

¹ Готов к труду и обороне; Готов к противохимической обороне.

² «Ч е м о д а н» — крупнокалиберный снаряд.

— Развернули младенца — а он обкаканный... — проворчал мужик.

Тот, что пониже ростом, спросил звенящим голосом:

— Товарищ лейтенант, а нас призывать будут? Мы в аккурат десять классов кончили в райцентре, винтовку знаем и наган, в противогазах кросс бегали...

Стоявшая рядом женщина залепила ему смачный подзатыльник и прикрикнула:

— Без тебя, сопля, повоюют!

— Без тебя успешно отступят, — поддержал глумливый дедок. — До самого до Кремля, с которого, в каком-то стихе говорится, вся земля начинается...

— Да что вы такое говорите? — воскликнул парнишка чуть ли не со слезами на глазах. — Кто ж их пустит? В Кремле товарищ Сталин!

— Может, уж не в Кремле, а в Бугульме... — проворчала та баба, что отвесила ему подзатыльник.

Видя, что готова разгореться свара, я поспешил вмешаться:

— Есть другой вопрос, товарищи. Сельсовет в деревне есть?

— Куда ж без него, — сварливо ответила воинственная баба. — Деревня большая, сельсовет полагается... Только председатель как уехал третьего дня в райцентр, так и не вертался, хоть до райцентра и девяти верст не будет... А что?

— Надо бы насчет этого что-нибудь придумать. — Я тронул носком сапога лежавший в пыли снаряд. — Их там много, рсбятишки подорваться могут. Вы, я так понимаю, воевали? — повернулся я к мужику.

— Два года винтовку таскал за бога, царя и отечество, — мрачно сказал он. — Потом красные мобилизовали. Снаряд, конечно, штука опасная, это мы понимаем, да вот руки не дошли...

— К Левонтию их в колодец покидать, — предложил дедок, кивнув на близлежащий дом. — Он партийный, ему как бы и положено. В колодце-то не рванут, военный товарищ?

— Не рванут, — сказал я.

— Вот и ладненько, — кивнул дедок. — Все равно Левонтий в отъезде. Вчера запряг лошадку, посадил жену с дитем, два узла прихватил и покатил неизвестно куда. Он партийный, а партийных, слух прошел, немец крепко не одобряет...

— Надо что-то придумать со снарядами, — сказал я. — Ваши ж дети... А как с машиной было? — спросил я, кивнув на броневомобиль.

— Обыкновенно, — охотно ответил дедок. — Закатила она в деревню, замолчала и встала. Один сказал сквозь зубы: горючка кончилась. Мы их не особо и спрашивали: бешеные какие-то все трое, зыркают по-звериному, за кобуру хватаются. Поесть попросили, не так чтобы по-хорошему, люд собрал того-сего от греха подальше, они и ушли своей дорогой. А что вокруг делается, военный товарищ? Вы, я так понимаю, из командиров будете? Вон Гринька вас лейтенантом назвал. А вот я, уж не гневайтесь на скудоумного, что-то ничего флотского в вас не усматриваю. Я при царе Александре Последнем службу во флоте отбывал, так только на флоте и были лейтенанты, а на суше — исключительно что поручики...

Не было никакой охоты читать ему лекцию о советских воинских званиях, и я ответил сухо:

— Теперь и на суше лейтенанты есть.

— Скажите пожалуйста! — делано изумился вредный дедок. — Вот она как жизнь меняется причудливо. И броневики раньше были гораздо ледашее. — Он посмотрел поверх моего плеча на броневомобиль. — И ползучих танков в ту войну не было...

— Были, — хмуро поправил мужик. — Это у нас не было, а в других державах были. Тимоха Стус во Франции воевал с нашей пехотой, так там были железные и ползучие... С пушками.

— И тут недосмотрел проклятый царизм! — отозвался дед. — Везде были, а у нас не было, — оглянулся на комсомольцев. — Хлопцы, я ведь политически правильные речи веду?

— Правильные, — сказал тот комсомолец, что повыше, уже несколько сумрачно. Лица у обоих уже не казались мне восторженными.

— И нынешние танки, надо полагать, проворнее и основательнее тех будут? — спросил дед. — Видел я раз издали, как они по тракту шли — здоровенные, больше хаты, и башенок с гарматами¹ у них было по пять даже штук, а не по одной, как вот у этого... Лучше ведь советские танки старорежимных?

Тут чуялся подвох, но я все же кратко ответил:

— Лучше.

— Отож! — воскликнул дед. — И танки лучше, и аэропланы проворнее, а все одно который день отступают товарищи военные со всех ног..

Словно некий спусковой крючок нажал, ехидна старая, — женщины наперебой загомонили:

— Который день тянутся на восход, защитнички!

— А радио со столба орало: несокрушимая, мол, легендарная... Где несокрушимая?

— Выходит, и наши детки вот так от немца бегут, если живые?

А одна бабенка, нахально глядя мне в глаза, громко пропела:

¹ Гармата — пушка.

Ворошилов на баяне,
Сталин пляшет трепака.
Проплясали всю Расею
Два кремлевских дурака!

Последовал общий хохот разной степени веселости. Оба комсомольца дернулись было, но, поглядев по сторонам, угрюмо молчали.

И снова:

— Так и до Москвы допятитесь!

— Сколько вас кормили? Не в коня вышел корм!

Я стоял как оплеванный — не мог найти слов, да и не помогли бы тут никакие слова. Не за пистолет же хвататься? И главное, самому непонятно: где несокрушимая и легендарная?

Не походило пока что, будто они собираются накинуться с рукоприкладством, но легче от этого не стало: слова были хуже оплеух. Я стоял, не зная, куда девать глаза, а они подступали все ближе, кричали все громче, звучали вопросы, на которые у меня не было ответов, ядовитые реплики, за которые совсем недавно насиделись бы в НКВД от зари до заката. Комсомольцы совсем сникли, а бабы — их набежало уже десятка полтора, и двое мужиков подошли, — такое впечатление, старались перекрычать друг друга, доходя даже до злословия на вождей. Скорее всего, им просто представился случай сорвать на мне зло и растерянность, — но у меня и своих хоть отбавляй, и даже в сто раз более мучительных: я, в отличие от них, кадровый военный, пограничная разведка, но ни черта в происходящем не понимаю...

И тут раздался женский голос, молодой, звонкий, укоряющий:

— Да хватит вам! Насели на парня как я не знаю кто!

Все моментально замолчали, словно повернули некий выключатель. И даже торопливо расступились на

обе стороны, освобождая проход ко мне. На некоторых лицах — и у язвительного старичка тоже, и у здоровенного мужика, зацепившего империалистическую, — я увидел самый натуральный страх.

Совершенно непонятно, откуда этот несомненный страх взялся, — заступившаяся за меня молодая женщина вроде бы таких эмоций вызывать не должна: не старше тридцати, а то и помоложе, красивая, темноволосая и темноглазая, со скрученной на затылке калачиком косой, одетая в точности так, как здешние, — темная юбка, не домотканая, а «городского пошива», белая блузка, простые туфли. Какая-нибудь местная советская или партийная власть? Было в ней что-то неуловимо властное — осанка, голос, взгляд... Учительница, которую уважают? Секретарь парткома? В таких деревеньках обычно не бывает ни школы, ни парткома...

Она прошла ко мне меж расступившихся (и еще подавшихся назад односельчан) с таким видом, словно их здесь и вовсе нет, остановилась передо мной в каком-то шаге, окинула с головы до ног непонятным, но явно внимательным взглядом, спросила скорее сочувственно:

— От своих отстали, товарищ лейтенант?

— Можно и так сказать, — ответил я посреди всеобщего молчания. — К своим пробираюсь.

— Понятно... — кивнула она. — Устали, наверное, и ноги сбили? Есть хотите?

— Не без этого, — обтекаемо ответил я, искренне надеясь, что не выгляжу жалким и голос звучит бодро.

— Пойдемте ко мне, — сказала она просто. — Обихожу, как смогу. У меня муж в армии, я все понимаю...

Она была красивая, и, что важнее, в ней никак не усматривалось обидного сочувствия, обидной жалости — ни в лице, ни в голосе. К тому же — жена военного. И я сказал:

— Благодарствуйте, — не без радости, что оборвалась неприятная сцена. Спohватившись, отыскал взглядом вояку Первой мировой, сказал ему: — Вы уж со снарядами что-нибудь придумайте, а то вернется детвора, опять возиться начнет, может плохо кончиться.

— Сделаем, товарищ лейтенант, — сказал он торопливо, едва ли не по-уставному. — Тотчас же сам в колодезь к Левонтию покидаю. Даже если и вернется, от них воде вреда не будет...

Смотрел он при этом, что характерно, не на меня, а мимо меня, на женщину. Аллах с ним, мне только и не хватало вникать в местные взаимоотношения... Женщина пошла прочь с таким видом, словно не сомневалась, что я за ней последую, — я и последовал, догнал через три шага, пошел рядом. Спросил:

— Немцев в деревне не было?

— Не наезжали пока, — пожалала она плечами. — В Жовтяны, говорили тамошние, заскакивали. Жовтяны от нас километрах в пяти. — Она показала рукой примерно на юго-восток. — Мотоциклов несколько штук и две машины вроде танков, на гусеницах, только без башен и кузова на манер грузовиков. Особого вреда людям не сделали, разве что наловили кур и гусей, сбили флаг над сельсоветом и укатили. Я так понимаю, они главными силами идут по Гомбелянскому тракту. — Она опять показала рукой. — Никто не понимает, что происходит.

— Я тоже, — сказал я, не дожидаясь вопросов, на которые не будет ответов. — Никто ничего не понимает... пока что.

— Тебя как зовут? — спросила она.

— Константин.

— Женат?

— Нет пока. — Про Наташу я упоминать не стал.

— А я Оксана. Костя, мне вот что непонятно... Ты пограничник, а значок у тебя — «Ворошиловский конник»...

Не было ничего удивительного в том, что жена военного разбирается в таких значках.

— Как тебе объяснить... — сказал я, раз уж мы как-то незаметно перешли на «ты». — Бывают пограничники пешие, а бывают конные. Вот и я такой — пограничный кавалерист, — и не удержался, вздохнул тяжело. — Видела бы ты, какой у меня конь остался, трехлеток, буденновской породы...

— Что же, ты от самой границы... отступаешь?

— От Минска, — сказал я. — Ехал из отпуска на границу, да не доехал, началось...

— Понятно. До наших добраться думаешь?

— Надеюсь, — сказал я. — Рано или поздно кончится же такое отступление. Карту бы мне еще... У тебя чего-нибудь такого не найдется? Атлас какой-нибудь...

— Вот чего нет, того нет... Я тебе потом на бумажке примерно нарисую окрестности. Это, конечно, будет не точная карта, откуда бы мне уметь карты рисовать...

— Для меня и приблизительная будет — настоящее сокровище, — сказал я с неподдельным энтузиазмом. — А то бредешь, как слепой котенок, только по солнцу и ориентируешься, а это сплошь и рядом не помогает... Оксана, неужели ты местная?

— Что, не похожа? — спросила она где-то даже с ноткой кокетства.

— Не особенно, — сказал я. — Пограничники — люди наблюдательные, ремесло такое. И по здешним деревням я поездил год. Одета ты, в общем, вполне по-деревенски, но и говоришь чуточку иначе, и фразы не так строишь, и лексикон чуточку другой...

Было еще кое-что, о чем я промолчал. От нее пахло очень хорошими духами, незнакомыми, но явно неде-

шевыми, классными. Я не большой специалист в женской парфюмерии, служба такого знания не требовала, но аромат ничуть не походил ни на один из популярных, широко распространенных сортов. С другой стороны... Чересчур, мне кажется, духи хороши для захолустной деревни. Ну мало ли откуда у нее такие...

— Костя, ты настоящий майор Пронин¹, — засмеялась она. — Все правильно отгадал. Я городская. Сама из Витебска, пединститут окончила в Минске, а сюда попала по распределению. В Жовтяны, в начальную школу. Там и работаю. Уже год как отработала свой срок, но трудновато найти более подходящее место... Ты вроде бы удивился?

— Ты сама говорила, что Жовтяны отсюда — километрах в пяти, — сказал я. — Неужели каждый день — туда-назад?

— Приходится, — сказала она с улыбкой. — Такова уж доля сельской учительницы... Ну не каждый день, конечно, в особенную непогоду остаюсь в Жовтянах. У меня хорошие отношения с директором, мне выделили комнатку при школе. Правда, особенная непогода здесь редко бывает, очень хороший климат...

— А преподаешь что?

— Чтение, письмо и родную речь. У нас в школе нехватка педагогов, каждому приходится несколько предметов вести... Что ты смеешься?

— У меня в свое время самые плохие отметки были как раз по письму, куча двоек. Даже однажды на второй год собирались оставить. В старших-то классах и выправился, а в младших писал как курица лапой.

— Такой бравый пограничник — и бывший двоечник... Ничего, ты сейчас попал в руки к строгой учитель-

¹ Герой популярных в 30—50-е гг. детективов Льва Овалова.

нице. — Она стала серьезной. — Костя, я тебя покормлю, постираю форму, переночуешь у меня, а завтра пойдешь. Не такой уж еще вечер, но все равно, ночевать придется в лесу под деревом.

— Неплохо, конечно, однако... Ты, я так думаю, одна живешь? Раз муж у тебя военный, он наверняка неблизко от этих мест служит...

— В Одесском военном округе.

— То-то и оно... Что в деревне скажут, если у учительницы посторонний мужчина заночует?

— Скажут, что война. — В ее голосе прорезались словно бы высокомерные нотки. — Да и не станут языками чесать...

Выходит, я угадал правильно — учительница, которую в деревне уважают. Но я собственными глазами видел и ошибиться не мог — не просто уважают, а откровенно побаиваются. Что ж, мы люди взрослые, и я не в трамвайном депо служу. В жизни бывают замысловатые коллизии. Скажем, у нее, выразимся деликатно, особые отношения с некоторыми учреждениями, в деревне это известно, вот ее и побаиваются. Очень жизненная коллизия.

— Ну что, перестал тревожиться за мое доброе имя?

— Перестал, — сказал я. — Только насчет стирки — это ты зря. Не стоит так уж обо мне заботиться, перебуюсь. Военному человеку не привыкать...

Но подумал: неплохо было бы пойти дальше в стираной форме. Прекрасно знал, что несет от меня, как от козла, и портянки сопрели. Вымыться бы еще с ног до головы...

— Костя, не будь таким чопорным, — сказала Оксана с легкой укоризной. — Мне не в тягость, наоборот, — сто лет на мужчину не стирала. Как в армии говорят, приказы не обсуждаются? Ответа не слышу.

— Так точно, — сказал я, чуть-чуть расслабившись в окружении мирной, прямо-таки довоенной жизни.

— Ну то-то... Мы пришли.

Хатка под добротной тесовой крышей была маленькая, в три окна по фасаду (одно слева от двери и два справа), а вот подворье весьма даже немаленькое: банька, сарай, колодец под двускатной крышей, огород (грядки с морковной, луковой и редисочной зеленью, несколько наливавшихся капустных кочанов, подсолнухи и кусты непонятной ягоды, кажется, малины — никогда не был силен в садоводчестве), да вдобавок картофельное поле не менее пяти соток. Причем картошка старательно прополота, только взрыхленная земля и аккуратные рядки уже набиравших высоту зеленых кустиков. Все это хозяйство окружено невысоким, но справным, ничуть не покосившимся нигде заборчиком.

Налицо пища для быстрых размышлений. Оксана — городская девушка, несомненно, за несколько лет житья-бытья здесь набралась деревенской сноровки, но все равно одной, без помощи ей трудновато управляться с таким хозяйством. Напрашиваются варианты. Возможно, учительнице, которую в деревне не то что уважают, но чуточку и побаиваются, старательно помогают односельчане (в первую очередь, скорее всего, те комсомольцы). Возможно, все обстоит в соответствии с грубоватой прозой жизни и есть у нее друг сердечный, регулярно прикладывающий руки к подворью своей симпатии. Я не вчера родился и прекрасно знаю, какие порой возникают отношения у молодых и красивых замужних женщин, долго пребывающих в разлуке с мужем, — причем далеко не всегда эти отношения заслуживают не то что нецензурного, но и просто плохого слова. В конце концов, это совершенно не мое дело, я тут человек случайный, бродяга переходжий и вряд ли сюда еще когда вернусь...

Скворечник на высоком шесте (судя по всему, обитаемый) имелся, а вот собачьей конуры нигде не видно, и никакая собака не выскочила на звук распахнувшейся калитки, так что я вошел во двор не боясь, что какая-нибудь беспородная шавка вцепится мне в сапог. Тщательно пошоркал подошвами по лежавшему у двери темному, крупно вязанному половику, и мы вошли. Оксана провела меня в большую комнату на два окна, явно игравшую роль горницы, обставленную довольно скромно: стол, несколько стульев, этажерка с книгами. Естественно, мое внимание сразу привлек большой фотопортрет на стене: человек лет тридцати (судя по сжатым губам и орлиному взору, мужик с характером), в гимнастерке, с медалью «За отвагу» и четырьмя треугольниками на петлицах с кавалерийскими эмблемами — значит, не старшина, а, как принято в кавалерии, помкомэск.

— Муж, я так понимаю? — спросил я Оксану.

— Он самый, лихой кавалерист, только былинные речистые о нем пока что не ведут рассказ — как и о тебе, надо полагать...

— А медаль за что?

— За Халхин-Гол.

— Значит, он в Одесском округе сейчас?

— Ага, там. Последние два года их полк стоял в Тирасполе, а сейчас и гадать не стоит, куда их закинуло. Ясно только, что куда-то закинуло, сейчас ведь всех военных с места сорвало, тебя тоже, так что сам понимаешь...

Что характерно, когда она говорила о муже, в голосе не прозвучало ни капелюшечки теплоты — скорее уж спокойное, устоявшееся равнодушие. И я уверился, что семейная жизнь у нее определенно не сладилась. Снимок законного мужа висит, а вот свадебной фотографии

нет — а ведь в деревнях, да и в городах ее обычно вешают на стенку. За два года она так и не перебралась к мужу в Тирасполь — не такой уж захолустный город, который, несомненно, для девушки, родившейся в Витебске и учившейся в Минске, был бы гораздо привлекательнее этой глухомани. Предположим, замуж она вышла не так уж и давно, после того, как попала сюда, — но и тогда никто бы не запретил направленной по распределению молодой специалистке перебраться к законному мужу. Положительно, семейная лодка с пробойной, хотя и держится на плаву — ни разу не сказала о муже, что он бывший, значит, они все еще не в разводе. Всякое в жизни случается — и не помогут тут ни орлиный взор вкупе с боевой медалью, ни полученный в Минске диплом о высшем педагогическом образовании...

Но и это меня совершенно не касалось, так что я решил больше не тешить пограничную проницательность...

— Говоря по-военному, диспозиция будет следующая, — деловито сказала Оксана. — Я схожу в баню, нагрею воды, и вымоешься как следует. Потом все твоё постираю. Голым сидеть не будешь — у меня тут лежит обмундирование мужа, в котором, когда он здесь в отпуске был, с огородом возился. Стираное, разве что неглаженое. Как это говорят? Второго срока носки?

— Есть такой термин...

— Ну вот. Тебе, я надеюсь, не поперек души вечер в чужой одежде походить?

— Нисколечко, — искренне признался я. — В гражданском было бы чуточку неуклюже — сто лет гражданского не носил. А форма — самое то.

— А после баньки поужинаем... Ох, я не подумала... Может, ты голодный? И сначала поесть хочешь?

— Да нет, — сказал я. — Так получилось, что недавно поел плотно. Вот без табака тяжеленько...

— Ну это дело поправимое, — улыбнулась Оксана. — После мужа осталась пара пачек. Представляю, каково тебе сейчас, хотя уши вроде бы не опухшие...

Она достала из тумбочки непочатую пачку «Норда», спички, подала мне:

— Можешь дымить прямо здесь, я привыкла, вон и пепельница стоит. Ну, я пойду согрею воду...

И вышла, грациозная не по-деревенски. Я все же устроился на крыльце, сел на верхнюю ступеньку, на половик. Высмолил одну за другой две папиросы, так что поначалу даже голова закружилась. И сидел просто так, после всех бродяжьих — и тягостных — странствий, отдыхая телом и душой. Солнце уже опустилось за верхушки ближайших деревьев — редколесье здесь вплотную подступало к деревне, и хата Оксаны была одной из крайних. Тишина стояла покойная, лишь иногда нарушавшаяся мирными деревенскими звуками: побреживали собаки, замычала корова, загоготали гуси, простучала телега, где-то совсем близко с гиканьем пронеслась ватага ребятишек... Здесь не было никакой войны. Даже плохо верилось, что не так уж и далеко по дорогам нахально катят немцы. И ни одного самолета в небе...

Похоже, у Оксаны что-то не ладилось: из трубы небольшой баньки так и не показался дымок. Я хотел было пойти помочь ей растопить печку, но почему-то не решился, вернулся в залу. И только теперь обратил внимание на странную штуковину.

Она лежала на подоконнике рядом с чистехонькой стеклянной пепельницей. Рукоять длиной с мой указательный палец, из светлого металла, сплошь покрытая затейливым узором, и явно деревянный стержень с закругленным концом, чуть потоньше, и дерево какое-то странное, коричневое, в черных прожилках. Не удержался, взял эту штуковину в руки, рассмотрел повни-

мательнее: тонкая работа, узоры искусно прочеканены, может быть, ручка и серебряная...

— Любуешься? — раздался рядом голос Оксаны.

— Интересная штучка, — сказал я, торопливо и неуклюже положив ее назад. — Что это такое?

Показалось, что на ее лице промелькнуло легкое замешательство, но она тотчас ответила самым беззаботным тоном:

— Указка такая. Директор на день рождения подарил, сказал, еще его деда, дореволюционной работы. Он у нас потомственный учитель, отец из земских... Ну все. Воды я нагрела, сейчас принесу одежду. А твою постираю потом.

Быстро она управилась... Я, конечно, ничего не сказал, остался стоять у подоконника. Оксана быстро принесла выцветшую гимнастерку с петлицами без знаков различия и эмблем, все прочее, в том числе и стоптанные сапоги. И я пошел в баню. Там было темновато, как во всякой бане, — выходявшее на зады окошечко под самым потолком было крохотным, служившим скорее для вентиляции. Стояла полная воды ванна: большая, цинковая, с расширением в одну сторону, — но взрослый уместился бы там лишь сидя. И четыре полнехоньких ведра. Я осторожно попробовал указательным пальцем: в ванне и двух ведрах оказалась не горячая, но очень теплая вода, в двух холодная. В деревянной коробочке лежало мыло, похоже, неначатое: закругленный кусок странного светло-сиреневого цвета. Пахло очень приятно. Вот два больших полотенца на гвоздике в углу были самыми обыкновенными: махровые, бело-синие.

Что-то тут не складывалось. Очень уж быстро она нагрела воду. И мыло чересчур роскошное для деревенского сельпо, скорее уж недешевое городское, к тому же невиданного мной прежде цвета — ну, в конце концов, я тут не спец и не знаю все наперечет сорта... И вот что еще...

Присев на корточки, я осторожно взялся двумя пальцами за овальную ручку чугунной печной дверцы. Она оказалась совершенно холодной, я повернул ручку и дверцу открыл. Ни малейшим жаром оттуда не шибануло: на колоснике лишь кое-где горки сизого пепла. Ничуть не похоже, что печку только что топили, — к тому же нигде не видно ни поленьев, ни угля. И тем не менее вот она, теплая вода в ванне и в ведрах...

Я не стал ломать голову над всеми этими несуразностями — все тело зудело, особенно ноги, а тут налицо были теплая вода и мыло, так что следовало принимать все как есть. Снял первым делом портупеею с кобурой и примостил поблизости от ванны — на случай, если в эту покойную тишину все же нагрянут немцы. Попасть в плен голым в бане будет вовсе уж унизительно...

Прикинул, как в случае чего драпать в редколесье, — успею, шум моторов будет слышен издалека, а пешком немцы не ходят... Снял гимнастерку, отвинтил оба ворошиловских значка. Комсомольского не было — я уже три месяца как был членом партии. Вот только мой партбилет, что особенно скверно, остался со всеми прочими документами у того дерганого старшего лейтенанта, которого, очень может быть, и в живых-то нет. Поди докажи потом, что партбилет я не закопал и не выбросил...

Залез в ванну и уселся там, как турецкий султан, разве что без лоботрясов с опахалами и, что грустнее, без гаремных красоток, которых показывали в кинокартине — то ли «Багдадский вор», то ли какая-то другая заграничная, сейчас и не вспомнить. Оказалось, сиреневое мыло отлично мылится, я быстро оказался по пояс в невесомой, хрупко-дырчатой, приятно пахнущей пене. Так что распрекрасно вымылся, покряхтивая от удовольствия. Облился из ведра, старательно вытерся и другим человеком себя почувствовал, бодрым и уве-

ренным, ничуть не похожим душой на затравленного беглеца, — но, понятное дело, по-прежнему ни черта не понимал в происходящем, и не было никого, кто мог бы объяснить...

Кавалерийский старшина определенно был выше меня ростом и в плечах пошире, так что его форма второго срока носки, в зеркало не смотришь, сидела на мне мешковато, и сапоги оказались великоваты — но все же не настолько, чтобы ноги в них хлябали. Главное, портупья моя, на меня подогнана...

Отнес свою форму Оксане, сказал, подумав:

— Как бы не увидели, что во дворе сушится... Деревенские сплетники, я так понял, тебя не напрягают, но если немцы нагрянут...

— Ничего, — сказала она спокойно. — Я все в сарае повешу, с улицы не увидят... Чаю хочешь?

— Вот от чаю не отказался бы...

Она ушла на кухню, вскоре принесла заварочный чайник, другой побольше, пузатую чашку с синими цветочками и вазочку с конфетами, забрала в охапку одежду (гусятину я, поразмыслив, вместе с жирным лопухом сунул в печку в бане) и ушла с напутствием быть как дома.

Ну, я и взялся чаевничать. Снова пошли странности: оба чайника были горячими — а ведь я не слышал, чтобы растапливала печку, да и не успела бы за столь короткое время. И конфеты оказались невиданные: шарики шоколадного цвета (и шоколадного вкуса) размером с вишню, и в них какой-то таявший во рту крем. Я снова не стал ломать голову: дареному коню в зубы не смотрят. Тем более что заварка была правильная, чуть ли не дегтярного цвета. Так что я, оставив ворот гимнастерки незастегнутым (все равно был великоват, не по моей шее), выдул три немаленьких чашки и подобрал почти все непонятные конфеты. Кавалерийский старшина смотрел

со стены сурово, словно хотел рывкнуть: «Чай гоняешь, орел товарища Бери! А по дорогам немцы прут, как у себя по штрассе!» Ну посмотрел бы я на него на моем месте — мало было бы толку, кинься он в лихую атаку с клинком наголо на немецкие танки... Как у них там все же дела в Одесском военном округе? Это мы, очень похоже, оказались на направлении главного удара, а в других округах, хочется верить, дело обстоит не так уныло...

Покурить опять пошел на крыльцо. На сей раз Оксаны не было гораздо дольше — отсутствовала примерно столько времени, сколько и требуется, чтобы старательно все постирать. (Что у нее все же за фокусы с водой? Вот так и подумашь: может, колдовство какое? Не пойдет. Во-первых, я, воспитанник советской школы, пионерии и комсомола, член партии, в колдовство решительно не верю. Во-вторых, о подобном и в детстве в сказках не читал. Не было там ничего о бытовом, так сказать, колдовстве, которым можно вскипятить воду или сделать вкусняющие конфеты, каких я в жизни не пробовал. С колдовством в сказках обстоит гораздо более занимательнее... а порой и гораздо страшнее...)

Оксана отнесла в баньку охапку одежды, потом подошла к крыльцу: рукава закатаны повыше локтя, белая блузка спереди во влажных пятнах, волосы чуть растрепались. Тыльной стороной ладони отвела с глаз выпавшую прядь:

— Заждался?

И снова в ее голосе и взгляде проявилось легкое кокетство, оставленное мною без мысленных комментариев... Я подумал и ответил нейтрально:

— Да не так чтобы... Спасибо, что для меня так старалась.

— Да какие это труды... — откликнулась она весело. — В кои-то веки настоящей хозяйкой себя почув-

ствовала, со всеми прежними хлопотами... Покуришь еще или пойдем ужинать?

— Я б поужинал...

— Вот и пошли, хватит дымить на пустой желудок, как это у вас, мужиков, заведено...

Ужинали в горнице. Оксана надела другую блузку, синюю в белый горошек, застелила стол чистой белой скатертью с бахромой и стала проворно хозяйничать. Снова обозначились странности. Суп был как суп — с мясом, макаронами, морковкой-лукком и даже с перчиком, но опять-таки горячий, хотя у нее не было бы времени растопить печку и согреть. Хлеб необычный — вроде бы свежий белый, но не обычные буханки, а этикие каравайчики размером с чайное блюдо, духовитые, с хрусткой поджаристой корочкой. И свежайшая ветчина, как раз такая, какую я любил: сочная, почти без сала, во рту таяла, как мороженое прямо. Неоткуда взяться такой в деревенском сельпо. Ну, может, деревенские умельцы-свинобои такую делают. Хотя ветчина свежайшая, а ведь не пришло еще время резать свиней, не нагуляли еще мяса-сала. Да и на свинину не похоже, скорее уж на говядину, — но временами кажется, что и не говядина, и уж точно не баранина: из баранины сроду ветчины не делали...

Но вкусна была — язык проглотишь. И я, вспомнив совет чеховского героя «лопай, что дают», не задавая лишних вопросов, наворачивал за обе щеки, стараясь, впрочем, соблюдать правила хорошего тона за столом и не чавкать на всю деревню, как из голодного края.

Вот малосольные огурчики, тугие и хрустящие, были самые обыкновенные, с укропом и дольками чеснока. Оксана спросила, не дерет ли рот сухая ложка. Не особенно раздумывая, я ответил, что есть немного. Она вышла и вернулась с литровой примерно бутылкой, чуть

ли не по пробку полной прозрачной светло-розовой жидкости. Поставила стеклянные чарочки и пояснила:

— Местные умельцы гонят...

Чокнулась со мной и осушила свою, не закашлявшись. И неудивительно, опрокинув свою чарочку и прислушавшись к организму, я подумал: местным умельцам следует памятник поставить, хотя бы нерукотворный! Не самогонка, а нектар, впервые в жизни такую пил — в брюхо пропутешествовала, как компотик, и не было привычного легонького ожога от крепкого спиртного, и не было знакомого ощущения в глотке. Вопреки половице первая пошла соколом, да и вторая тоже.

В голову, как и следовало ожидать, вскоре ударило — но легко, приятно, совсем не так, как обычно ударяет самогонка. Точно, памятник нужно здешним умельцам поставить хотя бы мысленно...

Болтали мы непринужденно, но вскоре я стал замечать, что застольный наш разговор принял оборот... не подберешь определения с ходу. Интересный такой оборот. Многозначительный. Словно по уговору, мы оба не касались тягостных и непонятных событий, грянувших на рассвете двадцать второго июня. Говорили исключительно о довоенной жизни, она вспоминала забавные случаи из жизни и учебы своих школьников, а я, соответственно, забавные случаи из жизни во время службы на границе — там и смешное бывало не так уж редко. Ровным счетом никаких игривостей — и тем не менее вскоре я всерьез почувствовал этот многозначительный оборот — не в ее словах, но безусловно во взглядах, улыбках, интонациях. Именно так и обстояло, я себе ничего не нафантазировал, та самая лукавая игривость, на которую женщины мастерицы чуть ли не сызмальства, определенно присутствовала. Как-никак я вовсе не был невинным гимназистом и некоторые вещи просекал быстро. С Наташкой во вре-

мя моего отпуска наконец произошло и происходило весь отпуск. Да и до того у меня еще в бытность курсантом случался, как выражался лейтенант Федя Шандыбин, тот еще ухарь насчет женских сердец, «полный и бесповоротный флирт». Не женат он был и не монашествовал, ухитряясь при этом ни разу не влипнуть в какие бы то ни было коллизии, житейские сложности и неприятные истории разной степени тяжести, — такое вот везение было у парня. Некоторые ему откровенно завидовали...

Ничего личного мы не затрагивали. Она ни словечком не обмолвилась о муже, ни разу не спросила, есть ли у меня жена или невеста, о тех самых игривых темах речь ни разу не зашла, — но все равно с некоторых пор я стал понимать, в каком направлении могут развернуться дальнейшие события. И уже не сомневался: если я хлопну еще чарочку и начнется то, что Федя, цинично переиначив идеологически выдержанную песню, называл «пойдут зеленые фуражки в яростный поход», никакого сопротивления не встречу, вовсе даже наоборот...

Однако как раз этого мне и не хотелось. Феде легче — он, по его собственному выражению, «ни разу сердцем не затрепетал», а у меня с некоторых пор обстояло совершенно по-другому. Когда мы с Наташкой окончательно решили, что поженимся в скором времени, я в последнюю ночь перед отъездом твердо пообещал хранить ей верность — и намеревался обещания не рушить. Так что держался, учено говоря, индифферентно — притворялся, что ничего не понимаю, не усматриваю потаенного смысла в ее взглядах, улыбках, интонациях. Пусть считает толстокожим чурбаном, переживу...

А потом (в бутылке оставалась еще примерно половина) я так и сказал с наигранной прямоотой:

— Оксана, извини уж... Прилечь бы, намаялся за эти дни выше крыши и дальше некуда. А уж как подумаю,

что спать мне на настоящей кровати, да еще чисто вымытому... — и старательно зевнул.

(Она сама говорила, что у нее в двух комнатках есть две кровати — от прежней хозяйки остались, к ней часто приезжала какая-то родственница из дальней деревни, то погостить, то просто оставалась ночевать.)

— Ну что ты, какие тут извинения, — сказала Оксана. — Я все понимаю, не бесчувственная. Нужно тебе отдохнуть как следует, неизвестно, какая дорога выпадет...

Она ничуть не выглядела ни обиженной, ни разочарованной — хотя на ее месте иные женщины именно это бы и чувствовали. Встала из-за стола, взяла керосиновую лампу (мы уже не менее часа сидели при лампе), сказала:

— Пойдем. Нет, вон в ту дверь...

Добрую половину комнатки занимала аккуратно застеленная кровать — с никелированными спинками, довольно новая. Именно такую мы с Наташкой видели две недели назад, когда укрылись от неожиданно хлынувшего «слепого» дождя в ближайшем магазине, оказавшемся мебельным. И смешливо переглянулись, явно подумав об одном и том же. Дождь кончился быстро, как всегда бывает со слепыми дождями, и я сказал, что такое брачное ложе вполне по деньгам лейтенанту погранвойск. Кто б знал, что до войны всего неделя...

— Слишком для меня роскошно, — сказал я. — А ты как же?

— За меня не беспокойся. В другой комнате кровать тоже не старая, очень удобная, хоть и односпальная. А вот лампа всего одна. — И поинтересовалась с хмельным лукавством: — Костя, ты не боишься спать в темноте?

— Я и в детстве не боялся, — сказал я чистую правду.

— Какой ты braveй...

— Спокойной ночи... и спасибо за все.

— Благодарить будешь потом, а пока ты еще здесь... Спокойной ночи.

И вышла, унося с собой чуть колышущийся свет. Не похоже, чтобы она сердилась из-за того, что я себя показал бесчувственным пентюхом, не способным понимать нехитрую дипломатию женской души. Вот и прекрасно. Если бы она на меня обиделась, было бы чуточку неловко — так радушно приняла, а я оказался чурбаном бесчувственным. На кровати две подушки — ну конечно, супружеская постель, неизвестно сколько времени простоявшая, как выразился бы наш старшина Еремеич, заведовавший каптеркой, укомплектованной наполовину. Возможно, Оксана так легко уступила мне супружескую спальню, оттого что о браке у нее сохранились не самые приятные воспоминания, — ну да что тут гадать, совершенно ни к чему. Завтра утром я пушусь в дорогу, в полную неизвестность и вряд ли когда-нибудь увижусь еще с Оксаной...

Я немного постоял, и глаза привыкли к темноте. Правда, темнота была не такая уж чернильная — небо ясное, безоблачное, и где-то слева высоко на небе появилась полная луна, — окно выходило на зады, от баньки, сарая и шеста со скворечником протянулись четкие тени, отчетливо был различим недалекий редкий лес. Что ж, это только к лучшему, можно просчитать пути отхода, то есть бегства со всех ног напрямик через картофельные ряды. Ночью немцы не ездят, это я уже уяснил, но могут нагрянуть на рассвете, заскакивали ж они в Жовтяны, до которых всего ничего...

Окошко было узковатое, но оборудованное на городской манер — две створки и шпингалеты. Я опустил нижний и поднял верхний, чтобы не возиться потом, в случае появления немцев, не потерять ни секунды. Приоткрыв одну створку, не спеша выкурил папиро-

су, пуская дым за окно, в ночную прохладу. Притворил окно, снял портупею и, особенно не раздумывая, на всякий случай спрятал пистолет под подушку. Разделся до исподнего, лег под свежую простыню, под тонкое одеяло, вытянулся, расслабился и почувствовал себя на седьмом небе — в чистой постели, сытно поужинал, в голове еще легонько шумит великолепная здешняя самогонка. Наташку бы сюда... Нет, тут же подумал я, прекрасно просто, что она далеко отсюда, там, куда не долетит и самый дальний немецкий бомбардировщик (чью дальность я прекрасно знал). Даже если учитывать, насколько далеко немцы за считанные дни прорвались, — не долетит. К тому же по пути немцев наверняка встретили бы сталинские соколы — не могла же наша славная военная авиация провалиться сквозь землю? А если еще предположить...

Я сбился с мысли — дверь тихонько скрипнула, а там и распахнулась. В комнату вторгся круг неяркого света. Лицо Оксаны в колышущемся пламени керосиновой лампы казалось совсем юным и загадочным — и чертовски красивым, еще более, чем днем.

Она была в ночной рубашке выше колен. Чтобы дойти до кровати, ей понадобилось всего-то два шага. Стоя надо мной, совершенно спокойным голосом, словно мы были сто лет женаты, сказала:

— Подвинься, ты на моем месте лежишь...

Я отодвинулся к стене, не был ни ошеломлен, ни даже удивлен — еще за столом сообразил, в каком направлении она, не особенно и маскируясь, направляет события. В башке был полный бардак. Оксана оказалась совсем близко, от нее приятно пахло тем самым шикарным мылом и гораздо сильнее — духами. Уже другими, но такими же незнакомыми и словно бы даже чуточку дурманящими...

Хотелось сквозь землю провалиться — и из-за Наташки, и из-за орла с кавалерийскими петлицами. Какой бы там у них ни случился разлад, не похоже, что они официально разведены (иначе зачем держать фотографию на стене?), значит, она все еще жена военного, который сейчас, очень может быть, не драпает, как я, а дерется с немцами. А я хоронюсь по лесам, лежу на его постели с его законной женой, в его великоватом мне исподнем... Есть из-за чего себя презирать...

Показалось, что она прочитала мои мысли: придвинулась вплотную, так что я чувствовал все ее горячее тело под тонкой рубашкой, шепнула на ухо:

— Не казись, дурачок. У нас с мужем давненько уже все разлетелось вдребезги и бесповоротно. Не упомню уже, когда вместе и спали, — он, правда, порывался, а мне было категорически не по душе. Только потому и не разводилась, что его должны были послать на командирские курсы. Развод ему помешал бы, член партии к тому же. Чуть не на коленях просил повременить до осени, вот я и пожалела лихого конника, он, в общем, человек неплохой, обид я от него не видела, врать не стану...

Не скажу, чтобы эти признания меня так уж утешили и ободрили. И я ответил тихонько:

— У меня невеста есть.

Сам понимал, что прозвучало это скорее жалобно, чем убедительно.

— А ты с ней уже спал? — спросила Оксана и тихонько рассмеялась. — Спал-спал, у тебя лицо стало этакое важное... И, наверное, был у нее первым? По лицу видно, был. Неумелая, я так полагаю, или уже набралась умения? Ничего, мы ей не скажем. А я тебя поучу такому, что невесте обязательно понравится. Скажешь, в дореволюционной книжке прочитал, она и поверит...

Я сердито молчал, вспомнив одного парня из Библии, попавшего примерно в ту же ситуацию, — и от этого разозлился еще больше и на себя, и на нее. Библию нас побуждали читать в училище — пограничнику, по долгу службы вынужденному общаться с самым разным народом, знание Библии может пригодиться (и ведь пару раз пригодилось). Разница только в том, что парень от искустельницы сбежал, а мне и бежать некуда. Федя этого парня, истины ради, называл придурком, а один раз и вовсе непечатно...

Оксана смеялась:

— Ну вот в жизни не поверю, будто ты не знаешь на практике, что надо делать с красивой женщиной, которая к тебе сама в постель пришла... Ну что ты лежишь, как чурбан? Невесте верность блюдешь? А ты уверен, что она сейчас ни перед кем стройные ножки не раздвигает? — Ее ладонь проделала нечто довольно бесстыжее, и Оксана рассмеялась: — Не знаю уж, что ты там блюдешь, только ты в полной боевой готовности...

Глупо было бы противоречить очевидному — природа, черт бы ее побрал, поневоле брала свое. Словно бы в том же дурмане я повернулся к ней и крепко прижал к себе, ругал себя, но ничего с собой поделывать не мог. А там и ночная рубашка на пол порхнула...

Проснулся я поздненько, в десять — ничего удивительного, уснул, когда за окном уже посерело той рассветной серостью, которая вот-вот должна перейти в синеву. Оксаны рядом не было, но через спинку кровати были переброшены моя форма и исподнее, и тут же стояли сапоги. Прошло не так уж много времени, и я подумал, что обмундировка должна быть еще сыровата — что же, Оксана спешит меня выпроводить? Однако, пощупав гимнастерку, я обнаружил, что она не просто сухая, как песок в пустыне, а еще и, сразу

видно, старательно выглажена, как и мои парадные синие галифе, — что ж, Оксана должна была как следует постараться, а ведь в такой глуши в ее распоряжении наверняка был только уют старого примитивного образца, куда сыплют раскаленные угли. Отглажено не хуже, чем в нашей командирской прачечной, которой заведовал мастер с дореволюционным стажем, вольнонаемный Самуил Маркович Лейзерович...

Хорошо, что не пришлось с облегчением стягивать старшинское исподнее, — я и так был гол, как Адам на картинах великих живописцев старых времен. Существенное отличие в том, что Адам был таковым до грехопадения, познания плотских страстей, как выражался Федя, а я этой ночью изрядно нагрешил.

Что оставалось? Я оделся, тщательно привинтив значки, замотал привычно чистейшие портянки, обулся и застегнул портупею с кобурой. На улице никаких тревожащих звуков не услышал — все так же собаки побреживали, корова замычала, прошли люди, громко разговаривая о каких-то мирных деревенских пустяках, немцами, сразу можно определить, и не пахнет... Все равно нужно побыстрее отсюда убираться, после ночных забав тут тем более неудобно.

Не скажу, чтобы я так уж терзался раскаянием, — в конце концов, не мальчик, которого развратная красотка изнасиловала, все это надо как-то по-другому называть и безвинной жертвой себя не выставить. Выходит, прав был ухарь Федя, когда говорил, что верность одной-единственной хранят только импотенты и покойники, да и у импотентов есть возможность верность нарушать...

Оксана сидела за столом в горнице и безмятежно чаевничала. Осведомилась с интонациями заботливой супруги:

— Выспался?

Вид у нее был самый невинный, словно и не она розовыми губками проделывала шалости, о которых я раньше только слышал, главным образом от Феди. Ну, женщины это умеют — после самых разнузданных ночных забав выглядеть форменными монашками. И такова уж мужская натура, что я вместо самобичевания поймал себя на игривой мысли: интересно, что выйдет, если предложить это Наташке? Если только получится ее увидеть, выбраться из проклятых мест, где по дорогам, куда ни глянь, — немцы, немцы...

— Садись чай пить, — предложила Оксана с той самой интонацией заботливой — и хозяйственной — жены.

— Сейчас, только выйду ненадолго... — сказал я.

Навестил аккуратный деревянный нужник под высокой двускатной крышей, выкурил папиросу на крыльце и вернулся в горницу. Оксана налила мне чая. Снова маленькие непонятности: хлеб — вчерашние каравайчики, а вот красиво нарезанный сыр странноватый — темно-желтый в паутине синих прожилок. В жизни такого не видел, но не пустился в расспросы. На вкус оказался очень даже ничего — как и увиденные в первый раз овальные печенюшки, таявшие во рту, как вчерашние конфеты. И только покончив со второй чашкой, обратил внимание на непонятный предмет: возле правого локтя Оксаны — стеклянное на вид полушарие, полное красивых ажурных словно бы снежинок, не походивших одна на другую. Нечто подобное я видел на столе начальника одного из погранотрядов, он сказал, что это пресс-папье заграничной работы, найденное им в тридцать девятом во время освободительного похода в кабинете офицера некоего учреждения, чьими бумагами наши очень интересовались, — и за красоту прихваченное в качестве военного трофея. Только там были не зеленые снежинки,

а синие, желтые и красные завитушки, каким-то образом заделанные в стекло.

На пресс-папье я посмотрел мельком, оно меня ни-сколечко не занимало. Вплотную встал более насущный вопрос: как бы запастись провизией на дорогу? Судя по тому, чем Оксана меня щедро потчевала вчера и сегодня, запасы у нее есть, и она над ними не трясется. Надо подумать, в какой форме это высказать, — и хорошо бы найти что-то в виде емкости для воды...

И я дипломатично начал:

— Я тебе ужасно благодарен за... все. Только не могу я в своем нынешнем пиковом положении долго здесь рассиживаться...

— Собрался в путь-дорогу? — спросила она спокойно.

— Конечно, — сказал я. — Я же присягу давал. Где-то наши наверняка налаживают оборону, мне там самое место...

— Тянет повоевать?

— Присяга, — сказал я. — И враг на нашей земле...

— Понятно. Только вот что, Костя... Я тебя прямо сейчас познакомлю с одним человеком...

С совершенно спокойным видом она положила ладонь на пресс-папье — и по горнице прошел странный долгий звук, словно тронули струну великанской гитары. И за спиной у меня раздался переливчатый, мелодичный аккорд, словно бы в ответ, — но таким звукам неоткуда взяться в простой деревенской хате, и непонятно, что может их издавать. Ясно только, что это глубоко неправильно...

Оксана, убрав руку со стеклянного полушария, смотрела куда-то за мою спину, словно бы радостно. Я обернулся — и едва не заорал от дикой непонятности происходящего.

На стене, наполовину обрезав фотопортрет бравого кавалериста, открылся высокий, аркообразный проход, длинный коридор с покрытыми мерцающими фиолетовыми огоньками стенами. И там стоял человек в какой-то странной одежде.

Я ничего не пытался понять — сработала пограничная хватка. С грохотом опрокинув стул, вскочил и схватился за кобуру. Иногда непонятное нужно, не раздумывая, встречать пулей или, по крайней мере, брать на прицел...

Человек поднял правую руку — и с его ладони ко мне метнулись полосы зеленоватого света, а прямо в лицо ударил желтый, слабо светящийся луч — показалось, в лицо с размаху выплеснули полведра воды...

Сознание померкло.

...Вернулось сознание, можно так сказать, толчком, я открыл глаза и почувствовал себя так, будто проснулся трезвым и выспавшимся, — я всегда так просыпался, когда на сон хватало времени и голова не побаливала с похмелья, что пару раз случалось. Моментально взял себя в руки и попытался в темпе оценить окружающее. Все, что произошло, я помнил прекрасно: неведомо откуда взявшийся проход в самой обыкновенной стене деревенской хаты, странный человек, которого я не успел разглядеть толком, лучи света, метнувшиеся от его ладони, желтое сияние, ударившее в лицо, как выплеснутая из ведра теплая вода, — и все это произошло наяву...

Первые ощущения и впечатления... Крайне похоже, я лежал на земле — твердой, летней, лежал прямо-таки по стойке «смирно», вытянутые руки прижаты к бокам. Наклонив голову, прижав подбородок к шее, увидел свою гимнастерку, галифе, сапоги, ремень и кобуру на нем. По обе стороны от меня и далеко впереди за носками сапог росла высокая ярко-зеленая трава, толстые стебли, заканчивавшиеся пучками длинных остроконеч-

ных листьев и цветками наподобие ландышей, только не белого, а оранжевого цвета. А дальше стеной стояли деревья в зеленой листве. Никогда раньше не видел таких цветов, да и в деревьях почудилось что-то незнакомое.

Но главное не в этом. Главное, я, как младенец в пеленки, был с головы до ног укутан в некое подобие рыбацкой сети — только ячейки в виде полукругов и сеть словно бы целиком из зеленоватого света, полупрозрачного, сквозь который четко просматривались и гимнастерка, и галифе, и португеза, и голенища сапог. Попробовал пошевелиться — и не смог, словно был связан с головы до ног. Эта чертова «сеть» не давила, ее вообще не чувствовалось, — но пошевелиться не удавалось, свободны были только голова и шея...

Солнца я не видел — такое впечатление, будто вокруг было раннее утро или вечер, а ведь только что стояло не такое уж раннее утро, день близился к полудню, и солнце должно вылезти высоко. Но вместо солнца...

Но вместо солнца высоко в небе (чуть-чуть не такое небо, не просто синее, а чуть-чуть зеленоватое) почти надо мной стояла предельно странная луна: ярко-коричневого цвета полумесяц рожками вверх — луна такой бывает либо на пределе ущерба, либо на пределе рождения, — но это насквозь неправильная луна, какой не должно быть, никак не должно!

Слева раздался спокойный мужской голос:

— Я вижу, опаматовался?

Вздрогнув от неожиданности — точнее, будто током трянуло, что уж там, — я повернул голову в ту сторону. Там лежало поваленное дерево толщиной примерно в обхват, на нем сидел мужчина в странной одежде и разглядывал меня с совершенно спокойным выражением лица, словно бы даже и хозяйским. Как ни в чем не бывало поинтересовался:

— Как себя чувствуешь? Надеюсь, не перепуган до смерти? Если что, у меня при себе успокоительные капли, прекрасно действуют...

В голове у меня klokотал совершеннейший сумбур, я и не пытался пока что строить никаких догадок, где очутился, каким образом и для чего все затеяно, — но кое-какие рефлексy заработали. Никак нельзя было показать слабость — особенно в таком положении. И я сказал, очень надеясь, что в голосе звучит должная язвительность и он не дрожит:

— Спасибо, нет необходимости. Обойдусь без ваших капель...

— Отлично, — сказал он без тени насмешки, спокойно и деловито. — Рад, что вы оказались достаточно хладнокровным, это нам сэкономит время и труды...

Любопытная вещь наблюдалась: он словно бы неплохо говорил на чистейшем русском языке, — но в то же время слышалась, гораздо тише, какая-то иностранная речь, незнакомая, так что я не понимал ни словечка, но ошибиться не мог — так и обстояло...

— Прекрасно, — повторил он. — Давайте знакомиться. Нам с вами не один день предстоит заниматься делом, без имен просто не обойтись. Меня зовут Грaйт. Тебя я уже знаю, Костатен...

Очень может быть, иначе моего имени он выговорить не мог.

— К тебе я уже присмотрелся, — сказал назвавший себя Грaйтом. — И к другим, которые выглядят в точности как ты. Твой черед присмотреться ко мне как следует — я не сомневаюсь, что в твоих глазах выгляжу диковинно... как сначала выглядели в моих глазах твои соплеменники. Но я уже привык, а ты — пока нет... Присмотришься. Я не юная купальщица и смущаться не буду.

Я и без его, изволите ли видеть, позволения смотрел на него во все глаза, пытаясь догадаться, что это за тип.

Ему, так я думаю, было лет сорок. Решительное, волевое и этакое хищно-красивое лицо, чуть вытянутое. Светло-серые холодные глаза, черные, густые, тщательно причесанные волосы до плеч. Чистейше выбрит, без бороды и усов. Особых примет нет, но в толпе безусловно не затеряется, выразительное лицо, запоминающееся. Чувствуется в нем этакая спокойная, уверенная властность, присущая старшим командирам. Все это я в темпе прокачал, как человек, знакомый со словесными портретами и сам умеющий их составлять. Добавить ему вместо теперешней одежды латы — и получится сущий рыцарь со старинной картины, жесткий и безжалостный, с равным успехом способный и прекрасную даму спасти от любой напасти, и преспокойно изрубить противников, — а то и повесить пленников прикажет без малейших колебаний...

Да, одежда... Интересная одежда. Темно-коричневый то ли камзол, то ли кафтан с широким отложным воротником, застегнутый под горло массивными пуговицами цвета серебра (а может, и серебряными), без кружев и украшений, с двумя боковыми накладными карманами, большими, квадратными, и еще одним, поменьше, впереди с левой стороны над талией, и от него к пуговице тянется массивная цепочка золотого цвета (а может, и золотая) — часы? Такого материала я прежде не видел — наподобие вельвета, но рубчики раза в три пошире. Темно-коричневые штаны из того же материала, не в обтяжку, но и не мешковатые, ничуть не похожие на казацкие шаровары былых времен. Я, разумеется, не портной, но его одежда показалась мне дорогой и хорошо пошитой. Но самое интересное — пояс и то, что на нем. Пояс крайне напоминает

кольчугу — точно так же состоит из множества мелких колечек искусного плетения, с массивной вычурной пряжкой золотистого цвета (неужели золото?), и посреди нее — большой, с вишню, камень густо-зеленого цвета — отшлифованный, чуть продолговатый (неужели какой-нибудь самоцвет? Когда-то их не умели гранить, только шлифовали). Слева — ножны из темно-вишневой кожи, во всю длину крест-накрест перевитые черными лентами со множеством маленьких бляшек золотистого цвета, очень похожих на неизвестные мне цветы о шести лепестках. Меч, конечно, — солидный эфес с затейливой крестовиной, выгнутой вверх и кончавшейся чем-то вроде когтистых птичьих лап, с затейливой формы навершием, увенчанным таким же крупным зеленым камнем. Поближе к пряжке — кинжал в таких же ножнах, с такой же рукоятью и зеленым камнем; такое впечатление, что и меч, и кинжал вышли из одной мастерской, очень уж похожи по стилю исполнения. Слева — плоский футляр из коричневой кожи, с массивной застежкой, прямоугольный, вытянутый в длину, похожий на подсумок для винтовочных патронов, но не такой толстый.

Ну и сапоги — из мягкой черной кожи, высокие, чуть ли не по колено, с высокими каблуками и шпорами с зазубренными колесиками. По верху голенищ венчик из цветков золотистого колера — таких же, как на ножнах, но побольше, на ножнах они размером с двоячок, а на сапогах — с троячок.

Такие вот первые впечатления, ни на шаг не приближавшие к ответу на насущнейший вопрос: где это я оказался? Ясно уже, что это не знакомая мне Белоруссия, а какое-то другое место, — но где? Если вспомнить парочку известных фантастических романов о том, как люди неожиданно-негаданно проваливались в далекое прошлое... Нет, отпадает. Я не историк, да и не большой

любитель истории, но и книги исторические почитывал, и в музеях бывал, и старым оружием интересовался. Старинные люди и в самом деле носили мечи, сабли вошли в употребление гораздо позже, но вот одевались они совершенно иначе, видывал на картинках и картинах. Не берусь судить непреложно, но впечатление такое, будто его одежда, пусть и непривычного фасона, ничуть не похожа на средневековую, стиль другой. Между прочим, одежда не просто выглядит опрятной, чистой — она еще словно бы совсем недавно прилежно отглажена, а сапоги смотрятся хорошо почищенными, ни грязи, ни пыли...

Признаться, в первый момент, когда я очнулся, а он еще не заговорил и я не разглядел его толком, мелькнула догадка, — но я прогнал эту мысль и не собирался к ней возвращаться — не просто сумасбродство, полный абсурд... Мысль была — что я угодил в лапы к немецким диверсантам, охотившимся за командирами как наиболее предпочтительными «языками». Вот уж вздор... Диверсантов я навиделся, в сорок первом они частенько лазали через границу, а с наступлением лета и вовсе пошли косяком, так что я участвовал в трех боестолкновениях. И пленных рассмотрел, допросы проводил, как и сослуживцы. Какой диверсант напялил бы такую вот одежду, моментально привлекающую самое пристальное внимание, да еще меч с кинжалом нацепил? Диверсанты либо ходили в нашей военной форме, либо в гражданской одежде, опять-таки старались не выделяться — колхозник, горожанин, сельский интеллигент... Но главное — диковинный коридор, открывшийся в хате Оксаны, и этот полумесяц в небе. Никакому диверсанту не под силу такое устроить. И если подумать, вокруг вовсе не далекое прошлое — ни в каких старинных книгах ни словечком не упоминается о такой вот луне диковинного цвета и очертаний...

— Насмотрелся? — спокойно спросил Грайт.

— Насмотрелся, — постарался я ответить так же спокойно — пусть не думает, что я растерян, подавлен, смят.

— И каковы же впечатления? — осведомился он с усмешкой.

Это была именно усмешка, а не улыбка — скупая, без особых эмоций, усмешка сильного, уверенного в себе человека, не склонного давить своим превосходством, торжествовать над собеседником. Что ж, такие люди гораздо опаснее чванливых гордецов, пусть умных и хитрых, но излишне дающих волю эмоциям, неуместным в серьезном деле...

И я сказал чистую правду:

— Ты производишь впечатление серьезного человека.

— Рад слышать, — ответил он без улыбки. — Со своей стороны могу сказать то же самое. Это искренняя оценка — ты не юная девица, млеющая от приятных хвалебных словечек... Ты очень хорошо держишься. Никаких истерик, даже не дернулся ни разу, спокойно лежишь... Ты ведь уже понял, что все это, — он повел рукой, — и я в том числе, тебе не снится, не мерещится от дурманящей отравы или умственной хвори? Ты, несомненно, удивлен и растерян, но сохраняешь спокойствие и выдержку... Это мне нравится. Понял ведь, что вокруг не сон и не видение?

— Предположим, — сказал я. — Так где я? Что это за место?

— Ты очень хорошо держишься, Костатен, — повторил он одобрительно, с усмешкой. — Это позволяет питать определенные надежды... Ну, ничего удивительного, ты, я уже знаю, порубежный стражник, а туда всегда набирали сметливых и сообразительных. У нас давно нет порубежников, но мой отец и дядя когда-то служили не в войске, а как раз в порубежниках — старая семейная

традиция, знаешь ли... Что это за место? Ответить, с одной стороны, просто, а с другой — невероятно сложно... Видишь ли, это другой коэн. Коэн, как бы тебе объяснить доходчивее... Знаешь, я сам не могу обсказать учеными словами, я в них не силен, как и ты, наверное. Коэн — совершенно другой мир, лежащий где-то... в общем, совсем не там, где твой. Невероятно далеко — причем я не про обычные расстояния, которыми меряют путь. Как-то по-другому далеко... и в то же время близко. Ага! Это как страницы книги — они тесно прилегают друг к другу, существуют бок о бок, но ни одна буква не может попасть на соседнюю страницу. С коэнами обстоит несколько иначе — есть Тропы, по которым можно пройти. Что я и сделал, а потом мы оба прошли по Тропе... правда, я своими ногами, а ты у меня на плече, как мешок зерна, но это не меняет сути... Ты что-нибудь понял?

Я постарался допустить в голос побольше язвительности:

— Может, тебя это и удивит, но я понял все.

— Меня это не удивляет, а радует, — сказал Грайт бесстрастно. — Позволяет упростить дело, обойтись без лишних слов. Итак, пользоваться Тропами в вашем коэне не умеют, но какое-то представление о них имеют. Не стану тебя спрашивать, как так вышло, — совершенно бесполезные сейчас подробности. Гораздо важнее то, что ты меня понял с лёту, и долгих растолковываний не потребуется... Время нас нисколько не торопит, но терпеть не могу излишнего многословия...

Я и в самом деле прекрасно его понял — благодаря своим литературным пристрастиям. Класа с четвертого полюбил научную фантастику, а у дяди в чулане откопал в свое время подшивки старых журналов, не издававшихся давненько, делавших упор главным образом на приключения и фантастику. Не помню уже, «Всемир-

ный следопыт» это был или «Мир приключений», но помню хорошо, что подшивка была за двадцать пятый год, когда я еще в школу не ходил и вообще читать не умел. Кажется, фамилия автора была Земкович или Зеликович — позже мне его вещи не попадались. А рассказ назывался «Следующий мир». Следующие миры как нельзя лучше подходили под описание того, что Грайт назвал коэнами. Там некий ученый изобрел аппарат, позволяющий в следующие миры попадать, — и пустился со своим ассистентом по ним путешествовать. Отличие только в том, что тем ученым не попались обитаемые следующие миры, где обитали бы чертовски похожие на нас люди, — а мне вот повезло... как утопленнику...

— Давай без многословия, Костатен, — сказал Грайт. — И говорить буду безо всяких уверток, чтобы ты не начал видеть во мне врага, мы должны с самого начала стать пусть не друзьями, но безусловно сподвижниками. Именно так. Вот так уж вышло... Ты нам нужен, чтобы участвовать в серьезном, важном и, поверь на слово, благородном деле. Я понимаю, ты сердит на то, что тебя так бесцеремонно... захватили. Но что было делать? По некоторым причинам ты крайне подходящий для нас человек. Вот и пришлось... как пришлось. Вряд ли бы ты согласился добром, если бы я тебе открылся и попросил содействия; верно ведь? Вот и пришлось... применить немного насилия. Я не добрый и не злой. — Его лицо было жестким, а глаза холодными. — У меня просто-напросто не было другого выхода. Цель, что перед нами стоит, — благородная и, не сочти за высокие слова, великая. Ради нее я пошел бы и на что-то большее, чем силком прихватить человека из другого коэна. Выбора, скажу тебе честно, не было. Ты по некоторым причинам подходил как нельзя лучше. Искать другого было бы слишком долго, и неизвестно, когда бы еще нашли

такого же подходящего. Еще раз повторяю — у меня... у нас просто-напросто не было другого выхода. Это меня в какой-то степени извиняет, я думаю. Очень уж ты нам подходил...

— Интересно, почему? — саркастически бросил я.

— Понемногу сам поймешь, а сейчас мне хотелось бы избежать лишнего многословия. Пока что скажу одно: ты нам очень нужен, и тебе предстоит стать равноправным участником некоего предприятия. По-моему, ты ухмыляешься с явной насмешкой. Я правильно понял?

— Как нельзя правильной, — сказал я. — Красивые слова ты говоришь — равноправный сподвижник... Только где тут равноправие, если ты свободно сидишь, а я валяюсь...

Я не закончил — и не знал, как и назвать опутавшую меня сеть из неяркого света. В нашем языке таких слов вообще не было.

— Разумная предосторожность, — сказал Грайт. — Неизвестно было, как ты себя поведешь. Я боялся даже не того, что ты сдуру на меня набросишься, — сумел бы отбиться. Ты ведь мог и сломя голову припустить в чашобу, и гоняться за тобой потом...

К этому времени я окончательно убедился: ощущения меня не обманывают, вокруг шеи и в самом деле что-то вроде бы надето, словно узкий ошейник. Эта непонятность не душила, но, пока я лежал навзничь, легонько давила на шею, будто не так уж мало весила и отнюдь не из бумаги сделана. Кожей чувствовался металл. Но в расспросы я не пустился — всему свое время...

— Ну что же, и в самом деле пора тебя освобождать, — невозмутимо произнес Грайт. — Ты себя показал человеком хладнокровным, так что, очень надеюсь, глупостей не наделаешь. — Он усмехнулся все той же усмешкой, словно по-другому и не умел. — Как-никак должен

понимать, что я — единственная твоя опора в этом ко-эне, и в свой ты без меня ни за что не вернешься...

Он достал из кармана нечто вроде большой желтой стекляшки круглой формы, встал, склонился надо мной и провел ею от моей шеи к ногам, словно резал что-то. Опутавшая меня «сеть» моментально исчезла, и я почувствовал себя свободным. Встал, потряс руками, прислушался к себе — тело ничуть не затекло; если не ввали часы — а они у меня отличные, швейцарская «Докса», некоторым образом трофейные, — с той поры, как началась вся эта чертовщина, прошло не больше двадцати минут.

Пока Грайт усаживался на прежнее место, я оценил обстановку. Пояс привычно оттягивала тяжесть пистолета, и положение мое было самое выгоднейшее: огнестрельного оружия при нем не видно, меч и кинжал против ТТ не пляшут. Могу, как учили, грамотно отпрыгнуть, даже грамотно упасть с перекатом, выхватить пистолет и взять его на прицел...

А вот дальше-то что? Требовать, чтобы он отправил меня назад? Ясно, что мужик твердый, может и под дулом пистолета не дрогнуть. Да и как я узнаю, что он в самом деле отправляет меня назад? Вновь шарахнет светом, свяжет вмиг... Выходило, он прав — единственная моя опора здесь, так что рано рыпаться...

И я остался стоять. Поднял руку к шее — тяжесть вокруг нее по-прежнему чувствовалась, — взялся за верхнюю пуговицу гимнастерки, уже чувствуя под воротом что-то жесткое.

— Не трудись, — сказал Грайт. — Вот, посмотри.

Он расстегнул верхние пуговицы кафтана — буду уж называть это кафтаном простоты ради. Под ним обнаружилась белоснежная рубашка в синюю полоску, без пуговиц, явно сшитая из одного куска, с вырезом наподобие тех, что на майках, — и там, в вырезе, на сильной

шее я увидел нечто вроде ожерелья из прямоугольных звеньев, с синими и желтыми камнями посередине, скрепленными колечками того же серебряного цвета.

— Вигень, — сказал Грайт. — У тебя на шее такой же. Потому мы и понимаем друг друга.

— А что это?

— Как бы тебе объяснить... А! Это такая магия. У нас магия в ходу, правда, не таком уж большом. — Он похлопал ладонью по стволу дерева. — Садись, разговор будет не такой уж короткий.

Я сел. Достал из нагрудного кармана пачку «Корда», привычно примял двумя пальцами картонный мундштук и чиркнул спичкой. И курить зверски хотелось после всех этих чудес, и любопытно было, как этот хрен с мечом отреагирует на сие зрелище.

Зря я рассчитывал его поразить или по меньшей мере удивить. Он преспокойно достал из кармана короткую черную трубочку с прямым чубуком и матерчатый мешочек с завязками, в котором моментально угадывался кисет, распустил тесемки и принялся набивать трубку совершенно так, как это делали все знакомые мне курильщики. Настал мой черед удивиться: он достал нечто вроде синей полусферы с металлическим ободком, накрыл ею трубку и повернул ободок. Почти сразу же вырвался клуб дыма.

— Вот так. Чутьочку по-другому, и не более того. — Судя по его глазам, он разгадал мой нехитрый замысел и вмиг поставил меня на место. — Перейдем к делу? А дела складываются так: время назад... по вашему счету лет тридцать назад, когда я был еще мальчишкой, нашу страну одолели захватчики. Не обычные завоеватели — невиданные прежде создания из какого-то другого коэ-на. Соппротивление они сломали очень быстро, пустили в ход оружие, которому наши отцы не смогли ничего

противопоставить. И с тех пор господствуют, и отнюдь не милостиво. Сопротивляться до последнего времени не было возможности. А теперь такая возможность появилась... Хочешь что-то спросить?

— Я смотрю, они оставили вам оружие, — сказал я, кивнув на его меч. — Значит, не так уж и угнетают? Насколько я знаю историю войн, победители всегда отбирали у побежденных оружие. Или вы партизаны? — Увидев легонькое недоумение на его лице, я постарался отыскать подходящие слова. — Те, кто борется против захватчиков, укрываясь в лесах?

— Вот уж нет, — сказал он. — В лесах прячутся только разбойники, а это совсем другое. Никаких пьортызан у нас нет, потому что их и быть не может. Почему так, объясню по дороге. Сейчас жаль тратить время. А оружие... Видишь ли, на них наше оружие совершенно не действует. Потому его нам и оставили.

— И магия тоже не действует?

— И магия тоже. Еще и оттого, что вся наша магия, как это сказать, мирного, повседневного характера. Вроде бы в незапамятные времена была и боевая, но никто не знает, правда это или легенды. Даже если правда, ее давным-давно нет.. Словом, открытый бой невозможен. Но есть не так уж мало людей вроде нас. Мы не воюем открыто, иначе быстро оказались бы перебиты все до одного. Мы потихонечку, в глубокой тайне и с величайшей осторожностью готовим планы полного уничтожения захватчиков. — Его лицо прямо-таки озарилось хищной радостью, голос стал звонким от волнения. — И мы нашли возможность, Костатен! Оказалось, она есть. Ватаки... захватчики ее не предусмотрели, а мы обнаружили только в самое последнее время. Мы всерьез рассчитываем перебить их начисто... но тут есть свои тонкости. Перебить их можно, но нахлынут новые. Существует такое место,

сооружение, приспособление... я не могу подобрать слово, потому что его попросту нет. Простоты ради мы называем это Мост. Кто-то несколько лет назад придумал название, и оно со временем прижилось. Не хуже и не лучше любого другого, суть не в названии... Это не просто Тропа — скорее уж широко распахнутые ворота в другой коэн, большой надежный мост вроде наших каменных. Если его разрушить, ватаки окажутся отрезаны от своего козна и не смогут быстро создать новый мост — это выяснено совершенно точно... — Он покривил губы. — Ценой не одной человеческой жизни... Ватаков у нас не так уж много, несколько сотен. Мы их перебьем раньше, чем они успеют получить подмогу. Главное — разрушить Мост. Вот в этом ты нам и поможешь.

— А у вас самих, значит, силенок не хватает? — не без иронии спросил я. — Непременно нужен кто-то из другого... коэна?

— Представь себе, примерно так и обстоит, — сказал Грйт. — Слишком долго было бы объяснять, скажу просто: далеко не каждый может проникнуть в замок, где расположен Мост. Ты — можешь. А потому я тебя и уволок безо всяких церемоний. Мы поедем к Мосту все вместе, и ты туда пойдешь, сделаешь все так, как я тебе расскажу. Это будет не так уж трудно, поверь.

— Что, придется воевать?

— Могу тебя заверить, что нет. Главная опасность для нас — сама дорога.

— Вас разыскивают?

— Можно сказать с уверенностью: пока нет. Но ехать нам несколько дней, и все может измениться. В тайну посвящено не так уж много людей, но и не столько, чтобы их можно было пересчитать по пальцам одной руки и даже двух. Предательства уже случались, шпионов и наутников у ватаков хватает. Далеко не так опасен Мост,

как дорога к нему. — Он усмехнулся. — В последнее время это превратилось прямо-таки в поговорку, правда, имеющую хождение среди узкого круга посвященных. Ну вот вкратце и все, что тебе следует знать. Остальное расскажу по дороге, когда будет свободное время. Отсюда пора уезжать: место безопасное, но осторожности ради не стоит надолго засиживаться на одном месте...

— И ты так уверен, что я с тобой поеду?

— Прости за прямоту, а куда ты денешься? — усмехнулся Грйт. — Слишком многое поставлено на кон, чтобы отпустить тебя с расшаркиваниями и вернуть назад. Говорил уже: я не злой и не добрый. У меня нет другого выбора, вот и все.

— Принуждать будешь?

— Какие глупости, Костатен, — поморщился Грйт. — Принуждением тут ничего не добьешься. Если откровенно, я в крайнем случае доставил бы тебя к месту связанным и в повозке, но это не годится. В первую очередь оттого, что так можно привлечь внимание и все провалить. Если ты поедешь добровольно, ничем не отличаясь по внешнему виду от окружающих, риск гораздо меньше...

— Ну а если я все же категорически откажусь?

— Боишься смерти? Ты воин, да вдобавок порубежник...

— Не боюсь, — сказал я. — Но у меня — своя война, от которой я не собираюсь прятаться, наоборот...

— Это недолго, — сказал Грйт. — Мост не так уж и далеко. Несколько дней, по вашему счету не более недели. Потом я отправлю тебя назад. Вряд ли это нарушит твои планы на жизнь. Не будешь же ты меня уверять, что исход войны зависит исключительно от тебя? У нас давно нет ни войны, ни войска, но кое-какие знания сохранились, да и отец с дядей были воинами, рассказывали. Ты один из превеликого множества роберов...

командиров невысокого чина. Неделей раньше, недель позже — какая разница? Насколько я могу судить, война у вас разворачивается грандиозная, в нее втянуты с обеих сторон леадры... миллионы людей, и это надолго. Успеешь еще навоеваться...

— Ну если уж совсем откровенно... — сказал я. — Как-то не особенно и тянет выступать на одной из сторон, ничего не зная ни о той, ни о другой. И откуда я могу знать, что по миновании во мне надобности ты меня и в самом деле отправишь назад? Пока что все это не более чем слова.

— А тебе не остается ничего другого, кроме как верить словам, — спокойно сказал Грайт. — Какие тут жуткие клятвы... Откуда тебе знать, что это и в самом деле клятвы, которые нельзя нарушать, а не словесная шелуха, которую я выдумал на ходу? Придется уж верить мне на слово. — У него был вид человека, только что осененного свежей идеей. — Как насчет этого?

Он достал из кармана другой кисет, замшевый, распустил завязки и высыпал на ладонь грудю зазвеневших монет размером с пятак, но чуть более грубой чеканки. Встряхнул пригоршней и сообщил:

— Это золото. Я могу после уничтожения Моста дать тебе очень много золота, столько, что еле унесешь. Я немного освоился в вашем коэне. У вас в некоторых смыслах удивительная страна. Деньгам у вас придают гораздо меньше значения, чем в других странах вашего коэна... но ведь и у вас есть люди, должным образом ценящие золото. Я точно знаю, такие люди есть. Золото у вас обращается потаенно, но имеет хождение, и на него можно приобрести много хороших вещей. Согласен, что так и обстоит?

Я поневоле вспомнил паскудного зоотехника, у которого мы три месяца назад делали обыск и нашли жестянку из-под дореволюционного печенья «Эйнем», до

половины заполненную золотыми монетами, колечками-сережками. Действительно, золото любил, с немцев брал исключительно золотыми царской чеканки, и они платили — старый был агент, полезный, немало напаскудил, почему и под расстрел пошел...

— Согласен, что скрывать, — кивнул я. — Но вот меня золото совершенно не привлекает, хоть ты его бочку насыпь...

— Ну, тогда остается последний довод... — Он усмехнулся той усмешкой, к которой я стал уже привыкать. — Что ты так напрягся, Костатен? Я не собираюсь причинять тебе ни малейшего вреда, наоборот. Я тебя отпущу, иди куда глаза глядят, не буду препятствовать. Я даже не буду забирать у тебя вигень, он сам по себе делает тебя преступником, подлежащим смерти. Если у тебя найдут вигень, неторопливо сдерут кожу на площади при большом стечении народа, обожающего такие зрелища. Право же, я тебе не вру. Но это в городе, а ближайший город далеко отсюда. В окрестности лишь деревни. Места тут глухие. Крестьяне — народ своеобразный, особенно в глуши. Чужака в диковинной одежде они, могу тебя заверить, быстренько и без затей припорют вилами. Ради пущего душевного спокойствия — а вдруг ты какой-нибудь злой дух? В городах уже не верят особенно в злых духов, но в такой глуши все иначе. Впрочем, тебе и в городе придется несладко. Предположим, ты окажешься оборотистым, скажем, убьешь одинокого путника и заберешь его одежду. И что это тебе даст? При том, что ты не знаешь о здешней жизни ничегошеньки, будешь хуже ребенка и очень быстро выдашь себя. В этом случае только два пути: либо с тебя сдерут кожу за вигень, а предварительно будут долго пытаться, чтобы установить, где ты его взял, один из самых запрещенных предметов. Либо судья окажется мозговитым и уведомит

о тебе ватаков. Они, будь уверен, заинтересуются твоей персоной и, как только сдерут вигень — а они непременно сдерут, — обнаружат, что ты за пташка. И в этом случае начнутся долгие вдумчивые расспросы с пытками. Так что изволь, иди куда хочешь, ковром дорога! — Он сделал широкий жест левой рукой.

В его голосе не было ни злорадства, ни торжества, только усталая радость победителя в поединке.

— В конце концов, никак нельзя сказать, что ты уникален и незаменим, — добавил Грайт. — Спешить мне некуда, небо не падает на землю. Рано или поздно подыщу другого подходящего, который окажется сговорчивее тебя... или это сделают другие, я не единственный, кто по Тропам ходит в ваш коэн. Потеряем некоторое время, и только. Меж тем, я уже говорил, поездка займет не больше вашей недели. А потом я отошлю тебя назад. Что решишь?

Я угрюмо ссутулился на стволе поваленного дерева. Прекрасно понимал, что он загнал меня в угол, не оставив ни выбора, ни выхода. Некуда мне было деваться. Даже если он изрядно преувеличил грозящие мне в большом мире опасности, мне суждено остаться здесь навсегда...

— У меня нет выхода, — сказал я угрюмо.

— Надеюсь, ты не впадешь в черную тоску и не повесишься при первом удобном случае?

— Не дождешься. — сердито бросил я. — Ладно, я еду с тобой и подчиняюсь твоим приказам. Будь уверен, не сбегу по дороге — некуда...

— Вот и прекрасно, — облегченно вздохнул Грайт. — Я понимаю, сейчас ты зол, как демон Факата, но, надеюсь, успокоишься и перестанешь дуться... Вот что. Костатен, — сказал он уже другим тоном. — Я знаю, у тебя в этом кошеле — оружие. Можно посмотреть? Никогда в руках не держал...

В его голосе звучало неподдельное любопытство, я бы даже сказал, совершенно ему не свойственное, прямо-таки мальчишеское. С таким лицом и таким голосом просил у меня «поддержать револьвер» пионер-племянник. И я поступил как тогда с Тошкой — достал ТТ, вышелкнул обойму, а за ней и патрон из ствола.

— Э нет! — воспротивился Грайт. — Положи эти штуки назад и покажи, как выстрелить!

— У вас, я так понимаю, такого оружия нет?

— И не бывало. Я знаю, там есть какой-то горючий порошок, который бросает кусочек металла так быстро, что его не видно глазом, в отличие от стрелы... Костатен!

И вновь это не прозвучало приказом — он мне снова напомнил Тошку, просившего «дать стрельнуть». Я не дал — но тут как-никак был взрослый человек, мой командир в загадочном предприятии... Так что я вставил обойму, загнал патрон в ствол, снял курок с предохранительного взвода и рукояткой вперед протянул ему пистолет, кратенько пояснив, где нажимать, и предупредив ни в коем случае не направлять дуло ни на себя, ни на меня.

Грайт выпрямился во весь рост, держа пистолет в вытянутой руке, — довольно, как и следовало ожидать, неуклюже, но твердо. Интересное у него стало лицо — словно бы пылавшее воодушевлением, не вязавшимся с его прежней холодной невозмутимостью. Сжав губы, прицелился в ближайшее дерево, росшее метрах в пятнадцати, незнакомое, с торчащими вверх ветками и пучками овальных листьев, со стволом словно бы в крупной ромбовидной чешуе. Нажал на спуск — как случается с новичками, слишком резко, пистолет подпрыгнул у него в руке. В дерево он все-таки попал, брызнули щепки, так обильно, словно туда не пистолетная пуля угодила, а крупнокалиберная или даже малокалиберный снаряд. Выстрелил вторично, снова взлетели щепки.

Когда я понял, что он в азарте пальнет и в третий раз, одернул без колебаний:

— Эй, погоди! У меня осталось мало... зарядов.

Он, как ни удивительно, послушался. Протянул мне пистолет рукояткой вперед, держа пальцы подальше от спускового крючка — учился на ходу, ага, — выдохнул все с тем же восторженным видом:

— Прекрасно...

Я вложил пистолет в кобуру, пожал плечами:

— Вот так и живем...

Снова став прежним, жестким, собранным, невозмутимым, он сказал непререкаемым тоном:

— Не стоит жалеть, что патронов у тебя мало. Все равно твое оружие придется оставить здесь. Может попасть в чужие руки...

Очень интересно! Огнестрельного оружия у них нет и никогда не было, но слово «патроны» он произнес по-русски без малейшей запинки, не произнося вместо него, как уже было несколько раз, местный эквивалент...

— А какая разница? — спросил я. — Если и за вигень, ты сам говорил, с нас так и так сдерут шкуру? Или нас это не касается?

— Это всех касается, — отрезал Грайт. — Но о вигене ватаки знают, а о том, что у нас есть такое оружие, знать не должны. Я ясно выразился?

— Уж куда яснее... — проворчал я. — Ты командуешь...

Мы вновь уселись на поваленный ствол, я закурил папиросу, он — трубку. Потянулся к кармашку. Это и в самом деле оказались часы, золотые, циферблата я не видел, но обратная сторона была усыпана прозрачными шлифованными камнями, синими, красными и желтыми.

— Пора собираться в дорогу, — сказал Грайт. — Докорю только... У тебя есть какие-нибудь вопросы?

— Пожалуй, — сказал я. — Из чистого любопытства... Теперь совершенно ясно, что вы с Оксаной не первый день знакомы: то-то и еда у нее слишком роскошная для деревни, и эта стеклянная штука, и то, что она нисколько не удивилась, когда ты появился из стены... Она ваша или просто с тобой сотрудничает?

— Сотрудничает, — сказал Грайт. — Так получилось, что одна из Троп заканчивалась в ее доме. Конечно, она сначала испугалась, но мы с ней быстро нашли общий язык...

— А вот интересно, она тоже это делает ради золота?

Казалось бы, какая мне разница? Но все равно неприятно было думать, что красавица Оксана вульгарно работает на Грайта ради золотых монет, как тот зоотехник на немцев.

Резко повернувшись ко мне, Грайт чуть ли не прорычал:

— Не смей так говорить! Не все меряется золотом, вот тебя хотя бы взять...

Он тут же взял себя в руки, проворчал, отвернувшись:

— Извини, не сдержался... Но ты не прав касательно Саны.

— Ладно, — сказал я примирительно. — Честное слово, не собирался ее обидеть. Просто интересно стало, почему она с тобой сотрудничает.

— Сана — совсем другое, — сказал Грайт. — Она — каптош. Как это по-вашему... Книжный Человек. Мало того, что знает грамоту и читает книги, но и учит этому детей.

— А у вас что, грамоте не учат?

— Вот уже тридцать лет... — Его лицо было злым. — Ватаки очень быстро покончили с грамотностью. Ее не знают даже готанги.

— Это кто?

— Дай подумать... Благородное сословие. Только они имеют право владеть землей и крестьянами, носить меч. Тебе понятно? В вашем коэне есть подобные, только, Сана говорила, не в вашей стране.

Ничего непонятного — дворяне, ага. Что интересно, он говорил о привилегиях не в прошедшем времени, а в самом что ни на есть настоящем: не «имели право» владеть землей и крестьянами, а «имеют». Насколько можно судить, захватчики далеко не на все устои здешней жизни покусились...

— Я — готанг, — сказал Грайт. — И Алатиэль тоже. Тебе, кстати, тоже предстоит выступать в облике готанга, так для тебя гораздо выгоднее и избавит от многих хлопот. Вот насчет грамотности... Меня успели обучить грамоте. А вот следующие поколения... Алатиэль грамоты не знает вообще.

Он уже дважды произнес это имя — с таким видом, словно это имело сейчас какое-то значение. И я спросил:

— А кто такой Алатиэль?

— Кто такая, — поправил Грайт. — Девушка. Двадцати лет, но полагаться на нее можно всецело. Во время Вторжения погибли ее родственники, а готанги таких вещей не забывают, правда, не все... Алатиэль едет с нами. Надеюсь, у тебя нет предрассудков касаясь участия молодой девушки в столь серьезном деле?

— Никаких, — сказал я.

Откуда взяться предрассудкам? Женщины — иногда совсем молодые — в истории революции широко отметились. Речь идет не только о тех, кто в Российской империи стрелял в царских сатрапов и вел пропаганду. Группой бомбистов, упокоивших императора Александра Второго, руководила молодая женщина Софья Перовская, а в Гражданскую отлично себя показала героический комиссар Лариса Рейнер. Ну а в более близкие

к нам времена достаточно вспомнить Пассионарию, Долорес Ибаррури.

Увы, хватает и примеров, когда женщины выступали на стороне контрреволюции. Одного из вождей Великой французской революции Марата зарезала кинжалом юная дворянка Шарлотта Корде. И в Ленина на заводе Михельсона стреляла в восемнадцатом году женщина...

— Ватаки очень быстро истребили каптошей, — продолжал Грйт. — Запретили не только учить грамоте, но и держать дома книги. Кое-кто, конечно, запреты нарушал — у нас дома было целых десять, в тайнике, конечно. Любого, у кого найдут книгу, ждет... нечто похуже смерти. Грамоте и счету разрешают учиться только лугенам... купцам. Торговлю ватаки, в общем, не тронули, а ее вести невозможно без знания грамоты и счета. Ну и еще лекари — приготовление лекарств часто связано с расчетами. Еще часть судейских и стражи. Все остальные безграмотны. Безграмотными гораздо легче управлять...

Тут я был с ним совершенно согласен. Правда, в Средневековье, да и позже, крупные крестьянские восстания и городские мятежи проходили без всякой грамотности, вспыхивали исключительно благодаря усилиям тех, кого бы мы сегодня назвали агитаторами и пропагандистами. Вот только они всегда кончались поражениями. Как только широко распространились книги, брошюры, газеты и листовки, революции стали одерживать победы: и Великая французская, и Великий Октябрь, и много других помельче...

— Сана — Книжный Человек, — сказал Грйт. — Когда она отошла от испуга и у нас наладился разговор, ее очень заинтересовало все, что я рассказал. Так что она мне помогает не за золото, а по велению души. Вот только я в последние дни всерьез за нее беспокоюсь — у вас началась большая война и уже достигла ее деревни.

Пожалуй, если все благополучно кончится, я ей предложу забрать ее сюда. Здесь ей будет гораздо безопаснее...

В его интонациях я уловил искреннее беспокойство... и кое-что еще. Не удивлюсь, если это были чувства. Что ж, она красавица, а ему всего-то лет сорок. Пусть хоть под венец идут, мне без разницы...

— У тебя будут еще вопросы? — спросил Грайт.

— Нет, пожалуй что...

— Отлично, если захочешь узнать еще что-то, расскажу по дороге. Ехать нам долго, времени будет достаточно... Пора позвать Алатиэль. Она там от нетерпения места себе не находит...

Он вынул из кармана что-то очень напоминающее костяную дудку с парой странных вырезов, приложил к губам тонкий плоский конец — и далеко разнеслись звуки, больше всего напоминающие протяжный, довольно мелодичный крик какой-то птицы. Нечто вроде охотничьего манка, надо понимать. Очень подходящая штука для леса, а мы явно в лесной глухомани, Грайт ничуть не обеспокоился, что кто-то может услышать выстрелы — невероятные в этом мире звуки...

Я стал смотреть в ту же сторону, что и Грайт. Вскоре меж деревьев показалась идущая к нам быстрым шагом девушка — в ней очень быстро опозналась девушка, несмотря на мужскую одежду и меч на боку, который она придерживала со сноровкой человека, привыкшего носить это оружие.

Она остановилась передо мной — тот же наряд, что у Грайта, только светло-сиреневый, с кружевами того же цвета на рукавах и воротнике. Меч и кинжал на поясе, на правом запястье — золотой браслет с синими камнями. Интересно, платья у них есть?

Очаровательная была девушка, враз отгонявшая любые посторонние мысли... Тонкое личико, как на полот-

нах старинных итальянских живописцев (видывали, как же!), прямой носик, пухлые розовые губы, большущие серые глаза, очень выразительные. Темно-русые волосы собраны на спине в недлинную тонкую косу, перевитую золотистой тесьмой с желтыми камешками. Голенища черных сапог точно так же украшены венчиком золотых цветов — я решил, что вместо слов «серебристого» и «золотого цвета» следует употреблять «серебро» и «золото». Дворяне все же. Готанги, чтоб им ни дна ни покрывки...

В ней не было ничего мужеподобного — употребляя слова из нашего мира, просто-напросто ладная, спортивная девочка. Подпольщица, извольте ли видеть. Ну что же, таких и в нашем мире хватало... Лишь бы и в самом деле оказалась надежным спутником в опасном предприятии...

Она взглянула на Грайта вопросительно, словно бы даже с нешуточной тревогой — сразу видно, гораздо хуже умела скрывать эмоции, чем ее командир. Не знаю, сколько их еще поблизости, там, откуда она пришла, но командиром у них явно Грайт...

— Все в порядке, Алатиэль, — сказал Грайт. — Костатен проникся нашими бедами и любезно согласился нам помочь. — Он усмехнулся (будьте уверены, той же самой улыбочкой, словно скроенной по шаблону). — Однако у меня остается впечатление, что в глубине души он сердится, а то и злится за столь бесцеремонное приглашение в наш беспокойный коэн. Как будто у него там спокойно...

Алатиэль, прямо-таки просияв, подошла ко мне вплотную, положила мне на грудь узкую изящную ладонь — в золотом перстне сверкнул на солнце большой синий камень — и мелодичным голоском произнесла:

— Костатен, не сердись на нас, ладно? У нас не было другого выхода, правда. Ты ведь нам поможешь? У тебя лицо хорошего, отзывчивого к чужой беде человека...

Ах, как она старалась быть милой простушкой! Глазищи, что называется, распахнула до души, нежный голосок звучит просительно, прямо-таки умоляюще, и смотрится она такой беззащитной, что поневоле рвешься заслонить ее широкой мужественной грудью от всех на свете опасностей и невзгод...

Не думаю, что она была такой уж коварной. Просто-напросто я не вчера родился и давно свыкся с привычкой красивых девушек таким именно голосочком и с таким именно лицом просить о каком-нибудь одолжении — разве что до сих пор речь шла о пустяковых, мирных, бытовых делах. Уж такими милыми и беззащитными простушками выглядят, лисички...

— Ты ведь поможешь и не будешь злиться? — проворковала она, глядя снизу вверх восхищенно и прямо-таки заворуженно. — Конечно, Грайт с тобой поступил... довольно бесцеремонно, но ты должен его понять. Задача у нас самая благородная — освободить самую большую на материке страну от проклятых захватчиков... Или тебе нужно золото? — Она оглянулась на Грайта. — Грайт, ты ведь ему говорил, что мы можем дать много-много золота?

Грайт усмехнулся:

— Говорил, конечно. Но от золота он отказался, готов нам помочь из душевного благородства...

— Я сразу поняла, что у него благородная душа! — воскликнула Алатиэль, послав мне вовсе уж чарующий взгляд (в котором, будем справедливы, все же не усматривалось опытной блудливости ветреной красотки). — Пойдемте? Солнце уже высоко, хорошо было бы пообедать перед дорогой...

Они мне напомнили прекрасно знакомую парочку из нашей комендатуры, двух следователей, весьма успешно работавших как раз на контрасте. Изобличенный, но до конца не расколотый супостат попадал сначала к Паше

Кондратенко. Нет, не стучал кулаком по столу, не орал, не грозил жуткими карами — разговаривал спокойно и без матерных слов. Вот только матушка-природа наделила его жутковатым обликом страдавшего со страшного похмелья неандертальца, свежего подследственного способного напугать до колик. А когда собеседник приходил в должный градус растерянности и паники, Пашу сменила Нина Бакрадзе, черноволосая и черноглазая красавица, невероятно обаятельная, казалось, не способная обидеть и мухи (и кто бы рассказал подследственному, что у нее на счету собственноручно застреленный диверсант и еще двое взятых боевым самбо?). И начинала разговор так, что у собеседника быстро возникало желание открыть всю душу до донышка красавице с нежным голоском и сочувственным взглядом. У Паши и Нины, работавших в паре уже два года, практически не было осечек, полковник Альмиров даже собирался их представлять к орденам Красной Звезды после того, как раскололи крайне серьезного бобра с той стороны, нацелившегося было уйти в глухую несознанку...

Грайт энергичным шагом двигался впереди, открывая мне незащищенную спину, — ну конечно, прекрасно все просчитал и ничуть не боялся, что я шмальну ему в затылок. Шмальнуть нетрудно, но куда я потом денусь? Алатиэль шагала рядом и порой бросала на меня любопытные взгляды, по-моему, уже вполне искренние, без притворства. Один раз явно хотела что-то спросить, но сдержалась.

Шли недолго. Вскоре оказались на вершине пологого склона, а внизу, на обширной поляне, стоял у широкого ручья немаленький дом в один этаж, с двускатной крышей из дранки и крыльцом с резными балясинами перил и навесом. Я заметил, что ни стекол в окнах, ни трубы не было. Архитектура странноватая, но не такая

уж диковинная. Что-то не походило это строение на простую крестьянскую избу..

— Охотничий домик, — словно угадав мои мысли, пояснил Грайт.

— Твой? — спросил я.

Коли уж он имеет право владеть землями (и крестьянами), то, скорее всего, и владеет. Что-то не похожа эта парочка на захудалых дворян, перебивающихся с хлеба на квас...

— Нет, — сказал он бесстрастно. — Мои земли довольно далеко отсюда, в нескольких днях конного пути. Дом для всех, даже неблагородным разрешено им пользоваться. На охоте обходятся без изрядной части сословных привилегий...

Слева от дома протянулось сооружение отнюдь не диковинного вида — самая обычная коновязь, тонкие бревна на основательных столбах. Длинная, рассчитанная на добрых пол-эскадрона, — но лошадей я усмотрел всего шесть, две с большими переметными сумами и четыре оседланных. И водопойные корыта из цельных колод тоже не выглядели диковинно.

Лошадсй?! Мы подходили к коновязи сбоку, и я очень быстро рассмотрел, что эти животные только похожи на лошадей. Примерно того же роста и величины, но шеи раза в два шире, чем у привычных мне лошадей, головы гораздо длиннее, уши тоньше и острее. А главное, покрыты шерстью наподобие овечьей — густыми кучерявыми завитками разного цвета, от почти черного до светло-желтого, разве что на ногах и голове шерсть не такая обильная...

Правда, седла, сбруя и уздечки не представляли собой ничего особенного — чуточку иные, и только. Диковинные животные стояли смирно, помахивая длинными хвостами, — вокруг вилась какая-то насекомая фауна

вроде крупных мух. И запах навоза, наваленного половиной из них, оказался знакомым, привычным.

— Ну вот, понял кое-что? — спросил Грайт, остановившись в нескольких шагах от коновязи. — Мне требовался не просто человек из вашего козена, а хороший наездник. Их у вас мало, куда ни глянь — эти фыркающие и воняющие самобежные повозки. В деревнях у вас лошадей хватает, но крестьянин не годился, нужен был не просто конник, а воин. Не бойся, они не кусаются. Это йорки. Играют совершенно ту же роль, что в вашем мире кони. И питаются зерном и травой, а не припозднившимися путниками. Я озаботился тебе подобрать ничуть не норовистого. Вот этот, рыжеватый, твой йорк. Попробуй быстренько с ним подружиться, — он усмехнулся. — Или боишься?

Легкую насмешку в его голосе я заметил. И ответил сухо:

— Ты знаешь, не боюсь. Интересно, а ты чего-нибудь боялся в нашем козене? Я так понимаю, ты там несколько раз был...

— Может, это тебя и разочарует, но я не увидел в вашем козене ничего, чего следовало бы по-настоящему бояться, — спокойно сказал Грайт. — Многое поначалу вызывало удивление, порой даже изумление, но не более того. Алатиэль держалась точно так же... Хотя... — Он усмехнулся, взглянув на девушку. — Она многому изумлялась гораздо больше, чем я. Молода еще.

— И далеко не всему, — живо возразила Алатиэль. — Многое мне понравилось с самого начала. Особенно эта замороженная сладость, которую продают в съедобных чарочках. Страшно вкусно. У нас ничего подобного нет, если бы Грайт не сдерживал, я бы объелась...

Интересно, подумал я. Мороженое в вафельных стаканчиках они могли попробовать только в городе,

в деревнях его пока что не продают, не настолько еще выросло благосостояние трудящихся, несмотря на усилия товарища Микояна. Значит, посещали какой-то город? Конечно, с вигениями они не были бы приняты за иностранцев, а в платице из нашего магазина Алатиэль ничуть не отличалась бы от простой советской девушки, но вот Грайт...

— Что ты так задумчиво нахмурился, Костатен? — с любопытством спросил Грайт.

— Да думаю вот... — сказал я. — Вы, я так понял, были в городе?

— В городе, как нам объяснили, не в большом, но и не маленьком. Название я не запомнил, уж не посетуй, — диковинное для нашего уха, как и для твоего, могу спорить, будут наши названия. И особого внимания не привлекли.

— Это-то и чуточку странно... уж не посетуй, — сказал я. — Конечно, если Алатиэль и привлекала внимание, то только красотой, а вот ты... У нас мужчины стригутся гораздо короче, с такими прическами, как у тебя, мало кто ходит... Или ты тогда был стрижен коротко?

— Ничего подобного, в точности как сейчас. Но внимания не привлекал совершенно. Видишь ли, все было тщательно продумано. Не думаешь же ты, что я пустился по городу, не подготовившись как следует? Несколько дней провел в беседах с Хранителем Тропы в том городе. Он, как и Сана, — Книжный Человек, учит детей, но не маленьких, как Сана, а постарше. Наука, описывающая ваш коэн...

— География?

— Да, вот это слово. Знаешь, когда я первый раз появился, он испугался гораздо меньше, чем Сана, и поладили мы с ним гораздо быстрее. Он и надоумил. Я ходил по городу в черной одежде вашего жреца, наподобие

женского платья. Жрец был... кьотьоликъ. В городе был большой храм, и Книжный Человек заверил, что таких жрецов в городе много, местных и приезжих, и я не буду бросаться в глаза. Так оно и оказалось. У меня была с собой картинка, и портной сшил мне здесь очень похожую одежду. Конечно, мы ходили по городу очень недолго...

— А мне так хотелось посмотреть, как на белом полотне показывают живые картины... — с прямо-таки детской обидой протянула Алатиэль. — Но ты торопил...

— Надеюсь, еще будет случай, — с видом величайшего терпения сказал Грайт, взглянув на нее как взрослый на малого ребенка, требующего луну с неба. — Не стоило рисковать. Я так и не спросил у нашего гостеприимного хозяина: а вдруг таким жрецам не позволено посещать такие зрелища? И ко мне мог подойти такой же жрец, завести разговор о жреческих делах... и как бы я тогда выглядел? Мы же ради развлечения туда отправились...

— Все я понимаю, — заверила Алатиэль. — Просто жалко, что не удалось. Это было какое-то очень смешное зрелище, на улице слышно было, как хохочут зрители... Знаешь что, Костатен? Ты только не обижайся и не сердись. Холодное белое лакомство мне понравилось страшно, а вот ваши женские платья, прости, ничуть. Какие-то они... простоватые, и украшений на ваших женщинах почти не видно. Им, должно быть, скучно так ходить.

Очень мило, подумал я, представив Грайта в сутане католического ксендза. Получается, они создали у нас целую шпионскую сеть, расхаживали по улицам как ни в чем не бывало... может, и сейчас кто-то расхаживает. Интересно, как обстоит с документами? Есть ситуации, когда их могут проверить, особенно теперь, в военное время. Или они и с документами что-нибудь придумали? Мало ли на что способна их магия... А впрочем, тревожиться не о чем. В конце концов, они не имеют ничего

общего с обычными шпионами нашего мира. Хотя расхолаживаться и терять бдительность рано. Сегодня они ради каких-то своих надобностей утащили к себе лейтенанта пограничных войск, а завтра, чего доброго, нагрянут страшно подумать куда, страшно подумать к кому... При том что пограничные заслоны на их чертовых Тропах ни за что не поставить, проникать в наш мир они могут беспрепятственно, и я не вижу возможностей с их агентурой успешно бороться: кто бы мог подумать, что в простой крестьянской хате обычной сельской учительницы скрывается Тропа, и в каком-то неизвестном по названию городе, очень может быть, и не советском... где еще?

— Но вот что мне понравилось в вашей женской одежде... — начала Алатиэль, похожая сейчас на обычную красивую девчонку, а не подпольщицу, пусть даже на поясе и висел меч.

— Алатиэль, сейчас не время, — сказал Грайт ничуть не приказным тоном, терпеливо и даже с некоторой мягкостью — как я подметил, он именно так с ней и держался. — О платьях и прочем будете говорить в дороге, путь долгий и можешь сколько угодно болтать о пустяках... Сейчас нужно, чтобы Костатен побыстрее освоился со своим йорком. Сахар у тебя с собой?

— Как всегда, Грайт.

Она полезла в карман и протянула мне бугристый полотняный мешочек.

— Э нет, — сказал Грайт. — Не стоит слишком баловать хорошего йорка. Достаточно и того, что ты свою Лютфию, стоит мне отвернуться, сахаром балуешь...

Он достал из мешочка и протянул мне большой кусок коричневого сахара, бросил:

— Этого будет достаточно. Иди знакомься.

Я подошел к указанному мне йорку безо всякого страха — это было не сказочное чудовище диковинного вида,

а верховой конь, пусть и непривычного облика. Он спокойно повернул голову, кося на меня огромным лиловым глазом. Пахло от него чуточку непривычно, но все же это был запах здорового, сильного, спокойного животного.

— Привет, как поживаешь? — спросил я и похлопал ладонью по сильной теплой шее, покрытой тугими завитками рыжеватой шерсти. Похоже, его недавно хорошо вычистили.

Протянул на ладони кусок сахара. Йорк взял его с ладони совершенно так, как это в обычае у наших коней: осторожно, одними губами, захрустел, дружелюбно фыркнул мне в лицо. Хоть что-то мне пришлось по сердцу в этом мире...

— Между прочим, его зовут Шупташ, — сказал у меня за спиной Грайт. — Теперь попробуй проехаться.

Я отвязал повод, привычно вставил ногу в стремя и взмыл в седло. Послал Шупташа вокруг обширной поляны, сначала шагом, потом перешел на рысь. Сразу угадывался хорошо выезженный конь (так уж и буду удобства ради именовать его и далее) — прекрасно слушался поводьев, а когда я решился дать шенкеля, отреагировал в точности так, как наши кони: перешел на крупную рысь. Ну что же, приемы и ухватки верховой езды наверняка в обоих мирах схожи — не так уж и много вариантов...

— Отлично, — одобрительно сказал Грайт, когда я спешился и привязал коня к тому же кольцу. — Сразу видно, что у вас все идет на лад. Пойдем, переоденешься.

Я пошел вслед за ним к высокому крыльцу, поднялся по добротным, ни разу не скрипнувшим ступенькам. За дверью обнаружилась просторная, длинная, совершенно пустая комната (если не считать широкой лавки в углу), куда выходило несколько резных дверей. Сразу почувствовалось, что это заведение не для простого народа — лавка, уж на что прозаический предмет мебели,

сработана на совесть из темного дерева и даже чуточку отполирована.

Гораздо интереснее лавки был проворно вскочивший с нее человек — детина на вид гораздо моложе Грайта и совершенно другого полета: широкая, простецкая, круглая физиономия, отнюдь не придурковатые карие глаза, светлые волосы пострижены гораздо короче, чем у Грайта, едва прикрывают уши. Одежда того же фасона, но, сразу видно, пошита из гораздо более дешевого материала, пояс простой кожаный с медной квадратной пряжкой, и на нем висит не меч, а что-то вроде короткого широкого тесака с белой костяной рукоятью и нож с такой же ручкой. И шапка на голове — первый здесь мной увиденный головной убор, похоже валяный, в виде конуса с закругленным верхом и загнутыми вверх неширокими полями. Впрочем, шапку он скинул и низко поклонился. Грайт на поклон не ответил, а потому и я не стал. Все в детине указывало на подчиненное положение — егерь, слуга, и не более того. И сапоги добротные, но из гораздо более грубой кожи безо всяких украшений...

— Это Лаг, — сказал Грайт столь же небрежно, как только что называл мне имя коня. — Все готово, Лаг?

— Конечно, хорп, как же иначе, — отозвался Лаг, не надевая шапки.

Держался он без страха, не угодливо, но все равно я укрепился во мнении, что это слуга, пусть и чуть балованный на манер Планше, все за это говорило.

— Тогда пошли. — Грайт распахнул передо мной одну из дверей.

Там оказалась большая комната, обставленная не в пример комфортнее: три кровати, высоченный шкаф, стол и четыре кресла, все сработано гораздо искуснее лавки и покрыто затейливой резьбой в том же стиле, что и дверь. Застелена только одна из трех кроватей,

остальные могут похвастать лишь матрасами в широкую красно-желтую полосу. Один матрас пуст, а на другом лежит одежда, кинжал в ножнах, к кровати прислонен меч, и тут же стоят сапоги со шпорами.

— Переодевайся, — сказал Грйт командным голосом. — Все свое складывай сюда. — Он показал на занимавший половину матраса квадратный кусок темной материи. — Все. При тебе не должно остаться ни единого предмета из твоего коэна. Лаг закопает узел...

— А потом мы сюда вернемся за моими вещами? — спросил я.

— Сомневаюсь. Даже если все получится успешно, посылать тебя назад я буду с другой Тропы. Нет смысла тащиться в обратный путь из-за самых обычных в твоём мире вещей.

— Не все такие уж самые обычные... — проворчал я.

Жаль было и безотказных швейцарских часов, за восемь месяцев ни разу не опоздавших и не забежавших вперед и уж безусловно не требовавших ремонта, и «Ворошиловского стрелка», полученного по заслугам, но более всего — «Ворошиловского конника». Так получилось, что «Стрелка» вручил школьный военрук Осипов, всего-то навсего старший лейтенант, ушедший в отставку из-за язвы желудка, низенький, неавторитетный, с желчным лицом, ни разу на моей памяти не улыбнувшийся. И получали тогда значки человек тридцать старшеклассников. С «Конником» обстояло совершенно иначе. Нам пятерым, отличникам конноспортивной секции, организованной комсомолом на ипподроме, значки вручил приехавший из области комбриг, командир стоявшего там кавалерийского полка, Гражданскую отвоевавший у Котовского. Рослый, крепкий дядька с красивой сединой и смоляными усами под Буденного, с двумя орденами Красного Знамени и Краснознаменной шаш-

кой. Многие нам завидовали, а мы посматривали на них свысока и промеж себя называли «пехотой сиволапой». Да и сам по себе «Конник» гораздо более редкий, чем «Стрелок», которого, говорили, получали и девчонки. Даже если удастся раздобыть другой — но кто мне свой отдаст? — это будет уже не то...

— Ничего не поделаешь, — твердо сказал Грайт не допускаям возразений тоном. — Не должно остаться ни одной вещи, по которой можно понять, что ты не отсюда.

— Ватаки не знают о Тропах?

— Знают, — сказал он, чуть поморщившись. — Тропы обнаружили еще до Вторжения. Они долго были одной из тайн каптошей, но о них знал и тогдашний король... Расскажу подробнее как-нибудь потом. Главное, ватакам так и не удалось ни одну из Троп обнаружить. Каптоши... и те, кто пришел им на смену, умели хранить секреты и приняли кое-какие меры... А король знал только, что Тропы есть, но не знал места ни одной... Хватит болтать, некогда. Переодевайся живенько.

Что тут поделаешь? Я принялся под его пристальным взглядом разоблачаться догола. Впрочем, сразу было видно, что никаких противоестественных склонностей он не питает: не на меня тарашился, а зорко следил, как я выкладываю на кусок материи часы и папиросы (значки я отвинчивать не стал, так и оставил на гимнастерке). Задумчиво повертел в руках простую бакелитовую расческу.

— Это тоже положи туда же, — распорядился Грайт. — У нас такими пользуются только низшие. Я тебе дам кое-что другое, как нельзя более приличествующее готангу...

Я послушался. Взялся за здешнюю одежду. Исподнее и здесь имелось — нечто вроде трусов ниже колен. Штаны и кафтан — ну это просто. Носки не совсем привычные: из толстого полотна, с толстой вязаной подкладкой. Ну

а натянуть сапоги было совсем просто. Одежда оказалась великовата, но самую чуточку, не висела мешком. Сапоги тоже чуть великоваты, но это лучше, чем тесные...

Без подсказок Грайта кое-как прицепил меч, кинжал и такой же, как у Грайта, кошель, в котором на ощупь угадывались под тонкой замшей продолговатые предметы наподобие больших авторучек или указок. Хотел расстегнуть кошель, чтобы посмотреть, что там, но Грайт остановил:

— Это подождет. Пройдись-ка по комнате...

Я добросовестно прошелся к окну и назад. Ступал чуточку неуклюже: каблуки у сапог не дамские, но все же повыше, чем у наших. Я не спотыкался и не ковылял, но все равно требовалось пока что осторожно ставить ноги, словно при ходьбе по тонкому льду.

— Неплохо, — одобрил Грайт. — Понемногу привыкнешь. Получился готанг хоть куда. Волосы, правда, подкачали...

— А что с ними не так?

— Подстрижены коротко, как у низших. Длинные волосы — древнейшая привилегия готангов, и только готангов. В старые времена порой вместо казни или тюрьмы готангов стригли наголо, это считалось величайшим позором...

— Я же в таком случае буду бросаться в глаза как не знаю кто...

— Не будешь, — заверил Грайт. — Есть отличное объяснение. Ты только что переболел клотилем. Это такая не тяжелая, но докучливая хворь. Болеют главным образом дети, но и взрослых порой ударяет. Передается от домашних животных, правда, не всех. Кожа покрывается струпьями, которые в конце концов сходят, не оставляя следов. И начисто выпадают волосы. Так что ты — готанг, совсем недавно хворавший клотилем. Никто ниче-

го не заподозрит. Стрижка волос в наказание перестала применяться еще при моем дедушке...

По описанию болезнь походила на стригущий лишай, в пятом классе подцепленный Митькой Переверзевым от бездомного котенка. Мы Митьке тогда завидовали — он три месяца просидел дома, не ходил в школу, пока не перестал быть источником заразы. Скучал, конечно, но был избавлен и от приготовления уроков, и от двоек, читал да возился в огороде...

Очень быстро я понял, чего не хватает. И спросил:

— А головного убора мне что, не полагается? У тебя его тоже нет, а вот у Лага есть...

— Ничего удивительного, — усмехнулся Грайт. — Лаг — низший. Готанги, и только они, головных уборов не носят, это еще одна старинная привилегия. В старые времена часто готанга не заключали в тюрьму, а отбирали у него меч и приказывали выходить на люди исключительно в шляпе. Никто и не выходил. Это было хуже смерти — готангу появиться меж людьми без меча и в шляпе. Весь присужденный срок носа не высовывали из дома или из замка...

— А если дождь? Или у вас нет дождей?

— Конечно, есть, — сказал Грайт. — Что поделаться, приходится терпеть. Ради одной из исконных привилегий готанг обязан мириться с буйством стихии...

— А если зима? — с искренним любопытством спросил я.

— Зьима... Ты про то время года, когда очень холодно и с неба сыплется твердый дождь?

— Вот именно.

— Понятно, — кивнул Грайт. — Я однажды был у вас, когда стояла зьима. Пренеприятнейшие впечатления остались, знаешь ли. Нет, не в холоде дело, а замерзший снег — даже красиво, если нет ветра. Единственный

раз в жизни показался на людях с покрытой головой, чтобы не обращать на себя лишнее внимание. Не было другого выхода — нужно было идти. Ощущения... Ты не поймешь. Короче говоря, у нас нет такого времени года, как зима. Просто несколько месяцев в году становится холоднее, и ветры тогда сильнее, с проливными дождями. Вот и вся зима.

Везет вам, подумал я. Будь у вас настоящие зимы с морозами, наверняка отличительным признаком готанга были бы отмороженные уши...

— Ну довольно, — деловито сказал Грайт. — Что-то мы разболтались о пустяках, как женщины, которым нечего делать. Открой кошель.

Я так и сделал. Там обнаружилось нечто вроде кожного футляра, из которого торчали длинные рукоятки. Одна серебряная с мастерской чеканкой, другая из темного дерева с искусной резьбой, третья, очень похоже, из прозрачно-красноватого с причудливыми темными разводами янтаря.

— Вытащи ту, что с серебряной ручкой, — сказал Грайт. — Насчет двух остальных я тебе объясню потом, будет время, а с этой ты должен управляться уже сейчас...

Я вытянул серебряную рукоятку. Из нее торчал стержень — коричневое дерево в черных прожилках, конец закруглен. Вчера я видел в точности такую же штуку на подоконнике у Оксаны, Оксана сказала, что это указка, но, очень похоже, соврала...

— Подойди к зеркалу, — сказал Грайт. — Этим у нас расчесывают волосы. Просто приложи дерево к волосам и двигай. — Он усмехнулся. — Это совершенно безопасно...

Подойдя к большому овальному зеркалу в массивной резной раме, я всмотрелся в свое отражение и не почувствовал никакого неудобства — одежда непривычная,

и только. Другое дело, что я показался себе актером, наряженным для какой-то пьесы из стариной жизни, — но это можно пережить...

Провел деревянным стерженьком по растрепанным волосам — и они моментально легли ровненько, как расчесанные хорошей гребенкой. Удобная штука, я с ней моментально освоился и привел прическу в полный порядок.

— Еще одно наставление, — сказал Грайт. — Ты ничегошеньки не знаешь о нашей жизни и будешь беспомощен при простом разговоре на самые обыденные темы...

— Я и сам об этом подумал...

— Предусмотрели и это, — сказал Грайт спокойно. — В дороге и на постоялом дворе нечего опасаться, что тебя втянут в разговор — это против этикета. Полагается обязательно спросить, готов ли незнакомец завязать разговор. Если нет, тебе достаточно отрицательно мотнуть головой, чтобы словоохотливый тип отстал без обид. А вот в городе могут оказаться ситуации, когда от разговора ни за что не увильнешь, тут уж на нелюдимость не сошлешься... Я кое-что придумал на этот счет. Ты — глухонемой. На любые обращенные к тебе слова недоуменно таращишься и пожимаешь плечами. Можно при этом глуповато ухмыляться — правда, и переигрывать не стоит... Глупо ухмыляться в меру. Тебе же самому не захочется выглядеть законченным идиотом?

— Не хотелось бы, — сказал я.

— Можешь попрактиковаться перед зеркалом в глуповатых ухмылках, это только на пользу делу...

— И вот что... — сказал я. — Если на меня вынесет настоящего глухонемого? Не знаю, как у вас, но у нас у глухонемых есть... самый настоящий язык... язык жестов...

— Ну конечно, — сказал Грайт, ничуть не удивившись. — Как же, ты про эйтор. У нас он тоже есть.

Только, видишь ли... Случается, и в семьях готангов рождаются глухонемые дети. Но эйтору их не учат, это считается уделом низших. Даже глухонемого готанга низшие обязаны понимать, даже если он не владеет эйтором. Кстати, это тебе поможет и в разговорах. Готанги стараются не особенно показывать своих глухонемых детей на люди, они большую часть времени проводят в натуральном затворничестве... хотя, разумеется, не заперти. Особенно это распространено в захолустье. Так что ты — готанг из захолустья, несведущий в городских делах. Вообще в жизни большого мира. Алатиэль тебе покажет пару-тройку простых, распространенных жестов, которыми ты сразу дашь понять окружающим, что ты глухонемой и во многом разбираешься плохо. Это ни у кого не вызовет удивления, разве что иные будут смотреть тебе вслед с брезгливой жалостью, но это пустяки... Да, тебе надо и одежду в порядок привести. У нее такой вид, как будто она долго пролежала свернутой в дорожном мешке. А это неправильно, мы несколько дней якобы провели на охоте, и у нас есть добросовестный слуга...

Он был прав: одежда была помятая, в складках, — не то что у него и Алатиэль, да и у Лага. Вот у них троих наряды казались тщательно отутюженными — хотя непонятно, как этого можно добиться в лесной глухомани...

— Мне что, опять раздеваться? — спросил я, подумав: наверняка у них есть какие-то утюги... Допустим, их, как кое-где у нас, засыпают горячими угольями из печки — правда, над домом не видно было ни одной дымовой трубы...

— Нет, это делается проще... — Грайт подошел к двери, чуть ее распахнул и негромко позвал: — Лаг!

Детина появился в комнате моментально, со сноровкой бывалого солдата — разве что не наблюдалось солдатской выправки. Вопросительно уставился на хозяина,

готовый выполнить любое распоряжение: ну, скажем, перерезать мне глотку. Прикажи ему такое Грайт, непременно исполнит быстро и в точности, знаю я, пусть исключительно из романов, таких верных и исполнительных слуг — они, надо полагать, не только в романах, а и в жизни встречаются, лишенные классового самосознания...

— Почисти Костатену одежду, — распорядился Грайт.

Лаг подошел ко мне, расстегнул продолговатый кошель на поясе и почтительным тоном попросил:

— Соболаговолите, готанг, сделать руки вот так... — и показал как.

Выглядело это так, словно меня собирались вдумчиво обыскать. Я, не прекословя, поднял руки на уровень плеч. Лаг достал из кошеля штуковину наподобие «расчески» (я не стал спрашивать у Грайта ее здешнее название, совершенно ни к чему), только раза в три побольше, с резной костяной рукоятью и медным, кажется, стержнем. Провел ею по моей груди от воротника к поясу — и все складки и помятости волшебным образом исчезли, кафтан выглядел свежоотглаженным, как у этой троицы. Вот оно в чем дело... Огнестрельного оружия у них нет, но расчески и одежные щетки весьма примечательные. Снова какая-то магия или здесь что-то другое? А впрочем, какая мне разница? Надолго я здесь задерживаться не собираюсь, очень хочется верить, что Грайт слово сдержит и отправит меня назад — как ясно из его слов, он запросто расхаживает меж двумя мирами по этим их загадочным Тропам...

— Достаточно, я думаю, — сказал Грайт.

Лаг убрал свою «щетку» в кошель и улетучился почти беззвучно — немаленькое достижение для рослого детеныша... Вышколен на совесть, я так понимаю...

— Ну вот, привели тебя в надлежащий вид, — сказал Грайт. — Теперь осталось...

Он подошел к крайне напоминавшему низкий широкий комод предмету здешней мебелировки, пузатому, на гнутых вычурных ножках, выдвинул ящик и подал мне часы, почти такие же, как у него, на массивной золотой цепочке. Роскошные были ходунцы: большущие, золотые, с россыпью желтых камней на крышке, с массивной ребристой головкой и выпуклым стеклом. Ажурные золотые стрелки, циферблат разделен на восемь загадочных знаков, выложенных крохотными желтыми камешками. Ну конечно, счет времени здесь другой. Интересно, в сутках восемь часов или шестнадцать? Спрошу потом, сейчас такие подробности ни к чему...

Часы исправно тикали — размеренно, негромко.

— Время я поставил точное, — сказал Грайт. — Как их заводить, покажу потом. Хочешь что-то спросить?

— Эти знаки... — сказал я. — Похоже на цифры, а ты сам говорил, что грамоте у вас не учат. Выходит, это что-то запрещенное?

— Ну отчего же, — усмехнулся Грайт. — Единственное послабление насчет грамотности — разрешается учить цифры до тридцати. Считается, этого вполне достаточно — часы, еще кое-что... Я когда-то умел считать по-настоящему, с несколькими арифметическими действиями, но давно, как многие, все забыл — негде эти знания применять даже потаенно от ватаков... — В его голосе звучала неподдельная грусть. — И вот это тебе необходимо, на большой дороге — да и в городах порой — Золотая Стража может потребовать и у готангов...

Я принял у него овальную дощечку нежно-золотистого цвета, судя по легкости, деревянную (и дерево хорошо просушено). Размером с ладонь. На одном конце аккуратная дырочка. Три строчки по пять знаков в каждой — загадочные письмена вроде иероглифов, затейливых и красивых. Иероглифы словно глубоко

выштампованы и покрыты не краской, а чем-то вроде поблескивающей алой глазури.

Я взял ее горизонтально, как книгу.

— Нет, вот так, запомни хорошенько. — Грайт повернул в моей руке пластинку вертикально. Теперь иероглифы, не ставшие от этого более понятными, напоминали японские или китайские надписи. — Подорожная. Это не наши буквы — они были гораздо проще. Знаки принесли ватаки. Неизвестно, это их буквы, цифры или просто какие-то знаки, — а потому никто не может их подделать, хотя саму дощечку при усилиях смогли бы... Зато известно совершенно точно: каждая суруга уникальна и неповторима. — Он покривил губы. — Это знание стоило нескольких человеческих жизней... Разумеется, и твоя суруга доподлинная, ведь поддельных просто не бывает. Это подорожная, без нее запрещено выезжать за пределы своего города, деревни, поместья. Не беспокойся, все обойдется в лучшем виде. Человек, самым законным образом ее получивший, безвылазно будет сидеть у себя в замке, пока мы не кончим дело...

— Значит, ею может пользоваться кто угодно другой? — спросил я — сработали кое-какие рефлексы пограничника, проверившего в жизни много документов, в том числе и на предмет подлинности.

— Ну да, — кивнул Грайт. — Никто представления не имеет, что эти знаки сообщают, но одно известно точно: там нет ни описания внешности владельца, ни указания его возраста, ни даже уточнения, мужчина это или женщина. — Он снова горько покривил губы. — За эти знания тоже пришлось платить человеческими жизнями...

— Значит, эта штука совершенно надежна? — спросил я.

— Можешь быть уверен, — сухо ответил Грайт. — Иначе я не взял бы тебя в такое... дело. Нужно прояс-

нить еще один крайне важный вопрос, единственный оставшийся непроясненным. Тебе же приходилось убивать врагов?

— Дважды, — сказал я.

— В бою?

— Можно назвать это и так. В любом случае у них тоже было оружие, и они готовы были убить меня. — Долгонько было бы растолковывать ему, кто такие диверсанты, да и ни к чему, и я сказал просто: — Они шли воевать, хотя войны и не было. Коли уж у тебя отец и дядя служили в порубежной страже, ты должен знать, что на рубежах иногда бывает очень беспокойно...

— Я знаю, — кивнул Грайт. — И всякий раз — из этой штуки, что метает кусочки металла?

— Ну конечно, — сказал я. — У них было точно такое же оружие. Мы очень давно не воюем мечами и стрелами...

Думаю, он прекрасно знал о боевом применении стрел. К седлу трех верховых коней (но не моего Шупташа) были прикреплены саадаки (как это в свое время называлось) с высокими луками из темного дерева и колчаны со стрелами с красным оперением. Грайт мельком упоминал, что они притворяются охотниками. Что ж, везде, где человек придумывал лук, он его быстро приспособливал не для охоты, а для убийства себе подобных. Пусть даже у них нет ни войн, ни войска, память должна остаться...

— Вот тут есть слабое место, — сказал он, нахмурясь. — Ты совершенно не владеешь мечом. А схватываться с теми, кто умеет, нам, вполне возможно, предстоит. Мы изрядную часть пути проделаем лесами, а в лесах хватает разбойников, мы можем на них напороться хоть сегодня, если не повезет...

— Луки у них есть?

— У многих.

— Тогда какое имеет значение, что я не умею владеть мечом? — спросил я. — Стрелой из засады можно с равным успехом убить и растяпу, и умельца...

— Тоже верно, — сказал он задумчиво. — И все же... Если дело дойдет до схватки, ты будешь бесполезен, мало того, тебя легче всего будет убить...

Я не удержался от ядовитой реплики:

— А раньше, когда ты меня волок сюда, ты об этом не подумал? Только сейчас в голову пришло?

Он ничуть не рассердился, сказал со своей обычной невозмутимостью:

— Как же, думал и раньше. Только другого выхода не было. Мне необходим был хороший конник. Их у вас мало, но все же есть. А вот хорошо владеющих мечом не осталось... Я упомянул про луки у разбойников, чтобы ничего от тебя не скрывать, в том, что касается опасности нашего... предприятия.

Слеза меня сейчас прошибет от такого благородства и заботливости, слеза умиления... Я спросил:

— А что, ваши мечи и стрелы против ватаков бесполезны?

— Именно так.

— Они неуязвимы для острого железа?

— Судя по их поведению и по тому, что рассказывали те, кто встретил Вторжение, — весьма даже уязвимы. Тут другое. Мы попросту не можем подойти к ним на удар меча, копья или полет стрелы. Почему так, долго рассказывать. Ни за что не можем... Ты — можешь.

— Тогда почему ты не хочешь рискнуть и разрешить мне взять мое оружие? — Я кивнул на постель, где португези было не видно под гимнастеркой.

— Во-первых, есть вероятность риска — оружие у нас могут найти по дороге, и все рухнет. Во-вторых...

Стрелять по ним из твоего оружия означает не добиться главной цели. Да, пожалуй, из твоего оружия можно издали убить ватака... или даже нескольких. Но не более пяти — ты сам говорил, что у тебя осталось только пять патронов. Даже будь их пять раз по пять и еще столько... Победа не в том, чтобы прикончить сколько-то ватаков. Победа в том, чтобы разрушить Мост. А для этого требуется не оружие твоего козна, а ты сам... Понятно?

— Понятно, — сказал я. — Однако ты все время что-то недоговариваешь.

— А твои высокие командиры все время делятся с тобой своими сокровенными планами? — с явной иронией спросил Грайт. — Молчишь? Значит, не делятся. Другого от хорошего командира нечего и ждать. Так что я тебе открываю тайны понемногу, для каждой — свой черед... Тебя это удручает? Обижает?

— Да, в общем, нет, я привык...

— Здесь многое обстоит.. обстояло точно так же, — с некоторой наставительностью сказал Грайт. — Знания следует выдавать понемногу. Итак, в бою ты будешь, прости уж, бесполезен...

— Ну не настолько уж... — сказал я. — Видишь ли, у нас есть такая рукопашная борьба...

Похоже, вигень передал мои слова в точности — Грайт разъяснений не попросил. Сказал только:

— Ну-ка, подробнее...

— Рукопашная борьба, — уже увереннее повторил я. — Человек, который ею владеет, может справиться и с вооруженным — неважно чем — противником.

— Интересно... — сказал Грайт. — Мои знания о вашем козне не такие уж полные и всеобъемлющие... Показать можешь?

Оглянувшись в поисках подходящего предмета, я вынул из кошель расческу и подал ему:

— Представь, что это нож, и попытайся меня ударить. Только совершенно серьезно...

Грайт поднялся с кресла. Я немного отступил и, как учили, принял мнимо расслабленную позу, опустив руки. У меня были хорошие учителя, один из них, несколько лет прослуживший на беспокойной границе с Маньчжоу-Го, обучал даже тамошней драке с применением палки.

Грайт моментально переменялся. На меня неторопливо надвигался хищник — собранный, решительный, опасный, с мягкими кошачьими движениями. Я ждал. Ага! В последний миг он, не глядя, перебросил «нож» в левую руку, явно собираясь ударить без глупого замаха. Ну, эти фокусы мы знаем...

Уйдя плавно влево, я перехватил его руку, повел по короткой дуге, присел и швырнул Грайта через себя, спиной вперед. Особой нужды в этом не было, мог и просто обезоружить, но так гораздо эффективнее... Грайт шумно грянулся на пол, расческа выпала, покатилась по хорошо оструганным доскам.

Я молча ждал, когда он поднимется на ноги, чувствуя нешуточное моральное удовлетворение. С первых шагов в этом мире я тыкался слепым котенком и вынужден был решительно во всем полагаться на Грайта, водившего меня за ручку, будто едва начавшего ходить ребеночка. Пусть убедится, что и я чего-то стою, могу за себя постоять и здесь...

Он поднялся неторопливо, и на его лице я не увидел злости.

— Что ж, это убеждает, — сказал Грайт. — Согласен, ты не будешь таким уж беззащитным. У нас что-то похожее есть у пастухов в Калайских горах, но мы не обращали внимания на забавы низших — очень похоже, зря. Это уже кое-что. Нужно еще попробовать...

Он подошел к двери, чуть ее приоткрыв, позвал Лага, немного подождал, принял от него что-то и вернулся с топором в руке. Протянул его мне:

— Посмотрим, что у тебя с этим получится. Это не меч, тут не требуется такого искусства...

Я взвесил оружие в руке. С первого взгляда было ясно, что это именно оружие, а не мирное дровокольное приспособление — топорище короче привычных мне, круглое, утыканное металлическими шляпками (ага, чтобы не скользила рука), острие в форме полумесяца, сразу видно, наточено до бритвенной остроты, оба острых конца прилегают к топорищу...

Грайт отступил к стене:

— Представь, что перед тобой противник. Как ты его рубанешь? Целься меж шеей и плечом, это очень надежный удар...

Я представил себе противника, требуемый удар — и взмахнул топором, остановив лезвие в воздухе примерно на уровне сердца воображаемого врага.

— Не так уж плохо, — одобрительно кивнул Грайт. — Не особенно искусно, но с топором ты смотришься лучше, чем с мечом... особенно это пригодится потом, — загадочно добавил он и не стал ничего пояснять. — Да, я совсем забыл отдать тебе последнее...

Он достал из ящика комода трубку и туго набитый кисет, в точности такие, как у него, протянул мне. Я с радостью сунул их в карман — отрадно для курильщика, хоть я и не привык к трубке...

— Пойдем, — сказал Грайт и первым направился к двери.

Когда мы спустились с крыльца, подошла Алатиэль, на ходу пряча в карман холстинный мешочек с сахаром. Чуть смутилась под укоризненным взглядом Грайта, но не особенно — я давно уже вывел заключение, что дев-

чонка чертовски своенравная и, конечно же, не имеет ни малейшего представления о воинской дисциплине. Интересно, зачем он взял в опасное предприятие именно ее, когда на ее месте, если бы это от меня зависело, был бы предпочтительнее хваткий семижильный мужик вроде него самого? Или в здешнем подполье лютый кадровый голод? С подпольем это бывает...

— Я смотрю, ты Костатена вооружил до зубов... — с нескрываемой иронией (но обаятельной улыбкой) бросила Алатиэль. — Увы, с мечом он обращаться не умеет, ты сам говорил...

— А ты умеешь? — не выдержал я. Не люблю такого тона у смазливых девчонок, пусть и из другого мира.

Обнаружил, что топор так и остался в руке, — и чуть смущенно прислонил его к перилам на нижней ступеньке крыльца, топорищем вверх. Алатиэль отступила на пару шагов, выхватила из ножен меч и, дерзко улыбаясь, предложила:

— Доставай свой, посмотрим...

Грайт безмолвствовал, стоя с непроницаемым выражением лица. Расценив это как позволение, я вытащил свой — конечно, весьма неуклюже, впервые в жизни держал в руках.

Алатиэль сказала с улыбкой:

— Вот так и стой. Не бойся, не поцарапаю, ты ведь невредимый нам нужен...

Ее очаровательное личико стало собранным и жестким, нахмурясь, сжав пухлые губы, она сделала шаг вперед. До Грайта ей было далеко, но кое-какая выучка все же чувствовалась. Я остался стоять в той же позе, не ожидая для себя ничего веселого.

Ее меч свистнул в безветренном воздухе, на миг превратившись в сверкающий полукруг, — и мои пальцы больно ударило, меч словно бы сам собой отлетел

в сторону. Острие ее клинка застыло не далее чем в полуметре от моей груди. Это поневоле впечатляло — будь схватка настоящей, амазоночка меня бы проткнула не один раз...

Улыбчиво шурясь, Алатиэль сказала таким тоном, словно показывала мне язык:

— По правилам поединков я должна спросить: «Смерть или жизнь?» А ты, опустившись на правое колено, смиренно ответишь: «Молю о жизни, благородная госпожа поединщица»...

— А если я выберу смерть? — строптиво спросил я.

— Тогда я имею право тебя прикончить, хоть это в последнее время и считается дурным тоном, — сказала Алатиэль, вложив меч в ножны. — Но все равно тебе до следующего поединка придется носить на левом плече особую ленту — в знак того, что ты проигравший, которому великодушно даровали жизнь...

Самым бесстрастным тоном, на какой был способен, я уточнил:

— А на этой ленте отмечено, кем я побежден, мужчиной или женщиной?

— Нет... к сожалению, — сказала Алатиэль.

— Ну тогда я постараюсь бы пережить горечь поражения...

— А ты гордый, — фыркнула Алатиэль. — Ладно, подбери меч... и впредь относись ко мне чуточку уважительнее. Судя по иным твоим взглядам, ты не вполне принимал меня всерьез...

Грайт бесстрастно сказал:

— Алатиэль, оказалось, у Костатена есть свои полезные умения...

Он оглянулся, подобрал сухую ветку толщиной в палец, проворно обломал с нее сучки и ударом о колено укоротил до размеров меча. Протянул девушке:

— Представь, что это меч, и попробуй легонечко ударить Костатена или ткнуть. Только учти, что можешь встретить серьезный отпор.

— Это голыми-то руками? — задрала носик Алатиэль.

— Именно. Так что отнесись ко всему серьезно. Только, Костатен...

Он послал мне выразительный взгляд, не требовавший перевода и явно означавший что-то вроде: «Поосторожней, все-таки девчонка». Я ответил коротким кивком в знак того, что понял, и приготовился.

Алатиэль кинулась вперед разъяренной пантеркой. И ударила довольно сноровисто, как, сразу видно, настоящим мечом. Я ушел в сторону и, когда она чуть потеряла равновесие, пошатнулась, привычно перехватил тонкое запястье. Швырнул ее гораздо деликатнее, чем только что Грайта, аккуратно положил мордашкой в высокую траву, — правда, руку легонько выкрутил так, чтобы «меч» выпал. Отступил на шаг и поинтересовался:

— Что на этот счет гласят правила поединка?

— Ничего, — огрызнулась Алатиэль, гибко выпрямившись. — Это уже не благородный поединок готангов, а какая-то мужицкая драка на ярмарке. Так нечестно!

Грайт наблюдал за нами со смешливым превосходством старого волкодава, пригревшегося на солнышке и снисходительно наблюдавшего за возней щенков. По его лицу ни о чем нельзя было судить, но, несомненно, он получил удовольствие от лицецерения «поединка».

— В каждом козне свои обычаи и умения, Алатиэль, — мягко сказал Грайт. — Иди укладывай вещи, нужно пообедать и — в дорогу...

Она без единого слова подчинилась, но, прежде чем уйти в дом, послала мне выразительный взгляд, пожалуй, равнозначный затейливой матерной тираде.

— Ну что же... — сказал Грайт без улыбки. — Хорошо, что ты с нее чуточку сбил спесь. Многовато у нее самомнения — молодежь... Это не особенно и хорошо.

— Надеюсь, она меня не возненавидит на всю жизнь? Не станет злиться? — спросил я живо.

В маленьком коллективе вроде нашего, пустившемся в опасное и, как я уже уяснил, серьезнейшее предприятие, неприязненные отношения меж участниками способны здорово повредить делу...

— Не беспокойся, — усмехнулся Грайт. — Она умница. Правда, какое-то время будет на тебя всерьез дуться, но это быстро пройдет... — Он убрал с лица улыбку, как отдергивают занавеску на окне. — Трудность в другом. Алатиэль всего-навсего луган... человек, неплохо обучившийся владеть мечом. И не более того...

— У вас этому и девушек обучают?

— Если они сами пожелают, — сказал Грайт. — Луганов-девушек не так уж мало, и они участвуют в поединках наравне с мужчинами.

— А меж собой? — спросил я с неподдельным интересом, вспомнив то, что читал о дуэлях старинных времен, когда благородные дамы порой хватались за шпаги и пыряли ими друг дружку не хуже мужчин. — Скажем, не поделив какого-нибудь красавчика?

— Сколько угодно, — охотно ответил он. — Собственно, большинство поединков меж девушками-луганами как раз и происходит из-за мужчин. Мужчины гораздо реже дерутся из-за женщин — есть множество других поводов. Трудность в другом... Алатиэль еще не приходилось никого убивать. Участвовала всего лишь в двух поединках и оба заканчивала так, как это только что было с тобой. Это-то и заставляет чуточку тревожиться. Мало ли что может случиться на дороге. Ты, наверное, знаешь: в схватке не на жизнь, а на смерть и прекрасно владею-

ший оружием человек может себя повести непредсказуемо. Может драться хорошо, а может и дрогнуть, растеряться с самыми печальными для себя последствиями...

— Встречался с таким, — кивнул я, вспомнив два характерных примера (в одном случае обошлось, а в другой раз оплошавшего хоронили с воинскими почестями)...

— Так что беспокоит меня немножко Алатиэль, — доверительно признался он.

Меня так и подмывало спросить: «Так какого же хрена ты, битый волк, потащил на это дело девчонку, которой еще не приходилось никого убивать?» Но были подозрения, что он и сейчас увильнет от ответа, сославшись на те соображения высшей стратегии, которые младшим командирам до поры до времени — а то и никогда — не положено знать. И я задал другой вопрос, всерьез меня занимавший:

— А тебе случалось убивать?

— Случалось, — сказал он без малейшей рисовки. — Четверых на поединках, троих разбойников, двух шпионов Золотой Стражи и одного до определенного момента честного и верного, но однажды собравшегося предать. Был еще один случай, но мне не хотелось бы о нем говорить. Костатен, пойдем-ка обедать. Время чуточку поджимает...

Обедали в здешней столовой, за внушительным овальным столом, судя по пустовавшим креслам, рассчитанным на четырнадцать человек, — надо полагать, иные охоты были многочисленными. Подавал Лаг, с проворством опытного официанта, ловко и бесшумно (и сам, разумеется, за стол не сел). Обед был плотный, явно рассчитанный на то, что ужинать придется не скоро: суп в больших мисках, с мелко нарезанным мясом, квадратными пухлыми кусочками теста наподобие галушек и какими-то, без сомнения, неизвестными

в нашем мире, но вкусными овощами. Ломти жареного мяса с красной кисловатой подливкой, в которой было много резаной травки. Разрезанный начетверо большой и круглый сладкий пирог с какими-то незнакомыми красными ягодами. Непонятный сладковатый, безусловно фруктовый сок в больших кружках. Когда мы сели за стол, Грайт заботливо предупредил:

— Ничего не оставляйте в мисках и на тарелках, съешьте до крошечки...

Чем крайне мне напомнил воспитательниц в нашем пионерлагере, всякий раз в столовой дававших то же напутствие.

— Особенно это тебя касается, Алатиэль, — добавил Грайт. — Мы не в замке, а в походе, капризничать не следует...

Она подчинилась без пререканий, и суп дохлебала до последней ложки, и красноватую подливку подобрала куском хлеба (так же поступил и Грайт, а глядя на них, и я — как я понимаю, здешний застольный этикет такое позволял, может быть, лишь во время охоты).

Очередная интересная подробность этого мира: суп оказался в меру горячим, а жаркое, пирог и хлеб (те самые каравайчики, что я ел у Оксаны) — теплыми, но все казалось не свежеприготовленным, а просто разогретым. Меж тем у домика не было печной трубы. Появились подозрения (после знакомства с их интересными расческами и одежными щетками), что и здесь есть какая-то хитрушка, позволяющая обходиться без очага и пламени...

Забавно было смотреть на Алатиэль: она не удостоила меня пусть даже сердитым взглядом — держалась так, словно меня и не было, — как и сказал Грайт, дулась, обиженная поражением. Ничего, нам с ней не детей крестить, отгад...

После обеда отправились к коням — Грайт распорядился проверить сбрую, я это проделал привычно, ничем здешняя от нашей, в общем, не отличалась, да и Алатиэль, я видел, не новичок в уходе за конем. Грайт дал мне чехол для топора и показал, как прикрепить его к седлу. Потом сказал:

— Слушайте внимательно...

Ага, последний инструктаж перед выходом на маршрут, дело знакомое. Правда, Грайт обращался исключительно ко мне, Алатиэль, надо думать, свои инструкции давно получила.

— Вот карта, Костатен, — сказал он деловито.

И развернул передо мной свернутую в тонкую трубку карту, выдернутую из-за обшлага (я забыл упомянуть, что у кафтанов имелись обшлага чуть ли не до локтя, довольно плотно прилежавшие к рукавам). Я посмотрел с нешуточным любопытством, опытным взглядом пограничника, привыкшего иметь дело с картами.

Сразу видно, что она не печатная типографским способом, а нарисованная разноцветными красками, и довольно искусно, без всякого примитива. Правда, без единой надписи — ну да, им же запрещено учиться грамоте... Неправильной формы зеленые пятна, синие извилистые полосы, определенно леса и реки, двойная светло-коричневая линия, довольно прямая, несколько изображений, в которых сразу угадывались домики — одни простые, приземистые, с широкими крышами, другие больше похожи на башенки, крыши высокими конусами.

— Мы сейчас примерно вот здесь. — Грайт ткнул пальцем почти в самый краешек зеленого пятна. — До большого тракта доберемся, если не мчаться галопом, через два с половиной бахула — по-вашему, часа. Одно деление на твоих часах означает один бахул. Протяженность у бахула и часа разная, но тебе вряд ли это ин-

тересно... Сколько времени проведем в дороге, точно неизвестно. Зависит от того, сколько на ней будет путников, иногда можно пустить йорков размашистой рысью, а иногда приходится плестись шагом. Скоро Праздник Иореля, так что путников будет много, все спешат к домашнему очагу, где и полагается Праздник встречать, но нас это не касается, мы едущие домой охотники...

Он показал на одну из выючных лошадей, и я увидел то, на что раньше не обратил внимания: свернутая, как солдатская шинель, и перевязанная тонкими желтыми ремнями шкура, покрытая длинной густой шерстью медового цвета, в коричневых пятнах и полосах. Вряд ли она принадлежала травоядному, скорее уж какому-нибудь хищному зверю. У него должны быть голова и лапы, очень возможно, и хвост, но их не видно — скорее всего, закатаны внутрь шкуры.

— Все выглядит безупречно, — продолжал Грйт. — Мы ездили на охоту, добыли прайта, что не каждому удастся — зверь осторожный, да и попадает редко. Удачливые охотники. Обычная картина, не способная вызвать подозрений даже у тех, кому за болезненную подозрительность платят большое жалованье... Мы должны к темноте — а если повезет, то и до заката — добраться до постоянного двора, — он показал на домик, единственный стоявший впритык к двойной светло-коричневой линии. — По дороге не будет случая выдать тебе в разговоре полнейшее незнание нашей жизни. Низшие не вправе разговаривать с готангами, если они сами к ним не обращаются, а попутчики-готанги, если заведут беседу, будут говорить о пустяках, как принято в дороге. В крайнем случае пробормочи что-нибудь с видом человека, не склонного поддерживать дорожную болтовню. Это никаких подозрений не вызовет и поводом для поединка не послужит...

— Он нелюдимый, — ехидно бросила Алатиэль. — Переживает после болезни, бедняжка.

Впрочем, она и сейчас не удостоила меня взглядом — ну, соизволила заметить мое присутствие, и на том спасибо.

— Именно так, Алатиэль, — серьезно сказал Грайт. — Молодой готанг замкнулся в себе, после хвори стесняется еще не отросших волос. Ничего позорного, однако все равно неприятно. Помнится, твой старший брат вел себя точно так же? Вообще носа не показывал из замка, пока волосы не приняли должную длину.

Алатиэль задрала носик с видом гордым и независимым, но в дискуссию вступать не стала.

— Теперь — о Золотой Страже, — деловито продолжал Грайт. — Они частенько проверяют подорожные на больших трактах... сплошь и рядом без особой необходимости, просто хотят лишний раз напомнить о себе. Они никогда не разговаривают с путниками. Поэтому и для тебя все обойдется... ну а для пущей надежности при виде стражников заранее прикинешься глухонемым.

— А как я узнаю эту Золотую Стражу?

— Узнаешь издали и без нашей подсказки, — заверил Грайт. — Трудно будет не узнать... Далее. На постоялом дворе опять-таки не стоит ожидать долгих бесед с посторонними. Многие, прежде незнакомые, быстро знакомятся и устраивают попойки, но те, кто держится замкнуто, удивления не вызывают и внимания к себе не привлекают — их право вести себя именно так... Ну а когда мы доберемся до города, тут уж тебе с самого начала нужно притворяться глухонемым... В любом большом городе полно шпигов, это на трактах их нет. Хотя на постоянных дворах встречаются, но и тут нелюдность тебе — надежная защита...

Я еще раз взглянул на карту. В правом верхнем углу имелся трехцветный знак, несомненно изображавший стороны света — затейливые стрелы в кудрявых завитушках. Как я понял, сторон света здесь насчитывалось не четыре, как у нас, а шесть. А вот масштабной линейки не было, скорее всего, оттого, что кроме букв под запрет попали и цифры, исключая разве что знаки на часах — ну говорилось же, что там цифры разрешены.

— У тебя будут вопросы?

— Да нет, пожалуй, — сказал я не раздумывая. — Если что-то будет непонятно, спрошу по дороге...

Из дома вышел Лаг с двумя большими сумками на плече, стал их крепить к седлам выючных лошадей. Красиво живут здешние подпольщики, подумал я, с комфортом устроились. Группа отправляется на задание в сопровождении слуги, который накрывает стол, вообще берет на себя всю черную работу. Впрочем, и у декабристов были слуги, а у самых богатых — и имения с крепостными мужичками. Да и в других странах в разные времена очень многие революционеры были не из мужиков и даже не из разночинцев.

В связи с этим, возможно, следовало допустить версию, что красотка Алатиэль выполняет при Грайте, как бы это поделикатнее выразиться, строго определенные функции. Юная, но не подросточек. Иначе зачем суровый, жесткий человек с одиннадцатью жмурами на счету взял на серьезное дело девчонку, чье единственное достоинство — мастерское владение мечом, не проверенное не то что в драке, но даже в несерьезных поединках?

Даже если так и обстоит, какое мне дело? Главное, чтобы не оказалась слабым звеном и не провалила все в критическую минуту...

— И последнее, — сказал Грайт. — Всем, не исключая и меня, нужно перед поездкой опорожнить нутро до

донышка. Дорога долгая, в лесу еще можно устроиться, но нам предстоит ехать и через обширные пустоши, где в кустах не примостишься... Вон туда, Костатен.

Он показал на длинное строение с высокой острой крышей и дюжиной дверей в ряд. Чересчур красивое для прозаического сортира, но это явно был именно что сортир.

Не прекословя, я направился туда, отпер кованую щеколду. В самом деле сортир, только крайне благоустроенный: безукоризненная чистота, не полированные, но на совесть ошкуренные каким-то здешним наждаком темные доски. На занимающей треть невеликого помещеньца приступочке прозаическая дырка в полу, но очень аккуратно сделанная, на медном шпеньке — толстая пачка аккуратно обрезанных квадратиков тонкой бумаги. Что интересно, нет обычного в таком немудреном нужнике специфического амбре, пахнет чем-то вроде сосновой хвои. Ага, вот и источник благоухания, надежно забивающего вульгарные запахи, — медный сосудик в углу, чуть ли не до краев наполненный зеленой массой, полужидкой на вид. Одним словом, сортир для благородных господ...

Вот только устроиваться в нем следовало как в обычном деревенском нужнике, не блещущем чистотой и комфортом, — ну, дело привычное. Процесс немного затянулся — видимо, из-за непривычной еды, точно так же обстояло этим утром у Оксаны, накормивший меня, теперь уже никаких сомнений, гостинцами от Грайта...

Обреченный на ожидание, я в конце концов припомнил один застольный разговор, случившийся в этом году, весной. Мы тогда посидели за бутылочкой в честь последнего на той неделе воскресенья, в чисто мужской компании — мы пятеро из комендатуры и командированный из округа старлей, покончивший со служебными

поручениями и ждавший назавтра попутную машину, а потому охотно к нам примкнувший.

Как водится, первым делом разговор зашел о женщинах — с подачи, как чаще всего случалось, ухоря Феди. В полную жеребятину, как обычно, не скатывались, но беседа протекала довольно вольно — а чего еще ждать от молодых неженатых офицеров? (Старлей из округа оказался тоже неженатым и не пуританином.)

Когда и эта увлекательная тема чуть прискучила, заговорили о вещах более высоких — о литературе. Правда, со специфическим, что ли, уклоном: речь зашла о «Трех мушкетерах», и был поставлен вопрос: а как, тыщу раз пардоньте, управлялись с естественными потребностями господ мушкетеры? Ну, в странствиях по безлюдным местам понятно: перелески-кустики и во Франции наличествуют. Но все же: чем, еще раз пардоньте, подтирались? Неизвестно, растут ли во Франции лопухи. И главное, совершенно непонятно, как обстояло с этим делом в городах, у Дюма об этом ни словечка.

Вопрос поднял Коля Шуранов, человек приземленный, не романтик, любивший во всем докапываться до сути, и мы заинтересовались: а как, в самом деле, обстояло с нужниками во времена кардинала Ришелье? Без них, ежу понятно, просто не обойтись.

Старлей из округа сказал, что читал где-то: обходились ночными горшками, а их содержимое потом непридуманно выплескивали из окон на улицу, нимало не заботясь о прохожих. Кое-кто засомневался, что именно так и обстояло: Франция как-никак страна культурная, наверняка были какие-то нужники. Попутно обнаружили после долгого обсуждения: тема отхожих мест вообще в литературе не затронута.

Самый молодой у нас, Сережа Грохотов, мальчик из очень интеллигентной ленинградской семьи, очень

горячился и доказывал, что у литературы свои законы и настоящая большая литература не касается бытовых вульгарных подробностей вроде сортиров и всего с ними связанного. На что Федя возразил не без ехидства: а как же «Похождения бравого солдата Швейка»? Там этим бытовым вульгарным подробностям уделено изрядно места — а ведь «Швейк» тем не менее считается именно что большой литературой?

Сережа был чуточку сконфужен. Но диспута меж ними не случилось — мы решили, что выбрали не самую подходящую тему для разговора за столом, и переключились на более насущное: заспорили об автоматах. Прав ли маршал Кулик, считающий их чисто полицейским оружием, или они годятся для войск, что подтвердилось в финскую войну, когда у белофиннов в немалом количестве обнаружили автоматы «Суоми»? Вот это было гораздо интереснее, чем толковать о сортирах во времена мушкетеров, — к тому же старлей, как выяснилось, в сороковом служил на финской границе, держал в руках «Суоми» и даже чуть пострелял на полигоне под Тосно...

Из сортира я, как оказалось, вышел последним, отчего испытал некоторое смущение — получалось, что все ждут одного меня. Никто, впрочем, меня не попрекнул ни словом, ни взглядом, даже Алатиэль никаких отрицательных эмоций не демонстрировала — ну хоть не смотрела как на пустое место, и на том спасибо. Пусть обстановка вокруг была самая диковинная, все равно неприятно, когда красивая девушка, пусть из другого мира, тебя старательно игнорирует...

Уселись в седла. Грайт с очень серьезным лицом проделал странную манипуляцию: коснулся ладонью правого виска, потом левого, потом приложил ладонь к сердцу и пошевелил губами, словно произнес про себя короткую фразу. То же сделал Лаг, а за ним и Алатиэль —

правда, сразу видно, в отличие от мужчин, отнесшаяся к этому без особой серьезности, словно, не желая перечить отцу-командиру, исполняла докучливую несложную обязанность. Надо полагать, это они так крестились, или как там это у них называется, мне без разницы. Сам я креститься перед дальней дорогой и не подумал: я ж неверующий, в церкви был единственный раз в жизни — любопытства ради в католическом костеле...

— Ты не собираешься прочесть напутственную молитву? — с искренним любопытством спросил Грайт. — Я знаю, у вас многие ни в каких богов не верят, но храмы у вас есть, и я видел, что некоторые делают так, — он неуклюже перекрестился. — Сана говорила, так положено...

Припомнив, что икон у Оксаны я не видел, ответил:

— Я из тех, кто не верит.

— Интересно, тебе от этого легче или труднее жить? — снова с неподдельным интересом спросил Грайт.

— Как-то никогда не задумывался, — сухо ответил я чистую правду.

Не хватало еще вести здесь и сейчас антирелигиозную пропаганду. Впрочем, и Грайт не собирался вести среди меня религиозную пропаганду: пожал плечами с неприкрытым видом и тронул коня.

Очень быстро обнаружилось, что от дома в лес ведет широкая тропа, по которой свободно могли бы проехать четыре всадника в ряд и им не было бы тесно. Судя по тому, как убита копытами земля без единой травинки, верховые ездили здесь часто, охотничий домище явно был местом популярным.

У нас как-то сам собой установился другой порядок следования: Грайт и Алатиэль ехали впереди, я за ними, отставая на пару корпусов, следом Лаг с верховыми лошадьми в поводу. Кони шли мерной рысью — сразу понятно, привыкли к долгим переходам. Шупташ мне не

доставлял ни малейших хлопот — прекрасно слушался поводов, нисколько не фордыбачил и не показывал нор.

Пока что поездка выглядела вполне мирно: разбойники не кидались наперерез из густых кустов, не попадалось ничего похожего на большого хищного зверя. Пару раз от тропы улепетывали, заполошно кидались в чащобу какие-то мелкие зверушки, желтые с черными полосами на спине, но оба раза мне не удавалось их рассмотреть, о чем я нисколько не сожалел — видно, что для человека неопасны, а вот сами человека пугаются, и этого достаточно. Мои спутники не обратили на них ни малейшего внимания, значит, и мне не следовало предаваться пустому любопытству.

Лес был полон птичьего щебетанья и гомона, не особенно и отличавшегося от того, к которому я привык дома. Представления не имею, насколько отличались здешние птицы от наших, — ни одной не увидел настолько близко, чтобы хорошо рассмотреть. Один раз с ветки при нашем приближении сорвалась, треща крыльями, крупная птица размером с ворону, а после дороги пересекала стайка гораздо более мелких, размером с воробья, но я и их не рассмотрел толком — я не орнитолог и не с научной экспедицией сюда попал. Мне бы побыстрее отсюда вырваться, ничего больше и не надо. Знать бы только, что Грайт не обманет, при успехе дела отправит назад. Как опытному пограничнику, действовавшему не раз и в лесах, гораздо важнее другое: судя по безмятежному птичьему гомону вокруг, поблизости нет людей, а значит, разбойников опасаться нечего. Вряд ли у здешних птах привычки так уж отличаются. Правда, искушенный лесовик может замаскироваться и затаиться так, что птицы успокоятся, — но неизвестно, какова сноровка у здешних разбойников, а спрашивать Грайта что-то не хочется...

Черт с ними, с разбойниками. Грайт наверняка заметит их раньше меня, безусловно, не новичок в лесу. Следовало думать о другом...

Ну хорошо, прием как данность, что эта троица — храбрые подпольщики, сознательно и без колебаний пустившиеся в опасное предприятие. Только само по себе это ровным счетом ничего не говорит. Какого рожна я должен спешить и верить, что их цели — непременно благородные?

Подпольщики бывают разнообразнейших цветов, мастей и оттенков. Вполне может оказаться, что их стремления представляются благородными только им самим, а правда как раз на стороне их противников. Яркий пример — нынешние белоэмигранты всех мастей, окопавшиеся в Европе. Кто-то мирно живет-поживает, озабочаясь лишь собственным благополучием, кто-то ограничивается тем, что всячески поносит «красную сволочь» в своих газетенках, — а кто-то, сбившись в хорошо организованные стаи, посылает через границу шпионов и диверсантов, и я пару раз с такими сталкивался. Так вот, сами себя они всерьез считают благородными рыцарями, а большевиков — рогатыми и хвостатыми узурпаторами, которых следует извести под корень. Что реальному положению вещей нисколько не соответствует. А те, что лезут через границу, не трусы и не растяпы, сплошь и рядом битые волки, наподобие едущего передо мной Грайта. Что же, прикажете стрелять им по верх головы только потому, что они храбрые и преследуют, как им кажется, благородные цели? Держите карман шире!

И дело не исчерпывается одними белоэмигрантами. Вопрос нужно рассматривать гораздо шире: во все времена и во многих странах хватало подпольщиков, считавших, что они отважно борются за благородное дело, но крупно заблуждавшихся. Что далеко ходить, можно

вспомнить роман Виктора Гюго «Девяносто третий год», прочитанный еще в школе. Виконт де Лантенак — благороднейший человек, без дураков. Вот только свое благородство и смелость он пускает на неправо, исторически обреченное дело: выступает на стороне тех, кто стремится восстановить на престоле короля, а следовательно — и отживший свое феодализм, против которого как раз и борется большая часть французского народа. Но в собственных глазах он — благородный рыцарь, а его противники — шайка узурпаторов...

Бывает иначе — когда благородства нет ни за одной из противоборствующих сторон. Представим, что в средневековой Европе, как не раз в истории случалось, режутся насмерть два знатных феодальных рода — и у каждого есть не только свои армии, но и свои подпольщики, рискующие жизнью не за золото, а за некую идею, как Грайт и Алатиэль. Теперь представим, что в один из лагерей, по Марку Твену, каким-то чудом попадает наш современник, ни черта об этом времени и этих людях не знающий. И его убеждают к одной из сторон примкнуть. Потому что приютившие его люди отважны и благородны, что доказывают не словом, а делом. Много времени пройдет, прежде чем он разберется, что правды нет ни здесь, ни там, что обе стороны стремятся к одному: посадить своего короля и стать полновластными хозяевами жизни. Кто бы ни победил, он будет драть три шкуры с крепостных, всю пользоваться правом первой ночи и вешать бунтовщиков вдоль дорог для острастки другим, чтобы быдлу впредь неповадно было. И если человек из нашего времени так и погибнет в полной уверенности, что дерется за правое, благородное дело, так и не узнав правды?

Вполне может оказаться, что Грайт говорит мне чистейшую правду — но исключительно свою правду, а на

той стороне есть другая правда, своя. Впрочем, еще не факт, что в противостоянии есть правая и виноватая стороны... Грайт утверждает, что эти ватаки, пришедшие из другого мира, их захватили, — но это может оказаться лишь частицей правды. Как им живется под неведомыми оккупантами и насколько подпольщиков поддерживают широкие массы, неизвестно. Какой порядок ватаки установили вместо прежнего, неизвестно. Они, поверим Грайту и тут, запретили учить людей грамоте и уничтожили книги. Это симпатии не вызывает... но что, если за этим стоят некие мне неизвестные полезные реалии? Скажем, пришельцы отменили самые замшелые, отжившие свой век и безусловно тягостные установления феодализма? Здесь именно что феодализм: жесткое сословное деление общества на высших и низших, причем роль высших и сейчас играют готанги. По скупым обмолвкам Грайта следует, что у них и сейчас есть замки и земли с крестьянами. Но в чем-то их крепко ущемили, и подпольщики-дворяне стремятся вернуться к порядкам прежним — как это было во Франции, в России после Октября и других странах. Получается, что я теперь — нечто вроде здешнего белогвардейца или виконта де Лантенака? Нельзя и такой оборот дела напрочь исключать...

Но как прикажете докопаться до другой правды? Времени в моем распоряжении мало — несколько дней. К тому же положение не из приятных, фактически я пленник этой парочки, а без них в окружающем мире полностью беспомощен. Даже если каким-то чудом я оказался один, при полной свободе, как ко мне отнесутся окружающие, если я начну расспрашивать о серьезных подробностях здешней жизни, которые здесь, конечно, знают все взрослые? А как у нас отнеслись бы к такой фигуре: человек, не отличающийся одеждой от окружающих, на прекрасном русском языке начинает

расспрашивать окружающих о деталях советской жизни, которые знает и юный пионер? Какой у вас общественный строй и кем ваша страна управляется? И тому подобное. Очень быстро такой персонаж окажется в ближайшем отделе НКВД или по крайней мере в милиции. Там, конечно, быстро поймут, что шпионом этот субъект оказаться никак не может — кто будет посылать шпиона, не знающего о Советском Союзе элементарных вещей? Но непременно станут вдумчиво разбираться, кто таков и с какой луны свалился на голову. И, услышав, что это житель другого коэна (при том, что советская, да и любая другая наука о коэнах не имеют ни малейшего представления), запросто определяют в дурдом, откуда будет невероятно трудно выбраться.

Без сомнения, то же самое произойдет и со мной. Не знаю, есть ли здесь что-то вроде НКВД, но полиция, безусловно, имеется — Золотая Стража, наделенная правом проверять документы даже у дворян, ничем иным, кроме полиции, оказаться не может. И у нее есть шпики. Может быть, и сумасшедшие дома отыщутся...

Грайт, безусловно, пресечет все попытки поболтать с окружающими. Но даже если смилостивится, во что верится плохо, что я узнаю из разговоров? Да ничего полезного. Как и из подслушанных разговоров на постоялом дворе или на улицах города, в который, по словам Грайта, лежит наш путь. Нет книг — значит, нет и библиотеки. Да и ничем мне бы не помогла самая лучшая в этом мире библиотека наподобие нашей Ленинской, чертов вигень на шее вряд ли наделил способностью читать на здешнем языке — знаки на циферблате часов, уж никак не уравнения высшей математики, тому примером, я на них смотрел как баран на новые ворота...

Как ни изошряй мозги, итог неутешительный: выбора мне не оставили. Либо я со всем прилежанием буду уча-

ствовать во всем этом, либо застряну здесь навсегда, а при одной мысли об этом дрожь прошибает. Одно утешает: я в чуждом мире, враждующие стороны мне одинаково чужды, да и неизвестны толком, так что особых моральных терзаний испытывать не следует. Если подумать...

Что-то произошло. Очнувшись от нерадостных мыслей, я поднял голову и хотел было натянуть поводья, но Шупташ остановился сам. Я поймал себя на том, что шарю рукой по пояснице в поисках кобуры пистолета, оставшейся далеко позади. Грайт и Алатиэль тоже придерживали коней.

Впереди, метрах в пятидесяти, посередине тропы стояло кошмарное чудовище.

При внимательном рассмотрении не такое уж кошмарное, но удивительное — точно. Косматая громадина раза в два повыше всадника, на коротких толстых лапах, именно лапах — ноги заканчивались не копытами, а натуральными лапами с грязно-желтыми широкими когтями. Все покрыто густой светло-коричневой шерстью, спина покато опускается к задним лапам, налево свисает нечто вроде гребня из почти черной шерсти. А вот высокие острые уши — розовые, голые. Шеи, такое впечатление, нет, массивная башка растет прямо из туловища, огромные, с тарелку, глаза желтые, немигающие, с черным вертикальным зрачком — форменные змеиные, разве что круглые. Больше всего напоминает мамонта, только почти до земли опущены три хобота в коричневых кольцах, меж которыми торчат щетками длинные пучки шерсти, — а по сторонам хоботов почти прямые, с небольшим загибом вверх, толстые короткие бивни грязно-белесого цвета, неприятно остроконечные. Какой пистолет, даже если бы он остался при мне, тут пулемет нужен с полной лентой или диском, а еще лучше — сорокапятка...

Кони похрапывали, переступали с ноги на ногу, стригли ушами — но не выглядели испуганными. Слегка подстегнув коня, я встал рядом со спутниками, на лице Алатиэль (и, что важнее, Грайта) не увидел ни малейшей тревоги — скорее уж, легкую досаду. Прервав молчание, чудище подняло все три хобота и протрубило гулко, коротко, — но и тогда кони не всполошились, а выражение лиц спутников не изменилось, что позволяло строить определенные догадки...

Я вздрогнул от неожиданности: над самым ухом раздался вопль, достойный куперовских индейцев:

— Йю-ху-у-у!

Это Алатиэль. Дав коню шенкеля, она одним махом коротким галопом одолела половину расстояния, отделявшего нас от чудовища. Достала что-то из седельной сумки и высоко подняла — длинный стержень, вроде бы бронзовый. В следующий миг с его конца сорвался шар зеленого света, размером с футбольный мяч, взлетел высоко над ее головой и лопнул с оглушительным звоном, разбрызгавшись мириадами тут же растаявших капелек. И еще один, и еще...

Чудовище проворно развернулось на месте, вздымая пыль, припустило прочь, бухая толстенными лапами так, что земля тряслась. У него обнаружился мохнатый хвостик наподобие сусличьего. И быстро скрылось с глаз.

Алатиэль вернулась к нам, улыбаясь во весь рот, бросила весело:

— Ну как я его?

— Как обычно и бывает, — сказал Грайт терпеливо, как обычно с ней держался. — Алатиэль, не было необходимости подъезжать так близко. Они сейчас не опасны, но у этого мог оказаться особенно скверный норов...

— Вряд ли, — безмятежно возразила Алатиэль. — Что я, первый раз с ними встречаюсь? Просто до этого

не приходилось самой... Он не встопорщил гребень — значит, был не зол...

— Хорошо, — ровным голосом сказал Грайт. — Ты прямо-таки принцесса Ронтана, дева-витязь...

И тронул коня. Я подхлестнул своего, и мы поехали стремя в стремя. Я спросил:

— Что это за тварь была?

— Моранг, — сказал Грайт. — Травоядный. Только дважды в год, в сезон гона, лучше не попадаться ему на глаза — он тогда бесится, кидается на любое живое существо, которое увидит. На них не охотятся — по стариннейшему поверью, на убившего моранга обрушится шестью шесть несчастий. Так и не нашлось смельчаков, решивших проверить на себе поверье... Вовсе уж незапамятные времена, когда люди бродили дикими ордами, некоторые племена морангу поклонялись как божеству: ставили изображения — деревянные давно истлели, а каменные кое-где и сохранились. Проводили всякие церемонии, приваживали морангов едой... — Он усмехнулся. — Такова жизнь, Костатен, — часто нечто омерзительное на вид мирное по своей натуре. И наоборот. Разве в твоём коэне не так обстоит?

— Часто именно так... — признал я.

И вспомнил самого благообразного старичка, какого в жизни видел, — учителя зоологии на пенсии. Добрейшее лицо, благородные седины, мягкие манеры. Дед Мороз, и только. Вот только оказалось, что на немецкую разведку он стал работать ещё до Первой мировой — и не оставил этого занятия до самого последнего времени, когда был приперт к стенке неопровержимыми уликами...

Вскоре — так прикидывая, километров через пять — мы выехали на необозримую, конца-края не видно, равнину, поросшую до горизонта кудрявыми зелеными

кустиками с гроздьями маленьких красных цветов. Не-высокие, не достигавшие лошадиных колен, они росли негусто, так что кони пробирались сквозь них без труда, раздвигая с шорохом. Грайт достал большой компас в бронзовой оправе — как я заметил, размеченный на шесть сторон света, — сверился с вычурной стрелкой и уверенно поехал впереди. Равнина казалась бесконечной — красивое зрелище, но очень уж однообразное, бескрайнее зелено-алое море...

Я первым заметил над равниной слева колонну каких-то овальных предметов, летевших наперерез нам довольно быстро — и совершенно беззвучно. Окликнул: — Грайт, слева...

Он посмотрел в ту сторону и небрежно махнул рукой: — Нечего опасаться. У Золотой Стражи совсем другие лайтаны. Купчишки, ясное дело, не стоит и обращать внимания...

И спокойно поехал дальше — а за ним и я. Овальные предметы приближались со скоростью неспешно ехавшего велосипедиста, и вскоре я рассмотрел, что это летучие корабли — больше похожие на баржи без мачт, бокастые, с острыми носами и плоскими днищами, сколоченные из длинных светлых досок. Держались они метрах в десяти над равниной, и, когда оказались близко, я услышал бряканье струн непонятного музыкального инструмента. Несколько голосов — похоже, хмельных — тянули не в склад и не в лад, но с большим воодушевлением, как это часто с пьяницами бывает, веселую песню. То ли мой вигень был беспомощен перед рифмами, то ли в песне было много специфически местных словечек, но в потоке слов я понял далеко не все: широка задница у моей милашки... если будет дождик, приютит нас амбар... Ну, у нас в застольях поют тоже не шедевры мировой поэзии...

Всего я насчитал их восемь. Уже можно было разглядеть, что посреди пустой палубы расстелена скатерть, уставленная блюдами и кувшинами, и вокруг нее полулежат полдюжины мужчин, один играет на чем-то вроде гуслей, а остальные вразнобой орут застольную. Седьмой помещается на корме, держит ручки высокого штурвала, и рядом с ним поблескивают какие-то бронзовые рычаги.

Послышался залиvistый свист — и передняя летающая баржа опустилась к самым верхушкам кустов, определенно преграждая нам дорогу. Все шестеро кинулись к невысокому, по грудь, борту (нелишняя предосторожность, окажись борт низким, кто-то из гуляк мог бы и на землю сверзиться с самыми печальными для себя последствиями). Уставились на нас, глупо лыбясь, — точно, изрядно успели поддаться, достаточно одного взгляда на их лица. Все как один без головных уборов — ага, вот они валяются, похожие на береты. Одеты иначе, чем мы, — кафтаны другого фасона, с вырезами на груди, открывающими полосатые рубахи, рукава пышные. Однако одежда явно пошита из здешнего дорогого материала — ну да, купцы-корабельщики, значит, народец не бедный... Штанов и обуви я, понятно, не видел.

Только один из них носил на груди слева какую-то разлапистую бляху с непонятной эмблемой, блиставшую начищенной медью. Он и заорал, широко улыбаясь:

— Гладкого пути! Охотнички, да? Шкурку не продадите?

Грайт молчал, надменно вздернув подбородок, и так же держалась Алатиэль — а потому я добросовестно скопировал их осанку. Никакого сомнения, «купчишки» здесь стояли на социальной лестнице ниже благородных готангов, а я сейчас как-никак был готангом, хоть картину маслом с меня пиши. Вряд ли следовало изображать глухонемого, иначе меня предупредили бы... но о чем

с ними разговаривать? Спутники мои молчат со всей дворянской спесью, значит, и мне так держаться надлежит...

Тот, с бляхой (капитан корабля? купеческий старшина?), распялил рот еще шире и жизнерадостно заорал:

— Вот это да, какая тулька! Красоточка, не желаешь с нами малость попутешествовать? Для такой у нас не то что серебряшки — золото найдется. А если ты еще нераспечатанная, вообще горстью отвалим и разным штучкам научим, в жизни пригодится!

Что-то тут было не так. В нашем прошлом купец за подобное хамство в отношении благородной дворянки мигом получил бы плетью по спине, а то и мечом по башке. Вряд ли здесь обстоит иначе. Однако Грайт молчит, закаменев лицом. Алатиэль вспыхнула, как маков цвет, — но явно не от смущения, а от гнева...

— Ну, думай быстренько! — захохотал «бляшник». — Золота у нас навалом, хошь, покажу? Голой попкой на досках лежать не придется, мы тебе что-нибудь мягкое постелим, и очередь будет с передыхом, чтоб тебя не заездить, мы ж не уматаги!

Алатиэль, пепеля его взглядом, громко произнесла длинную фразу, из которой вигень мне перевел только «твою» и «мать». Похоже, к изящной словесности это отношения не имело, наоборот. Что ж, и приличные девушки из хороших семей знают словеса из тех, которые употребляют в застолье гусарские поручики, — вот только в обществе их вслух не произносят...

— Чего ждешь, красавя? — хохотал словоохотливый летун. — Чтобы твоя шуньга паутиной заросла? Или тебе ее эти два хмыря ретиво прочищают на каждом привале? Они хоть плащи подстилают или приходится голой попкой по траве елозить? Хорошо хоть платят?

Остальные заржали. Алатиэль, уже не покраснев, а побелев от ярости, положила руку на лук, но Грайт

с тем же каменным лицом перехватил ее запястье, процедил сквозь зубы:

— Не тронь дерьмо, оно и смердеть не будет...

Она, хотя и кипела от злости, подчинилась, убрала руку от саадака. По-моему, летучих моряков это только позабавило. Возникло подозрение, что они нас попросту провоцируют с непонятными целями. Охальник не унимался:

— Ох, снял бы я с тебя штаны, раздвинул ножки да влупил, чтоб орала, как самка уматага... Не бывала еще под купцом? Очень даже приятно...

— Прошу дать дорогу, — с ледяным спокойствием сказал Грайт. — Или вы намерены препятствовать?

— Да ни в жизнь! — захохотал главарь. — Мы ж не сиволапое мужичье, правила знаем... Гладкого пути, красоточка, и доброго машта!

Он крикнул что-то рулевому — и тот перекинул два рычага привычным жестом шофера, переключавшего скорости в автомобиле. Корабль поднялся на несколько метров и понесся в прежнем направлении уже быстрее. За ним вереницей пролетели остальные — и вскоре скрылись с глаз за горизонтом.

Алатиэль отпустила еще одну, на сей раз насквозь непонятную фразу — гораздо более короткую, но столь же эмоциональную.

— Согласен, — сказал Грайт и мягко добавил: — Алатиэль, даже в Бездорожье следует соблюдать приличия. Хорошо еще, что Костатен тебя не понимает... хотя, безусловно, догадывается о смысле... И хладнокровие нужно сохранять. Тебе в жизни еще столько дерьма попадется, не стоит зря злиться.

И тронул коня. Догнав его, я спросил:

— Это, как я понял, купцы?

— Купцы, — кивнул Грайт. — Высшего разряда, но все равно купцы, и не более того.

— Почему же они так дерзко себя вели с готангами? Вряд ли у вас такое допускается...

— Конечно, не допускается, — хмуро сказал Грйт. — Но только в Обитаемых местах и «под кровлей» либо «на дороге». В Бездорожье другие порядки... заведенные ватаками. При других обстоятельствах эти скоты заранее сдохли бы от страха при одной мысли, что могут сказать готангу одно-единственное оскорбительное слово. Прекрасно знают, что готанг их тут же прикончил бы безо всяких для себя последствий. И без шапок не осмелились бы стоять перед готангом — тут уж поработала бы плетка. А в Бездорожье им дозволено. Если бы мы всадили в кого-то из них стрелу, попали бы в разбойники. Остальные с превеликим удовольствием пожаловались бы ближайшей Золотой Страже, и те с не меньшим удовольствием пустились бы нас искать и ловить. А нам такое совершенно ни к чему...

— А про какие правила он говорил? Впечатление такое, будто твои слова что-то означали...

— Вот именно, — усмехнулся Грйт. — Если бы они не послушали просьбу дать дорогу, сами нарушили бы закон. Другое дело, что формулировка такая крайне унижительна — готанг не «просит» у низших, он только требует. Что делать, пришлось немного унизиться, чтобы Алатиэль была избавлена от их поганных словес...

— Спасибо, Грйт, — серьезно сказала Алатиэль. — Унижение не смертельное, но представляю, что тебе стоило просить у низшего...

— Иногда ради дела можно и пережить унижение, даже гораздо более тяжелое, — наставительно сказал Грйт. — Особенно ради такого великого дела, как наше...

Кое-что по-прежнему осталось для меня непонятным. И я сказал — все равно в монотонной дороге следовало чем-то занимать мысли:

— Грайт, объясни вот что... у вас есть, как оказалось, быстрые летучие корабли. Почему мы тогда трясемся верхом, хотя так — и медленнее, и неудобнее? Почему не отправились на таком вот корабле? Если уж они есть даже у купцов... Порядок таков, что готанги могут путешествовать только верхом, или тут что-то другое?

Видно было, что мой вопрос ему неприятен — несмотря на все его бесстрашие, я уже начал немного разбираться в его чувствах и эмоциях. Казалось, он так и не ответит, но в конце концов Грайт все же заговорил, хоть и с видимой неохотой:

— Видишь ли, летучие корабли есть только у купцов высшего разряда... и у Золотой Стражи, конечно, но те выглядят совершенно иначе. Летучие корабли — придумка ватаков, до Вторжения у нас не было ничего подобного. Ватаки коварны. Наш уклад жизни они, в общем, оставили почти в неприкосновенности, но ввели для некоторых низших некоторые новые привилегии. Не по благородству души, а исключительно для того, чтобы появились люди, новыми привилегиями обязанные им...

— Так что, как я понимаю, среди этих купцов у вас нет ни малейшей опоры?

— Ни малейшей, — хмуро сказал он. — И не только среди них. Очень трудно искать опору и среди готангов. Разумеется, нередки счастливые исключения, взять хотя бы Алатиэль... Но очень многих готангов нынешнее положение дел вполне устраивает, и они уверены, что от добра добра не ищут...

— Даже у короля нет летучих кораблей, — вмешалась Алатиэль. — Правда, в последнее время ватаки пообещали распространить эту привилегию и на него, и на проявивших им особенную верность готангов. Увы, очень многие этим туманным обещаниям верят и рьяно служат ватакам.

— Так и обстоит, — кивнул Грайт. — Иногда многого можно добиться не пытками и казнями, а туманным обещанием привилегий... — Он, вопреки обычной невозмутимости, яростно сверкнул на меня глазами. — Только не надо смотреть на нас свысока! Я почти не знаю жизнь и историю вашего козна — много ли узнаешь, немного побродив по вашим улицам, а ваших книг читать не умею... Однако не сомневаюсь, что у вас обстояло, а может, и сейчас обстоит точно так же: люди всех сословий порой соглашались служить завоевателям за реальные или мнимые привилегии... или в надежде, что уж их-то участь других не затронет. Человеческая натура везде одинакова...

Вот тут мне крыть было нечем, мы были не лучше: человеческая натура везде одинакова. Не раз завоевателям служили покоренные ими, и не всегда из чистой корысти. Что наглядно проявилось и во Франции в Столетнюю войну, и в Польше в семнадцатом веке во время шведского нашествия. И наше отечество, к превеликому сожалению и некоторому стыду, это тоже не обошло: во времена Смуты польские интервенты вовсе не брали Москву штурмом — их туда впустило тогдашнее правительство из семи бояр, собравшееся согласиться с восшествием на царский трон польского королевича. Правда, есть некоторое утешение в том, что поляков все же выбило из Москвы ополчение Минина и Пожарского, а впоследствии и сама Польша перестала существовать, на двадцать лет восстановила независимость, но потом опять накрылась медным тазом...

— Ну что ты, Грайт, — примирительно сказал я. — Вовсе я не думаю смотреть на вас свысока. У нас такого тоже хватало, и в моей стране случалось...

Грайт удовлетворенно кивнул и послал коня чуточку быстрее, явно желая избежать дальнейшего разговора.

Я это понял и не стал его догонять, ехал на пару корпусов позади.

Следовало кое-что обдумать с учетом только что услышанного. «Наш уклад жизни оставили, в общем, почти в неприкосновенности». Мало того, добавили кое-какие полезные вещи наподобие только что увиденных летучих кораблей — пусть только для одной из категорий населения, не самой многочисленной. Безусловно, ввозить товары и грузы быстрее, надежнее и дешевле, чем на телегах, — а железных дорог тут, конечно, не имеется. Возможно, не только корабли. Здешние расчески и одежные щетки, даже несмотря на известия о наличии в этом мире какой-то магии, все же плохо сочетаются с феодализмом, крепостными крестьянами и дворянами на коняшках и с мечами, имеющими право, как вытекает из некоторых реплик Грайта, безнаказанно убивать низших за оскорбление. А вот с обладающими более высоким техническим развитием неизвестными ватаками как раз гораздо больше сочетаются...

Алатиэль ехала рядом такой же размеренной рысью, отставая лишь на голову коня, время от времени бросая на меня любопытные взгляды, похоже, выразившие желание поговорить. Кажется, она перестала дуться.

— Послушай, Алатиэль... — решил я. — Эти штуки, которыми у вас причесывают голову и чистят одежду... Они, случайно, тоже от ватаков?

— От них, — охотно ответила Алатиэль. — И не только они, есть еще похожие, которыми наводят чистоту в комнатах, быстро делают воду горячей... да их много, разных. Та, которой вы с Грайтом раскуриваете трубки, тоже от ватаков. Надо признать, это очень полезные вещи. Бабушка мне показывала такую зубастую штуковину, которой раньше расчесывали волосы, — а потом, когда мы с Грайтом были у вас, поневоле пришлось та-

кими же пользоваться. Страшно неудобно, приходится все делать самой, и жутко дерет волосы... — На ее очаровательное личико набежала тень. — Жалко, конечно, что, когда мы прогоним ватаков, новым вещам будет неоткуда взяться — ватаки их приносят из своего козна готовыми, и никто у нас не представляет, как их делать. Но эти неудобства кажутся такими ничтожными по сравнению с возможностью избавиться от ватаков...

— Эти вещи только для готангов?

— Вовсе нет, — живо возразила Алатиэль. — И для низших тоже... правда, не для всех. Крестьянам и ремесленникам их достается меньше... но у них есть другие штуки, которые готангам вовсе не нужны. Такие штуки, помогающие им в работе: делают дырки в коже и даже в камне, еще много всякого... я с ними плохо знакома, не особенно интересовалась тем, как живут низшие. Видела раз, как плотники, что перестилали у нас в замке пол, делали дырки в досках этими ватакскими штуками, а каменотесы, что подновляли крыльцо, — в каменных плитах...

И я подумал: быть может, завоеватели-ватаки — не такое уж олицетворение зла на земле? Интересно, что скажут сапожники, плотники и каменотесы, вынужденные вернуться к прежним примитивным орудиям труда? Вполне возможно, ими технические нововведения не исчерпываются. Как бы там ни было, а технический прогресс налицо. Царские войска, вступив в Среднюю Азию, принесли туда и многие достижения цивилизации — железные дороги, телеграф, европейскую медицину, а ведь, безусловно, там были люди, искренне считавшие русских злыми колонизаторами. Советская власть добавила к этому электричество, телефон и кино. Что важнее, еще при царе покончили с пережитками вовсе уж замшелого феодализма — рабством и рабо-

торговлей, об этом пишут в новых учебниках истории, по которым я учился. С одной стороны, царизм угнетал народы, с другой — принес прогресс и культуру. А уж при советской власти от угнетения не осталось и следа, а вот прогресс рванулся вперед семимильными шагами. Дико даже подумать, что Средняя Азия начнет всерьез стремиться к независимости...

Может быть, и здесь все не так просто? Конечно, то, что ватаки запретили грамотность, не вызывает к ним симпатии, — но, может, и для этого были какие-нибудь серьезные причины и принесенная польза, если рассуждать диалектически, превышает причиненные неудобства? Кто бы растолковал подробнее...

Как источник информации Алатиэль в некоторых отношениях была гораздо предпочтительнее немногословного хитрована Грайта — она совсем молодая, непосредственная, явно не овладела еще искусством лицемерить и дозировать истину...

И я спросил:

— Алатиэль, а как называется ваш... ваша... в общем, тот тайный союз, в котором вы с Грайтом состоите? У таких союзов всегда есть название...

— Очень просто — Братство, — охотно ответила она.

— И там состоят только готанги?

— Большей частью, — сказала она. — Есть связи и с некоторыми низшими, но я этим мало интересовалась.

Ну да, подумал я. Главным образцом — дворяне-подпольщики. Этакие здешние декабристы, о которых Ленин когда-то писал: «Узок круг этих революционеров, страшно далеки они от народа». Из-за чего и проиграли...

Но какая мне разница, если я обречен на участие в здешнем декабристском кружке? У меня одна задача, важнее которой нет ничего: вернуться домой и воевать

с немцами. Этой задаче и следует подчинить все, не ма-ясь тягостными раздумьями...

Алатиэль горделиво выпрямилась в седле, очаровательное личико исполнилось важности, показавшейся мне чуточку комической:

— В Братстве я равноправная посвященная, а это очень редко удается в три раза по шесть лет. Но я отлично справилась с Испытаниями и прошла Посвящение, не каждому это удастся, иные так и остаются Подмастерьями. Посвящение такое красивое и жутковатое...

Наслышан, как же. Многие тайные союзы практиковали именно такое: зловещий полумрак, пляшущий свет факелов даже при наличии электричества, сверкающие кинжалы, а то и шпаги, страшненькие картины на стенах, мастерски изготовленный муляж окровавленного трупа «изменника»... Читывали кое-что, как же...

Ее личико исполнилось восторга, а глазищи, тут и гадать нечего, смотрели в какие-то романтические дали. Вот о Братстве следовало узнать побольше — должен же я понять, что за подполье, в которое меня так решительно загнали безо всяких поползновений с моей стороны...

Алатиэль отвечала на расспросы охотно, но я узнал не так уж и много. Братство делилось на три категории, по восходящей: Подмастерья, Посвященные и Алмазные (Грайт как раз Алмазный), а руководили им Старейшины (что вовсе не означало преклонного возраста), дорасти до которых и Алмазным было трудновато. У каждой категории (что меня нисколечко не удивило) — свои степени посвящения в тайны Братства. Ничего похожего на теорию не имелось, цель была одна — свергнуть и уничтожить ватаков, а там видно будет (это уже мои мысли, а не слова Алатиэль).

Нельзя сказать, что и с практикой дела были на высоте. В тайных библиотеках учили читать, писать и счи-

тать, знакомили с книгами на разные темы, учили еще вовремя распознавать шпигов и их коварные подходы и вести себя соответственно. Вот, пожалуй, и все. Луганом Алатиэль стала, так сказать, совершенно легально — в семьях готангов бою на мечах и кинжалах учили и девушек по их желанию, — правда, было их не так уж много, гораздо больше молодых дворянок осваивали стрельбу из лука, чтобы наравне с мужчинами участвовать в охотах.

Негусто, прямо скажем. Теперь ясно, что Грайт ведет себя со мной в классических традициях приличного тайного общества: выдает информацию в час по чайной ложке... Алатиэль в этом плане гораздо более непосредственная и откровенная...

Глядя на нее, я задался вопросом: интересно, какова-то она будет в деле? Грайт ведь предупреждал, что, очень возможно, придется драться и убивать. Тут уж ничего заранее предсказать невозможно, одно не подлежит сомнению: ненависть к ватакам она испытывает нешуточную и серьезную. А вот во что это выльется на практике, угадать невозможно. Одного из вождей Великой французской революции Марата недрогнувшей рукой зарезала кинжалом в ванне юная дворянка Шарлотта Корде, которой в прошлой жизни наверняка не случилось и курицу зарезать. Группой бомбистов, прикончивших Александра Второго, грамотно командовала Софья Перовская, тоже не перестарок. И в нашем отечестве в не такие уж давние времена хватало примеров. Большевики индивидуальный террор отрицали, зато эсеры и анархисты всех мастей пользовались широко. Так что частенько по живым людям прицельно стреляли и девушки, до того и кошку ногой не пнувшие. Впрочем, то, чем занималось Братство, нельзя назвать индивидуальным террором, исключая разве что убийство шпигов (что часто становилось, как рассказала Алатиэль, одним

из видов испытаний, через которые приходилось пройти кандидату в Посвященные).

Вопрос в другом: чего от нее ждать? С равным успехом может спасовать в серьезном деле и не найти в себе сил вогнать железо в противника. А может и управиться, мало того — со столь гордым видом взойти на костер, как Жанна д'Арк, на виселицу, как Софья Перовская, на гильотину, как Шарлотта Корде. Заранее не скажешь, а ведь это нисколько не отвлеченный вопрос: мы с ней действуем в одной группе, отправившейся на смертельно опасное предприятие...

Чуть подхлестнув коня, я догнал Грайта и взял быка за рога:

— Грайт, а нельзя ли подробнее услышать о Вторжении? Уж это, сдается мне, не тайна...

— Конечно, не тайна, — кивнул Грайт. — Ну что же, дорога долгая и скучная...

И он рассказал, сразу предупредив, что речь пойдет не о его личных воспоминаниях и впечатлениях: воспоминания десятилетнего мальчишки, к тому же обитавшего пусть не в глухомани, но в далеком от ближайшего большого города замке, неинтересны и, в общем, лишены всякой ценности. Еще лет двадцать назад бывший Книжный Человек, Посвященный Братства, написал в глубоком подполье «Записки о проклятом Вторжении», с которыми с тех пор в первую очередь знакомят кандидатов в Подмастерья. Разве что Грайт намерен их время от времени дополнять своими наблюдениями и умозаключениями уже взрослых лет...

В один далеко не прекрасный день, как гром с ясного неба, по стране лесным пожаром распространились жуткие слухи: нагрянули страшные чудища то ли из-за небесной Тверди, то ли из Подземного Мира (чье существование допускали и некоторые ученые книжники), то

ли неведомо откуда: может, из конкретной лесной долины, а может, объявились в десятке мест сразу. Повалили толпы беженцев всех сословий, распространявших вовсе уж страшные рассказы (как потом выяснилось, большей частью выдуманные или слышанные от таких же бедолаг).

Через несколько дней появилась более точная информация — и от военных, и от устремившихся к эпицентру событий книжников самого разного возраста. Облик пришельцев неизвестен, они не жгут людей страшным пламенем и не высасывают из них кровь ни досуха, ни частично, — но умеют летать по воздуху в каких-то лодках и пускают в ход какое-то оружие, мгновенно убивающее людей на расстоянии, и от этого не защищают любые доспехи. Магия здесь имелаась, но, как я понял, дохленькая, чисто бытового характера — вроде умения приваживать зверей на охоте и отгонять хищников от скотных дворов, беречь поля от ливней и засухи и тому подобных неприменимых в военном деле пустяков. Иные маги, самонадеянно попытавшиеся испробовать на пришельцах привычные умения, погибли все до одного...

Некоторые книжники так и не вернулись, пропали безвестно. Более везучие рассказывали о том, что видели своими глазами и слышали от вполне заслуживающих доверия людей, главным образом королевских чиновников, военных и полицейских чинов. Выяснилось, как и следовало ожидать, что большинство слухов и рассказов — страшные сказки, но легче от этого нисколько не стало — очень уж безрадостными оказались и доподлинные были...

Пришельцы и в самом деле лезли откуда-то из одного места (очень быстро удалось приблизительно установить, откуда) и летали по небу в бесшумных лодках, способных опускаться и к самой земле. Не было у них ни страшного пламени, ни гремящих молний, но имелось

оружие не менее убойное: нечто вроде подвижных святащихся оград, словно бы даже и не из каких-то осязаемых материалов, при касании вызывавших мгновенную смерть (как очень быстро уточнили, не только людей, но и всякого живого существа). Королевские войска в панике бегут толпами, сопротивляться нет ни малейшей возможности — к тому же в тех местах, где пришельцы не встречают сопротивления, они никого не убивают, только приказывают военным сдать оружие, оставляют в крупных городах наместников и движутся дальше...

Еще через несколько дней появились королевские глашатаи — по заведенному порядку, на площадях, ярмарках, перекрестках больших дорог и в прочих многолюдных местах. И зычно, как они умели, зачитывали очередную королевскую коронную грамоту. Его величество повелевал верным подданным успокоиться и мирно предаваться прежним занятиям. Никакого вторжения злокозненных кровожадных чудовищ нет — наоборот, его величество призвал из мест, доступных только его высочайшему пониманию, вполне дружественных к нему и его подданным существ, вполне похожих на людей, именуемых «ватаки», каковые отныне будут его соратниками в трудах на благо королевства. Всех, кто дерзнет противиться королевской воле, независимо от сословия, ждут предусмотренные законом наказания для «королевских изменников» (из которых лишение головы или повешение были, пожалуй что, самыми мягкими)...

Одновременно (опять-таки по исстари заведенному порядку) коронные грамоты были разосланы поместным дворянам, высшим чиновникам городского управления и сельских округов. Все они были того же содержания и, по утверждению знающих в этом толк людей, носили все признаки подлинности, ничуть не походили на фальшивки. К тому же вскоре в столице (как давно уже пола-

галось в особых случаях) с Золотого Балкона выступил сам король перед огромной толпой горожан и повторил то, что писалось в коронных грамотах, — как говорили стоявшие близко, Его Высочайшая Милость выглядел как обычно, без следа волнения или страха.

И все как-то незаметно успокоилось. Изменения произошли лишь в Первый Год Вторжения (как его промеж себя называли вольнодумцы — собственно, не год по календарному счету, а две трети года, с приходом Новогодья все как-то улеглось).

Как и говорил Грайт прежде, основы прежнего уклада жизни, за редкими исключениями, остались неизменными и неприкосновенными. Готанги по-прежнему владели замками, землями и крестьянами, крестьяне работали, платя прежние, ничуть не увеличившиеся подати, как и ремесленники, как все прочие низшие сословия. Купцы торговали, лекари лечили, мастера каменного строения строили, охотники охотились... И так далее, по списку...

Изменения затронули лишь относительно малое число людей, по сравнению с общим числом жителей королевства, а очень многие сословия, в первую очередь готангов, не затронули вообще. Наоборот, распространилось немалое количество разного рода поразительных шуток, дарованных ватаками (с некоторыми я уже знаком), облегчивших и труд, и быт. Были распущены войско и порубежная стража — отныне защиту рубежей и всего королевства благородно брали на себя ватаки. Что встретило потаенный ропот составлявших здешний офицерский корпус готангов — но порадовало низших, избавленных отныне от рекрутской повинности, постоя солдат, а жителей прирубежных провинций — еще и от вражеских нашествий с их «прелестями» вроде грабежей, охального насилия над женщинами, поджогов деревень, а то и городов. Было запрещено учить грамоте, за исклю-

чением некоего неизбежного для некоторых профессий минимума, за хранение книг и рукописей теперь полагалась смертная казнь, — но тем, кто сдавал их добровольно, платили деньги, и не такие уж гроши. Многие готанги до того считали, что грамотность приличествует лишь низшим, вместо подписи использовали личные печати, а для необходимых в хозяйстве записей и расчетов использовали грамотных секретарей и управителей (их число теперь уменьшилось примерно вдвое, но оставшихся не наказывали). Крестьяне и вовсе были поголовно неграмотны, в каждой деревне имелся лишь официальный «сельский грамотей» (так в этой прибыльной должности и оставшийся). Почти так же обстояло дело и в городах, где грамоте учили далеко не всех, — число «городских грамотеев» изрядно поуменилось, и только. Некоторую грусть у грамотеев всех сословий вызвало лишь исчезновение куртуазных романов, обстоятельно и смачно описывавших иные взаимоотношения меж мужчинами и женщинами либо похождения ловких плутов.

Откровенно радовались лекари, получившие невиданные прежде и эффективные лекарства — так что все эпидемии, не раз и не так уж редко прокатывавшиеся от горизонта до горизонта, исчезли бесследно, остались лишь легкие хвори, не влекущие серьезного расстройства здоровья и уж тем более смерти...

Исчезла почта, доставлявшая частные письма, — но ею и раньше пользовались немногие, дорогое было удовольствие. Исчезли ремесленники, производившие необходимые Книжным Людям и вообще грамотеям товары, исчезли печатники (картографы, впрочем, остались, только карты теперь лишились надписей). Исчезли бродяги и обитатели беднейших городских кварталов. Вообще, многие низшие стали жить чуточку зажиточнее — а те, кто в результате реформ остался безработным,

получали пособие на овладение каким-нибудь новым ремеслом (то же касалось и Книжных Людей).

В дополнение к прежней полиции, Недреманному Оку, появилась Золотая Стража (на словах подчинявшаяся королю, а на деле, зло бросил Грайт, исключительно ватакам). Жалованья они получали вдвое больше обычного, пользовались определенными привилегиями, так что горой стояли за новый порядок. Как я понял, это еще и было нечто вроде местного гестапо или сигуранцы.

Королевство, я бы сказал, превратилось в одну огромную тюрьму с оградой, которую ни за что не преодолеешь и не сломаешь. В считанные дни трудами ватаков по всем довольно протяженным рубежам, по равнинам, лесам и горам протянулась Светоносная Изгородь — своего рода забор высотой в два человеческих роста, но состоявший из неярких, полупрозрачных полос сиреневого цвета (здешнего цвета смерти, траурного) затейливого плетения, напоминавшего чугунные ограды жилищ знатных и богатых. Любое живое существо, от морангов до мышей, коснувшееся ее, падало замертво, та же участь ждала и птиц, на какой бы высоте они ни летели. Королевство оказалось полностью отрезано от заграничных соседей — а те, соответственно, от него (за рубежи ватаки почему-то не пошли, хотя это, безусловно, не составило бы им труда). Та же Изгородь появилась и на морском берегу...

(Тут мне поневоле пришлось прослушать лекцию по географии — хорошо еще, очень короткую. Королевство оказалось самым большим из шести имевшихся на материке, но так уж исторически сложилось, что оно очертаниями напоминало огромный кувшин с узким горлышком — роль горлышка выполняло морское побережье, тянувшееся, в пересчете на привычные мне меры, километров на сорок.)

Соответственно, и оставшихся не у дел мореходов, рыбаков и торговавших с заграницей купцов здесь оказалось гораздо меньше, чем в трех других странах, обладавших гораздо более протяженным морским побережьем. Мореходам и рыбакам выдали пособия (часть тех и других переквалифицировалась в речники), а большинству купцов и переучиваться не пришлось, переключились на сухопутную торговлю. Часть готангов опять-таки испытала нешуточную грусть — именно они были главными потребителями заграничных товаров (в основном тканей, вин, деликатесов, разных предметов роскоши, чистокровных лошадей, мечей-кинжалов и тому подобного). Но все ограничилось ворчанием по углам...

Разумеется, в течение Первого Года Вторжения (и тройки месяцев следующего) случились мятежи — что-то, а бунтовать по самым разным поводам люди приновились с древнейших времен. Числом четыре. В одном преобладали готанги, и отнюдь не бедные и захудалые, хотевшие свергнуть короля, «продавшего страну неведомым чудищам», три остальных, как я понял, не имели даже подобия теоретического обоснования и сводились к нехитрой цели: истребить ватаков и зажечь по-старому. Что немного удивляет, в них главной движущей силой были городские ремесленники и крестьяне — хотя они, особенно крестьяне, почти ничего и не потеряли от перемен, наоборот, кое-что полезное, облегчавшее работу и вообще жизнь, приобрели. Грайт не вдавался в подробности, но у меня появились подозрения, что и здесь без готангов не обошлось — в нашем мире порой случались мятежи простолюдов, где за кулисами скромненько притаилась знать, лорды, бароны и бояре, — о чем многие бунтовщики и не подозревали до самого конца...

Все мятежи были очень быстро подавлены силами исключительно ватаков — оказалось (для меня ока-

залось, здесь об этом узнали очень быстро), имеются и подвижные Светоносные Изгороди, огромного диаметра кольцом или овалом окружавшие летающие лодки и точно так же вызывавшие мгновенную смерть любого их коснувшегося живого существа. Если на пути встречалось строение, Изгородь, ничуть не меня очертаний, проникала внутрь — с понятными печальными последствиями. Лодки могли летать со скоростью мчащегося галопом коня, так что быстро было покончено с отрядами мятежников, все причастные к мятежам деревни и города обезлюдели полностью, так и стоят поныне — вышедшим вскоре королевским указом запрещалось впредь там селиться, и говорилось еще, что в случае новых мятежей будет поступлено точно так же...

После этого большие мятежи полностью прекратились. Не из трусости (Грайт это особо подчеркнул), а по причине их полной безнадежности — бессмысленно идти на открытый мятеж, если заранее знаешь, что при всей твоей отваге закончится непременно тем, что прилетят ватаки и быстро всех уничтожат, а защиты против них нет. Я поторопился вполне искренне заверить, что прекрасно все понимаю: это все равно что выходить против крупного опасного хищника с палкой — ни единого шанса...

В течение следующего года в разных уголках королевства произошло еще четыре бунта — всякий раз в пределах одной деревни, и последствия всякий раз были теми же: нет больше этих деревень и нет их жителей... Других бунтов не случилось. Единственная доступная форма протеста — уходить в лесные разбойники, но на это далеко не всякий ненавидящий завоевателей решится — и семья держит, и склад характера. В иных местах разбойников довольно много — и ватаки никогда не устраивают на них больших облав, оставляя это Золо-

той Страже, тоже, впрочем, не проявляющей особого рвения рыскать по дремучим лесам, где стрела может прилететь из-за каждого куста: стражники — люди, а Изгородь им не дают (а может, она работает только в присутствии ватаков, их летающих лодок). Одним словом, люди смирились...

А десять лет назад появилось Братство. Грайт не вдавался в подробности, но я про себя подумал: скорее всего, даже наверняка, нашелся наконец кто-то энергичный и решительный (как товарищ Сталин в Баку), подобрал столь же деятельных единомышленников, и дело завертелось.

Однако долго откровенно буксовало. По той же самой причине: что делать, если ничего сделать заведомо нельзя? Потаенным образом учили людей грамоте и счету, давали читать книги, пытались собрать хоть какие-то сведения о ватаках в надежде, что найдется и против них оружие. Разузнать удалось ничтожно мало — крупницы, крохи. Несколько раз похищали неосмотрительных Золотых Стражников, чиновников, всех, кто пусть мимолетно общался с вожаками. Тут Грайт, закаменев лицом, сказал, что спрашивали их очень пристрасно, а я уже сам домыслил: расспрошенные пропадали навсегда, не отпускать же их после всего? Но и тут — жалкие крохи да вдобавок столь же жалкие результаты собственных наблюдений. В свои замки ватаки людей в качестве прислуги никогда не допускали, так что внедрить туда своих или взять знающего не удавалось. Вслух этого ни разу не произносилось, но члены Братства все чаще стали испытывать ту самую тоскливую безнадежность, что удерживала других от мятежей, — впереди, казалось, тупик без выхода...

И вдруг все резко изменилось, рывком, как гром с ясного неба!

Были открыты Тропы — пока что ведущие только в наш мир. Далеко не каждый обладал способностью по ним пройти. Грайт мог — а потом выяснилось, что и Алатиэль может тоже. Это случилось три месяца назад, а уже через две недели, трудясь в лихорадочном темпе, дни и ночи напролет, установили: Тропы ведут в самые разные страны нашего мира, в том числе и в те, чьи жители не в силах оказать осмысленную помощь, и там не раздобыть оружия, действенного против ватаков (где-нибудь в Африке выныривали, подумал я). А главное, выяснили совершенно точно: жители нашего мира способны проходить через Светоносную Изгородь без малейшего ущерба для жизни и здоровья, на них она не оказывает ровным счетом никакого воздействия!

И Грайт притащил сюда меня...

Как следовало из его рассказа, ватаки, в общем, не придумали ничего нового — просто-напросто внесли в здешнюю феодальную пирамиду небольшие дополнения в своем лице. В королевском дворце обитали три ватака, несомненно, выполнявшие роль наместников. По всему королевству они воздвигли сто сорок три своих замка, окруженных Светоносными Изгородями, где и жили, натуральные владельцы уделов наподобие европейских герцогов или наших бояр-князей. Разве что, в отличие от наших магнатов, никакой светской жизни не вели, с тамошними готангами не общались, появлялись на людях довольно редко...

(Уточнение числа замков доставило Грайту некоторые хлопоты. У него давно выветрилась из головы изучавшаяся в детстве арифметика, а в Братстве он по каким-то своим причинам так и не научился счету. Поэтому его слова выглядели примерно так: «Возьмем число пальцев на руках и ногах одного человека, теперь представим, что

таких людей десять. Добавим четырех человек, а потом еще три пальца»...)

— Ну вот, теперь кое-какое представление о Вторжении ты имеешь, — облегченно вздохнув, сказал Грайт. — Довольно этого или нужны какие-то добавления?

— Да нет, этого довольно, — не задумываясь, ответил я. — Вот разве что... Как они выглядят?

Грайт усмехнулся:

— В том-то и печальная загвоздка, что никто не знает, как они выглядят... В первые дни Вторжения ходили слухи, что гвардейцам удалось убить где-то одного пришельца, но никто его не видел, так что и веры этому никакой... В королевском дворце они всегда ходят в просторных красных балахонах с капюшонами с прорезями для глаз и широкими рукавами, скрывающими... неизвестно, что там у них, руки или лапы. Во дворце я их видел не раз — я по происхождению потомственный придворный, так что бываю часто. Единственное, что могу сказать, — ростом они не выше обычного человека, примерно так же широки в плечах. То, что под балахоном скрывается, больше всего похоже на человеческую фигуру, а уж люди это или страхолюдные чудовища, судить невозможно. Может оказаться и так и этак. Мы знаем, сколько у ватаков замков, но не знаем, сколько самих ватаков. Человеческой прислуги они не держат, людей к себе в замки не пускают. Разве что еду берут нашу, вечером ее привозят Золотые Стражники, а утром, с рассветом, ее уже нет. Если еды они потребляют столько же, сколько люди, их в каждом замке штуки четыре-пять. Члены семьи это или слуги, неизвестно. Есть ли у них вообще семьи, неизвестно. На людях они всегда показываются в закрытых летающих лодках, так что неизвестно, один и тот же там или всякий раз другие. Достоверно известно одно: эти существа из плоти и крови, вполне

уязвимые для острого железа. Иначе зачем они окружают себя Изгородами?

— А как обстоит дело с теми, во дворце?

— Вокруг них также всегда Изгородь, которая движется вместе с ними... разве что круг гораздо меньше тех, что вокруг замков, — шириной в человеческий рост, не больше. К чему им это, если их нельзя убить железом? Ну сам понимаешь: невозможно бросить копье или пустить стрелу — за появление в королевском дворце с луком полагается смертная казнь. За входящими бдительно следит стража. Вообще-то с незапамятных времен запрещено входить в королевский дворец с оружием, другое дело, что до Вторжения дворцовая стража носила мечи, а теперь они ходят с длинными кнутами — и мастерски умеют ими пользоваться. Да, ватаков во дворце всякий раз сопровождают Золотые Стражники, идущие на некотором расстоянии впереди и сзади. Вероятно, это связано с одним покушением... Вскоре после Вторжения и появления ватаков во дворец один бывший порубежник пронес во дворец под одеждой кинжал и бросил его в ватака. Промахнулся, но кинжал как ни в чем не бывало преодолел Изгородь. Теперь этого не повторить — из-за Стражников, готовых к попытке использовать что-то метательное. Это лишний раз доказывает: для ватаков наше оружие столь же опасно, как для нас самих. Вот и все, что о них известно. Мы не знаем, какое еще у них есть оружие, кроме Изгородей. Не знаем, есть ли у них возможность связываться друг с другом на расстоянии, вроде этих ваших ящиков... ратсей, так, кажется?

— Раций, — машинально поправил я.

— Ну, в общем, этих ящиков...

Я подумал: трудненько ввязываться в бой, располагая столь скудными сведениями о противнике... И, чуть подумав, спросил:

— А как часто им привозят еду?

— Обычно раза два в неделю... то есть в шесть юней.
А что?

— Да появилась идея... Можно подсунуть им какую-нибудь отраву, у вас наверняка есть отравы...

— Есть, — усмехнулся Грайт. — Эту идею высказали задолго до тебя. И четыре раза удавалось подсунуть в еду отраву, каждый раз другую. Бесплезно. То ли они умеют обнаруживать в еде отраву на манер королевских Отведывателей, то ли наша отравы на них не действует. А впрочем, все возможно. Даже если ватаки в тех замках и перемерли все до одного, внешне это никак не выражалось. Как бы там ни было, ни разу не последовало каких бы то ни было карательных мер. Зато мы точно знаем кое-что другое... Те ватаки, что обитают у нас, одни и те же. За тем замком, где они устроили Мост, вот уже десять лет, сразу после становления Братства, наблюдают неустанно и безотлучно. Хватило времени, чтобы вывести закономерность... Там постоянно пребывает один ватак, а иногда двое. Нечто вроде часовых или смотрителей, мы полагаем. Всякий раз прежние улетают на лодке, когда им на смену прилетят новые. Никаких грузов они не возят ни туда, ни оттуда. Сами не уходят туда, а оттуда не появляются новые. Все эти годы отлаженная система работает, как механизм часов. Еще мы знаем совершенно точно, что другого Моста нет. Этот — один-единственный. На этом и строится план, имеющий очень большие шансы на успех. Ты пройдешь туда и покончишь с ватаками. — Он усмехнулся. — В отличие от Алатиэль, тебе уже приходилось убивать, так что не станешь распускать сопли, я думаю? Справишься не мечом, так топором.

— А если у них есть какое-то оружие вроде моего?

— Но ведь нечего больше сделать, — без улыбки ответил Грайт. — Придется рискнуть. Если все пройдет

гладко, разрушишь Мост. Нас уверяют, что это нетрудно сделать простым топором...

«Интересно, кто это вас уверяет, кто это такой информированный?» — рвался у меня с языка вопрос, но я сдержался. Нутром чую, не ответит все равно...

— Предположим, я эту штуковину разрушу... — сказал я раздумчиво. — А дальше?

— А дальше уже наша забота, — словно бы с некоторым мечтательным воодушевлением сказал Грйт. — Главное, ватаки не смогут получить подкрепление из своего коэна... если только на другой стороне у них есть свой коэн. Некоторые считают, что они — нечто вроде бродяг меж коэнами, небольшое племя. Если так, это нам только облегчит задачу. Мы их перебьем... есть средства. Или просто возьмем их замки в осаду, перестанем снабжать едой и водой и посмотрим, что будет. Тот, кто ест и пьет, как человек, без еды и воды проживет, мы так прикидываем, не дольше человека. Чтобы создать новый Мост, потребуется не менее двух месяцев, а этого нам вполне хватит, чтобы извести их под корень... и достойно встретить новых, если они опять придут, пусть даже в другом месте... — К его мечтательности явно добавилась злоба. — А первым делом мы истребим всех прислужников ватаков... включая королевскую фамилию. Может, с короля и начнем. Есть люди, которые до сих пор убеждены, что ватаки уничтожили королевскую фамилию и заменили ее двойниками или как-то вселились в их тела и подчинили их разум. Но я этому не верю по очень веским причинам. Видишь ли, я год служил пажом у нынешнего короля, когда он был наследным принцем. Поехал повидаться с матерью и из-за Вторжения застрял в нашем замке на добрый месяц, но потом король за мной прислал, и я вернулся во дворец. Остался пажом до тех пор, когда мне исполнилось три

раза по шесть лет — потом, согласно строгому порядку, перестал быть пажом, но во дворце остался. Через два года старый король умер, и на трон взошел принц. Уж я-то знаю и его, и двор... И старый король, и нынешний остались совершенно прежними, в самых мелких мелочах, ни один двойник не смог бы так убедительно играть... и ничто не позволяет думать, что разум короля подчинен какой-то другой силе. В жизни двора совершенно ничего не изменилось... ну разве что остались не у дел придворные летописцы, поэты, прочие, чьи занятия требовали грамотности. Да еще некоторые придворные примкнули к одному из мятежей. Кто погиб, кто был приговорен к смерти. А во всем остальном — тот же самый король, тот же самый двор. Я полагаю, здесь другое. — На его лице промелькнула горечь. — Король покорился ватакам, чтобы сохранить жизнь и корону, прилежно им служит. Жаль, он был неплохим мальчишкой, между нами до Вторжения установилось что-то вроде дружбы... именно «вроде», у королей и даже у принцев настоящих друзей не бывает, если ты понимаешь, что я имею в виду...

Видно было, что продолжать разговор ему неприятно. Я посчитал, что узнал достаточно, и не настаивал. Чуть придержал коня и отстал от Грайта на корпус, мы снова ехали вереницей, и я вернулся к прежним мыслям...

Жизнь королевства под властью ватаков теперь еще больше казалась ничуть не похожей на прозябание наших предков под татаро-монгольским игом или индусов — под пятой британцев. Прежний уклад жизни оставлен в неприкосновенности, мало того, ватаки покончили со вторжениями соседей, победили эпидемии и особо тяжелые болезни, подарили здешним жителям разные технические новинки. И сидят себе сиднями менее чем в полутора сотнях замков, разбросанных по

стране. Как-то это ничуть не похоже на поведение злобных колонизаторов. Может, это и в самом деле какие-то кочевники, наконец нашедшие для себя тихий уголок? А я помогаю их уничтожить...

Однако, как ни тягостно было на душе, вывод был прежний, безрадостный: выхода у меня нет, попала собака в колесо — пищи да беги. Либо я буду старательно выполнять приказы Грайта, либо мне не вернуться назад, где сейчас каждый штык дорог. Никогда не подумал бы, что однажды мне придется сделать такой выбор, оказаться в ситуации, нисколько не похожей на все предыдущее...

— О чем ты задумался, Костатен?

Это Алатиэль догнала меня и ехала стремя в стремя. Похоже, она окончательно перестала дуться из-за недавнего поражения.

— Да так, сплошные пустяки, — ответил я как мог веселее — она была ни в чем не виновата: задурили голову девчонке взрослые дяди подпольной романтикой...

— Давай поговорим? Так скучно ехать...

— Давай, — сказал я.

Она, игриво поглядывая, поинтересовалась, есть ли у меня девушка. Я откровенно ответил: не просто девушка, а невеста, на которой я собираюсь жениться (не стал уточнять, что сначала нужно вернуться с войны живым и здоровым, а до того и здесь постараться уцелеть — не к теще на блины едем). И в который раз пожалел, что фотография Наташки вместе со всеми документами осталась у того дерганого старлея, что едва меня не расстрелял.

— Красивая, конечно?

— Очень, — сказал я, вспомнив Наташку в желтом купальнике на берегу широкой медленной реки.

— А чем она занимается?

— Как тебе сказать... — Я не сразу подыскал нужные слова, вряд ли вигень справился бы со словом «студентка», здесь ведь нет студентов. — Она... учится на Книжного Человека. Будет работать в библиотеке.

— Как у вас все устроено... — вздохнула Алатиэль. — Открыто учатся на Книжных Людей, библиотеки есть... Вообще у вас интересно. Я с Грайтом у вас три раза бывала, всякий раз на несколько дней...

— И что тебе у нас больше всего понравилось?

— Сладкое холодное лакомство в сдобных стаканчиках. У нас ничего подобного нет, потому что не бывает, как это... зымы. И танцы. Грайт разрешил мне одной пойти туда, где у вас танцуют. Он сам не мог пойти — он ведь изображал жреца, а жрецы не ходят туда, где танцуют... совсем как у нас. — Она оживилась, глазищи блестели. — Только пришлось оттуда быстро уйти. Я ведь совсем не умела танцевать ваши танцы, а меня то и дело приглашали молодые люди и очень удивлялись, что я не умею. Знаешь, Грайт пообещал: если все закончится удачно, он меня в поощрение отпустит пожить у вас пару недель. Я обязательно разучу ваши танцы и пойду туда, где танцуют. И туда, где показывают смешные живые картины на белой стене...

Мне стало интересно, где это они с Грайтом ухитрились побывать, и я стал расспрашивать — как тот город выглядел, какие дома она запомнила, были ли там какие-то памятники. Она упомянула, что видела «такие экипажи без лошадей, которые звенят и ездят по железным полоскам», — но это не привязка, трамваи могут ездить где угодно. Да и дома ей не запомнились — я так понял, это был какой-то небольшой городок без архитектурных достопримечательностей и памятников старины, зато с танцплощадкой. Однако, когда она стала рассказывать про другой город, побольше, добросовестно и много,

словно описывая ей запомнившееся, я быстро уверился, что они с Грайтом побывали в Минске. Очень быстро опознал, хотя и по ее сумбурным описаниям, и иные городские достопримечательности, и католический костел старинной постройки. Разумеется, не сказал ей, что беззаботного отдыха с танцами у нее не выйдет — Минск страшно бомбили, там уже немцы, какие танцы...

— А еще я уговорила Грайта пойти купаться, — болтала Алатиэль. — Он в конце концов согласился, хотя поначалу и был против. — Она посмотрела на ехавшего впереди Грайта, фыркнула и понизила голос. — У нас тоже купаются, только женщины у готангов приличия ради обязаны надевать рубахи до колен, не короче платьев, а мужчины — штаны и рубаху из тонкого полотна. А у вас женщины купаются в таких смелых нарядах, просто неприлично... — и продолжала не без гордости: — Но я решила снять платье и искупаться, когда убедилась, что так ходят все девушки и никто на них не пялится... — Она, лукаво глянув на Грайта, понизила голос почти до шепота: — А знаешь, Грайт, когда увидел, как для купания одеты ваши мужчины, раздеться так и не решился, сидел на песке в одежде, только обувь снял. Вот на него многие посматривали словно бы с насмешкой...

Я невольно фыркнул, вспомнив Ильфа и Петрова, — в самом деле, одетый человек на пляже смотрелся чудачком...

— Он что, и там был одет жрецом? — спросил я.

— Нет, в обычной мужской одежде. Ваш смотритель Тропы сказал, что в том городе волосы, как у Грайта, особого удивления не вызовут — его просто примут за актера или музыканта. Вот только и мне, и ему пришлось перевязывать шею... как это, бинтом, как будто у нас что-то болит. Нужно же было скрыть вигени, вот они вызвали бы нездоровое внимание. Смотритель ска-

зал, что у меня вигень на шее внимание не особенно привлечет, а вот мужчины в вашем козне украшений на шее не носят... Знаешь что?

— Что?

— Ты только не сердись, вдруг тебе что-то покажется неприятным. Но что делать, такое уж осталось у меня впечатление... Женские платья у вас мне показались... простоватыми, что ли. Нет, они хорошо пошиты и отнюдь не выглядят мешками, но все же простоватые какие-то. Вот ткани мне понравились, иных у нас нет. Я бы охотно носила из них платья. Хотела даже купить в лавках, у нас было достаточно ваших денег, но Грайт категорически запретил, и я в конце концов согласилась, что он прав. Нельзя сюда приносить ничего, чего в нашем козне нет. Нельзя, чтобы ватаки узнали, что мы умеем ходить по Тропам... потому Грайт приказал Лагу поглубже закопать твою одежду и все, что при тебе было. Там, в глухих местах, никто и не найдет, если не искать специально...

Может обернуться по-разному, подумал я. Не исключено, что пройдет много, очень много времени, и здесь появятся свои археологи, случайно наткнутся на захоронку. Скажем, места эти перестанут быть глухоманью, там примутся строить новый город или еще что-нибудь и при рытье котлована наткнутся. За тысячи лет одежда и сапоги, скорее всего, истлеют, но значки, пуговицы и пряжка ремня сохранятся. А если историческая наука будет на достаточно высоком уровне, ученые без труда определят, что эти загадочные предметы не имеют ничего общего с известными им древними культурами. Особенно если к тому времени Тропы, равно как и умение по ним ходить, будут забыты, закроются, как пересыхают иные реки...

— Последний зритель мне показывал книги с картинками, — продолжала Алатиэль безмятежно. —

И старые тоже. Если по ним судить, в прежние времена женщины у вас одевались гораздо богаче и роскошнее, только платья у них были длинные, как у мужичек, это было чуточку смешно, но я понимаю — везде свои обычаи. Может быть, платья у вас такие оттого, что вы еще не оправились от Великого Мятежа? Смотритель рассказывал и про Великий Мятеж, когда у вас свергли и казнили короля, отобрали у готангов земли, а самих кого казнили, кого прогнали. Была большая война, но готанги проиграли. В голове не укладывается: как мужики и мастеровые смогли управляться со страной без готангов? Стадо без пастуха...

И что я мог ответить девчонке, понятия не имевшей ни о классовой борьбе, ни о марксизме-ленинизме? Смысла нет давать ей уроки политграмоты, если мы с ней — не более чем пассажиры встречных поездов или встречных пароходов. Мимолетный взгляд — и, что греха таить, мимолетное восхищение с моей стороны — и нас навсегда уносят море или рельсы в разные стороны...

— Ну, видишь ли... — сказал я, подыскивая нужные слова. — У нас все было гораздо сложнее. Нашлись, представь себе, готанги, которые отказались от всех привилегий...

— Они и управляли?

— Нет, — сказал я. — Но служили верно... и сейчас служат.

— А сам ты из каких?

— Представь себе, из крестьян, — сказал я. — Правда, отец ушел в город и стал мастеровым, как у вас выражаются...

— И готанг его отпустил? — с искренним изумлением воскликнула Алатиэль. — Не поймал и не вернул? Не заклеил за побег?

— У нас к этому времени готанги уже не имели такой власти над крестьянами, — ответил я и не стал объяснять, что отец после революции выучился на инженера-железнодорожника, а мать стала фельдшерницей. — Одним словом, мужик мужиком. Тебя это, часом, не коробит?

— Ничуть, — серьезно ответила Алатиэль. — Ты учен грамоте, служишь в порубежниках, командуешь, как я поняла из объяснений Грайта, имеешь право на меч... Скорее уж ты — готанг. Одна из королевских династий в старину произошла как раз от мастерового. Он устроил великий мятеж не хуже вашего, точно так же убил короля и большинство готангов... только потом сам сел на трон, а его ближайшие сподвижники стали готангами. И понемногу все пошло по-прежнему — лестница из сословий, где на ступеньку выше поднимаются лишь в исключительных случаях: особые заслуги на войне, или кто-то становился фаворитом королевы...

Ну конечно, это нам знакомо, подумал я: до теорий о классовой борьбе и единственного верного учения еще не доросли, и вождь победившего мятежа примеряет корону, а сподвижникам раздает титулы и земли... с крестьянами, понятно.

— Лет через двести потомки того короля потеряли власть, но не в результате мятежа — династия пресеклась естественным образом, не оказалось прямого наследника. Но члены фамилии до сих пор старый и уважаемый род, мы с ними в дальнем родстве...

— А у тебя есть крестьяне? — Я не собирался вникать в здешние общественные отношения, вообще чересчур интересоваться этим миром, но любопытство пересилило.

— Нет, конечно, — сказала Алатиэль. — Я ведь тайон... незамужняя дочь. Когда я выйду замуж, мне, понятное дело, родители дадут в приданое сколько-то деревень,

скорее всего, шесть, как принято... Впрочем, любящие родители дают и больше. Но меня пока совершенно не привлекает замужество, и нет такого человека...

— Гораздо интереснее скакать с мечом, да?

— Не говори так! — воскликнула Алатиэль сердито. — Я член Братства, Посвященная, и хочу избавить наш мир от ватаков!

— Ну прости, я не хотел тебя задеть, — сказал я примирительно. — А у твоего отца много крестьян?

— У нас считают не по головам, а по деревням, — ответила Алатиэль все еще чуточку обиженно. — И по богатству земли. У отца шесть раз по шесть деревень, и почти все земли третьего, высшего разряда. Владения тянутся на несколько часов конного пути, есть две реки с мельницами, четыре пошлинных моста, леса...

Это было произнесено с несомненной гордостью.

— Крестьян продают? — спросил я.

— Только семьями, а еще — когда требуются невесты и женихи. Ну, крепко разорившись, случается, и деревнями.

— И ватаки эти порядки не поменяли?

— Ни в какой степени.

Возможно, подумал я, дело еще и в том, что ватаки превосходят в технике, но не в общественном развитии. Захватили живущую в самом густопсовом феодализме страну, но оставили строй в неприкосновенности. Любопытно, а какая у них выгода? Все захваты, что колоний, что более слабых государств, всегда преследовали какие-то выгоды — но здесь, как я понял, ни земли не отобрали у прежних владельцев, ни, Грйт мельком упоминал, налоги не повысили. Какие-то стратегические выгоды? Допустим, только через это королевство они могут переходить из мира в мир — и намерены, обжившись, пойти дальше... но и это мне должно быть неинтересно...

Алатиэль с видом прилежной ученицы принялась рассказывать, как устроена здешняя жизнь — как крестьян продают, в каких случаях владельцы им покровительствуют. Мне это было неприятно: не вижу ничего хорошего в мире, где людей продают, как скот, — как не так уж и давно обстояло с моими не такими уж отдаленными предками. Впрочем, вопрос сложный: преподаватель истории нам рассказывал, что в старые времена иные крепостные, ушедшие от помещика на оброк и разбогатевшие (вплоть до того, что некоторые становились миллионерами), покупали уже себе деревеньки с крепостными крестьянами и преспокойно ими владели. И на волю не отпускали, и безусловно драли три шкуры не хуже помещиков — иначе зачем покупать? Слабовато в те времена было с классовой солидарностью — или все дело в той самой кулацкой психологии...

Алатиэль увлеклась, с большим воодушевлением повествуя, как прекрасна и совершенна жизнь с разделением на готангов и низших: и продавать крестьян без земли нельзя, и в случае недородов нужно выдавать им зерно и овощи из запасов готанга совершенно безвозмездно, и еще многое. Одним словом, применяя термины политграмоты, сделала меня объектом феодальной пропаганды. Так и подмывало спросить: если крестьянам столь прекрасно живется, что же эта дворяночка не поменяется местами с какой-нибудь своей крепостной?

Я, конечно, промолчал, не хватало еще вести идеологические дискуссии с юной дворяночкой, абсолютно не подкованной в единственно верном учении — да наверняка и во всех прочих тоже. Глупо и бессмысленно для случайного гостя в этом мире. Однако и ехать молча было бы чертовски скучно. И, кажется, я нашел неплохой способ ее переключить: и скоротать монотонную

дорожную скуку удастся, и не придется выслушивать ничего неприятного...

А потому, улучив подходящий момент, я непринужденно спросил: наши платья кажутся ей простоватыми, а вот как у них обстоит с женскими нарядами?

И угодил в яблочко. Я вовсе не считал Алатиэль глупой или простушкой, но знаю по опыту: даже очень умные девушки (особенно красивые) будут болтать о женских модах, пока язык не устанет...

Так и произошло. Алатиэль легко купилась и пустилась рассказывать о женских платьях этого мира: какие здесь есть материи, кружево, ленты-банты, чулки и туфельки, какой длины платья положены разным сословиям, от готангов до крестьянок, и чем разные сословия имеют право платья украшать, и какие наказания предусмотрены для нарушительниц строгих правил, и какое значение цвет платья порой играет в куртуазии, и символом чего служат те или иные цвета...

Вот об этом она повествовала с гораздо большим воодушевлением, чем тогда, когда пыталась меня учить феодальной политграмоте. Я слушал ее не так уж внимательно, но ту самую дорожную скуку скрашивало. А кое-что было и в самом деле интересно: например, что собравшиеся пожениться юноша и девушка должны носить (и только они) платья и кафтаны исключительно синие, с продольными золотистыми полосами. Ну, предположим, Наташка в таком платье выглядела бы как принцесса, а вот я в синем костюме с золотистыми полосами — наверняка дурак дураком...

Равнина казалась бесконечной, зеленые невысокие кусты в гроздьях алых цветов от горизонта до горизонта. Безлюдье, словно, кроме нашей недлинной кавалькады, в этом мире больше не осталось людей и коней. Вокруг щебетали какие-то мелкие птицы, при нашем приближе-

нии перепархивали подальше довольно лениво — видимо, люди здесь проезжают редко, на птах не охотятся, и они не видят в нас угрозы. За все время с тех пор, как выехали из леса, Грайт ни разу не сверился ни с картой, ни с компасом, но не так уж редко поглядывал на солнце, явно хорошо по нему ориентировался. Что до солнца, оно, мне показалось, еще не достигло здешнего зенита, а если и достигло, пока что не двигалось к закату. А вот кирпичного цвета полумесяц с острыми концами, оказалось, исчез за горизонтом — я не смотрел в небо и не заметил, когда это произошло. Зато слева над равниной показался кругляшок размером с яблоко, светло-желтый с белесыми пятнышками, медленно, но целеустремленно поднимавшийся выше и выше. Нетрудно было определить, что у этой планеты самое малое два спутника, в отличие от Земли, — как у Марса.

Правда, вскоре оказалось, что слово «планета» здесь решительно не в ходу. Что выяснилось косвенным образом: Алатиэль, когда ей самой определено наскучило болтать о платьях и модах, с живым любопытством поинтересовалась: а на спине какого чудовища стоит наш мир? Несколько раз побывав у нас, она этим вопросом не интересовалась, а вот теперь ей стало не на шутку любопытно...

Я, признаться, чуточку оторопел от этого бесхитростного вопроса. И она охотно объяснила, что к чему, быстро растолковала здешнюю космогонию (всегда чуточку гордился, что, в отличие от многих, хорошо помнил этот термин — с младших классов увлекался астрономией, несколько лет ходил в кружок при Доме пионеров, мы там даже смастерили в конце концов под руководством учителя довольно приличный телескоп с примерно двадцатикратным увеличением). Хотя и это относилось к совершенно бесполезным для меня знаниям, слушать было

гораздо интереснее, чем ликбез по основам здешнего феодализма или лекцию о женских модах...

Вот что выяснилось. Все здесь с незапамятных времен свято верили, что здешний мир плоский, как блюдо, окружен бескрайним морем-океаном, обрамленным поясом неприступных гор, — и стоит он на спине могучего чудовища Дакташи. Верить в это здесь считалось столь же естественным и само собой разумеющимся, как есть и дышать. Ни одна живая душа своими глазами Дакташу не видела — но служители его Храма, извольте ли знать, в те же незапамятные времена непостижимым для профанов откровением видели Дакташу во сне и точно описали его облик, впоследствии канонизированный в монументах и на стенных изображениях. Они же и написали Книгу Дакташи — подробный перечень молитв и жестов, которыми надлежало Дакташу славить (оказалось, перед поездкой Грайт и Алатиэль один из них и выполнили, или, как я это тогда назвал, перекрестились по-здешнему). А главное — разработали правила поведения, только при соблюдении которых мир мог уберечься от гнева Дакташи. И, конечно (как я сразу по своему безбожному цинизму предположил), проповедовали, что только неустанные молитвы и жертвования берегут мир от катаклизмов и полной гибели. Знакомо настолько, что даже скучно чуточку...

Гнев Дакташи выражался в том, что он, разгневавшись на прегрешения людей, переступал с ноги на ногу, то чуть-чуть, то сильнее, — и тогда наступали трясения земли, иногда слабые и, в общем, безвредные, иногда разрушавшие немаленькие города. Иные горы начинали извергать пламя, черный пепел и потоки огня. А на побережье порой со скоростью скачущего коня выплескивались исполинские волны, бывало, сносившие целые города. Тоже совершенно не ново...

Ради коротания скуки я попытался точно определить место этого их Дакташи в здешнем пантеоне. Алатиэль объяснила обстоятельно и толково. Пожалуй, Дакташа, переводя на армейские мерки, был единственным здесь маршалом, хотя и не был богом, а все остальные боги и богини — не более чем генералами. Подробно вникать в сущность и функции богов и богинь я не стал, ни к чему, составил лишь для себя нечто вроде сводки. Иных богов и богинь почитали лишь в отдельно взятых королевствах, других — на обоих материках и больших островах, известных Алатиэль. В королевстве, по которому мы сейчас ехали, их было семь — немаловажное уточнение, до Вторжения. Ватаки, неизвестно по какой причине, уничтожили храмы, статуи и изображения богини Даукери и запретили ей поклоняться, карая за нарушение смертью, независимо от сословной принадлежности. Остальных не тронули совершенно — правда, и расположения к ним не проявляли. А вот на Храм Дакташи милости от захватчиков пролились щедрые. Он и до Вторжения представлял собой (опять-таки переводя на наши термины) нешуточную политическую силу, влиявшую на все стороны жизни и даже на королевскую власть гораздо сильнее, гораздо больше, чем Храмы Семи Священных, тех самых богов и богинь. А после Вторжения и вовсе обрел нешуточное могущество. Суды Дакташи, прежде которым неплохим противовесом служили Королевские и Градские, стали выше их и вот уже тридцать лет могли отправлять на смерть практически любого, кроме членов королевской фамилии, а немногочисленные прислужники и сторожа Храмов Дакташи быстро превратились в отряды Ревнителей Дакташи, мало чем уступавшие Золотой Страже. Гестапо плюс инквизиция — так можно охарактеризовать.

После этого я уже знал, что услышу. И не ошибся: вскоре после Вторжения служители Дакташи объявили по всему королевству, что Благой Приход (именно так теперь это следовало именовать, а за само произнесенное на людях слово «Вторжение» полагалась смертная казнь) был угоден Дакташе и случился по его воле, а посему, если люди в это не уверуют, Дакташа может разгневаться и не просто наслать Великое Потрясение — в ярости стряхнуть мир со своей спины, отчего он погибнет в одночасье со всеми обитателями, обрушившись в неведомые смертоносные бездны.

Великое Потрясение, случившееся примерно кронгер лет назад (по-нашему с тысячу), само по себе было ужасным. Трясения земли продолжались несколько месяцев, морские волны выше гор прокатывались по суше, сметая все на своем пути, горы извергали жидкий огонь, горели леса, рушились города, обезумевшие от ужаса толпы людей и стада животных бежали куда глаза глядят. Когда понемногу все успокоилось, мир изменился: иные земли навсегда ушли под воду, иные поднялись с морского дна, да так и остались до сих пор, исчезли два больших острова, на которых были свои королевства, Небесное Пламя (здешнее солнце) изменило путь по небу, как и Небесные Странники (спутники планеты), — а два из пяти вообще исчезли. Ночные Огни (звезды) точно так же изменились: иные яркие исчезли, другие появились, рисунок их Костров (созвездий) стал совершенно другим, не прежним. Как я понял из объяснений Алатиэль, человечество было отброшено едва ли не в каменный век, хотя девушка и не знала такого термина («те, у кого сохранились железо и другие металлы, стали основателями могучих королевств, а другие, гораздо более обделенные, мастерили оружие и разные инструменты из дерева и камня, так что быстро стали низшими навсегда»).

И здесь все просто и понятно: ватаки нашли себе преданных холуев в лице служителей Дакташи. Неслучайно они уничтожили все тексты Храмов Семи Священных, а Книгу Дакташи оставили в неприкосновенности. Надо признать, средство воздействия на покоренных они получили мощнейшее, и не снившееся церковникам и жрецам нашего мира, сколько бы разновидностей их ни было, — угрозу уничтожения мира, сброшенного со спины Дакташи. При том, что Великое Потрясение, несомненно, было доподлинной реальностью былых времен — Алатиэль была уверена в том, что на самом деле произошел жуткий катаклизм, и это вовсе не сказка. Возможно, больших мятежей не случилось еще и стараниями служителей Дакташи.

Сама Алатиэль ничуть не сомневалась, что нарисовала мне истинную картину мироздания — очень уж прочно она в сознание обитателей этого мира вбита. Правда, она сказала (и при этом бросила смешливый взгляд на молча ехавшего впереди Грайта), с давних пор находятся вольнодумцы, считающие, что грозный Дакташа давным-давно умер и мир сам по себе движется в некоем непостижимом человеческому уму пространстве, так что гнева Дакташи бояться нечего. Доказательством может служить и то, что более чем полсотни лет не случалось ни сильных трясений земли, ни накатывающихся на побережье высоких волн, и ни одна гора не извергла жидкое пламя. Выяснилось еще, что вольнодумцы делятся на два лагеря: одни полагают, что Дакташа давно умер, другие — что он либо погрузился в долгий сон, либо глух к молитвам его «служителей», и гибели мира бояться нечего. Обе «фракции» сходились на том, что служители Дакташи — обманщики (ну, не с самого начала, а с некоторых пор, уточняли иные либералы), озабоченные лишь собственным благосостоянием. Тем

здешнее вольнодумство и ограничивалось — ну что же, это лучше, чем ничего...

Сама Алатиэль призналась честно, что так и не знает пока, к какой фракции примкнуть, но не сомневается, что служители Дакташи — гнусные златолюбивые обманщики, которых следует перевешать. Правда, не сомневается, что Дакташа, спит он или умер, очень долго держал этот мир на спине. В некоторых старинных книгах утверждается, что этот мир — не единственный, что миров много, но каждый покоится на спине либо чудовища, либо исполинского животного из вполне реальных. Вот ей и интересно: а как обстоит с моим?

Какое-то время я пребывал в некотором затруднении. Никаких сомнений: во время пребывания у нас она то ли не нашла времени, то ли не захотела знакомиться с основами нашего мироздания. Ее собственный мир, несомненно, застрял на том уровне географических представлений, что царил на Земле до плаваний Колумба. Чтобы окончательно в этом убедиться, я задал пару вопросов насчет здешней географии. Ответ был простой: есть два материка, этот, побольше, и другой, поменьше, и несколько больших островов. До любой суши отсюда — дней десять плавания, не больше. А дальше простирается необозримый океан, где-то замкнутый теми самыми непроходимыми горами, пределом мира. И плыть до этих гор столько, что не хватит никаких запасов пищи и пресной воды (здешнее море такое же соленое). Вот и не находится смельчаков — риск был бы бессмысленным, ведь и океан, и горы необитаемы.

Точно, своего Колумба здесь пока не нашлось...

Я был немного озадачен — что ей ответить? Рассказывать о несомненной шарообразности ее планеты и доказывать таковую было бы слишком долго, пусть я и знаю астрономию и географию, скажу без ложной скромности,

получше обычного выпускника десятилетки. Следовало преподнести какую-нибудь невинную убедительную ложь — короткую, не требующую долгих пояснений.

Версия древних индусов не годилась при всей ее красивости: плоский мир покоится на трех слонах, а те угнездились на спине гигантской черепахи... Даже если не описывать в деталях слонов и черепаху, все равно сложновато. Вспомнив о более поздних упражнениях средневековых космографов, я преподнес более простую картинку: до сих пор еще никто не пускался в плавание по бескрайнему морю-океану, так что полной научной ясности нет.

Вот этому она поверила сразу и безоговорочно — очень уж походило на ее собственные представления о мире. Молча покивала с понимающим видом. Однако, о чем-то подумав, спросила:

— Вы что, такие нелюбопытные?

— Что ты имеешь в виду? — искренне не понял я.

— Ну как же! У вас ведь есть корабли, плавающие гораздо быстрее парусных, вообще безо всяких парусов. Я своими глазами видела такой на реке — большой, красивый, белый, вроде двухэтажного плавучего дворца, по бокам вертелись большие колеса, на нем было много нарядных людей, играла музыка. Так было красиво: солнце светит, нет облаков, река спокойная... Я никогда не плавала на корабле. Хотела покататься на таком, но не было времени, мы должны были вечером уйти по Тропе. Смотритель сказал, что это не магия, а какие-то мастеровитые штуки... вигень не знает таких слов. Он говорил еще, что есть и другие корабли, без колес, с какой-то другой штукой. И сказал, как быстро они плавают. Меня хорошо учили счету, я быстро пересчитала на наши меры — поразительно! А еще вы умеете долго сохранять еду в таких баночках... И у вас

есть другие штуки вроде железных птиц, на которых летают по воздуху. И такую я видела своими глазами. Если еще придется у вас быть, обязательно поплаваю на таком корабле и полетаю на такой птице. Но не о том речь... В толк не возьму: почему вы с такими быстрыми кораблями, железными птицами, с пищей, которая долго не портится в баночках, так и не попытались узнать, где пределы мира? Такие нелюбопытные? Или есть какие-то запреты богов? Мы с Грайтом почти не интересовались вашими верованиями, хватало дел, а все свободное время отдали прогулкам... вернее, это я настояла, Грайт не любит гулять впустую, бесцельно... Я хотела поговорить со зрителем, но не нашлось времени... Почему так обстоит, Костатен? Если бы у меня был такой корабль или такая птица, я бы обязательно попыталась достигнуть пределов мира — зритель говорил, что на таких птицах летают и девушки...

Вот чертенок! Ухитрилась, умница, неожиданно загнать меня в угол, ничуть о том не подозревая, просто сопоставив кое-какие факты и усмотрев несоответствие. И что ей ответить? Рассказать, что мы давно изучили наш круглый мир, хотя «белые пятна» еще остались, — значит все же пуститься в длиннейшую лекцию по географии и технике, истории...

— Как тебе сказать... — протянул я, лихорадочно подыскивая что-то короткое и подходящее к случаю. — Никаких запретов нет, просто... Просто сложилось так, что нам не до поисков пределов мира, есть более важные и неотложные дела...

— Ну да, — сказала она понятно. — Все из-за войны, да? Я знаю: у вас большая война, много стран в нее втянуто, а с недавних пор и твоя...

— Вот именно, — сказал я. — Не до поисков пределов мира...

И ведь не кривил душой — из-за войны сорвалось немало научных экспедиций, далеко не одних географических...

— А из-за чего война? Я уже успела понять, что она большая и страшная, а вот подробностей не знаю. Смотритель мне пытался немножко растолковать, но я ничегошеньки не поняла, хотя и не дуручка, до сих пор книжным учением занимаюсь. Поняла только, что это не просто ссора королей и не схватка из-за веры в разных богов — у нас и тех и других было раньше много. Но у вас что-то другое, ни на что знакомое не похожее...

Я на короткое время погрузился в раздумья. С одной стороны, не хотел себя обременять лишними знаниями об этом мире (горя желанием побыстрее из него убраться и забыть, как дурной сон) — и, соответственно, не стремился много рассказывать о своем. С другой стороны, почему-то показалось очень важным растолковать этой дворяночке-подпольщице, за что мы воюем и против чего. И я попытался подыскать нужные слова с учетом ее полной политической безграмотности:

— Как тебе объяснить... Очень уж разные у нас идеи...

— Что у вас разное? — с искренним недоумением спросила Алатиэль.

Ага. В их языке не было слова «идея», и вигень явно ей преподнес какое-то местное словечко, совершенно девушке непонятное...

— Ну так... — сказал я и, кажется, догадался, что сказать еще. — А слово «учение» ты понимаешь?

— Такое слово есть, — кивнула Алатиэль.

— Уже легче, — облегченно вздохнул я. — Учение, но не связанное с богами или богинями... Это понятно?

— Вот это как раз понятно, — обрадованно сказала Алатиэль. — Я читала в одной книге — даже сейчас бывают всякие учения, и их не преследуют, если они не

противоречат интересам ватаков и не связаны с чтением и письмом. Некоторые серьезные, а некоторые просто смешные. Но никогда не было так, чтобы из-за учений воевали...

Не доросли еще, политически безграмотные, с некоторым превосходством подумал я. И нащупал подходящие обороты:

— Понимаешь, в соседней стране есть король... В короли он попал из низших, нет, не мятежом, там все было иначе, в нашем мире такое случается, я уж не буду рассказывать, как и почему, иначе очень уж много времени понадобится... В общем, я бы его назвал лиловый... Лиловый Король.

Я уже знал от Грайта: лиловый здесь — тоже цвет смерти. Не обычной естественной смерти, не кончины на войне или из-за, скажем, падения с лошади, — смерти, причиненной неким конкретным злом, реальным или мифологическим.

Глаза Алатиэль прямо-таки округлились:

— Хочешь сказать, в вашем мире и в самом деле обитает Лиловый Король? Ужас какой...

— А что?

— Ну да, откуда тебе знать... Лиловый Король — самый злой и страшный герой наших сказок. То ли родился от отца-человека и матери-демоницы, то ли наоборот. Лиловый Король — живое олицетворение зла. У меня нянюшки знали превеликое множество сказок, я их столько помню... Когда была маленькая, даже боялась после захода солнца выходить из замка в парк — по некоторым сказкам, Лиловый Король прячется в сумерках, и плащ у него из сумерек. А еще он людоед. Неужели ваш тоже...

— Ну, до этого он не дошел... — сказал я. (Не стоило ей объяснять, что Гитлера можно назвать людоедом лишь

в переносном смысле — если у них в языке нет понятия «переносный смысл», объяснения затянутся.) — Но и лучше от этого не стал... Я как-то не спросил... У вас, в вашем мире, один народ или есть разные?

— Конечно, есть, — сказала Алатиэль. — В каждом королевстве свой народ, и в Заморье тоже, и на островах. Все говорят на разных языках. Чтобы легче друг друга понимать, когда-то давно мудрец Румройр и придумал вигени. — Она чуточку погрустнела. — Только я об этом знаю исключительно по книгам. Мы же со времен Вторжения отрезаны Светоносными Изгородами от всего мира. Только те, кто жил до Вторжения, видели чужеземцев. Грайт тоже, хотя и был тогда мальчишкой. А мне бы ужасно хотелось побывать в чужеземье. В книгах написано, что там есть красивые места, красивые города, диковинные звери, каких в нашем королевстве нет, и еще много интересного. Только туда не попасть. Ватаки запретили вигени и предают смерти тех, у кого они найдутся...

Интересно, подумал я, а если прорыть под Изгородью туннель, что будет? Спросить как-нибудь у Грайта или не забивать голову еще и этим?

Лучше сосредоточиться на «других народах». Раз это понятие ей знакомо, легче поймет звериную суть фашизма. И я начал тщательно подбирать слова:

— Лиловый Король придумал учение. По которому только его народ имеет право быть хозяином, а все остальные должны стать их рабами. Тебе понятно слово «рабы»?

— Конечно, — сказала Алатиэль. — В старые времена у нас были рабы, но их давно уже нет. Послушай, но это ведь несправедливо! Это настоящее Зло! Не может один народ быть поголовно хозяином, а остальные поголовно рабами, это уж чересчур...

— Вот именно, — сказал я. — Но они это учение приняли...

Грайт ехал впереди нас всего-то на корпус и не мог не слышать нашего разговора — мы не шептались, говорили в полный голос. Он вдруг придержал коня и, оказавшись вровень со мной, поехал стремя в стремя. Усмехнулся одной из двух своих шаблонных улыбок (отличавшихся лишь тем, что вторая была чуточку шире первой):

— Готов спорить, народу учение Лилового Короля страшно понравилось, и он валом повалил претворять его в жизнь. Такие уж существа — люди. Очень любят учения, которые их возвышают над другими...

— Вот именно, — сказал я. — Они пошли войной, захватили несколько стран. Но против них выступили остальные, много, самые разные — и те, где королей нет, и королевства. А теперь Лиловый Король напал и на нас. Здесь он шею и свернет...

— Ага, — кивнул Грайт. — Учение на учение, так? Я у вас был несколько раз, успел понять, что вашей жизнью тоже руководит какое-то учение, не имеющее ничего общего с богами. Думаешь, в нем больше Добра? Я не иронизирую, не подумай, какая может быть ирония, если я о вашем учении ничегошеньки не знаю? Просто интересно услышать твое мнение...

— Да, — сказал я. — В нашем учении гораздо больше добра и справедливости. Если хочешь, могу рассказать подробнее.

Правда, мне самому отнюдь не улыбалось растолковывать основы марксизма-ленинизма дворянам-подпольщикам из другого мира, который я с превеликим удовольствием покинул бы вот сию минуту...

— Не нужно, — серьезно сказал он. — Никогда не чувствовал интереса к каким бы то ни было учениям. Поверю тебе на слово. Лиловый Король — олицетворе-

ние Зла, а твоя страна, соответственно, олицетворение Добра. Бывает. Вот только что-то определенно идет не так... Только не обижайся, я вовсе не хочу тебя обидеть или оскорбить, всего-навсего ищу объяснение тому, что немного наблюдал со стороны. Пока что Лиловый Король наступает, а вы отступаете, хотя до того кричали на всех углах, что в два счета разгромите любого врага...

Я едва не сказанул ему пару ласковых, но вовремя сдержался:

— Не все время будем отступать, начнем и наступать. Они напали внезапно и подло. Но мы их обязательно разобьем. Не всякая война начинается с побед, иные и с поражений...

— Бывает и так, — спокойно согласился он. — Однако Добро всегда побеждает только в сказках, и вряд ли в твоём мире обстоит иначе...

На этот раз я нисколько не осерчал — что взять с классово ограниченного дворянского подпольщика, абсолютно не подкованного идейно? Пусть себе думает как угодно. Наше учение единственно верное, служит только добру, а потому фашизм против него ни за что не устоит — и точка...

И все же я не сдержался. Спросил:

— Значит, ватаки — зло?

— Безусловно.

— А Братство — добро?

— В значительной степени, — сказал Грайт, чуть подумав. — А уж в сравнении с ватаками — безусловно... Куда ты клонишь?

— Добро всегда побеждает зло только в сказках, — сказал я, постаравшись произнести это самым безразличным тоном. — Поэтому нельзя заранее сказать, что победите непременно вы. Может получиться и наоборот...

— Это можно допустить, — сказал он, почти не подумав предварительно. — Что же, ты в спорах умеешь отвечать ударом на удар... Что тебе ответить... Даже если мы погибнем все трое, не добившись успеха, получится не конец войне, а конец одному-единственному сражению. И мы с Алатиэль, и ты — вовсе не единственные, от которых только и зависит победа. Далеко не единственные. На наше место придут другие, а если проиграют и они, им тоже найдется смена. Только в сказках судьба мира зависит от одного-единственного героя...

Я не нашел, что ему ответить, — да и не собирался. С идейной подготовкой у него обстояло ахово, вряд ли у них есть что-то хоть мало-мальски напоминающее идею, теорию, учение. У них только стремление победить — что само по себе неплохо...

Но вот с практической точки зрения он был совершенно прав. Проигранное сражение еще не означает проигранную войну. И вряд ли я — уникальнейший экземпляр, способный преодолеть чертову Изгородь и разрушить чертов Мост. Такое и в самом деле бывает только в сказках. Не знаю уж, по каким признакам они отбирают кандидатов в сподвижники в нашем мире, но их должно быть много. Интересно все же, в чем тут ключик? Умение ездить верхом, как я понял, далеко не главное — это всего лишь подручное средство, помогающее быстрее достичь цели...

Грайт подождал, не скажу ли я еще что-то, и, убедившись, что короткая дискуссия окончена, подхлестнул коня, вновь поехал во главе нашей небольшой кавалькады.

Кони шли прежним аллюром, пока что не выказывая усталости. Равнина по-прежнему казалась бесконечной — зеленели кусты, алели цветы, окрестный пейзаж был столь однообразным, что порой, пусть и редко, на-

чинало казаться, что кони перебирают ногами на месте, а кусты сами по себе плывут нам навстречу. Солнышко, несомненно, миновало зенит и помаленьку пошло на закат. Не знаю, сколько времени осталось до темноты, но кое-какие заключения сделал. В свое время нас долго и хорошо учили чувствовать отрезки времени без часов, и у меня неплохо это получалось. Так что сейчас я мог с уверенностью сказать: здешний час равен примерно полутора нашим. Ошибка в ту или иную сторону минут на пять или чуть побольше особой роли не играет. Правда, и эта информация была совершенно бесполезной...

С некоторых пор я испытывал определенное неудобство, не таившее никакой загадки. Малая нужда стала помаленьку подпирать. Не то чтобы было невтерпеж, но неудобство давало о себе знать. Хорошо было коням — иногда кто-то из них начинал себя вести в точности так, как в подобных случаях наши лошади, всадник останавливался, а следом и вся кавалькада, и конь пускал могучую струю. Ну а большую нужду конь преспокойно справляет на ходу.

Хорошо им... Можно только позавидовать. Конечно, Грайт наверняка остановил бы кавалькаду, если бы я объяснил причину, но мне было бы чертовски неудобно справлять малую нужду в присутствии Алатиэль, хотя она, разумеется, повернулась бы спиной. Куда ни глянь, кустики не выше лошадиных колен. А если, не дай бог, понос прошибет? Вовсе уж позорно получится. Интересно все же, как обходились мушкетеры, долго ездившие по обитаемым местам? Ну, с ними не было девушки, да и наверняка в те времена, когда придорожных сортиров не было (как, впрочем, и сейчас), вполне возможно, что непринужденно делать свои дела на обочине считалось в порядке вещей. Вовсе уж интересно, как обстояло с путешествующими в каретах знатными дамами...

Ага! Кое-что изменилось, монотонность здешнего пейзажа оказалась малость нарушенной. Посреди кустарника росло высокое дерево, не похожее на деревья в том лесу, что мы покинули. У этого ветки плавно загибались к стволу, чем выше, тем они меньше, так что пышная зеленая крона больше всего напоминала красиво вычерченный конус с полукруглым днищем. Симпатичное дерево, пожалуй, вполне подходящее на роль новогодней елки — разве что вместо иголок широкие листья, похожие на кленовые.

Когда мы проезжали мимо, явственно слышно было, как кто-то мелкий шебуршит в листве, малость притихнув при нашем приближении. Вот еще одно дерево и еще, а слева целая группа из пяти зеленых конусов...

Когда Грйт приостановился свериться в очередной раз с картой и компасом, я сказал без вопросительного тона:

— Такое впечатление, что лес близко...

— Ну да, — кивнул он, пряча компас в карман, а свернутую в тугую трубочку карту загоняя за обшлаг. — Скоро начнется. Нам по нему ехать и ехать...

— Зверье бродит?

— Бывает, — пожал он плечами. — А вообще-то есть старая поговорка: самый опасный зверь в лесу — это человек... Что ты улыбаешься?

— Забавно, — сказал я. — У нас точно такая же поговорка есть.

— Ничего удивительного. Леса, люди и звери везде одинаковы... или почти.

Я решился на вопрос, который меня и в самом деле заинтересовал как географа-любителя:

— Есть еще миры вроде вашего и нашего? Куда можно попасть по Тропам?

Он ответил без промедления:

— Вроде бы есть. Во всяком случае, можно сказать, что известны три: наш, ваш и тот, откуда пришли ватаки. Должны быть и другие, но пока что не было времени впустую тешить любопытство. Есть более важные дела. Как только мы обнаружили, что в вашем мире многое можно использовать против ватаков, на этом и сосредоточили все усилия. Думаю, ты поступил бы так же?

— Уж это непременно, — кивнул я.

Алатиэль протянула с заблестевшими глазами:

— А я бы с удовольствием попутешествовала по разным Тропам и разным мирам. Там должно быть страшно интересно, я в мире Костатена убедилась: столько незнакомого и любопытного...

— Потерпи, — хмыкнул Грйт. — Разделаемся с ватаками — и броди по Тропам хоть недели напролет.

— Но я же не вполне умею, — сказала она, такое впечатление, чуть растерянно. — Или мне дадут...

Грйт прямо-таки ожег ее взглядом, и она умолкла с видом человека, вот-вот сболтнувшего бы лишнее. Снова какие-то непонятные секреты, в которые меня не хотят посвящать. Ну переживу, я, как уже неоднократно поминалось, не ученый, в первую очередь горящий жаждой познания...

Все чаще попадались деревья-конусы — россыпью и кучками. Ну да, впереди показалась зеленая полоса, становившаяся все выше, и вскоре стало ясно, что это опушка не особенно и густого леса, протянувшегося до горизонта справа и слева. Кони вдруг запрядали ушами и без понукания ускорили бег.

— Ага, почуяли воду, — спокойно сказал мне Грйт. — Где-то близко.

— Будем делать привал?

— Недолгий. Кони не заморились, но все равно лучше дать им короткий отдых — и ехать дальше. Лес не такой

уж и широкий, если не случится чего-то непредвиденного, довольно быстро доберемся до Большого Тракта, а к темноте — и до постоянного двора. Чтобы как следует отдохнули и мы, и кони. Тогда к середине следующего дня доберемся до города — и полдела будет сделано...

Примерно через полчаса — моих полчаса — мы подъехали к лесу, а там и въехали в него. Ехать по лесу оказалось довольно легко: ничего похожего на чащобу, деревья стоят не так уж густо, разве что временами приходится малость вилять, объезжать поваленные стволы, слишком толстые, чтобы кони через них просто перешагнули или перескочили, — или тесные группочки совсем молодых деревьев, где самым сильным и жизнелюбивым еще предстояло придушить более слабые и прочно утвердиться в одиночестве. Кусты росли во множестве, но главным образом крайне хрупкие, вроде папоротников, кони легко раздвигали их грудью, а то и ломали. Гораздо реже, но попадались заросли и других — с толстыми, твердыми даже на вид раскидистыми черноватыми ветками, гроздьями маленьких овальных листочков. Вот их приходилось объезжать.

Одним словом, лес выглядел приветливым, вполне гостеприимным — пронизанный солнцем, как на картинах Шишкина или Левитана, ничуть не угрюмый. Тот, что мы покинули, тоже не выглядел мрачным пристанищем Бабы-яги или леших, — но этот казался еще уютнее.

Вскоре обнаружилась и вода — еще издали послышалось журчание, и очень быстро меж деревьев показался широкий спокойный ручей с прозрачной водой, россыпью разноцветных камушков на дне и несколько раз быстро промелькивавшими серебристыми полосками — похоже, здешние рыбешки, плававшие со скоростью бегущего зайца, так что рассмотреть их не удавалось — ну,

я не рыбак и тем более не ихтиолог, так что философски переживу и это...

Грайт велел свернуть к ручью — кони и без понукания тянулись туда сами. Выстроившись рядком, все шестеро принялись пить, пофыркивая. Мои спутники не спешили, а потому и я остался в седле, все сильнее чувствуя кое-какие сигналы организма. А ведь самые подходящие места...

Наконец последний конь поднял голову, роняя с губ крупные прозрачные капли. Грайт озирает окрестности с таким видом, словно что-то высматривал.

— Подходящие места, — сказал он, повторив вслух некоторые мои мысли. Легко прыгнул наземь. — Самое время облегчиться — нам еще ехать и ехать. Алатиэль, ты первая. Вон туда.

Он показал на прогалину, заросшую теми самыми твердыми кустами, и выглядел совершенно спокойным: вокруг беззаботно гомонили какие-то птицы, так что поблизости заведомо не было ни зверя, ни человека, существа порой в лесу гораздо более опасного, чем зверь.

Кивнув, Алатиэль достала из седельной сумки что-то напоминающее завернутое в грубую бумагу блюдо и ушла в указанном направлении. Слышно было, как она шумно раздвигает ветки, потом они скрыли ее из виду, и шум прекратился.

— Давай теперь ты, — распорядился Грайт, кивнув в сторону таких же кустов в противоположном направлении, разве что стоявших подальше. — Зверья, очень похоже, поблизости нет, но все равно, если что, беги опростетью сюда и ори, не стесняясь, чтобы мы успели выхватить луки. Все равно мечом ты не владеешь, так что кидайся под защиту стрел. Ах да...

Он расстегнул мою седельную сумку (куда я так до сих пор и не заглянул, не получив соответствующего рас-

поражения), протянул мне такое же «блюдец в бумаге», как у Алатиэль, усмехнулся:

— Не дитя несмышленое, враз сообразишь, как этим пользоваться, у вас почти то же самое...

«Блюдец» оказалось совсем легоньким. Я пошел в указанном направлении, пока кусты совершенно не скрыли меня от спутников, выбрал прогалинку меж ними. Первым делом позаботился о малой нужде, потом развернул легонький сверток. Ага, вот оно что — несколько листов тонкой бумаги, аккуратно вырезанной в виде почти идеальных кружков. Вот что у них вместо наших клочков газет — ничего не скажешь, культурненько. Хотя мне говорил кто-то, что за границей для этого есть специальная бумага, — но это наверняка только буржуи роскошествуют...

Добрая половина бумажных кружочков оказалась без надобности. Я не стал их выбрасывать — отнес назад и уже самостоятельно положил назад в седельную суму. Судя по тому, что Грайт и вернувшаяся раньше меня Алатиэль это проигнорировали, я поступил правильно.

Потом в кусты ненадолго удалился Грайт, а придя назад, кивком разрешил сделать то же Лагу. Разрешил нам напиться из ручья и напился сам, так же, как мы, черпая ладонью. Вода была чистая и вкусная.

— Короткий привал, — сказал в заключение Грайт. — Беззаботно дышим, конечно, не все, кое-кто может в охотку сосать леденец...

И вытащил трубку с кисетом. Я свою трубку набил гораздо более неуклюже, чем он, — впервые здесь пришлось, а в нашем мире за трубку брался лишь пару раз, давненько — одна моя тогдашняя знакомая девушка сказала, что ей нравятся курильщики трубок, чем-то они ей напоминают пиратов или Шерлока Холмса (она любила читать про пиратов и про Шерлока Холмса). Вот я и не

выпускал изо рта трубку месяц даже на улице, когда мы с ней гуляли, — несмотря на удивленные взгляды иных прохожих (в самом деле, курсант с папиросой в зубах не вызывал ни малейшего удивления, а вот с трубкой...). Через месяц у нас все как-то незаметно разладилось и пошло прахом, и я не без облегчения вернулся к папиросам...

Прикурить с помощью стеклышка в оправе оказалось проще, чем мне поначалу представлялось: я просто-напросто следил за Грайтом и старательно повторил все его нехитрые манипуляции. Табак оказался превосходным — в меру легким, в меру крепким, душистым, да и припахивал словно бы медом. Так что я с удовольствием пускал сизоватые клубы, по примеру Грайта и Алатиэль полулежа в мягкой траве, опираясь на левый локоть. Что до Алатиэль, она достала из кармана толстый цилиндр, сняла крышечку и отправила в рот сразу четыре ярко-красных шарика. Судя по тому, как она принялась их старательно сосать, это были именно что леденцы.

Лаг тоже достал трубку, только гнутую, явно вопросительно глянул на Грайта и только после его небрежного кивка принялся ее набивать. Он так и не прилег и не присел, остался на ногах, и это, похоже, тоже имело значение.

В строгости они тут держат слуг, подумал я: на оправку — с разрешения барина, курить — с разрешения барина, в присутствии барина торчи на ногах. Феодализм, что. А впрочем, и я не сел бы без разрешения в присутствии старшего по званию, и без его дозволения в иных случаях не закурил бы, да и с оправкой в армии, вспоминая бравого солдата Швейка, не всегда обстоит по желанию...

Посмотрев на нас, пыхающих в три трубки, Алатиэль сказала с лукавым видом:

— Костатен, а я видела в вашем мире, как две девушки курили. Когда мы с Грайтом ходили в лесок, где у вас устроено место для танцев. Только не трубки, а такие штучки вроде трубочек из сгоравшей вместе с табаком бумаги. Грайт, как всегда, остался невозмутим, а я страшно удивилась, хотя изо всех сил постаралась вида не показать. Их видели многие, но они курили...

— А у вас что, женщинам запрещено курить? — лениво поинтересовался я.

— Ничего подобного! — живо возразила Алатиэль. — Запретов нет. Просто... В обществе появиться с трубкой для дворянки — значит признать себя старухой. Другое дело — в уединении, в своем доме или замке. У других сословий примерно те же правила. Но вот появиться с трубкой в зубах на улице... это такой позор и бесчестье... Даже у крестьян. Между прочим, те девушки, у вас, выглядели немного... странно. В них, мне кажется, была какая-то странная смесь смущения и вызова. Им ничего не говорили, но многие, в том числе и их ровесницы, поглядывали не враждебно, но явно неодобрительно...

Она развивала тему — а я слушал вполуха. Это тоже были совершенно ненужные мне знания — но не обрывать же пустую болтовню на привале?

— Я поняла так, что у вас девушкам, рискнувшим закурить на людях, никто ничего не скажет, но отношение окружающих будет неодобрительное?

— Примерно так и обстоит, — сказал я.

— Ну вот, а у крестьян еще лет пятьдесят назад, мне рассказывали, женщину, появившуюся на людях с трубкой, могли и убить, оставшись безнаказанными...

Грайт усмехнулся:

— Ну если обратиться к старой истории... Напомнить тебе, как еще лет двести назад поступали с молодыми

дворянками? Которые не появлялись с трубкой ни на улице, ни в обществе, а всего-навсего оказывались застигнутыми, когда украдкой покуривали в дальних комнатах, одни или с подругами?

Он оставался бесстрастным и невозмутимым, но все же мне показалось, что он легонько поддразнивает девушку и за его словами что-то определенно стоит.

Щеки Алатиэль порозовели, но голос звучал ровно:

— Грайт, я и не говорила, что старые обычаи, касаются они крестьянок или дворянок, мне нравятся. Ну да, однажды подруги меня уговорили затянуться трубочкой. Какая гадость! Я думала, глаза на лоб выскочат, долго не могла прокашляться... Верю подругам, что все дело в непривычке, но все равно в рот эту дрянь не возьму...

Грайт благодушно усмехался, словно старый волкодав, снисходительно наблюдающий за резвящимся щенком. Алатиэль, воодушевившись, обрушилась не только на курильщиц, но и на курильщиков, уверяя, что в жизни не будет целоваться с курящим мужчиной, разве что ее свяжут по рукам и ногам и зажмут голову в палаческие тиски. Грайт слушал с непроницаемым видом, а я благоразумно не вступал, хотя имел на это свою точку зрения, в корне расходившуюся с мнением Алатиэль, — в конце концов, мне с ней не целоваться...

Временами происходящее казалось мне кошмарным сном — именно из-за мелкотравчатости разговора. Я, лейтенант пограничных войск НКВД, вплоть до недавнего времени лихой и бравый, лежал в траве посреди неведомого мира, вокруг которого обращались сразу три луны, ехал поучаствовать в свержении до сих пор не вполне понятного ига — и слушал пустую болтовню здешних подпольщиков, в то же время и здешних феодалов, владевших замками и деревнями с крепостными крестьянами... Фантаσμαгория какая-то. побыстрее бы

из этого мира выломиться, вернуться к прежним друзьям и привычным врагам...

Грайт докурил первым, выбил трубочку и старательно притоптал подошвой сапога горячий пепел. Без всякого нетерпения подождал, когда я сделаю то же самое (Лэг бросил курить, как только перестал хозяин), спокойно бросил:

— Ну что, на коней...

И вновь то же самое — размеренная рысца коней, ясное небо с утвердившимся в зените светло-желтым кружочком второй луны, редколесье, кусты, беззаботное щебетание птиц. Ни разу за все это время на глаза не попало ни дикого зверя, ни животного, даже мелкого, — казалось, здесь живут только птицы...

Да нет! Слева, невысоко над моей головой, вдруг выскочило откуда-то из кроны и уселось на ветке рыжее созданище крупнее белки, с длинным пушистым хвостом и потешной мордочкой, не похожей на беличью, — широкой, щекастенькой, усатой. Уселось и громко цацкало, упорно следуя за мной, ловко перепрыгивая с дерева на дерево, руля при этом хвостом.

На хищника оно походило не больше, чем Алатиэль на Бабу-ягу, и я тарасился на него с любопытством: симпатичная была зверюшка, не то что урод с тремя хоботами. Справа появились еще две, проворно прыгали с ветки на ветку, с дерева на дерево, держались вровень с нашей кавалькадой, громко и заливисто цакали...

Я не сразу обратил внимание, что Грайт, никаких сомнений, решительно изменился: лицо, и без того не благодушное, стало вовсе уж жестким, собранным, на цакающих зверюшек он смотрел словно поверх ружейного ствола, не сводя с них глаз, словно ожидал от этих тварюшек какого-то подвоха. Алатиэль тоже выглядела теперь то ли встревоженной, то ли по крайней мере обес-

покоенной, так что я поневоле насторожился. И в конце концов решился спросить:

— Грайт, они что, опасны?

Кто его знает, этот мир с тремя лунами. Вполне может оказаться, что эти безобидные на вид цокотушки, прибавив числом, прыгают с деревьев на головы и кусают ядовитыми зубами...

— Они — нет, — сквозь зубы ответил Грайт.

— Думаешь... — тревожно выдохнула Алатиэль.

— Я ничего не думаю, — отрезал Грайт. — Может, и обойдется...

Полное впечатление, что они имели в виду какую-то конкретную опасность. Но почему не сказать мне прямо, чтобы я тоже остерегался?

И я решился спросить прямо:

— Грайт, что происходит? Ведь явно нехорошее что-то...

Не глядя на меня, Грайт отрезал:

— Ты все равно ничем помочь не можешь, у тебя нет лука, а и был бы, не умеешь из него стрелять. Так что помолчи...

Это было сказано столь уверенным командирским тоном, что я заткнулся — ему виднее... Мы ехали дальше с той же скоростью, цокотушек появлялось все больше, словно сбегались по какому-то сигналу, уже стаями десятков в пару неслись по деревьям справа и слева от нас, цокотанье не прекращалось, и мне почудился в нем какой-то радостный азарт. Грайт шарил цепким взглядом по кронам деревьев, сжав верхушку лука, чтобы достать его в секунду, так же поступила Алатиэль — даже костяшки пальцев побелели. На Лага я не оглядывался, но не сомневался, что он поступил точно так же. Растущее напряжение ощущалось, как ветер или дождь...

Мы выехали на обширную прогалину, где деревья росли гораздо реже. Цокотушки с двух сторон хлынули к одному из них, метрах в десяти от нас, расселись по веткам снизу доверху, оставив свободной только обращенную к нам часть кроны...

Грайт резко натянул поводья, следом остановились все.

Странная волна обрушилась на меня, то ли звук, то ли что-то иное, насквозь непонятное. Низкое басовитое гудение на пределе слышимости? Что-то вторглось под череп, тоненько звеня, словно он был набит стеклянным крошечком, но этот звон я слышал словно бы не ушами, а как-то еще. Нахлынула слабость, невероятная усталость, я пошатнулся в седле, почувствовав, что сейчас упаду наземь, — а мой конь расставил передние ноги, повесил голову, качнулся подо мной...

Грайт, ощерясь, вырвал лук из саадака, как рвет стоматолог больной зуб, молниеносно наложил на тетиву стрелу с красным оперением и, как мне показалось, не целясь пустил ее туда, где в кроне вроде бы я заметил шевеление. И тут же — вторую, третью, четвертую! Я впервые в жизни видел стрельбу из лука, да еще такую мастерскую. Алатиэль не так проворно, но почти так же быстро выпустила три стрелы с синим оперением, и над головой свистнули еще несколько, с оперением белым — Лаг, конечно...

Все стрелы исчезли в густой кроне. Цокотушки кричали и метались по веткам, но оставались на том же дереве. Станный звук пропал, в голове больше не звенело, и послышалось что-то похожее на вопль боли, слышимое будто бы не ушами, — и тут же умолкло. Наваждение пропало, я выпрямился в седле, и конь вздернул голову.

Грайт, Алатиэль и Лаг больше не стреляли. Очаровательное личико Алатиэль пылало нешуточным

азартом, Грайт оставался невозмутимым. Прощедил сквозь зубы:

— Пора бы и свалиться...

Что-то большое шумно ворохнулось в кроне и обрушилось вниз, с треском ломая все ветки подряд, тонкие и крепкие сучья. Под дерево рухнуло что-то ростом с невысокого человека, зеленое, раскинулось неподвижно.

Грайт загнал лук в саадак и усмехнулся:

— Ну вот и все. Успели вовремя, еще бы немного...

Цокотушки, враз замолчав, кинулись врассыпную и очень быстро все до одной исчезли с глаз. Грайт, словно бы совершенно успокоившись, сказал мне, кривясь:

— Вот так шонки по тупости своей и выдают хозяина, сами того не желая. Если их нет, даже опытный охотник тварь не обнаружит, пока не станет слишком поздно. Матерые шонков заранее отгоняют, но этот явно был молодой, не набрал сноровки...

— Что это за тварь? — растерянно спросил я.

— Ничего удивительного, обычный вопленик, — сказал Грайт. — В других местах их уже понемногу повыбили, а здесь еще остались. Каким-то образом парализует людей... и любых животных; он охотится на все живое, даже на птиц. Ты что-нибудь почувствовал?

Я кратенько рассказал, что именно.

— Все то же самое, — кивнул Грайт. — Впредь буду знать, на вас вопленик воздействует точно так же, как на нас. Раньше как-то не подворачивалось случая проверить.

— Он бы нас сожрал?

— И коней тоже, — кивнул Грайт. — Только не сожрал бы, а высосал, что ничуть не лучше. Впрыскивает в добычу какую-то гадость, и мясо превращается в густую жижу — ее вопленик и высасывает. Нас и наших коней ему хватило бы надолго... Ну а шонки состоят

при нем падальщиками, и нельзя сказать, что это чистые паразиты — они своим верещанием дают хозяину знать о появлении добычи, у него самого чутье и слух не особенно и острые... Если хочешь, подойди поближе, он мертвее мертвого, прикидываться покойником не умеет. Вот напрет — другое дело, так дохлятиной прикинется, что порой опытных охотников обманывает, тут уж вся надежда на чутье опытных гончих. Впрочем, тебе наши охотничьи дела вряд ли интересны...

— Грайт, ты был великолепен! — с искренним восхищением выпалила Алатиэль.

Грайт усмехнулся:

— Ну, это у меня уже третий, так что опыт есть... Сходи посмотри, тебе будет интересно. Может, и Костан глянет, кто у нас водится пушистый и безобидный...

— Посмотрю, — сказал я, спешиваясь. — Только... Второй не заявится?

— Ни в коем случае, — сказал Грайт. — Примерно в полудне пути второго... или второй нет. Они каждый на своем участке, и если заявится чужак, будет драка насмерть... ну, за исключением времени гона. Но до него еще далеко, так что смело можешь посмотреть...

Алатиэль первой поспешила к дереву, я пошел следом.

Да, было на что посмотреть! Больше всего вопленик походил на большую обезьяну, но покрыт был короткой и густой зеленой шерстью — надо полагать, природа так постаралась в маскировочных целях. На каждой из четырех лап — с полдюжины крючковатых когтей. Хвоста незаметно, или его просто не видно — вопленик лежал на спине, утыканный стрелами с разноцветным оперением, половина сломалась о сучья, когда он падал с дерева. Вот голова ничуть не похожа на обезьянью, скорее уж на муравьеда — вытянутая вперед, узкая,

с коротким хоботком. Огромные глаза светло-красные, фасеточные, ушей я что-то не заметил. От горла к низу живота тянулся двумя рядами десятков длинных щупалец, заканчивавшихся кривыми желтыми когтями с каплями мутноватой жидкости на них, — ага, явно это ими он впрыскивает отраву...

Понемногу, пока я смотрел на эту тварь, к горлу стала подступать тошнота. Алатиэль пришлось еще хуже — она вдруг громко икнула, сделала пару шагов в сторону, согнулась пополам, и ее шумно вырвало. Хорошо еще, одежду не запачкала, только сапоги малость устрепала.

Пока и со мной не произошло того же, я отвернулся, пошел обратно к лошадям.

— Насмотрелся? — фыркнул Грайт. — Да уж, погань... Алатиэль, не смущайся, нарви травы и вытри сапоги. Когда люди первый раз видят вопленика, почти со всеми бывает то же самое. Меня самого вывернуло — ну, потом привык. Надо бы содрать шкуру, очень ценная добыча, но мы не на беззаботной охоте. Так что давайте-ка в путь. Не хочется приезжать на постоянный двор затемно, лучше посидеть вечером и не спеша поужинать...

Он первым вскочил в седло, я следом, только чуть замешкалась Алатиэль, старательно вытиравшая сапоги пучком мягкой травы.

...Следующие пару часов наша поездка протекала скучно и монотонно: деревья и кусты, щебетание птиц, ручьи, раза два в чащобу, ломая кустарник, бросались какие-то крупные животные, которых я не успевал разглядеть, а мои спутники игнорировали совершенно.

Понемногу окружающий ландшафт стал меняться — лес стал совсем редким, превратившись в группочки зеленых конусов посреди равнины, вокруг появились пологие невысокие холмы, где деревья росли вовсе уж

редко. Справа, далеко от нас, текла самая настоящая река, широкая и спокойная.

Совершенно неожиданно открылся другой пейзаж: мы оказались на вершине холма высотой метров в двадцать, отлого спускавшегося к необозримой безлесной равнине, — и там, чуть ли не у самого горизонта, виднелось нечто вроде широкой дороги, темной полосой выделявшейся на фоне зеленого буйнотравья, словно командирский ремень на белой скатерти. Видно было, что по ней движутся почти неразличимые отсюда в деталях всадники и повозки.

Светло-желтый кругляшок уже прошел примерно половину пути до горизонта — здешние луны, я давно отметил, движутся по небосклону гораздо шустрее нашей. Грайт посмотрел на часы:

— Все идет, как я и прикидывал, вопленик задержал ненадолго. Так что и на постоянный двор приедем по прежней прикидке. Ну вот, Костатен, добро пожаловать на Большой Тракт... Присмотрись как следует, чтобы потом не паяться очень уж удивленно, привыкни немного...

Он достал из кармана широкий и невысокий цилиндр бронзового цвета, резко им встряхнул — и получилась довольно длинная, коленчатая подзорная труба с большой фиолетовой линзой на широком конце и того же цвета круглым стеклышком на узкой. Молча передал мне, посоветовал:

— Не торопись, времени у нас достаточно...

Я впервые в жизни держал в руках настоящую подзорную трубу — но разве это сложность для человека, привыкшего обращаться с биноклями? Единственное различие заключалось в том, что пришлось зажмуривать левый глаз и не окуляры вертеть, чтобы навести на резкость, а чуть-чуть колена складывать. Довольно быстро у меня отлично получилось.

Сильная оказалась труба, лучше биноклей, — так прикидывая, самое малое тридцатикратная, несмотря на малые размеры: оптика здесь явно была на высоте...

Я рассматривал Большой Тракт долго. Нельзя сказать, что движение было таким уж оживленным (на центральных улицах больших городов, где мне доводилось бывать, оно гораздо интенсивнее), сплошным потоком всадники и повозки не тянулись, но все же их было довольно много, без больших разрывов.

Понемногу я наметанным глазом пограничника стал подмечать некоторые закономерности. В обе стороны путники двигались тремя рядами и отнюдь не теснились бок о бок. В основном повозки ехали простого вида, такие ящики на колесах, с полукруглым или квадратным матерчатым верхом, натянутым на обручи. Встречались и открытые, груженные бочками или ящиками, — надо полагать, грузы, не требовавшие защиты от дождя. Их везли поодиночке или парами то кони, то животные побольше, похожие на одnogорбых верблюдов. Редко, но проезжали и натуральные кареты, очень красивые, вычурные, с металлическими украшениями, — несомненно, дворянские. Они всегда были запряжены только лошадьми и только четверкой. Посередине дороги тянулась невысокая, человеку по шиколотку, сплошная лента продолговатых отесанных камней темно-красного цвета, резко выделявшихся на фоне темно-коричневых больших плит, которыми был выложен Большой Тракт. Такие же ленты отделяли «проезжую часть» от обочины.

А там отметил и еще кое-какие закономерности. Сложил трубу и вернул ее Грайту. Он спросил не без любопытства:

— И каковы же впечатления?

— Есть кое-какие наблюдения, — сказал я. — Кареты и всадники едут только по крайней правой полосе.

Движение там гораздо меньше, но ни одна повозка туда не выезжает, хотя могла бы. Правая полоса — исключительно для дворян?

— Правильно подметил, — одобрительно кивнул он. — Сразу видно острый взгляд порубежника. Да, и дворяне не обгоняют друг друга. Запрета нет, но повод для поединка налицо, тот, кого обогнали, моментально бросит вызов. Учитывай это. Что еще? Наставления нехитрые. Разговаривать с незнакомыми на Большом Тракте не принято, так что там тебе нет нужды изображать глухонемого. Я так полагаю, у тебя достаточно выдержки, чтобы не таращиться на окружающее с разинутым ртом?

— Достаточно, что уж, — ответил я с легоньким сарказмом. — Пока что не вижу ничего такого уж удивительного, чтобы стоило рот разевать.

— Прекрасно, — сказал Грайт бесстрастно. — А вот посмотреть с любопытством, если попадется что-то интересное, — поведение вполне естественное. Ты молодой провинциальный дворянин, впервые в жизни попавший на Большой Тракт, вообще впервые отправившийся в большой мир из отдаленного поместья. Таких не так уж мало, иногда они бывают персонажами театральных комедий, но именно тогда, когда разевают от удивления рот.

— Лоберат, — насмешливо бросила Алатизель.

— Кто? — не понял я.

— Это такой персонаж комедии масок, — охотно пояснила она. — Молодой увалень с соломой в волосах, одетый по моде позапрошлого века; даже на обычную карету глазеет с разинутым ртом и постоянно попадает в уморительные истории. Я очень люблю комедию масок, жаль, у тебя вряд ли будет случай ее посмотреть, мы не собираемся задерживаться в городе так долго, чтобы сходить в театр... — И поторопилась добавить: — Но ты-

то, я уверена, ни за что не «сыграешь Лоберата»! Это я в вашем мире сначала себя чувствовала сущим Лобератом, и не только я... — Она замолчала, фыркнула.

Грайт сказал со своим обычным бесстрашием:

— Не вижу ровным счетом ничего постыдного в том, что поначалу в мире Костатена форменным образом «сыграл Лоберата». Его мир во многом сложнее нашего, и там множество самых удивительных вещей. Кое-кто, помнится мне, не сразу решился в первый раз выйти на улицу, хотя ничего опасного там не было...

— Я и не говорю, будто в этом есть что-то постыдное, — чуть смущенно ответила Алатиэль.

— Ну то-то... Что еще, Костатен? Ну разве что...

Он достал из кармана и протянул мне небольшой замшевый мешочек, оказавшийся довольно тяжелым. Пояснил деловито:

— Деньги. В дороге тебе не понадобится ни за что платить, за вас всех плачу я, но нам наверняка попадется придорожный Храм Дакташи, их вдоль Больших Трактов хватает. Придется бросить монету. Те, кто очень уж верит служителям, бросают и больше, но достаточно одной-единственной, никаких подозрений это не вызовет. Смотри на окружающих и поступай так же, как они, вот и все наставления на этот счет.

— А как я узнаю Храм Дакташи? — деловито спросил я. — Или провинциалу и тут невежество простительно?

— Ну отчего же, — сказал Грайт. — Храмов Дакташи полно и в самой глухой провинции, эти прохвосты, когда вошли в особенную силу, после Вторжения, их повсюду наставили. Ты его издали узнаешь, статую Дакташи ни с чем не спутаешь, других таких монументов попросту нет...

— Я бы эти монументы сбросила, — сердито сказала Алатиэль. — Ты сам мне рассказывал, что прежде ста-

туи Дакташи были гораздо более скромными, это после Вторжения воздвигали исполинские. Сила бога... Как там говорится? Я читала мельком, очень уж тяжеловесный старинный слог...

— «Сила бога не в величине статуй, а в искренней вере», — задумчиво процитировал Грйт. — Таэнций Варенарский, «О богах, людях и статуях».

— Вот именно. Свалить этих монстров...

— Ты перестала верить в Дакташу?

— Ничего подобного, — отрезала Алатиэль. — Никогда не сомневалась в том, что наш мир покоится на спине Дакташи. Это изначальное убеждение, сохранившееся тысячи лет по всему миру. Не может же столько людей ошибаться на протяжении долгих тысячелетий? Отрицающие это вольнодумцы столь же редки, как падающие с небес камни (ага, представление о метеоритах у вас вполне материалистическое, без капли мистики, отметил астроном-любитель, то есть я). Но ведь ты сам только что привел слова Таэнция — не в величине монументов истина...

— Есть одна нешуточная сложность, Алатиэль, — серьезно сказал Грйт. — Если мы начнем рушить исполинские статуи Дакташи, очень многие сделают упор не на слово «исполинские», а на «статуи Дакташи». Может возникнуть опасная пища для вольнодумства...

Слушая этот местный поповский дурман, я вновь подумал: неужели они в нашем мире не нашли никого, кто бы им преподнес хотя бы основы правильной географии? Другой вопрос, стремились ли они к этому. Очень может быть, нисколько. Озаботились не учеными познаниями, а чисто практическими вопросами. Мне вот тоже совершенно не интересна здешняя география, моря и материки...

— Ну хорошо, — сказала Алатиэль со своей обычной строптивостью, которую я в ней давно отметил. — Оставим в покое статуи. Но вот храмы мне решительно поперек души. В старых книгах я видела рисунки прежних храмов, очень простых, даже проще, чем храмы иных богов и богинь. Всего-то круглая, как наш мир, каменная площадка перед статуей Дакташи, где по праздникам приносили жертвы. И скромный круглый навес над ней, чтобы защитить костер, если в праздник будет непогода. А теперь что они понастроили? Меня так и подмывает сжечь парочку-другую...

— Когда мы победим, Алатиэль, — сказал Грайт, — мы тебе позволим сжечь столько храмов, сколько захочешь...

Я так и не понял, подтрунивает он над ней по своему обыкновению или говорит серьезно. Алатиэль с воинственным видом пообещала:

— И сожгу, будь уверен! Своими руками! И эти жертвы... Раньше на кострах сжигали сухие листья, акучадо, а теперь...

Она покосилась на меня и вдруг замолчала с видом человека, сболтнувшего лишнее. Грайту, я заметил, тоже не пришлось по душе такой поворот разговора, и он сказал, такое впечатление, что поспешно:

— Довольно болтать, время уходит. Поехали.

Подхлестнул коня и первым стал спускаться шагом по пологому откосу. Мы двинулись следом. Я уяснил одно: что-то непростое связано и с жертвами Дакташи, о чем они не хотят при мне упоминать. Ну, меня и это не должно интересовать нисколько...

Вскоре мы оказались на обочине Большого Тракта. Никто из проезжих дворян не обратил на нас особого внимания — покосились мимоходом и равнодушно проехали мимо, что меня только обрадовало — впервые

в этом мире оказался в скоплении народа, и ощущения были... даже слова сразу не подберешь. Чутьочку не по себе, что ли...

Однако все произошло страшно буднично. Пропустив компанию из трех молодых всадников и запряженную неизбежной четверкой красивую зеленую карету, украшенную вычурными полосками разноцветного стекла, Грайт въехал на отведенную для благородного дворянства полосу, а за ним двинулись и мы, ничем не отличавшиеся от остальных путешествующие дворяне без грехов за душой и, если верить Грайту, не числившиеся ни в каком розыске...

Я обратил внимание, что с некоторых пор лексикон наших разговоров изменился. Вместо «готанги» я слышал «дворяне», вместо «коэн» — «мир», вместо «йорки» — «кони». И так далее. Местные слова, звучавшие слишком часто, заменялись аналогами из русского. Неужели эта железяка с камешками (чье присутствие на шее стало привычным уже, почти не ощущалось) умеет самостоятельно обучаться?! Вот уж диво дивное... которым не стоит забивать голову. Разве что позавидовать с чисто практической точки зрения: такая штукавина здорово бы помогла в контрразведывательной работе — избавила бы от необходимости изучать иностранные языки. Поймал португальского или китайского шпиона, надел на шею вигень — и допрашивай без малейших затруднений, без языкового барьера...

Нельзя сказать, чтобы движение по Большому Тракту отличалось особенной интенсивностью. Через какое-то время я кое-что прикинул: метров на двести каменной дороги приходилось две-три повозки и еще меньше всадников, так обстояло и с попутными, и со встречными, а кареты попадались и вовсе редко. Я не стал эти наблюдения развивать — и это бесполезно...

Довольно долго слева от меня ехала повозка, запряженная парой и груженная горой тщательно перевязанных веревками небольших пузатых бочонков, ядрено распространявших далеко вокруг запах ничуть не протухшей соленой рыбы. Надо полагать, выловленной в реках — от моря королевство ведь отрезано. Аромат был такой, что брюхо подвело — с обеда прошло изрядно времени. Хорошо, потом в нашем ряду образовался длинный просвет, ехавшие впереди припустили коротким галопом, и мы устремились вслед, оставив повозку далеко позади вместе с ее волной аппетитного запаха.

Как и те, кто ехал впереди, мы двигались методом, знакомым мне по долгим поездкам верхом на приличные расстояния: какой-то участок преодолевается на коротком галопе, потом переводишь коня на размеренную рысь, а там все повторяется. Время от времени по обе стороны дороги появлялись высокие, немногим уступавшие макушке всадника плоские каменные столбы с какими-то глубоко высеченными знаками — явно здешние верстовые столбы. Я особенного внимания им не уделял и не пытался прикинуть, как отмеченные ими расстояния соотносятся с нашими километрами, — к чему?

А в общем, ехать было так же скучно, как по лесам и равнине — там, по крайней мере, иногда попадалась какая-то живность, а однажды объявился вопленик. Окружающий пейзаж изменился — потянулись обитаемые, обжитые места. Почти вплотную к дороге подступали возделанные поля, засеянные то высокими зелеными стеблями с продолговатым колосом наверху, то смахивавшими на кукурузу толстыми желтыми стеблями, сверху донизу покрытыми широкими листьями, то какой-то высокой ботвой. Я не пытался рассматривать их пристально — здешняя агрономия была мне до лампочки. Точно так же отнесся к деревьям, располо-

женным так далеко, что удавалось рассмотреть лишь высокие остроконечные крыши, непонятно чем крытые. Не стоило просить у Грайта подзорную трубу: во-первых, это мне неинтересно, а во-вторых, у попутчиков вызвал бы удивление человек, пялившийся в «зрительную трубу» на такой пустяк, как деревни. Для молодого провинциального дворянина деревни были даже гораздо более привычным зрелищем, чем для городского...

Однажды справа показался несомненный дворянский замок, явно резиденция местного помещика. До него тоже было слишком далеко, чтобы разглядеть его толком, — разве что осталось впечатление, что он похож на роскошный особняк, а не на укрепленную фортецию средневекового феодала, к которому в любой момент могут нагрянуть с визитом вежливости крепко вооруженные соседи — возможно, в отместку за его недавний визит к ним...

Слева стукнули подковы, сбившиеся с обычного дорожного аллюра, к которому я начал уже привыкать. Это Алатиэль, бесцеремонно проскочив под носом у пары гнедых лошадок, тащивших повозку с полотняной выцветшей крышей, поравнялась со мной. Судя по тому, как возница с уныло-равнодушным лицом натянул вожжи и дал ей проехать, для дворян такие вольности были в порядке вещей.

Она, подхватив висевшую на запястье плетку с резной деревянной рукоятью, прижала пальцами к рукояти плетеный ремешок и показала плеткой направо:

— Смотри, сейчас будет старинная достопримечательность...

В самом деле, метрах в ста от дороги возвышалось громадное здание из серого кирпича с черной крышей, крытой вроде бы прямоугольной черепицей. Гладкие стены, никаких кирпичных украшений, четыре ряда узких

высоких окон с большими промежутками меж ними... Я впервые наблюдал здешнюю архитектуру вблизи, но все равно мне показалось, что у домища какой-то мрачный, угрюмый вид. Если здесь есть тюрьмы, именно так должна выглядеть местная тюрьма или иной казенный дом какого-то строгого назначения.

— И что здесь достопримечательного? — без особого интереса, исключительно ради коротания дорожной скуки спросил я.

— О, это историческое место! — воскликнула Алатиэль. — Лет пятьсот назад правил король Богулар Третий. Старый, противный и злоющий. Так всех тиранил... Двух жен свел в могилу, а потом женился на молодой красавице Амиаль Торранской. У нее был возлюбленный, молодой дворянин, отнюдь не бедный, но род Торранских обрадовался возможности породниться с королем — большие были спесивцы и гордецы. — Она грустно покривила губы. — В те времена согласия девушек не спрашивали, как решили родители — так и быть... Рыцарь Дивейн был принят при дворе, и вскоре королю донесли наушники-соглядатаи, что по ночам Дивейн украдкой посещает опочивальню королевы. Король страшно разозлился, и больше всего его злило, что там не привычный дворцовый разврат, а большая любовь... Он казнил трех верных служанок Амиаль, помогавших свиданиям. Дивейна тронуть не осмелился — его род был сильным и могущественным. Наверняка он по своей привычке подослал бы к нему убийц или отравителей, но получилось иначе... Это — монастырь богини Нейри, единственной из Семи Священных, у кого есть монастыри. Вот король туда и заточил Амиаль навечно. Никто не знал точно в какой — монастырей в королевстве было около полусотни. Дивейн переоделся бродячим певцом, стал обходить один монастырь за другим и всюду пел люби-

мую песню Амиаль, «Балладу о цветущем огнецветнике». Он сочинил до того много песен и баллад, их распевали все, и низшие тоже. И вот в дважды шестом по счету монастыри из окна отозвалась Амиаль, пропела следующий куплет баллады. Дивейн подкупил привратницу, и влюбленные стали через нее обмениваться посланиями. Они уговорились, что ночью Амиаль спустится по веревочной лестнице. Дивейн будет ее ждать с лошадьми, они постараются добраться до побережья и уплыть в Заморье. — Алатиэль погрузстнела. — Только они не знали всего коварства короля... Привратница с самого начала ему служила и сначала относилась каждое послание королевским соглядатаям, обосновавшимся поблизости под видом конюхов монастыря. В ночь побега они закололи Дивейна отравленными кинжалами. И оставили лежать под стеной. — Она с мечтательным выражением очаровательного личика продекламировала нараспев: — И когда настал рассвет, лучи восходящего солнца озарили тело отважного рыцаря, его мужественное лицо, даже в смерти гордое и непреклонное... Амиаль приняла яд и умерла, шепча проклятья королю и призывая на него отмщение богини любви Нолиаль...

— Это легенда? — поинтересовался я без особого интереса.

У нас тоже имелись подобные истории — Тристан и Изольда, Ромео и Джульетта, Лейли и Меджнун. Да и в реальной истории порой случалось что-то, по красочности и романтичности мало уступавшее иным легендам...

— Вовсе нет! — возразила Алатиэль. — Это чистая правда... ну, может быть, потом немного и приукрашенная сочинителями. Есть исторические хроники, романы, баллады, трагедии для театра, одну до сих пор ставят...

— А что там случилось со злодеем-королем? — спросил я уже не без интереса. — Сдается мне, проклятие богини любви на него так и не обрушилось...

— Так и вышло, — грустно сказала Алатиэль. — Он прожил еще долго и в преклонных годах умер в своей постели, оттого что срок подошел. Старый мерзавец, убила бы своими руками... Дивейн и Амиаль так любили друг друга...

Так оно чаще всего в жизни бывает — без красоты и романтики. Сплошь и рядом на самых кровавых злодеев так и не обрушивается гром небесный, да и гнев людской не достигает, и они в преклонных годах мирно умирают в своей постели. Вот только Гитлеру мы ни за что не позволим ускользнуть от бесславной кончины...

Алатиэль все так же ехала рядом, но молчала с грустным лицом — переживала за влюбленных былых времен. Прошло довольно много времени, прежде чем она опять оживилась, показала плеткой куда-то вперед:

— Ну вот, сейчас сам увидишь, уже скоро...

Лицо у нее было уже не грустным — определенно сердитым, даже злым. Я в оба уставился вперед, но ничего примечательного пока не видел. Такое впечатление, что впереди случился затор — конные ехали гораздо медленнее, прямо-таки шагом, и так же тащились повозки. Алатиэль сердито сверкала глазами.

Вскоре я увидел...

По обе стороны дороги, совсем близко от обочины, стояли статуи каких-то четвероногих существ. Сначала я определил лишь, что эти создания не похожи ни на что знакомое, и прошло довольно много времени, прежде чем удалось рассмотреть их получше и оценить размеры...

Когда приблизились довольно близко, стало понятно, что статуи исполинские, высотой не меньше семи-этажного дома, высеченные из светло-желтого камня,

следует признать, с большим мастерством. Совершенно одинаковые статуи. Некое мифологическое чудовище: тело напоминает скорее льва, лапы такие же когтистые, бока покрыты сложным узором, хвост в два кольца заканчивается чем-то вроде разлапистого зубчатого листа, оскаленная рогатая морда напоминает китайских чудищ с картинки в журнале «Огонек» (но не драконов). И без вопросов ясно, что это и есть пресловутый Дакташа, якобы держащий на могучей спине якобы плоский мир. Сколько же труда в это вбухано, хотя и наверняка меньше, чем в египетского сфинкса...

Действительно, Грайт был прав: ни с чем не спутаешь, раз других таких монументов попросту нет...

Вскоре объяснилась и причина задержки. Никакого затора не было, но всадники и повозки останавливались, всадники бросали на обочину монеты, а люди с повозок, проскочив перед мордами дворянских лошадей, поступали так же — причем многие из них падали на колени, зажимали виски ладонями и беззвучно шептали что-то, обращаясь к статуе. Дворяне ничуть не препятствовали преграждавшим им путь простолюдинам, терпеливо ждали, когда те встанут с колен и полезут на облучки. Однако сами не спешили встать и на колени не падали — правда, многие, повернувшись лицом к статуе, тоже зажимали виски ладонями в драгоценных перстнях и что-то шептали, после чего с видом исполненного долга подхлестывали коней. Точно так же себя вели те, кто ехал навстречу.

Оказавшись совсем близко, я рассмотрел кое-что еще. Деньги сыпались в приличных размеров канаву, не менее двух метров в ширину и пяти в длину, аккуратно облицованную изнутри плотно пригнанными, тесаными светло-желтыми досками — похоже, это был естественный цвет древесины. Глубину определить не удалось бы

на глазок — дно канавы сплошь покрывали груды монет, и было их столько, что их наверняка с темнотой, когда движение прекращалось, выгребали не иначе как лопатами. Жирную мзду собирают с проезжающих здешние попы, сразу видно...

Ехавший впереди Грайт бросил монету. Я тоже, помня его несложные инструкции, достал полученный от него кошелек и швырнул монету — одну, как наказывали, хотя иные простолюдины бросали и несколько (правда, медяшек и бронзушек), и кое-кто из дворян тоже (тут уж сыпалось серебро, а то и золото).

Алатиэль приотсталла — и, судя по звону, тоже внесла свою лепту (вспоминая недавние разговоры, исключительно конспирации ради, чтобы ничем не выделяться).

За статуей обнаружился несомненный храм — круглый, довольно большой и высокий, из красного камня, с крышей непривычного вида: конусом с краями, загнутыми вверх едва ли не на половину крыши. Она крыта круглыми плитками золотого цвета — вряд ли это чистое золото, но, вполне возможно, качественная позолота. Учитывая, сколько денег здешние торговцы опиумом для народа гребут с проезжающих, вполне возможно. На шпиле крыши — плоский силуэт Дакташи золотого цвета (вполне допускаю, из литого золота), а по обе стороны закрытой высокой двери (двустворчатой, с полукруглым верхом) — два барельефа «держателя мира», большие, того же цвета. Помпезное здание, куча денег в него вбухана. Ну, и храм, и статуя требовали расходов исключительно на постройку и украшательство, а дальше шла чистая прибыль — это нам знакомо. Неплохо устроились — в моем мире у попов не было в руках столь жуткой угрозы: пугать, что бог, разгневанный непочтением к себе или своим служителям (главное, надо полагать, служителям), сбросит мир со спины в тартарары...

А там я и увидел живого торговца опиумом для народа, укрывшегося за непререкаемым авторитетом «держателя мира»...

Выглядел этот торговец, приходится признать, убедительно: высокий и костлявый, худой как жердь, с узким изможденным лицом подвижника и аскета, глубоко запавшими глазами, сверкавшими фанатизмом. До сутан и ряс, похоже, здешние церковники не додумались (или это касалось только служителей Дакташи): на нем были штаны и кафтан (правда, отличавшиеся фасоном от одежды дворян и простолюдинов), плотно облегающие (что как нельзя выгоднее подчеркивало худобу), из какого-то, сразу видно, грубого и дешевого материала вроде холста, а то и мешковины, неглаженные, все в складках, потертостях и прорехах. Невысокий колпак из той же материи, а ноги с давно не стриженными ногтями — босые. Одним словом, натуральный святой подвижник, изнуренный бескорыстным служением, питавшийся только сухарями и водицей, хоть икону с него пиши...

Перед ним на высоком треножнике в большой чаше что-то дымило, дым поднимался густо и высоко, и время от времени босоногий гнал его в сторону дороги чем-то вроде большой лопатки — благодать посылает на странствующих и путешествующих, надо полагать. Да, хорошая антирелигиозная кампания с изъятием церковных ценностей здесь бы не помешала. Ручаться можно, в храме у них немало золота-серебра: с тех пор, как появились храмы, их украшали пышно и богато что снаружи, что внутри, немало денежек состригая с простаков, — что я только что наблюдал своими глазами как живую картинку из нашего прошлого, пусть и в других декорациях...

По другую сторону дороги обнаружился такой же храм и такой же треножник, и второй персонаж, худющий, с горящими глазами, старательно гнал дым на пут-

ников — что не особенно и удавалось из-за безветрия, но старался он на совесть.

Алатиэль (тоже исправно бросившая монету) ехала рядом со мной молча недолго. Саркастически ухмыляясь, спросила:

— Ну ты видел? Изможденный, так и тянет покормить...

Я огляделся. Те, кто ехал впереди и позади, были от нас слишком далеко, чтобы слышать наш разговор, так что не было необходимости понижать голос.

— Впечатляющее зрелище, — сказал я. — Словно вот-вот помрет с голодухи. Они что, все такие?

— Ничего подобного, совсем наоборот, — фыркнула Алатиэль. — Нарочно подбирают таких вот — для тех церемоний, когда необходимо появляться на людях. И в самом деле держат их впроголодь, вознаграждая другим манером — земля, хорошо оплачиваемые посты для родственников, не требующие и пальцем о палец ударить... Или находят таких, которые из-за хворей выглядят как живые трупы. Те, кто на людях почти никогда не появляется — а их неизмеримо больше, — выглядят совершенно иначе. Поперек себя толще, вино и женщин вниманием не обходят. Лет десять назад даже объявили, что Дакташе угодны и служительницы — вот только по какому-то совпадению делают служительницами молодых и красивых, нестрогих нравов... — Она помолчала, потом решила: — Честно признаться, они до Вторжения, старшие рассказывают, грешили чревоугодием, винопитием и любовью к женщинам, но не с таким размахом, старались обделывать все втайне, за закрытыми дверями. А с приходом ватаков будто с цепи сорвались. Благо управы на них нет никакой, сам король перед ними расстилается. До Вторжения, точно знаю, были в большом ходу насмешливые книги о грешных служителях,

народные песенки с высмеиванием их пороков. Я читала кое-что... И не было никаких особых преследований, разве что для очень уж далеко зашедших — денежные штрафы, не такие уж и обременительные. После Вторжения эти книги запретили, как и все другие, а за насмешливые песенки, кто бы их ни пел, дворяне или низшие, полагается смертная казнь... Ничего, дай только срок! Когда мы победим, в первую очередь возьмемся за этих жирных скотов.

И ведь возьмутся, подумал я, глядя на ее очаровательное личико, пылавшее нешуточной злобой и решимостью. Вряд ли она одна так радикально настроена по молодости лет, кто-то постарше должен был вложить в эту красивую головку именно такие идеи...

Алатиэль воодушевленно продолжала:

— Мы разрушим и сожжем их несправедные храмы, восстановим древнюю простоту и скромность. Жирные получают свое...

Я видел, что она говорит искренне, что порывы ею движут самые благородные. Беда только, что благородные порывы порой заводят очень и очень далеко, так что ужасают порой самих реформаторов. Было время, когда такие вот чистые душой подвижники искренне боролись с церковью, и в самом деле погрязшей в дурной роскоши и нешуточных грехах. Только частенько случалось, что люди в скромной одежде, молившиеся в лишенных и тени роскоши церквях, из самых что ни на есть благих побуждений развязывали террор, и не снившийся тем, кто погряз в роскоши и грехах...

А она продолжала увлеченно повествовать, как они после победы покончат с нынешним златолюбием и прочими пороками служителей Дакташи, как восстановят прежнюю чистоту нравов. И не было ни малейшей охоты завязывать с ней дискуссию, пытаться объяснить,

что порой благими намерениями вымощена дорога в ад. Это их сугубо внутренние дела, в которые у меня нет ни желания, ни — просто отлично! — необходимости вязаться. К тому же пришлось бы углубляться в долгие дискуссии: если у них нет в их богословии ни рая, ни ада, Алатиэль меня попросту не поймет...

С некоторым облегчением я увидел, что Грайт обернулся к нам и повел подбородком, несомненно, подзывая меня. В отличие от Алатиэль я не стал по-дворянски лихачить: пропустил вперед повозку с какими-то ящиками и только потом догнал Грайта. Он усмехнулся:

— Мудрено было вас не слышать... Ну как тебе любовная история из седой древности?

— Как тебе сказать... — пожал я плечами. — У нас есть свои, не менее красивые и романтические...

— Следовало ожидать... А теперь, если ты не против, займемся делами посерьезнее. Собственно, ничего делать не придется. Просто смотри направо во все глаза, скоро покажется. Снова ни с чем не спутаешь...

И точно, не успели мы миновать три межевых столба, как справа, недалеко от дороги, показалось нечто примечательное. Сначала я подумал, что там пылает пожар, но вскоре понял, что ошибся: яркий огонь, принятый сначала за пламя пожарища, был совершенно неподвижным, стоял на одном месте, как маяк или прожектор. А там и окончательно стало ясно: это клонившееся к горизонту солнце отражалось огромным, ослепительным отблеском в боковой стене невиданного прежде здания, ничуть не похожего на оставшийся далеко позади монастырь, да и ни на что, виденное прежде в моем мире...

Больше всего здание напоминало разрезанную вдоль половинку исполинской дыни. Только было сплошь зеркальным, никаких окон или дверей я не заметил, — возможно, и была дверь на невидимой отсюда стороне.

Солнце в нем отражалось во всем великолепии. Вокруг протянулся сиреневый, геометрически идеально правильный круг радиусом примерно полкилометра, высокая ограда — но не из какого-нибудь твердого материала, а из полупрозрачного, бледного по сравнению с отражением солнца сиреневого света. Красивые узоры, отчего-то сразу показавшиеся чужими. Поодаль, заключенные в такой же сиреневый круг, стояли дома, числом не менее дюжины, — самые обычные дома, пусть и чуточку непривычной архитектуры. Выглядели они не так внушительно, как тот дворянский замок.

Огляделся — попутчики ехали далеко от нас и услышать разговор, безусловно, не смогли бы, за исключением Алатиэль, но на нее можно было всецело полагаться. И все же я понизил голос:

— Ватаки?

— Именно, — покривил губы Грайт. — Резиденция здешнего ватака, хозяина округи. Я тебе уже рассказывал: они селятся в точности так, как наши владетельные дворяне... или вопленики. Скорее как дворяне: в отличие от воплеников, они, многолетними наблюдениями установлено, не так уж редко летают друг к другу в гости. И устраивают что-то вроде пирушек: в такие дни кухни работают гораздо оживленнее.

— Кухни — это там, где обычные дома?

— Да. Кухни, жилища слуг... — Мне показалось, он что-то недоговаривает. — Слугами у них сплошь люди. Вот тебе наглядное доказательство того, что они всерьез опасаются наших стрел. На таком расстоянии стрела, даже выпущенная из лучшего лука лучшим лучником, безнадежно потеряет убойную силу. Дважды шесть лет назад люди из Братства устроили опыт. Выбрали замок ватака, где лес почти вплотную подступает к Изгороди, смастерили огромный лук в три человеческих роста —

такие у нас в старину использовались при штурме крепостей и замков. Доставили туда все части, собрали на опушке. Тетива из лучших бычьих жил толщиной в человеческую руку, стрела в человеческий рост... Стрелу они принесли одну-единственную — подозревали, что второго выстрела им сделать не удастся. Так оно и оказалось... Но единственная стрела долетела и действие произвела неплохое: проломила огромную дыру в зеркальной стене, внутри успели рассмотреть что-то вроде странной мебели и еще более странных штук, ни на что знакомое не похожих. Это рассказал один-единственный вернувшийся. Как было уговорено заранее, они рассыпались в разные стороны, выбирались поодиночке, но все равно уцелел только один из четырнадцати. Он видел, как из замка вылетели зеркальные лодки наподобие тех, в которых летают ватаки, но гораздо меньше, куда не поместится ни человек, ни ватак. Они были окружены не кругами, а огромными шарами из того же сиреневого света, от верхушек деревьев до земли. Все, кроме одного, несомненно, погибли на месте, никто не был захвачен ватаками живым. Иначе они узнали бы о Братстве и предприняли что-то против него — есть пытки, которых не вынесет самый стойкий человек... Ватаки уничтожили все деревни и два городка на корот вокруг. Много было жертв, но они оказались неизбежными. Зато мы узнали кое-что важное: что для ватаков стрелы точно так же смертельны, не зря они принимают именно такие меры предосторожности... ничуть не усилившиеся после того случая. Разве что они свели леса примерно на то же расстояние, на которое простираются Изгороди...

Я подумал: даже если удастся уничтожить Мост, победы это не принесет. Слишком много пришлось бы смастерить огромных луков, такая работа надолго — а ведь можно ждать контрудара с помощью этих летающих

лодок. Голодом морить — тоже проблематично, могут организоваться в нешуточную силу и ударить...

А если... В голове быстренько оформилась не такая уж и гениальная идея — просто мне, кадровому военному, сразу пришло в голову, что можно крайне эффективно использовать против этих зеркальных сараев. Надо будет в спокойной обстановке подсказать Грайту. Я отлично помнил размеры туннеля меж мирами, из которого Грайт вышел. Вполне достаточно, чтобы прокатить по туннелю станковый пулемет, не разбирая его. И нетрудно занести ящики с лентами, «Максим» с запасом патронов в два счета расхерачит зеркальный дом вместе с его обитателями — если они уязвимы для стрел, то для пуль тем более. Черт, можно даже, разобрав, притащить сюда и пушку, да не одну. Горное орудие невелико, его в разобранном виде перевозят две лошади, так что и люди справятся. Можно припереть сюда и сорокапятку, благо орудийный щит тащить не придется, он здесь ни к чему. Или зенитное орудие — тоже получится неплохой убойный инструмент для поражения наземных целей.

Конечно, придется крепенько пораскинуть мозгами, где все это добро раздобыть и как, но и насчет этого есть наметки. Одно пугает: план мой может настолько понравиться Грайту, что он задержит меня здесь надолго, поставив руководить операцией по доставке из нашего мира необходимого оружия. Положа руку на сердце, я бы на его месте так и поступил — иногда тому, кто предложит дельный план, как раз и поручают его претворять в жизнь...

Потом мы два с лишним часа (здешних) ехали в совершеннейшем молчании. Дорога была скучнее некуда: по обе ее стороны тянулись возделанные поля и далекие деревушки, пару раз попадались пасущиеся стада. Трижды обнаруживались дворянские замки, два небольших, а третий — громадный и роскошный. С ними наверня-

ка не было связано красивых и романтических историй былых лет — иначе Алатиэль непременно рассказала бы. Но и она ехала молча, со скучающим выражением на лице.

Солнце еще не опустилось за горизонт, но стояло над ним довольно низко, когда Грайт вновь обернулся, подозвал меня недвусмысленным кивком. Я охотно поравнялся с ним — кажется, он хотел чем-то развеять дорожную скуку, и вряд ли романтическими легендами прошлого — не тот человек.

Так оно и оказалось. Грайт сказал негромко, предварительно убедившись, что нас никто не слышит, кроме Алатиэль (заметно оживившейся, а это неспроста):

— Ну вот, все обстоит даже лучше, чем я рассчитывал. Скоро будет постоянный двор, отдохнем, поужинаем как следует, переночуем. Наш человек должен был с утра снять для нас комнаты, желательно рядом, но получить может по-всякому, в эту пору проезжих много... Наставления будут не такие уж сложные. На постоянных дворах не принято говорить о серьезных вещах и затрагивать сложные вопросы, так что глухонемого изображать необязательно, оставим это для города. Разве что новостями принято делиться, но мы достаточно долго охотились в чашобах и последних новостей не знаем. Если допустишь какие-то мелкие промахи, никто не удивится. — Он усмехнулся. — К тому же я позаботился, чтобы ты вызвал как можно меньше подозрений... а то и не вызвал вообще. Ты только что впервые в жизни покинул родную провинцию Фалигерт. Запомни название хорошенько. Провинция эта — в противоположном конце королевства, у восходных рубежей... и самое глухое в королевстве захолустье. Тамошние жители, от дворян до крестьян, пользуются у нас репутацией лобератов из лобератов — главные персонажи насмешливых уличных

песенок и театральных комедий. Вряд ли кто-то из дворян станет насмехаться над тобой открыто, хотя может попасться злоязычник. Ничего, я вмешаюсь, просто посмотри на меня и коснись якобы невзначай правого уха вот так, — он показал, коснувшись мочки уха указательным пальцем. — Я вмешаюсь, а ты пока что говори одно: ты не знаешь обычаев, ты родом из Фалигерта и за его пределами оказался впервые в жизни. Что еще? Тебя могут пригласить за стол — это в обычае. Отказываться не принято. Другое дело, что для соблюдения этикета достаточно выпить единственную чарку, переброситься парой фраз — и можно возвращаться за свой стол. Но вот что жизненно важно для тебя: не ешь грибов в любом виде. Если станут угощать, скажи — а лучше предупреди заранее, — что грибов ты в рот не берешь. Обет у тебя такой. Это тоже не вызовет удивления — разнообразных обетов множество, в том числе и откровенно дурацких, но к обетам других, каковы бы они ни были, принято относиться с уважением...

— А что не так с грибами? — спросил я.

Грайт пояснил без улыбки:

— Когда мы только начали изучать ваш мир, кто-то подумал: а вдруг какая-то наша еда окажется для вас отравой или наоборот? Это соображение признали резонным: в старых книгах написано, что для жителей Заморья смертельным ядом были обыкновенные речные ракушки фоло, какие у нас испокон веков едят миска-ми... Мы сюда привели трех ваших людей, единственной обязанностью которых было пробовать разнообразную нашу пищу. Со всевозможным мясом и злаками обстояло прекрасно, но вот все трое не то что заболели — умерли за столом, отведав грибов трех разных видов, жареных, соленых, грибного супа с копченостями...

— Ничего себе... — вырвалось у меня.

— Их никто не неволил, — пожал плечами Грайт. — Они все согласились за золото и были предупреждены, что это может оказаться смертельно опасным...

Ручаться можно, все это были не советские люди, подумал я. Он упоминал мельком, что Тропы ведут в разные наши страны...

— И фрукты мы тоже не все испробовали, — продолжал Грайт. — Так что отказывайся не только от грибов, но и от любых фруктов... Кстати, с одним из наших людей у вас тоже приключилось несчастье... Он попробовал варенье... знаешь, такое, из небольших красных ягод с косточкой, — и умер прямо за столом. Хорошо еще, что это случилось за столом у тамошнего хранителя, и мы без огласки унесли тело в наш мир... Так, какие еще сложности... С Золотым Стражником води себя в точности как я и не разговаривай, если заговорит он, — дворянин этого не обязан делать, если ему не предъявили именной указ судьи, предписывающий отвечать на вопросы стражи. Здесь таким указам на наши имена неоткуда взяться... Последнее и главное...

Он достал из кармана и протянул мне массивный золотой перстень с зеленым камнем, такой же, какие были у него и Алатиэль:

— Надень на любой палец, на который налезет удобно...

Я так и поступил. Перстень идеально подошел для среднего пальца правой руки. И не удержался от вопроса:

— Это что-то означает?

— Конечно, — усмехнулся Грайт. — Это яд, действующий моментально. Камень — не камень, а застывшая отшлифованная смола дерева нейр. Достаточно лизнуть... Это на тот случай, если тебя вдруг попытается схватить стража. Мы вне подозрений, но следует предусматривать все. Живыми в руки к ватакам попадать никак нельзя —

будут такие пытки, что мертвым позавидуешь... Надеюсь, ты не особенно потрясен? Я с самого начала не скрывал, что предприятие может оказаться смертельно опасным...

Я постарался принять самый равнодушный вид и ответил насколько мог независимо:

— Переживу. Я все же не впечатлительная девица...

— Вот и прекрасно, — бесстрастно сказал Грайт.

И мы замолчали. Показалось, что чертов перстень морозно холодит палец, но я постарался отогнать это глупое наваждение.

И вновь — безлесные равнины, возделанные поля, деревушки, стада на зеленых лугах, дворянский замок, арочный мост в три пролета через неширокую реку с несколькими стоявшими на якоре лодками, в которых сидели рыбаки с длинными удочками, — знакомая картина, пусть и в другом мире...

Солнце уже отстояло от горизонта не более чем на ладонь, когда Грайт показал плеткой влево:

— Ну вот и приехали...

Сзади послышался радостный возглас Алатиэль:

— Благодать! Снова можно будет надеть платье...

— И посылать по сторонам ослепительные улыбки... — сказал Грайт знакомым уже тоном беззлобной подначки.

— Ну тебя, Грайт, — воскликнула Алатиэль с возмущением, показавшимся мне деланым. — Прекрасно знаешь, что я никогда не рассыпаю кокетливых улыбок!

— Я пошутил, Алатиэль, — без улыбки сказал Грайт.

— Ладно, я понимаю, — сказала Алатиэль. — И все равно прекрасно будет снова надеть платье... а то и потанцевать. Грайт...

— Если там хорошие музыканты, — сказал Грайт с таким видом, словно вынужден был сделать одолжение. — Я последний раз был здесь давно и не знаю, какие

там сейчас музыканты. Терпеть не могу танцевать под скверную музыку, да и слушать ее не люблю. В таких случаях плачу музыкантам, чтобы помолчали...

— Музыканты наверняка хорошие, — убежденно сказала Алатиэль. — Это большое и хорошее заведение, не какой-то там захудалый заезжий двор вроде «Начищенной кастрюли», век бы ее не помнить...

Вскоре я собственными глазами убедился, что заведение уже со стороны выглядит роскошным. Суций маленький городок: изрядный кусок земли, так прикидывая, в добрый гектар, окружен ладным деревянным забором с резными столбцами. И там разместилось десятка полтора зданий: и трехэтажные, из красного кирпича, с балконами и башенками, и низкие, длинные, с маленькими окошечками под крышей, очень похожие на конюшни — но тоже из кирпича, разве что без всяких архитектурных украшений. Вон там, судя по полудюжине высоких дымящих труб, наверняка кухня, а те больше всего похожи на амбары. Роскошная гостиница, ничего не скажешь... И явно рассчитана не только на пухлые дворянские кошельки — справа, на обширном дворе, вольготно разместились крестьянские повозки, лошади и похожие на верблюдов животные сунули морды в висящие на шее торбы. Ну да, к тому вон дому направляются одни дворяне, а к другому — только простолюдины...

К этому роскошному приюту путников вело всего-то метров двадцать качественно мощеной дороги, пусть и уступавшей по ширине Большому Тракту. Кони, что было мне прекрасно знакомо, без понуканий ускорили шаг, прядая ушами, — чуяли конюшню, вечернюю кормежку и отдых. К нам проворно бросились четверо слуг в белых шапках наподобие беретов, подхватили коней под уздцы. Грайт и Алатиэль швырнули им мелкие монеты, я поступил так же, отыскав в кошельке пару

медяшек, — и слуги их проворно поймали, в точности как в исторических романах, где господа деньги лакеям именно бросают, а те ловят на лету без капли пролетарской гордости. Лаг снял с наших коней седельные сумы и навьючил на себя. Я поймал себя на том, что только сейчас после долгих часов пути заметил его присутствие — до этого, следуя примеру Грайта и Алатиэль, не обращал на слугу ни малейшего внимания. Было чуточку конфузно: быстро же я перенял дворянские замашки...

В обширном сводчатом зале мы оказались единственными путешественниками, все остальные уже ушли. Грайт уверенно направился к массивному столу слева, и я последовал за ним.

За столом восседала личность примечательная: верзила в одеянии наподобие халата, сплошь покрытом золотыми круглыми бляшками (его полы достигали темного паркета), и в остроконечном шлеме, сверкавшем золотом. Это было, конечно, не золото — под тяжестью стольких бляшек из чистого золота этот субъект долго бы не высидел, да и шлем, будь он из чистого золота, вряд ли позволил бы долго сохранять горделивую осанку, — а он восседал именно что горделиво, сытая физиономия невероятно спесивая. Держись он поскромнее, можно принять за здешнего генерала, а так... Классический нижний чин, напыжившийся от своей якобы жуткой значимости, и без пояснений ясно, что передо мной Золотой Стражник — название идеально подходит к этому надутому индюку...

Грайт с непроницаемым лицом положил перед ним свою «подорожную». Стражник (оружия я при нем не заметил) взял ее с видом величайшей скуки, положил на имевшийся перед ним овал голубоватого стекла в вычурной раме (то ли золотой, то ли позолоченной) и надолго замер с таким видом, словно отрешенно совершал

в уме сложные математические вычисления или ждал с небес божественного откровения. Мне показалось, что этот сукин кот примитивно тянет время, наслаждаясь выпавшей ему приятностью — заставить стоять перед ним в ожидании благородного дворянина. Классический мелкий чиновничек, балдеющий от крупницы властишки. Увы, в наших учреждениях, и военных, и гражданских, такие типы тоже встречаются, как старательно их ни бичует советская сатира...

Судя по едва заметной брезгливой усмешке на лице Грайта, я догадался правильно. Но на душе все же было чуточку тревожно: когда полиция проверяет у подпольщиков поддельные документы, может обернуться по-всякому. Выскочат местные жандармы в немалом количестве — и останется быстренько лизнуть камень, потому что другого выхода нет...

Обошлось, ага. Стражник протянул Грайту «подо-рожную» с таким видом, словно великое благодеяние оказывал. Грайт положил перед ним серебряную монету и отошел, уступая мне место. Я чуточку неуклюже выложил перед раззолоченным индюком свою «пайцзу». Все повторилось — он положил дощечку с непонятными знаками на стеклянную пластину и принял вид спесивой отрешенности. Что ж, у них налажена система контроля, с ходу определяющая липовые документы. Но особой тревоги я не чувствовал — следовало полностью положить на Грайта и верить, что деревянная «липа» с честью выдержит все проверки...

Так и вышло: стражник протянул мне «пайцзу» с таким видом, словно милостыню нищему подавал, и спросил непринужденно:

— Болеть изволили?

Памятуя наставления Грайта, я промолчал, положил перед ним серебряную монету (звонко прищелкнув ею

о темное дерево, искренне надеясь, что этот жест не возбудит подозрений) и отошел к Грайту, на ходу пряча «пайцзу» в карман.

Когда перед ним предстала Алатиэль, индюк, ничуть не скрываясь, окинул ее с ног до головы медленным масляным взглядом. Алатиэль гордо задрала подбородок и поднесла к носу белый с кружевной каймой носовой платок, так, словно откуда-то вдруг потянуло дурным запахом. Стражник, сразу видно, был этим задет — и, явно в отместку, продержал вдвое дольше, чем нас с Грайтом.

Грайт первым направился к двери с проемом в верхней половине и широким деревянным прилавком — больше всего это напоминало гардероб в каком-нибудь учреждении или театре. За стойкой торчал старикашка в белом берете, в отличие от стражника улыбавшийся подобострастно, как исправному слуге и положено.

Это и впрямь оказалась гардеробная, разве что несколько своеобразная — я увидел через плечо Грайта, что там на аккуратных стеллажах, снабженных бляшками с непонятными знаками наподобие иероглифов, лежат рядами мечи и кинжалы в немалом количестве — надо полагать, разумная предосторожность, учитывающая непосредственные нравы буйного дворянства. Интересно, а засапожные ножи у них в ходу? Или за их ношение полагается какое-то наказание? Грайт мне ничего подобного не дал...

Грайт положил перед старикашкой меч и кинжал — так буднично, словно сдавал в гардероб зонтик или пальто. Получил большую медную бляшку с загадочным знаком и отошел. Монеты он шустрому старикану не дал — а потому и я, когда настала моя очередь получить номерок, обошелся без чаевых — но и тени разочарования на морщинистой румяной физиономии не увидел. Значит, чаевых и не полагалось, надо думать.

По какой-то шальной ассоциации здешняя гардеробная с оружием вместо пальто мне напомнила интересный пример из истории, рассказанный в свое время преподавателем математики, обожавшим такие курьезы, связанные с его любимым предметом.

В те самые мушкетерские времена места в театре были нумерованные, что приводило к многочисленным дуэлям меж дворянами. Как ни боролся с ними грозный кардинал Ришелье, вплоть до высшей меры, повсюду звенели шпаги, порой, как мы видим из романов Дюма, по самым нелепым, легковесным причинам.

Великий математик Рене Декарт (кстати, изрядно повоевавший и не чуравшийся дуэлей) нашел решение, простое, как все гениальное. Предложил пронумеровать в театре ряды и места. Уж не помню, какой вид у них имели театральные билеты (кажется, наш математик и сам этого не знал), но повода для поединков не стало в одночасье...

Грайт подошел к столу, за которым восседал толстяк с плутоватой физиономией, такой простецкой, что он не мог не быть записным хитрованом. Белый берет был внизу украшен широкой золотой узорчатой каймой — если не сам владелец, то здешний директор или как он там именуется.

В отличие от стражника, этот был сама услужливость. Проворно встал и поклонился, расплывшись в подобострастной улыбке:

— Благородные господа, благородная дама...

Грайт сказал высокомерно:

— Нам должны отвести три комнаты, желательно рядом...

Достал из кармана какую-то палочку и протянул хозяину столь же надменным жестом. Хозяин ее принял. Я рассмотрел: это была половина расколотой вдоль па-

лочки с выжженными на ней тремя знаками. Толстяк обернулся к стене, где лежали на стеллаже аккуратные рядочки таких же палочек, стал их проворно перебирать...

Я перенес все внимание не на него — подвернулся более интересный объект для наблюдений. Рядом со стеллажом, сложив руки на выпирающем животе, стоял второй — почти такой же осанистый и такой же пузатый, у этого берет был украшен не широкой каймой, а тонкой золотистой нитью. Насколько можно судить по сытому виду и позе, это был не простой коридорный — поднимай выше, этакий старший администратор. Однако разительный контраст с упитанной физиономией составляли глаза — цепкие, колющие. Учитывая кое-какой служебный опыт, если это не шпик, то я балерина...

Хозяин отыскал нужное, совместил половинки, и они идеально подошли друг к другу. Знаки, я заметил, на обеих были одинаковые. Ага, похожее употреблялось в старину на Руси для всяких торговых и денежных расчетов. Что же, ничем не хуже бумажных квитанций — особенно при запрете на письменность...

Хозяин расплылся в умильной улыбке:

— Все правильно, благородный господин. Три комнаты, все рядом, лучшие в нашем заведении, как и было оговорено вашим благородным другом...

И разразился потоком медоточивых слов: как он рад принять у себя благородных господ и благородную даму, какие уютные и чистые у него комнаты, в заведении, равного которому не найдешь во всей провинции, а то и в соседних... Грайт холодно прервал его:

— Покажите нам комнаты, мы устали в дороге...

— О, разумеется! — Хозяин повернулся к тому, в ком я всерьез подозревал шпика: — Ольфин, покажи благородным гостям комнаты...

Помянутый Ольфин, расстилаясь мелким бесом, с поклонами и пышными словесами указал нам на широкую лестницу с вычурными массивными деревянными перилами, пошел вприпрыжку впереди, держась вполборота к нам, без нужды указывая дорогу плавными жестами. Вот только глазки-шилья оставались прежними буркалами матерого шпика. Как бы там ни было, надо признать: гостиничное обслуживание здесь на высоте, иным советским труженикам стоило бы поучиться...

Лестница прямо-таки блистала чистотой, как и длинный широкий коридор второго этажа, в который мы свернули направо вслед за суетливым провожатым. Сапоги моих спутников — а значит, и мои — оставляли на паркете пыльные следы, что ничуть не заботило Грайта и Алатиэль, а посему и я шагал себе спокойно. Тут же объяснилась причина идеальной чистоты: услышав за спиной легкие шаги, я оглянулся через плечо. Следом шла дебелая тетушка в темном платье до пола и белом чепце. В руках она держала напоминающее швабру приспособление — но не было ни тряпки, ни ведра, только длинная рукоятка и прикрепленная к ней перекладина из какого-то светлого металла. Там, где она касалась пыльных отпечатков подошв и каблуков, пыль исчезала, как по волшебству. Ничего не скажешь, впечатляет, прямо-таки взято из фантастических романов Беляева. Со средневековым укладом здешней жизни и мизерным уровнем техники эта штука решительно не гармонировала — скорее всего, тоже получена от ватаков. Колонизаторы они там или кто, а развивают технический прогресс. Что само по себе еще не делает их благородными — европейцы тоже насаждали в колониях технический прогресс: железные дороги, электрическое освещение, телеграф, лекарства. Что им ничуть не мешало грабить и зверствовать. Правда, Грайт пока что не привел

ни единого примера грабежа и зверств ватаков, разве что запрет на грамотность можно отнести к притеснениям...

Высоченное окно в торце коридора было сине-красным витражом, изображавшим какой-то замок, такое впечатление, не современной архитектуры, а старинной. По обе стороны, совершенно как в наших гостиницах, располагались высокие двери, полукруглые вверху, деревянные, с начищенными затейливыми ручками, похоже, бронзовыми, и замочными скважинами с бронзовой каемкой — горизонтальными, фигурными. Похоже, ключи здесь были немаленьких размеров. На каждой двери красовалась бляшка с загадочным знаком — каждый раз разным.

Суетливый достал из кошелька на поясе три больших ключа с затейливыми бородками на обе стороны (я подметил, все разные), окинул их беглым взглядом и с поклоном раздал нам:

— Ваши комнаты, благородные господа, благородная дама. По этой лестнице можете спуститься в трапезную. Шнур звонка для призвания слуги справа от двери, достаточно дернуть один раз. Благожелательного отдыха в лучшем постоялом дворе шести провинций!

Грайт бросил ему серебряную монету, которую суетливый проворно сцапал на лету. Я последовал его примеру — правда, Алатиэль так и не достала кошелек, и я понял, что немного промахнулся, но это, безусловно, не смертельно, спишется на растяпистость провинциала. В хитрых глазках коридорного мелькнуло удивление, но монету он словил и спрятал в кошель. Поклонился еще раз и бесшумно улетучился из коридора.

Алатиэль отперла отведенную ей комнату. Я видел, что ключ она поворачивает справа налево, поступил так же и не ошибся. Грайт остался стоять, играя своим ключом.

— Часа тебе хватит на отдых, Алатиэль? — спросил он девушку.

— Конечно, Грйт.

— Прекрасно. В таком случае через час мы с Костаном ждем тебя в трапезной. Можешь по дороге кого-нибудь наспех очаровать, разрешаю.

— Да ну тебя, Грйт! — воскликнула Алатиэль с деланным возмущением и распахнула дверь своего номера. Лаг внес за ней одну из седельных сумок.

— Дам тебе необходимые пояснения, — сказал Грйт, входя в комнату первым. Лаг внес вторую сумку, поставил у стола, поклонился и ушел, тяжело ступая.

— Грйт, — сказал я, едва он притворил за собой дверь. — Этот тип с ключами явный соглядатай, по глазам видно.

— Уж это наверняка, — спокойно пожал плечами Грйт. — Либо от хозяина, либо от стражи... или, вероятнее всего, все вместе. На таком постоялом дворе всегда будут соглядатаи. Не бери в голову. Если бы стража прознала про нас что-то серьезное, нас бы давно уже кинулись хватать, не заморачиваясь слезкой... Ты как, настроен отдыхать после ванны?

— Хорошо бы спокойно посидеть и трубочку выкурить, — сказал я не раздумывая. — Особенной усталости, пожалуй что, и не чувствую.

— Ну, значит, я тебе отвожу час, как и Алатиэль. То есть вот так...

Он вынул часы и указательным пальцем с самоубийственным перстнем показал два деления — словно малому ребенку, не умеющему определять время по часам. Обижаться не следовало: я и в самом деле не разбирался в здешних циферблатах, к тому же стрелки показывали, говоря по-нашему, без двадцати сколько-то там...

Он открыл обе невысоких двери в дальнем углу комнаты, показал, что за ними, и кратко объяснил, как этим пользоваться. И ушел. Оставшись в одиночестве, я сел к столу, набил трубочку и стал разглядывать комнату — в таком номере люкс мне еще не приходилось останавливаться. Надо признать, здешние феодалы, не подозревавшие еще, что они обречены историей как класс, обитали в самом пошлом комфорте...

Комната со сводчатым потолком была метров пяти в ширину и еще больше в длину. Идеально чистый паркет, тяжелая резная мебель — широкая кровать, стол и кресла, шкаф. Апартаменты — хоть пляши. При взгляде на кровать, даже по виду мягкую и удобную, у меня как-то сама собой родилась идея нехитрого эксперимента касательно обосновавшейся в соседнем номере юной подпольщицы. По размышлении идея показалась вполне толковой и достойной претворения в жизнь. Конечно, Алатиэль может на меня смертельно разобидеться, но наверняка будет меня высокомерно игнорировать, и только. Переживу, мне с ней не детей крестить...

Докурив трубку, выбил пепел в массивную пепельницу из какого-то сиреневого полупрозрачного камня — о ее назначении я сразу догадался и без объяснений Грайта, такой уж у нее был вид, насквозь привычный.

Проинспектировал по очереди обе комнатки за невысокими дверями. Здесь тоже оказалось все знакомо — разве что непривычного вида и с кое-какими отличиями, без разъяснений и в самом деле оказавшимися бы насквозь непонятными.

Уборная не представляла ни малейшей загадки, разве что унитаз смотрелся диковинно: каменная чаша в деревянном коробе из лакированных досок, причем сбоку торчит внушительный затейливый бронзовый рычаг. Аккуратная стопка бумажных квадратиков на вычурной

полочке вопросов не вызывала. Закончив свои дела, я нажал на рычаг, вода с шумом устремилась в чашу, и слышно было, как она наполняет невидимый в коробе бачок. Ничего не скажешь, культурно...

Ванна на разлапистых подставках в форме звериных лап тоже выглядела привычно, разве что размерами раза в два больше тех, к которым я привык. Здоровенный бронзовый кран с рычагом наверху — тоже не ребус, я в два счета наполнил ванну, повернул рычаг в прежнее положение, и вода, бившая толстой струей, перестала течь.

А вот дальше начиналась экзотика другого мира — из которого убраться бы побыстрее, чтобы пятки сверкали... К внутренней стороне ванны был прикреплен стержень из светлого металла — он до половины ушел сейчас под воду, а на его верхнем конце темнели три кольца, тоже металлические. Как показывал Грайт, я взял двумя пальцами нижнее и опустил его почти до уровня воды. Оно поддавалось легко, будто намыленное.

Как учил Грайт, отсчитал три здешних минуты, попробовал воду указательным пальцем: не кипяток, а приятно теплая, идеально подходившая для купания. Перевел кольцо назад, к верхушке стержня. Теперь стало ясно, как Оксана ухитрилась так быстро согреть воду в баньке, — конечно же, такой же палочкой. А та, что я видел у нее на подоконнике, была здешней расческой. То и другое исправно работало и в нашем мире.

Взял на полочке мыло — такое же, как у Оксаны, только не сиреневое, а розовое, почти такую же, как дома, мочалку — и быстренько вымылся с ног до головы, ради экономии времени не позволив себе понежиться в теплой воде.

Вернулся в комнату в одном белье, причесался перед зеркалом здешней расческой — неуклюже с непривычки, но качественно. Достал из футляра здешнюю одеж-

ную щетку, взялся за штаны и кафтан, помня, как это делал Лаг. Получалось неплохо: вскоре одежда казалась только что выстиранной и отглаженной, а сапоги сверкали. Неплохо было бы прихватить эти штуки в наш мир, но нельзя — до первого обыска, а уж потом начнется мотание нервов на плетень...

Успел выкурить еще трубочку, прежде чем раздался условный стук в дверь — тук-тук, тук-тук-тук, тук. Посмотрел на часы: отлично уложился в отведенный командиром срок.

Отодвинул могучий кованый засов, хорошо смазанный и потому бесшумный (там была еще дверная цепочка, точнее, цепура, способная удержать волкодава или нашего черного терьера Мотю, но я ее накидывать не стал — если дверь начнут выносить здешние полицаи, она все равно никого не задержит, а вот засов даст время провести кое-какие манипуляции с закамуфлированной под камень в перстне отравой. Никак не годится попадать в здешнее гестапо живым)...

Грайт пылливо глянул на меня, усмехнулся:

— Ну вот, теперь хоть на королевский бал: чист, свеж, бравый... Пойдем ужинать.

— А Алатиэль? — спросил я, запирая дверь.

— Придет позже. — Грайт усмехнулся улыбкой «номер два», что была чуть пошире «номера первого». — Женщины вечно копаются дольше нас, это, я уже убедился, в обоих мирах одинаково... Одно платье она с собой все же прихватила, когда узнала про постоянный двор и город. Ничего, эти безобидные капризы не вредят делу. Надежная девушка.

Интересно, что бы он сказал, узнай о моем эксперименте, которым я как раз и собирался проверить границы этой надежности? Невозможно предсказать, осудил бы или, наоборот, одобрил, от него всего можно ожидать...

Мы спустились по лестнице в конце коридора и оказались перед широким аркообразным проемом без двери. Оттуда аппетитно пахло жареным мясом и еще чем-то вкусным, слышались разговоры, смех и музыка, непривычная, но мелодичная. И еще какой-то непонятный стук, словно кто-то старательно забивал гвозди, — звук вроде бы неуместный для ресторана, тем более дворянского.

Действительно, в огромном сводчатом зале столов на тридцать, из которых занято не более половины, сидели одни дворяне — одежда одного фасона, головы непокрыты. Грайт уверенно направился к ближайшему пустому столу, и я последовал за ним. Едва мы успели сесть, словно из-под земли вынырнул разбитной субъект в белой блузе и белом берете, живо раскланялся:

— Благородные господа...

С полдюжины таких же сновали по залу, кто с полными подносами, кто уносил пустые тарелки с остатками кушаний. У Грайта с официантом завязался непонятный мне разговор: потоком хлынули местные словечки, которые вигень не переводил, и я просто-напросто не понимал, что именно сегодня свежайшее, что именно нужно прожарить как следует. Тем более что официант улетучился, но ему на смену возник тип постарше, отличавшийся разве что алой каймой на берете, и завязался вовсе уж непонятный разговор, сплошь из непонятных слов...

От нечего делать я стал разглядывать зал. Не вертел головой, словно впервые в жизни оказавшийся в Москве сельчанин, но все же откровенно смотрел по сторонам — вполне уместное поведение для провинциального дворянина из глухомани, героя театральных комедий и анекдотов...

Публика была как публика. Справа, сдвинув два стола, шумно веселилась компания молодежи, слева,

одиноким за столом, вяло ковырял ложкой что-то вроде салата пожилой субъект с унылой физиономией хронического язвенника (я на нем взглядом не задержался — его вид мог и отбить аппетит).

Обнаружился источник непонятных звуков: за соседним столом четверо, сдвинув на край стола тарелки и графины с разноцветными жидкостями, азартно резались в непонятную игру. Из лежащего перед каждым мешочка по очереди доставали костяшки наподобие доминошных, но гораздо больше, размером с полпачки папирос. Реакция была разная: один, взглянув на извлеченное, с разочарованным видом отложил костяшку на стол, второй, наоборот, просиял и что есть мочи хлопнул ею по столу, присоединив к сложной фигуре наподобие той, что выстраивается в домино, только тут была не одна «змейка», а две перекрещивающихся. С доминошниками их роднило то, что они считали своим долгом как можно громче грохнуть костяшкой по столу. Судя по кучкам золотых и серебряных монет, играли на деньги — так весело и увлеченно, что поневоле тянуло к ним присоединиться, даже не имея ни малейшего представления о правилах игры, — и так ясно, что она чертовски увлекательная...

Остальные были неинтересными. Сосредоточенно ели и пили с усталым, но довольным видом людей, проделавших долгий путь и наконец нашедших уютную пристань. Женщина обнаружилась одна-единственная, насквозь неинтересная. Пожилая, костлявая, сидевшая так, словно аршин проглотила, с надменным видом ковыряла ложечкой что-то вроде белой каши с ягодами — так, будто подозревала, что ее хотят этой кашей отравить, подсыпав туда яда. Была в платье из какой-то определенно дорогой переливчатой материи с довольно глубоким квадратным вырезом, — но то, что он являл для всеобщего обозрения, на мой непросвещенный мужской

взгляд, «прелестями» назвать можно было исключительно из вежливости. Да и короткое платье ей ни к чему — с такими ногами лучше бы подол был до пола. Бр-р!

Однако о себе она явно была самого высокого мнения — так она держалась, создавая впечатление, что своим появлением неимоверно всех облагодетельствовала. Однако история учит, что такие мымры частенько имели за душой лишь пару убогих деревенок с ленивыми крестьянами, кое-как ковырявшими скудную пашенку. Наличествовали и золотое ожерелье с камнями, и серьги, и кольца, — но драгоценности могли оказаться семейными, остатками былой роскоши более благополучных предков...

На невысоком помосте расположились музыканты, числом пятеро. Один терзал смычком инструмент вроде скрипки, двое перебирали струны инструментов наподобие гитар, время от времени вступали трубач и человек с увешанным колокольчиками обручем, которому я не смог с ходу подобрать названия. Впрочем, играли они, на мой взгляд, неплохо, мелодия была лирическая, чуточку бравшая за душу и трезвого — а уж изрядно выпивший бородач за соседним столиком и вовсе пригорюнился, подперев рукой щеку с видом разомлевшего от цыганского оркестра ухаря-купца.

Появился официант, ловко балансировавший огромным подносом с тарелками и графинами, принялся сгружать эту благодать на наш стол. Передо мной оказалось овальное блюдо с тремя красиво зажаренными птицами размером с голубя, тарелки с ветчиной и сыром, перед Грайтом и пустым стулом Алатиэль — не менее роскошные кушанья. Возник с гораздо меньшим подносом субъект в берете с красной каймой, поставил в центр стола два больших хрустальных графина с розовым и светло-зеленым содержимым, три высоких хрусталь-

ных стакана с медальонами из разноцветного стекла, — ага, это виночерпий или как он здесь зовется...

— Птицу едят руками, — тихонько заметил Грайт, видя, что я не знаю, как подступиться при помощи одной-единственной большой вилки. — Потом подадут салфетки и чашку для полоскания рук...

Приободрившись, я отломал мясистую ножку и быстро ее обглодал. Грайт, разделавшись с куском жареного мяса, наполнил два стакана светло-зеленой жидкостью из графина. Вино оказалось под стать тому, которым — сейчас кажется, тысячу лет назад — угощала Оксана: очень приятное на вкус, не ударявшее в голову. Стакан я успел допить лишь до половины: у нашего стола остановилась верзила с багровой рожей выпивохи и, прижав правую руку к сердцу, церемонно осведомился:

— Позволят ли благородные господа навязать им свое ничтожное общество?

Видно было, что клюкнул он изрядно. Столь же церемонно Грайт ответил:

— Сделайте такое одолжение, благородный господин.

Пьянчуга обрадованно плюхнулся на свободный стул с высокой спинкой и вычурными подлокотниками, предложил:

— Благородные господа позволят угостить их лучшим вином, какое только найдется в этом захолустье?

— Почтем за честь, благородный господин, — учтиво ответил Грайт.

Краснолицый поднял два пальца, и моментально подскочил виночерпий. К некоторому моему удивлению (которого я, конечно же, не выказал), неожиданно набившийся в компанию субъект не произнес ни слова — сделал несколько жестов, словно бы из азбуки глухонемых. Виночерпий только что разговаривал с Грайтом вполне членораздельно — но сейчас без малейшего удив-

ления ответил выразительным жестом и улетучился, тут же вернувшись с небольшим подносом, на котором имели место графин с черным вином и четвертый стакан.

Нежданный собутыльник наполнил стакан Грайта, вопросительно уставился на меня, и я торопливо допил. Когда все стаканы были полнехоньки до краев, краснолицый не то чтобы предложил — торжественно возвестил:

— Господа, предлагаю выпить до дна за очередной акт государственной мудрости нашего светлого короля!

И первым осушил свой (раза в полтора побольше нашего граненого) со сноровкой, выдававшей немалую практику. Грайт выпил медленнее, но тоже до донышка, и я последовал их примеру. И это вино оказалось превосходным. Грайт бесстрастно осведомился:

— О каком же акте идет речь? Мы долго пробыли на охоте, в чащобах и глухомани...

— Ну как же! — с превеликим энтузиазмом воскликнул краснолицый. — Его величество, да будут милостивы к нему Дакташа и Шестеро Священных, велел огласить повсюду «Указ о плавании в море»! С завтрашнего дня корабли с нашими купцами начнут плавать в Заморье! Причем возить они будут оттуда исключительно товары для благородных господ — ткани, вина, драгоценную посуду, дорогое оружие, дамский конфекцион! — Он pokrивился. — Ходят разговоры, что эту привилегию распространят и на верхушку низших, тех, кто имеет особые заслуги перед короной, но плохо верится — у них и так, дворянство считает, непозволительно много привилегий, пора бы урезать уже имеющиеся... Об этом в указе ничего не значится, но никто не сомневается, что это вновь проявили милость к дворянству благородные ватаки. За великодушие и щедрость ватаков!

Он вновь наполнил стаканы, проливая на белую скатерть в алых и синих узорах. Крепко подозреваю, в дру-

гой обстановке он получил бы от Грайта если не по морде, то вызов на дуэль за такой тост, — но Грайт осушил свой стакан с непроницаемым лицом, и мне ничего не оставалось, кроме как последовать его примеру.

Время шло, Алатиэль безбожно запаздывала. Краснолицый какое-то время пел осанну ватакам, восхваляя их щедрость и великодушие, но вскоре мы от него отделились без малейших поползновений с нашей стороны: он вдруг объявил, что появился его старый знакомый, и он, как ни приятно ему наше общество, просит разрешения нас покинуть. Каковое тут же получил от Грайта в виде столь же длинной церемонной фразы — и, пошатываясь, направился в другой конец зала.

— Интересно, он не врет? — спросил я.

— Нисколько, — покривив губы, ответил Грайт. — Я еще за неделю до поездки слышал в королевском дворце, что такой указ готовится. Теперь его объявили по всем правилам, вот и все. — И добавил не без сарказма: — Кое-кто из благородного дворянства, как видишь, в умилении...

Я его прекрасно понял: еще одна кость, брошенная с барского стола...

— Ну наконец-то, — усмехнулся Грайт, глядя через мое плечо в сторону двери.

Я оглянулся и увидел Алатиэль; она остановилась в дверях, высматривая нас, и направилась к нашему столу, постукивая высокими каблучками замысловатых туфелек, словно искусно сплетенных из золотой проволоки.

Вот это да! Я не сразу ее и узнал в сугубо женском обличе...

На ней было платье из тонкого материала черного цвета, щедро украшенное фестонами золотистых кружев и аппликациями в виде сине-бело-золотистых неведомых цветов, с просторными рукавами и прямоугольным

вырезом, в отличие от старой гримзы, позволявшим частично полюбоваться прелестями без кавычек. Подол с золотой каймой открывал круглые коленки — как я уже знал, в рамках дворянских привилегий. Я и раньше отметил, что фигурка у нее стройная, а теперь оказалось, что и ножки великолепные. Волосы она распустила, и над правым ушком алели крупные драгоценные камни большой причудливой заколки. Вокруг шеи — широкий воротничок из плетеных золотых нитей с алыми камнями, — вообще-то и у гримзы было похожее украшение, но в данном случае, думается, стояла еще и задача надежно замаскировать вигень.

Словом, выглядела она потрясно. Откровенно на нее никто не пялился, надо полагать, соблюдали дворянские приличия, но когда она шла к нашему столу, все до единого провожали ее долгими взглядами, порой весьма многозначительными — и я, что уж там, прекрасно их понимал, и сам поневоле засмотрелся...

— Я не слишком запоздала? — весело, без тени раскаяния спросила она, усаживаясь.

Теперь я видел, что она щедро и мастерски воспользовалась здешней косметикой — высококлассной, это и мужику понятно.

— Примерно так я и рассчитывал, — бесстрастно сказал Грайт.

Налил ей полстакана розового вина, Алатиэль выпила, взяла позолоченную ложечку и принялась за что-то, больше всего напоминавшее роскошное пирожное: большое, бисквитное, с прослойками разноцветного крема и такими же цветами поверх. Грайт сказал с нотками ментора:

— Алатиэль, после долгой дороги надо начинать с чего-то более существенного...

— Ну ты же знаешь, что я всегда начинаю со сладкого, — беззаботно сказала Алатиэль. — Вот кстати,

я не слышала восторженных возгласов по поводу моего долгожданного женского обличья, в которое я наконец вернулась...

— Алатиэль, ты, как всегда, восхитительна, — сказал Грайт таким тоном, словно читал лекцию по математике.

— Сухарь... — печально констатировала Алатиэль с чертиками в глазах. — Ну а ты, Костатен?

— Ты выглядишь потрясающе, — искренне сказал я.

— Вот это другое дело, — засмеялась Алатиэль. — Грайт, тебе следовало бы поучиться. Удивительно, как ты только, скупой на язык сухарь, ухитрился очаровать прекрасную и недоступную Дамил Данель...

— Сам порой удивляюсь, — ответил Грайт бесстрастно.

Алатиэль выпила еще вина, на сей раз светло-зеленого, и все же принялась за жаркое. Застольная беседа не складывалась, мы молча ели, отдавая должное вину, и я внимательнее разглядел кое-что, сразу привлечшее внимание.

Недалеко от нас, у стены, украшенной мозаикой с изображением диковинных деревьев, каких в лесах я еще не видел, стояла длинная деревянная скамья, и на ней локоть к локтю сидели шестеро девушек — все красотки, как на подбор, в платьицах, сразу видно, недешевых. Вот только вырезы у них были гораздо глубже, чем у Алатиэль и старой гримзы, открывая очень уж много. А платья были короче некуда (я их вспомнил, когда лет через двадцать после войны в моду вошли именно такие мини-юбки). Они болтали, пересмеивались и, казалось, не обращали ни малейшего внимания на сидящих в зале. Совсем молоденькие, они выглядели как старшеклассницы, собравшиеся поболтать на большой перемене.

Потом к ним подошел тот краснолицый и, пошатываясь, заложив руки за спину, принялся беззастенчиво их разглядывать, особенное внимание уделяя ножкам

и вырезам. Девушки, казалось, его не замечали вовсе, но когда он ткнул в одну указательным пальцем и сделал несколько загадочных жестов, девушка ответила тем же. Короткое время они обменивались жестами, потом девушка встала и направилась рядом с ним к выходу. Теперь я рассмотрел на ее правом рукаве, повыше локтя, большой сине-желтый кружок — и такие же были у остальных девушек. Из-за тяжелой портьеры тут же вышла девушка в таком же откровенно вульгарном платье и заняла место ушедшей.

Воспользовавшись тем, что Грайт как раз отложил вилку и принялся разливать по стаканам розовое вино, я сказал:

— Грайт, мне кое-что кажется довольно странным. Этот пропойца с тобой разговаривал вполне членораздельно. Но с другими объяснялся исключительно жестами, и они, что примечательно, его понимали, тоже жестами отвечали...

— Ничего странного, — охотно ответил Грайт. — Словами он разговаривал как дворянин с дворянами. Немтырь, как их у нас называют. Видишь ли, есть экзemplяры, считающие, что низшие разговора словами не заслуживают, с ними следует объясняться исключительно жестами. Каждый служащий, если хочет удержаться на своем месте, должен знать язык жестов назубок — ну конечно, он не похож на язык глухонемых, но суть та же. Немтыри даже держат при своей особе толмача, и тот при общении с крестьянами или горожанами перетолмачивает жесты господина в обычные слова...

Лихо, подумал я. Когда-то русские дворяне старинных времен говорили исключительно по-французски, чтобы их не понимали слуги и вообще «серая скотинка», но тут дворянская спесь зашла еще дальше... Интересно, как дворянин будет общаться с окружающими, если его

персональный толмач, скажем, упьется до бесчувствия и свои обязанности выполнять не сможет? А если дело подвернулось важное и неотложное? Как тогда спесивые выходят из положения?

— Грайт, — сказал я. — А эти девушки... У меня появились определенные догадки касательно их обязанностей...

— Правильно догадался, — хмыкнул Грайт. — Это бялки. Говоря культурно, платные девочки. Их называют и грубее, но при Алатиэль таких словечек произносить не стоит. — Он усмехнулся. — Хотя Алатиэль, безусловно, их знает, как все благовоспитанные девицы, разве что вслух не произносят...

Алатиэль ответила невиннейшим взглядом, но на губах, искусно подкрашенных розовой помадой, промелькнула легкая усмешка. (Потом уже, после войны, я слышал от одного летчика анекдот: «Три гимназистки долго и задушевно щебетали о своем, о девичьем, — а утром в шкафу нашли умершего от жгучего стыда гусарского поручика...»)

— Ну и как впечатления? — поинтересовался Грайт. Я искренне сказал:

— По-моему, они ничуть не похожи на... этих самых.

— Потому они и дороже уличных и девок из дешевых трактиров, — не без ехидства заметила Алатиэль. — Но знак у всех один и тот же.

— Ты же видел сине-желтый кружок на рукаве? — пояснил Грайт. — Отличительный знак бялок. Ни одна порядочная женщина, дворянка она или из низших, никогда не допустит в одежде такого сочетания цветов, это примерно то же, что появиться на людях голой...

— Понятно... — сказал я безо всяких эмоций.

Грайт прищурился:

— Костатен, может, тебе приглянулась одна из бялок? Ничего сложного, подойди и покажи пальцем,

и она с тобой пойдет. Или, если хочешь посидеть еще, отправь бялку в свою комнату, и она будет исправно там дожидаться. Они все здоровые, за этим следит лекарь с хорошими лекарствами... известно от кого полученные. И не бойся, что у тебя что-то пропадет, в заведениях такого размаха бялки не воруют — боком выйдет... Приятные девочки, много чего умеют, на что многие приличные женщины не соглашаются... Так как? Мой кошелек и не такое выдержит, что там бялка, пусть и дорогая...

Я замялся, не зная что сказать. Грайт продолжал деловито:

— Уверяю тебя, у нас на такое смотрят просто. Обычное дело, тем более для дворянина. Я же говорил: хочу, чтобы путешествие было для тебя как можно более приятным...

Я не смутился — просто неловко было вести такие разговоры при Алатиэль, хотя и по ней было видно: да, обычное дело, феодализм на дворе...

— Нет, спасибо, — решительно сказал я. — Обойдусь без бялки.

— Костатен любит свою невесту, — сказала Алатиэль скорее с пониманием и одобрением, чем насмешливо.

— Это делает ему честь, но одно другому не мешает, — проворчал Грайт.

Он не сказал больше ни слова, но по его мимолетному насмешливому взгляду я понял: ему прекрасно известно, что произошло ночью в доме у Оксаны. И почувствовал себя еще более неловко, в самом деле, крыть было нечем... Хорошо еще, развивать эту тему он не стал, и больше мы не разговаривали, вплотную занявшись ужином. Музыканты завели другую мелодию, столь же длинную, но гораздо более веселую, чуть ли не плясовую. Ужинавшие понемногу расходились, кое-кто останавливался перед скамьей с бялками и указывал пальцем на

одну из них. Разве что одни старательно рассматривали живой товар, а другие делали выбор гораздо быстрее, то ли присмотрели девицу заранее, то ли были не особенно разборчивыми. Грымза прошествовала к выходу с видом вдовствующей королевы, инкогнито заглянувшей в это захоlustье. Посмотрев ей вслед, Алатиэль сказала с извечным женским злорадством:

— Корчит из себя богатую госпожу, а ходит в таком старье. Рукава такого фасона и складчатые подолы не носят уже больше года, даже в глухой провинции...

— Алатиэль, тебе смешно завидовать, — сказал Грайт тем тоном, каким обычно ее беззлобно подначивал. — С твоей-то молодостью, красотой, положением при дворе и богатством родителей...

— Стану я завидовать такой кикиморе в старомодных нарядах! — фыркнула Алатиэль. — Просто не люблю, когда всякая мелочь строит из себя невесть что...

Графины были пусты на две трети, от кушаний почти ничего не осталось. Мы с Грайтом закурили трубки, я испытывал блаженное умиротворение, как всегда после вкусного ужина с хорошим вином, и он, сразу видно, тоже. Только Алатиэль, полное впечатление, не сиделось на месте. Она нетерпеливо дождалась, когда мы выьем трубки, и прямо-таки умоляюще протянула:

— Грайт, ну пожалуйста... Только один раверон, я так давно не танцевала...

— Ну да, целых четыре дня, — хмыкнул Грайт. — Ладно, что с тобой поделать...

Он поднял указательный палец, подзывая официанта, когда тот шустро подбежал, бросил ему золотую монетку и распорядился:

— Музыкантам — раверон.

Подав Алатиэль руку, и они направились в тот угол зала рядом с эстрадой, где было немаленькое свободное

от столов пространство, явно здешняя танцплощадка. Остановились друг против друга, соприкасаясь левыми ладонями. Музыканты, явно только этого и ожидавшие, ударили по струнам, чистым серебряным голосом запела труба, звякнули бубенцы, словно мчалось сразу несколько ямщицких троек...

Положительно, в лихой мелодии время от времени проступали залихватские цыганские мотивы — ну, надо полагать, ноты и струны везде одинаковы. Музыканты понемногу разошлись, уже не сидели, а стояли, чуть вихляясь и приплясывая. Больше всех старался трубач, выгибаясь и покачиваясь, выстукивая ритм каблуками, — то ли в приливе творческого вдохновения, то ли воодушевленный золотом. Они сейчас как две капли воды походили на наших ресторанных разбитных лабухов, получивших от подвыпившего щедрого посетителя крупную купюру и старательно ее отрабатывавших.

Тому, что с колокольчиками, не нашлось дела, его нехитрый инструмент явно был в мелодии не задействован. Однако он, то ли побуждаемый долгом, то ли чтобы обосновать право на свою долю от золотого, старался вовсю: отложив бубенцы, приплясывал у края эстрады, подпевая баритоном в такт:

— Чри-чири-да, так-так-так!

Вдоль стен под потолком давно уже горели странные светильники — молочно-белые полушария. Вот только свет не походил на электрический — яркое сияние временами колыhalось и мерцало, как пламя факела, но тут было что-то совсем другое, не факел и не электричество.

Грайт и Алатизель танцевали слаженно. Это было нечто среднее меж классическим аргентинским танго и менуэтом (доводилось видеть и то и другое в кино, главным образом в трофейных польских фильмах, за аполитичность сохранных у киномеханика в нашей комендату-

ре). Объятий не было, Грайт и Алатиэль то отступали друг от друга на несколько шагов с церемонными па, то сближались, соединив левые ладони, медленно кружились... Это было красиво, и я засмотрелся. Да и все остальные не сводили глаз с танцующей пары, даже шумная компания гуляк за двумя сдвинутыми столами притихла.

Они танцевали долго. Когда отзвучали последние аккорды и оба застыли в полупоклонах, Алатиэль что-то сказала Грайту с видом ребенка, просившего еще конфетку. Усмехнувшись, Грайт бросил музыкантам еще один золотой и что-то коротко приказал.

Они грянули гораздо более залихватскую мелодию, и танец был уже другим — гораздо быстрее сближались, выкаблучиваясь так и этак, гораздо быстрее расходились, пару раз крутнулись волчком, отчего подол шикарного платьица Алатиэль взлетал, высоко открывая великолепные ножки, — что, я так понимаю, считалось вполне приличным.

Понемногу я укреплялся во мнении, сложившемся еще во время первого танца. Алатиэль танцевала прямо-таки самозабвенно: щеки покраснелись, глаза сияли, с губ не сходила довольная улыбка. А вот Грайт словно отбывал повинность: двигался, будто оживший манекен, идеально попадал в ритм музыки, повторял движения партнерши, — но чисто механическими движениями, словно заводная игрушка, с непроницаемым, безразличным лицом. Просто-напросто, как хороший командир, поднимал дух своего немногочисленного отряда всеми оказавшимися в его распоряжении способами. Ничуть не походил на мужика, танцующего со своей девушкой, — даже если он попросту не любит танцевать, в глазах, в лице, движениях не хватает чего-то очень важного, этаких невидимых ниточек, соединяющих любовников. Быть может, я поторопился, решив,

что их связывают определенные отношения? Ну в конце концов, какое мне дело, спят они вместе или порознь...

Танец кончился, и они вернулись к столу. Алатиэль прямо-таки сияла, как новенький полтинник. Все на столе было съедено и почти все выпито. Ужинавшие один за другим уходили, остались только мы и компания гуляк, судя по их виду, твердо решивших не останавливаться, — ну, тут вряд ли знают такие вещи, как закрытие ресторана в определенное время. Да еще бялки болтали и пересмеивались на своей скамейке в прежнем полном составе — явно здешний кодекс законов о труде обязывал их торчать в зале до ухода последнего посетителя...

— Ну что, заказать что-нибудь еще? — спросил Грйт, глядя только на меня.

Я мотнул головой, так же поступила и Алатиэль.

— Вот и прекрасно, — усмехнулся Грйт. — Не будем мешать людям развлекаться, они и так нетерпеливо ерзают...

— А чем мы им мешаем? — искренне не понял я.

— Ну как же, — с усмешкой сказал Грйт. — Видно ведь, что они давно горят желанием заказать бялкам фотичелу. Это такой танец с раздеванием. Только по этикету этого нельзя, пока в зале присутствует приличная женщина. Приходится терпеливо ждать, пока она уйдет. Чую, эта теплая компания намерена веселиться всю ночь... Мы с Алатиэль уходим... а ты можешь остаться, этикет это допускает. Только обязательно потом брось бялкам золотой, у тебя есть несколько в кошельке...

Он вновь говорил ничуть не насмешливо — деловито, даже заботливо. Я не раздумывая ответил:

— Нет, спасибо, обойдусь...

— Тебе неинтересно? — поднял бровь Грйт. — Странно. У вас, я знаю, этого нет, но те, кто побывал в других ваших странах, рассказывали: там есть заведения, где

девушки танцуют фотичелу. Причем представления гораздо красочнее, чем пляски бялок.

Ну конечно, его сподвижники побывали где-то, где и до сих пор буржуазия разлагается, не подозревая о своей исторической обреченности... Грайт спокойно продолжал:

— Особенно в этом отношении им понравился город, где едят лягушек и посередине торчит диковинная башня, словно бы и не имеющая практической пользы. Ты знаешь, что это за город?

— Знаю, — сказал я.

Речь, конечно же, шла о Париже.

— Ты там бывал?

— Пока нет, — сказал я. — Но надеюсь однажды побывать...

Не стал добавлять: «И непременно на танке», хотя именно это и думал. Должен же кто-то освободить Европу от гитлеровцев, и кому это сделать, как не нам? Как показала прошлогодняя кампания, на англичан надежды нет, Америка держит нейтралитет...

— Значит, смотреть фотичелу не хочешь... А как насчет вина в комнату на сон грядущий?

— Вот это другое дело, не откажусь, — сказал я. — Желательно бы вот этого, черного. Только не такой большой графин.

— Ничего сложного, — усмехнулся Грайт. — Для таких случаев как раз и предусмотрен «вечерний графин»...

Он поднял указательный палец и сказал что-то моментально подскочившему официанту, бросив ему монету. Вновь повернулся ко мне:

— Наставления по утреннему поведению будут краткими (он и в самом деле уложился в полдюжины фраз). Никаких неясностей?

— Никаких, — кивнул я.

— Отлично. Теперь будь рыцарем и проводи Алатиэль до ее комнаты, раз уж вам по дороге. Я немного задержусь...

Он направился к бялкам и стал с видом исследователя вдумчиво разглядывать цветничок. Алатиэль, шагавшая к выходу рядом со мной, на это совершенно не отреагировала: то ли между ними и в самом деле ничего нет, то ли в таких случаях, когда дворянин изволит развлекаться с простолюдинкой, благородным дворянкам ревновать не принято. Но для чего-то же он взял с собой девчонку, а не какого-нибудь лихого рубаку?

У выхода застыли навытяжку два официанта с подносами — вино и тарелки с чем-то вроде печенья, развс что один графин большой, под стать тем, что остались на столе, и при нем два стакана, а второй вместимостью не более литра, и стакан один-одинешенек. Действительно, «вечерний графин», обслуживание на высоте...

Краешком глаза я видел, что Грайт наконец показал пальцем на свою мимолетную избранницу, и она вскочила, пошла рядом с ним, сверкая безжизненной профессиональной улыбкой.

Мы с Алатиэль поднялись по лестнице в свой коридор, сопровождаемые бесшумно ступавшим официантом. Там Алатиэль пожелала мне спокойной ночи и скрылась в своей комнате, проигнорировав подошедшего в компании что-то весело щебетавшей бялки Грайта (но не похоже, чтобы его игнорировала свысока, ревниво, скорее уж отнеслась как к делу насквозь житейскому). Любопытно, как бы к этому отнеслась неведомая мне, но прочно очарованная Грайтом красавица Дамил Данель? Возможно, пожала бы плечами и заявила, что это совсем другое дело, — махровый феодализм на дворе. И я, что забавно, без особого внутреннего сопротивления стал уже частичкой этого феодализма...

Официант впереди меня проскользнул в комнату, поставил поднос на стол. Не получив на этот счет никаких инструкций, я бросил ему медную монетку — и по мелькнувшему в глазах удивлению понял, что, как и в случае с ключарем, можно было обойтись без лишней щедрости. Ничего, деревенский пентюх в очередной раз сыграл... ну как его там. Не вызовет подозрений, одну только скрытую насмешку...

Комнату ярко освещало полушарие молочно-белого стекла, внутри которого что-то временами мерцало и переливалось словно бы струйками бездымного огня. Под ним на высоте глаз располагалась бронзовая дощечка с тремя прорезями и фигурными набалдашниками в них. Все три стояли наверху. Эксперимента ради, надеясь, что ничего не взорвется и не перегорит, я отвел один до самого низа — он поддался легко. Свет моментально легонько пригас. Ага, вот оно в чем дело. Впереди — гораздо более сложный эксперимент на живом человеке. Чутьочку с души воротит, но надо...

Сел к столу, закурил трубочку и, пуская дым, не спеша выпил до дна полный стакан великолепного черного вина. Пьян был довольно умеренно — отличное вино и богатая закуска, так что держал себя в руках.

Почувствовав с неудовольствием, что нарочно оттягиваю решающий шаг, раздумываю, не налить ли еще стакан, решительно встал и вышел в коридор. Запер свою комнату и условным стуком постучал в дверь соседней. Что хорошо, наверняка не застану там Грайта, и ждать его неожиданного визита, безусловно, не следует...

Алатизель открыла почти сразу же, не снимая цепочки, уставилась с тревогой:

— Что-то случилось?

— Ничего, — сказал я. — Просто есть серьезный и неотложный разговор.

Она, не колеблясь, сняла цепочку и отступила, а когда я вошел, задвинула засов, смотрела на меня безо всякой тревоги, с извечным женским любопытством. На ней была рубашка из белой материи с золотистой вышивкой, достаточно плотной, чтобы сойти и за домашний халат, — возможно, именно поэтому она держалась без малейшего стеснения.

— В чем дело? — спросила она опять-таки без малейшей тревоги.

Я решил не затягивать игру, и без того ощущал изрядную неловкость и даже стыд.

— В том, Алатиэль, что ты ужасно очаровательна, — сказал я тоном записного повесы. — Особенно сейчас...

Шагнул к ней, взял за плечи и потянулся так, словно хотел поцеловать. Умышленно держал не крепко, так что она легко высвободилась, отступила на шаг и сказала довольно мягко:

— Костатен, я не такая. Я не скованная запретами девица из монастыря, от иных радостей жизни не бегу, но вот так, когда с человеком едва знакома... Я не рассержусь, но уходи, пожалуйста...

— А если не уйду? — сказал я невероятно хамским тоном.

— Вот тогда рассержусь.

— А если мне на это наплевать? Слушай внимательно, милая, и отнесись всерьез. Я сказал Грайту, что вознаграждения мне не нужно, — но, вижу, поспешил. О золоте по-прежнему речи не идет, но некоторое вознаграждение твердо решил получить... — и посмотрел, откровенно раздевая ее взглядом. — Тебе объяснять или ты достаточно большая девочка?

— Шутишь? — спросила Алатиэль, как мне показалось, с нешуточной надеждой.

— Нисколючко, — сказал я. — Решил воспользоваться выгодами своего положения, я вам очень нужен, невероятно нужен. Догадываюсь, что никакой я не незаменимый, но у вас сейчас под рукой просто нет другого. Или ты будешь послушной, или я дальше не поеду.

Видел по ее личику, что она поняла всю серьезность момента, осознала, что с ней не шутят. И продолжал тем же хамским тоном, развивая успех:

— Не поеду дальше, и все тут. Ведь не сможете же вы меня принудить, об этом и думать смешно...

— Грайт не вернет тебя назад! — воскликнула она сердито, уже принимая все всерьез.

— А если я вовсе и не стремлюсь назад? Тебе это не приходило в голову? Там, в моем мире, началась страшная война, и армия, в которой я воевал, похоже, бесповоротно разбита. Здесь спокойно и безопасно. Почему бы и не попробовать здесь прижиться? Вряд ли это опаснее, чем брести подальше от войны, наугад...

— Ты здесь чужой...

— Но голова-то на плечах есть? И вигень при мне. И подорожная, которая не вызывает никаких подозрений. Денег маловато, но, думаю, у Грайта их немало. Я даже не буду его убивать — ты же видела, на что я способен голыми руками? Вряд ли побежит к страже жаловаться, что его ограбили, и описывать мою внешность, — если я попадусь, плохо придется в первую очередь ему самому... да и тебе тоже. Он сам говорил, что не так уж далеко отсюда — большой город. А в большом городе легко затеряться, свести нужные знакомства, освоиться. Изобразить того, за кого вы меня выдаете, — пентюх из глухомани, далекой провинции, о которой мало что знают... да вдобавок, возможно, глухонемой — спасибо Грайту за великолепную идею и тебе за то, что научила кое-каким жестам, пригодятся... В общем, риска хва-

тает, конечно, но в моем положении приходится идти на риск...

— Ты все продумал... — процедила она с бессильной злостью.

— Было время, — сказал я. — И предостаточно. Можст, хватит болтать? Или ты будешь послушной девочкой, или я тебя оглушу, свяжу, заберу деньги, поступлю так же с Грайтом и той девкой — и отправлюсь ловить удачу, несмотря на глубокую ночь. Думаю, здесь найдется оборотистый слуга, который за пару золотых растолкует пентюху из провинции кое-какие тонкости здешней жизни... да это может сделать и та бялка, что сейчас валяется в комнате Грайта. Ну что? Если у тебя еще не было мужчины, так и скажи, я постараюсь обойтись с тобой бережно, я не зверь... И все будет в порядке, сделаю все, что от меня требуется. К слову, Грайт не скрывает, что это может оказаться смертельно опасно. Почему бы перед смертельно опасным предприятием и не повалить красоточку вроде тебя?

Я замолчал и с интересом следил, как на ее очаровательном личике сменяют друг друга самые разнообразные чувства — злость, уязвленное самолюбие, гордость. Как, наконец, не остается ничего, кроме тоскливой безнадежности...

— Я и не думала, что ты такой... — сказала поникшая, понурая Алатиэль с видом человека, смирившегося с неизбежным.

— Какой есть, — пожал я плечами. — Так ты идешь в постель?

Уронив руки, с грустным, отрешенным лицом она подошла к постели и решительно легла поверх темно-вишневого, в золотых узорах роскошного покрывала. Бросила на меня взгляд, в котором мелькнула нескрываемая ненависть. Заявила:

— Я буду лежать как бревно.

— Как хочешь, — пожал я плечами. — Лишь бы не барахталась и уж тем более не вздумала кусаться или царапаться... Ну так что же, были у тебя мужчины?

— Были. Трое.

— Уже легче... — сказал я.

Господи, какая она сейчас была красивая — с разметавшимися волосами, в задравшейся выше колен сорочке, с широко раскрытыми, полными бессильного гнева глазами! Я невольно ощутил укусы совести за этот жестокий розыгрыш...

— Ну что ты стоишь как пень? — с неприкрытым сарказмом спросила Алатиэль, не сводя с меня ненавидящих глаз. — Ах да, я забыла спросить... Мне скинуть сорочку или достаточно будет задрать до пупа? Тебе ведь не я нужна, а исключительно моя шуньга. Вынимай пунт и действуй.

Похоже, это были те самые непристойные слова, которых в теории приличные девушки знать не должны, а на практике прекрасно знают.

— Кусаться и царапаться я не буду, — продолжала Алатиэль с саркастической деловитостью. — Но в обмен и ты выполни парочку несложных условий. Штаны можешь не снимать, а вот сапоги непременно скинь. И без тех штучек, что делают только с бялками. И постарайся брызнуть не в меня, а на покрывало, противно будет отмываться потом... Не слишком обременительные условия, а? Уж не посетуй, я закрою глаза и буду считать, что меня насилует шуньга...

— Это еще что за зверь? — машинально спросил я.

— А это такая болотная тварь. С во-от таким причиндалом. Когда у них гон, орут так, что слышно на всю округу. Крестьяне считают, что в эту пору женщинам опасно ходить на болота, — и не без оснований. Иные особо

развратные дамы... Словом, самое оскорбительное слово в адрес мужчины — «штунь». У дворян за это положено противника непременно убивать, да и низшие хватаются за ножи и топоры... Я готова. Залезай на меня... штунь.

Она крепко зажмурилась и задрала сорочку с таким лицом, что я и впрямь почувствовал себя поганой болотной тварью. Пора было кончать эту невеселую и тягостную комедию, и я сказал:

— Размечталась... Спокойной ночи, красавица.

Алатиэль живо открыла глаза и пытливо уставилась на меня:

— И как это прикажешь понимать?

— Очень просто, — сказал я. — Спокойной ночи, и пусть тебе приснится что-нибудь хорошее, например, повешенный на суку ватак...

И прошел к двери, не оборачиваясь, отодвинул засов. Закрывая за собой дверь, увидел, что Алатиэль, приподнявшись на локте, смотрит мне вслед, а на личике не злость, что-то другое, над чем я не собирался ломать голову...

У себя в комнате сел к столу и налил полный стакан вина, выпил не залпом, но не отрываясь. На душе было мерзко, что уж там.

С одной стороны, эксперимент прошел блестяще: Алатиэль не только смертной казни не боится, но и согласна, заносчивая гордячка, ради успеха их дела отдаться случайному насильнику, пусть и с омерзением. С другой стороны, это ничуть не свидетельствует о благородстве замыслов здешних твердокаменных подпольщиков. Как показывает жизненный и профессиональный опыт, нешуточную стойкость способны проявить и люди, служащие заведомо неправому делу. Необязательно далеко ходить, достаточно вспомнить Клима-«Смока». Сволочь, пробы ставить было негде, в крови мирных людей по самые

уши, — но на допросах молчал как убитый, не цепляясь за зыбкий шанс сохранить свою поганую жизнь. Как рассказывал потом капитан Сегедко, и под расстрел пошел с гордо поднятой головой, плюнул напоследок и обронил:

— Мало я вас резал, краснюки, москали...

Тут вся загвоздка в том, что иные, какому бы черту ни служили, считают свое дело святым и благородным. Так что стойкость сама по себе ничего еще не доказывает...

Я допил вино, выкурил трубку, разделся и лег в роскошную барскую постель. Как всегда, уснул быстро, тем более после изрядного количества неплохого вина.

...Сон мне приснился яркий и подробный. Навытяжку стоял в кремлевском кабинете товарища Сталина — в здешней одежде, с мечом и кинжалом на поясе, — такой вопиющий промах охраны возможен только во сне. Подробно и обстоятельно рассказывал вождю, как угодил в неведомый мир с тремя лунами и что со мной там происходило. Товарищ Сталин, прохаживаясь от стола к стене и обратно, попыхивая трубочкой, слушал. Решительно невозможно понять по его непроницаемому лицу, как он к моему докладу относился и что думал, но слушал он очень внимательно...

Досмотреть сон не удалось — неожиданно проснулся, а в таких случаях никогда не пытаюсь досыпать, знаю, что не получится. За окном, как можно судить, стоял рассвет, и солнце еще не взошло. Грайт вчера объяснил немного про здешние день-ночь, так что я, взглянув на циферблат, убедился: по-нашему часов семь утра, не позже. То самое время, в которое я давно приучил себя просыпаться до побудки.

Никакого похмелья не чувствовалось, а вот есть хотелось здорово. Надел штаны и натянул сапоги, побрился здешней «волшебной палочкой», очередным даром милостивцев-ватаков. Нужно признать, очень полезный

оказался дар: стоило провести палочкой по щеке, как вся щетина волшебным образом исчезала начисто — и не требовалось помазка с мыльной пеной...

Побрившись и умывшись, без колебаний направился в трапезную, несмотря на ранний час. Грайт и насчет нее вчера немного рассказал. В отличие от лучших заведений советского общепита, здешний ресторан был к услугам постояльцев круглосуточно — и дело тут не столько в дворянских капризах, сколько в особенностях движения по Большому Тракту. Были участки «опасные», а были и «тихие». К опасным относились те, где вплотную к дороге подступали густые леса, приют оживлявшихся с темнотой разбойников. Тихие — безлесные места с почти непрерывно тянувшимися по обеим сторонам дороги крестьянскими полями, где разбойникам негде укрыться, — к тому же за каждого рыцаря ночного промысла человеку любого сословия платили серебром. Так что в тихих местах ездили и по ночам...

Как вести себя с официантами, я и так уже знал, а названия блюд, от которых у меня заведомо живот не разболится, не говоря уж о последствиях похуже, подсказал Грайт. И посоветовал подзаправиться утром как следует, потому что ехать нам до привала придется долго. Так что я без малейшего смущения заказал плотный завтрак, старательно выговаривая незнакомые диковинные слова. Почти моментально передо мной оказались тарелка с густым супом из птичьих потрошков, тарелка с горкой румяных пирожков с мясом и большая кружка, синяя с золотыми узорами, вместимостью в добрых пол-литра. Там исходил парком золотистый гралиняк, пах он жареными орехами (из которых, быть может, и был приготовлен), но был бодрящим не хуже натурального кофе.

В эту пору я оказался единственным посетителем — точнее, единственным, кто пришел позавтракать без

спиртного. За сдвинутыми столами разместилась та же компания — только уже не развеселая, а поголовно олицетворявшая собой вселенское уныние похмельного происхождения. У них там стояла всего-то пара тарелок с какой-то скромной закуской, а вот графинов было больше, чем участников застолья. По беглым наблюдениям, они разлили если и не по первой, то не более чем по второй, так что возврата ко вчерашнему веселью пока что не предвиделось. Эстрада и лавка бялок были пусты.

Когда я покончил с супом и взялся за восхитительные пирожки (какие попробовал впервые в жизни), в зале появилась Алатиэль, уже в мужском костюме, с аккуратно заплетенной косой. И, бегло осмотрев зал, направилась прямехонько к моему столу. Кусок едва не застрял у меня в горле, и я торопливо его прожевал, так и не потянувшись за новым пирожком.

— Доброе утро, — сказала она как ни в чем не бывало, уселась и подняла указательный палец.

Ее заказ оказался гораздо скромнее: чашка гралиньяка вполовину меньше моей и тарелка с пирожным какого-то другого сорта: коричневое, с белой кремовой прослойкой и россыпью красивых белых финтифлюшек сверху. С аппетитом за него принялась, орудуя золоченой ложечкой.

Я сидел как на иголках, украдкой к ней приглядываясь, и понемногу от сердца отлегло: никак не похоже, чтобы она на меня сердилась, временами бросаемые на меня взгляды смотрелись скорее насмешливыми. Когда я ее скрутил приемом боевого самбо, долго обижалась всерьез. А сейчас выглядела паинькой — а ведь вчерашнее было оскорблением повесомее, чем проигрыш в учебном бою...

Приободрившись, я вновь взялся за пирожки, считывая побыстрее с ними разделаться, расплатиться

и смыться. Не получилось: то ли так совпало, то ли Алатиэль специально постаралась — она разделалась с пирожным аккуратно когда я дожевывал последний пирожок. И гралиньяк прихлебывала, явно примеряясь ко мне.

Когда мы бросили серебрушки официанту и встали, Алатиэль предложила спокойным голосом:

— Пойдем на галерею.

Это прозвучало как приказ, и я направился за ней на широкую крытую галерею, протянувшуюся во всю длину здания. Вид оттуда открывался красивый: равнина, поросшая уже знакомым зеленым кустарником с алыми цветами, небольшое, почти круглое озеро справа, пустой, как Сахара, Большой Тракт слева, зеленая полоска леса на горизонте, над которым уже показалось солнце, — а полумесяц кирпичного цвета стоял высоко в безоблачном небе. Алатиэль остановилась у массивных вычурных перил высотой ей по грудь (должно быть, они такие высокие для того, чтобы ненароком не ляпнулись с третьего этажа крепко выпившие постояльцы), молча разглядывала пейзаж. Сказала, не оборачиваясь ко мне:

— Красиво... Я тут никогда прежде не бывала.

— Ты знаешь, я тоже, — усмехнулся я ей в спину.

Она обернулась ко мне, подошла совсем близко и нараспев сказала чуть насмешливо:

— Бедный, бедный Костатен... Злые люди уволокли в другой мир, заставили ехать в компании вздорной девчонки и хладнокровного убийцы на смертельно опасное дело... Ну, по крайней мере, опасностей здесь все же меньше, у нас нет жуткой войны, что у вас бушует. Я посмотрела, не сходя с Тропы, — жуть! Сплошной грохот, по земле ползают железные боевые колесницы, в небе воют железные птицы, смерть разбрасывают... — Она зябко передернулась. — Тебе там не страшно?

— Война, — пожал я плечами. — Меня учили воевать...

Алатиэль пытливо уставилась на меня огромными глазищами.

— Костатен, зачем ты вчера все это устроил?

Ну вот, началось все же выяснение отношений. Терпеть не могу выяснять отношения с девушками, особенно с умными...

— Пьян был, — ответил я первое, что пришло на ум. — Перебрал незнакомого вина, повел себя как дурак. Извини уж...

— Рассказывай, ври больше! — засмеялась Алатиэль. — Можно подумать, я не видела вдрызг пьяных хамов... Тебя интересовали вовсе не мои прелести... достойные внимания, верно? С некоторого момента стало окончательно ясно: у тебя что-то другое на уме... Зачем?

Чтобы восстановить с ней прежние дружеские отношения, я решил сказать правду. Почему-то был уверен, что на правду она не обидится — умная девушка...

— Хотел проверить, насколько серьезно ты относишься к делу... И как далеко готова зайти ради дела...

— Теперь понятно, — кивнула она удовлетворенно. — Пытливый ум, вроде наших ученых, о которых написано в старых книгах... Вроде моего наставника в Братстве. Только там было все всерьез... — Чуть отвернувшись, она продолжала ровным голосом: — Чтобы тебя признали Полноправным, приходится проходить испытания, самые разные. Мне оставалось последнее. Наставник сказал: «Алатиэль, иногда труднее поступиться честью, чем рискнуть жизнью». Мне предстояло, нарядившись бялкой, пойти в таверну и выполнить все желания того, кто первый покажет пальцем. Хорошо еще, мне предстояло изобразить дорогую бялку, и таверна была дорогая. Я отчего-то надеялась, что меня купит на ночь дворянин, пусть противный, — так, казалось, выйдет не так тягостно. Не вышло. На меня показал пальцем ку-

пек-виноторговец, и я пошла с ним на постоянный двор. И держалась, как настоящая бялка, он ничего не заподозрил, — сказала Алатиэль с оттенком легкой гордости. — Он был, в общем, ничего, разве что толстопузый. И выделял со мной всякое... что выделяют только с бялками. Но я справилась, не вышла из роли. Он даже дал мне две серебрушки сверх оговоренной платы. Наставник был доволен, и я стала Полноправной. Конечно, никто не знает, в чем заключалось испытание, кроме наставника и Грайта. Знал еще один человек, он был чем-то вроде тайного телохранителя, он и устроил все в таверне — туда бялки со стороны не попадают, надо было уладить как-то с хозяином. Он и уладил. Только вскоре его убили на дуэли. — Она не без горделивости выпрямилась: — Теперь убедился, что я прошла серьезное испытание ради дела?

— Убедился, — сказал я.

И подумал: ее неведомый наставник — головастый мужик. Если не заморачиваться прекраснодушными разговорами о морали и подходить с позиций холодной практической пользы, как только и следует в серьезных делах вроде подполья, — отличный способ проверить, на какие жертвы способна юная балованная дворяночка ради цели, которую подпольщики считают великой...

— Позволишь неудобный вопрос? — спросил я. — Тебе уже пришлось пройти испытание потруднее... Почему ты, видя, что другого выхода нет, не подчинилась, загнав отвращение поглубже, а начала поливать меня презрением? Я все же, думается, малость получше пузатого купца...

— Вопрос как вопрос, ничего неудобного... — Алатиэль лукаво улыбнулась. — Не только ты меня испытывал, но и я тебя. Взаимное получилось удовольствие... Как только я сообразила, что ты держишься совершенно ина-

че, чем одержимый похотью штунь, решила посмотреть, что будет, если я начну обливать тебя жгучим презрением. Обычному хаму-похотливцу было бы наплевать, некоторых, я слышала, только возбуждает, когда они принуждают девушку, обливающую презрением... а тебе, сразу видно, стало страшно неудобно... Вот и весь секрет.

— Понятно... — сказал я. — Алатиэль, мы остаемся в прежних отношениях? Ничего против меня не затаила?

— Не беспокойся, ничегошеньки... — Она лукаво улыбалась. — У тебя и в самом деле был вид человека, любящего свою невесту... но вынужденного играть комедию, которая тебе против души... Вот любопытно: а вы с невестой уже испробовали плотские радости?

Я отнесся к этому спокойно: после комедии, которую я с ней разыграл, она имела право на неудобные вопросы... Пожал плечами:

— Как тебе сказать...

— Испробовали, — уверенно сказала Алатиэль. — У тебя лицо стало примечательное, засветилась на нем такая мужская гордость... Пожалуй что, ты ее взял девушкой, иначе зачем самомнение во взгляде... Ладно, не буду требовать подробностей. Я не развратная и не любительница фривольных разговоров, просто держусь свободно, когда оказываюсь вдали от мест, где необходимо соблюдать строгий этикет... Ты мне веришь?

— Конечно, — сказал я.

Алатиэль положила мне ладонь на грудь, против сердца, уставилась бездонными серыми глазищами и сказала очень серьезно:

— Костатен, я на тебя полагаюсь... Грайт тебе сказал чистую правду: ты и в самом деле никак не незаменимый. Но сейчас вся надежда на тебя...

— Воркуете? — спросил незаметно появившийся Грайт. — Ну время есть, а вы уже большие. Если наду-

маете целоваться, удобнее не на галерее, открытой всем взорам, а в комнате...

— Грайт, ну какой ты несносный! — воскликнула Алатиэль, торопливо убрала ладонь. — Ведь знаешь прекрасно, что я не такая. Вечно ты со своими подначками...

— Что поделать, не могу совладать со своей натурой, — сказал Грайт со своей обычной легкой насмешкой. — Без подначек мне и жизнь не мила, хотя это частенько ведет к поединкам... хорошо еще, из тех, что проходят до первой крови или выбитого у противника меча. Позавтракали, я так понимаю? Отлично. Вскоре пустимся в дорогу. — Он повернулся ко мне. — Немного пояснений исключительно для тебя — Алатиэль и так в курсе. Большой Тракт в этих краях делает изрядную петлю, так что мы поедем напрямик, лесом — тут опять начинаются леса. Места гораздо безопаснее, чем те, которые мы оставили позади, — вопленики и прочие твари тут не водятся, и хищных зверей меньше. К сожалению, на разбойников можно напороться, но большими шайками они здесь не шляются, так что в случае чего наверняка отобьемся, если у них не будет луков — тем более. Костатен, если начнется заварушка, держись в сторонке. Я не сомневаюсь, что ты парень храбрый, но ты не владеешь ни мечом, ни секирой... и, что скрывать, самый ценный из нас, вроде ключей от королевской сокровищницы. Алатиэль, есть крепкие подозрения, что ты опять ограничилась чем-то сладким.

— Ты же знаешь, я никогда не набиваю по утрам брюхо, — преспокойно сказала Алатиэль и лукаво улыбнулась. — Нужно же мне беречь точеную фигурку, о которой уже написано несколько сонетов... На мою выносливость одно пирожное вместо завтрака ничуть не повлияет...

— Будем надеяться, — сказал Грайт и вновь повернулся ко мне: — Расклад будет простой: тем же аллюром

движемся, потом подыщем подходящее место для привала, пообедаем и снова в путь. Чтобы к сумеркам добраться до города. Там переночуем у надежного человека. Не скажу, что мне это нравится, — город легко может стать ловушкой, но придется рискнуть, есть обстоятельства... Ладно, я пошел завтракать. Лаг уже оседлал коней и собрал вещи, так что задерживаться здесь не будем.

Он ободряюще улыбнулся нам и ушел в трапезную. Гуляки, малость подлечившиеся, завели песню — пока нескладно, не в полный голос.

— Грайт вечно наговаривает на меня всякую напраслину, — сказала Алатиэль. — Я никогда не целуюсь с малознакомыми, не говоря уж о чем-то большем. Ты мне веришь?

Похоже, для нее и в самом деле было важно, верю ли я.

— Верю, честное слово, — сказал я и неожиданно для себя добавил: — Знаешь, не будь у меня невесты, я бы в тебя не на шутку влюбился.

Боюсь, так оно и было бы — что непременно внесло бы в мою жизнь нешуточные сложности, я вовсе не собирался задерживаться здесь надолго, даже ради нее...

— Приятно слышать, как любой девушке... — засмеялась Алатиэль. И добавила серьезно: — Не сомневайся, если все пройдет успешно, Грайт обязательно отправит тебя назад в твой мир. Он никогда не нарушает своего слова. Ты вернешься к невесте... хотя нет, ты наверняка кинешься воевать. А я... Не знаю, что будет, но я приложу все силы для нашей полной победы...

Лицо у нее было такое, что нетрудно ее представить в кожанке, красном платочке и с маузером через плечо — ей пошло бы...

Мы остались стоять у вычурных перил. В трапезную помаленьку потянулись постояльцы, поодиночке и компаниями. Грымзы среди них не было. Я видел Грайта,

перед которым стояло несколько тарелок с основательным завтраком без вина; он ел сосредоточенно и без удовольствия на лице — подкреплялся перед дальней дорогой. Впрочем, он и вчера не показался мне записным чревоугодником, разве что отдавал должное вину... Ну, я и сам не гурман, тем более в походе...

Алатиэль высыпала на меня кучу вопросов, исключительно о наших девушках: какие платья они предпочитают, как развлекаются в свободное время, кроме танцев, как далеко принято заходить в отношениях с молодыми людьми. Видно было, что это интересует ее всерьез. Я отвечал охотно — лучше коротать время за пустой болтовней, чем сидеть сиднем у себя в комнате. Благо о Наташке она больше ничего не спрашивала.

Выехав с постоялого двора, не вернулись на большую дорогу — направились напрямик к недалекому лесу, в который вскоре и углубились. Деревья здесь росли такие же, как в том первом лесу, разве что иногда попадались незнакомые, кряжистые, вцепившиеся в землю узловатыми толстыми корнями, напоминавшие дубы. А кустарник и здесь крайне походил на хрупкие разлапистые папоротники. Грайт, как и Алатиэль, руку на луке не держал и к бдительности не призывал. Дорога казалась безопасной — ехать через папоротники было легко, беззаботно щебетали птицы, порой в лес заполошно улепетывало мелкое зверье, а несколько раз уносились подальше какие-то крупные копытные, закинув на спину темные рога. Так и проходил монотонно час за часом...

Я уже немного разбирался в здешнем счете времени и циферблате. Примерно часа в четыре пополудни Грайт объявил привал — когда впереди обнаружилась обширная поляна с журчащим ручейком.

Сначала напоили коней, потом, в полном соответствии с традициями комфортного дворянского подпо-

ля, за дело взялся молчаливый Лаг — расстелил кусок темной грубой материи, расставил тарелки и кружки, нарезал копченое мясо, сыр двух сортов и хлеб, согрел в чашках «волшебной палочкой» воду из ручья и щедро высыпал в нее из мешочка желтый порошок — пахло гралиньяком. Все было свежайшее, явно происхождением с господской кухни постоянного двора. На сей раз Алатиэль не жеманилась, все уписывала за обе щеки, целиком поглощенная нехитрыми походными яствами, — а вот Грайт, я сразу подметил, время от времени зорко и бдительно окидывая взглядом лес, чутко прислушивался к его звукам. Я тоже держал ушки на макушке, памятуя, что порой самый опасный зверь в лесу — человек...

В какой-то момент мне показалось, что птичье щебетание приутихло, но я не успел поделиться своими догадками — Грайт, нехорошо сузив глаза, процедил сквозь зубы:

— Похоже, навалились...

Тревоги в его голосе не было — скорее, досада человека, которого вздорные препятствия отрывают от серьезного и важного дела. Его взгляд метнулся мне за спину, и я открыто посмотрел туда же.

На опушку неторопливо выходили люди.

— Оставлять кого-то в засаде у них не в обычае, — тихонько сказал Грайт, обращаясь исключительно ко мне. — Значит, они все здесь, и выглядят не лучшим образом, видывал я сброд и поопаснее... Костатен, если завяжется драка, держись в сторонке, я тебя умоляю...

И пружинисто взмыл на ноги, а следом поднялись мы с Алатиэль. Где-то даже привычно я моментально оценил численность, вид и вооружение нежданно свалившегося на голову противника...

Восемь человек. В самом деле, разбойнички выглядели довольно коряво, ничем не напоминали тех статных

молодцов из Шервудского леса, каких я представлял, читая в юности увлекательную книжку Гершензона о Робин Гуде и его «зеленых стрелках». Плюгавенькие, щуплые, заросшие щетиной по самые глаза, все поголовно в зеленой одежде, даже колпаки зеленые, — но она в прорехах и неумело наложенных заплатах. Думаю, у молодцов Робин Гуда имелись в деревнях любушки, стиравшие и штопавшие для дролечек, — а эти, сразу видно, обходились собственными силами, без женской заботливой руки. Оружие самое разномастное — мечи только у половины, причем в ножнах меч только у одного, у остальных — в простецких железных кольцах, прикрепленных к поясу. У двоих только короткие копыя с широкими тусклыми наконечниками, которыми, похоже, можно было и рубить. У одного и вовсе дубина выше его макушки, сразу ясно, грубо смастеренная из молоденького деревца — ветки вкривь и вкось обрублены, а на верхушке оставлены сучья подлиннее и потолще — примитивное подобие средневекового шипастого «моргенштерна»...

Луков ни у кого не было, что нам давало некоторые преимущества. Восемь человек — это не взвод. Они всячески пыжились, пытались придать себе грозный вид, но таким уж опасным противником никак не смотрелись. Я бы их сравнил со стайкой уличной шпаны, не способной к серьезной драке — в которых у меня, признаться честно, был некоторый опыт и в старших классах, и в курсантские времена, когда дело порой доходило до штакетников, выломанных в ближайшем палисаднике, так что беззащитным ягненочком безусловно не был. Плюс неплохое знание боевого самбо. Зря Грайт отнесся ко мне как к боевой единице чуточку пренебрежительно: не спорю, в серьезной средневековой битве меня быстро прикончили бы, но в схватке с местными шпаргонцами есть кое-какие шансы...

У троих я заметил на грязных лапищах массивные, несомненно дворянские браслеты с крупными камнями, — а у обладателя меча в довольно богатых ножнах их обнаружилось целых два, на обеих руках...

Грайт, положив руку на эфес меча, терпеливо ждал с закаменевшим лицом. Я прекрасно понимал, почему он выжидает, — у такой мелкой шпанки всегда есть вожак, склонный очень быстро себя обозначить, и человек понимающий постарается достать его первого, потому что без него шпанка частенько кидается врассыпную...

Грайт бросил презрительно:

— Ну, что скажешь? (И добавил пару словечек, которые вигень не перевел.)

Откликнулся тот, с двумя браслетами и мечом в ножнах, в котором я почти сразу и заподозрил главаря:

— А что тут скажешь? Оставьте коней и кошельки — и можете убираться. До Большого Тракта не полмира, к сумеркам дотопаете. — Он осклабился. — Разве что тебя, красоточка, сначала самолично разложу под кустиком...

Алатиэль, побледневшая, но вовсе не выглядевшая испуганной, ответила ему длинной фразой. Атаману предлагалось, коли уж ему хочется любви, срочно отправиться к ближайшему болоту, снять штаны, встать раком и ждать штуня, который не замедлит явиться... Тут последовало несколько непонятных слов — воспитанная у нас девушка Алатиэль, ага!

Не без злорадства я увидел, что атаман закипел от злости. Остервенело заорал:

— Сама получишь восемь пунктов куда только придумаем! Берите девку целехонькой, пригодится!

Вся орава кинулась на нас, корча страшные рожи и подбадривая себя дикими воплями. Скорее всего, роли они распределили заранее, понаблюдав за нами из-за деревьев, — очень уж слаженно разбились на пары. Грайт

и Алатиэль выхватили мечи, Лаг — свой внушительный тесак. Я и не подумал хвататься за меч, прекрасно понимая, что не справлюсь с ним, просто приготовился...

На меня набегали двое со злобно-испуганными рожами, один с копьем, другой с дубиной — ну это легче... Рядом раздался лязг стали и хриплые выкрики, но оглядываться было некогда. Тот, что с дубиной, опередил дружка на пару шагов, размахнулся дубиной широко, словно корову отгонял, едва не угодив в лоб напарнику, — ну, я с него и начал, кинувшись вперед, ушел в сторону, подбил ногу, выхватил дубину и, когда он повалился, без колебаний угодил носком сапога между ног — не гусары на дуэли и не в честной драке возле танцплощадки...

Как он заорал — душа возрадовалась! Не теряя время, держа дубину наискось, чтобы вовремя отразить возможный рубящий удар, шагнул вперед. Разбойничек, судя по оторопелой роже, уже понял, что блицкрига не получилось, и стал отступать спиной вперед, делая выпады копьем в мою сторону. Это уже было не напряжно — и я, примерившись, двинул ему от души по правому плечу, он взвыл, уронил копье, я ударил его толстым концом дубины в солнечное сплетение, а когда он согнулся в три погибели, отоварил своим первобытным оружием по башке со всего размаху, без всякого гуманизма, абсолютно сейчас неуместного...

Раздался панический вопль:

— Это лугены!

Вот теперь можно было оглядеться...

Трое во весь опор убегали в лес. Сразу видно, что короткая баталия закончилась с разгромным счетом в нашу пользу — перед Грайтом распростерлись два неподвижных тела (один из них, я отсюда видел — незадачливый атаман), один несомненный покойник лежал перед Алатиэль, стоявшей с опущенным мечом и ошеломленным

бледным лицом, тот, что получил от меня бывшим зеленым насаждением по темечку, не шевелился, а вот второй корчился в траве и орал благим матом, и это были единственные звуки, нарушавшие лесную солнечную тишину.

Ай-яй-яй... Сердце у меня тоскливо сжалось: Лаг неподвижно лежал навзничь, стекленеющими глазами уставясь в безоблачное небо, и против сердца у него торчало короткое, добротное оструганное древко копья — наконечник вошел в грудь на всю длину... В голове у меня сам собою всплыл термин, который военные недолюбливают. Неизбежные потери. И ведь без них часто не обойтись...

Я бросил дубину, только сейчас убедившись, что ухитрился не оцарапать и не ссадить ладони о корявые сучки. Но не ощутил ни малейшей победной радости — не бывает ее, когда случаются неизбежные потери. А ведь я его едва замечал, как не замечают мебель или облака над головой... или отдельных бегущих в атаку пехотинцев...

Грайт приблизился ко мне размашистыми, какими-то деревянными шагами и, ничуть не изменившись в лице, вонзил меч в спину корчившегося в траве разбойника. Вопль моментально оборвался, но тело еще несколько секунд корчилось. Получивший дубиной по башке не шевелился, похоже, с ним все было кончено, — отчего я не испытывал ровным счетом никаких эмоций и чувств. К чему они, если убил врага, собиравшегося убить тебя? Не первого и, думаю, не последнего...

Грайт наклонился, вырвал с корнем пучок травы, сколько в ладонь влезло, принялся тщательно вытирать клинок.

— Неплохо, Костатен, — сказал, усмехнувшись одними губами. — Знаешь толк...

Я ничего ему не ответил, стоял, уронив руки, озираясь в совершеннейшем ошеломлении. И было от чего...

Крови было много — на клинке Грайта, расплывавшиеся широкие пятна на телах убитых, на траве...

Но повсюду, куда ни глянь, она была синяя! Цвета ясного неба, девичьих глаз, лазури на полотнах художников. Не красная, к виду которой я уже притерпелся, а ярко-синяя...

— Что с тобой? — озабоченно спросил Грайт. — Ты на себя не похож...

— Кровь... — только и смог я выдавить, не испытывая никаких чувств, кроме тягостного удивления.

Похоже, он понял. Сказал как-то очень буднично:

— Ну да. У всех в нашем мире кровь синяя, у людей и у животных. Это в вашем мире кровь красная... на наше счастье. Потому что люди с синей кровью падают замертво, стоит им коснуться Изгороди. А для людей с красной кровью Изгородь не опаснее, чем для нас туман. Теперь ты понял, почему нам необходимы люди с красной кровью? — и покривил губы. — Какого цвета кровь у ватаков, никто не знает... хотя страстно хотелось бы узнать... — И прищурился: — Твое отношение к нам как-то изменилось?

— Нисколечко, — ответил я, все еще пребывая в нешуточном смятении. — Просто очень уж удивительно...

— Ну вот и хорошо, — сказал он бесстрастно. — Иди успокой Алатиэль, чует мое сердце, у тебя это получится лучше, чем у меня, к которому давно прилипло прозвище Свинцовый Монумент. Первый убитый твоей рукой. Ну да ты сам знаешь, что тебе растолковывать...

Кони прядали ушами, похрапывали, беспокойно переступали с ноги на ногу, я тоже чувствовал запах крови, который невозможно ни с каким другим спутать. Совершенно тот же запах, хоть цвет, как оказалось, другой...

Я подошел к Алатиэль. Она так и стояла — в лице ни кровинки, глазищи в пол-лица, как на иных старинных портретах зари живописи. Я был немного растерян, не зная, как подступиться с утешениями и что сказать. Некоторым — сам видел — прекрасно помогала парочка хлестких оплеух, но с ней не тянуло применять эту панацею. В конце концов я сказал как мог мягче:

— Алатиэль, возьми себя в руки, нам нужно ехать дальше, все кончилось....

Алатиэль еще раз глянула на мертвехонького покойника (получившего, как я с ходу определил, клинком прямехонько в сердце), передернулась, разжала пальцы (меч воткнулся в землю, покосился, но не упал), шагнула ко мне, прижалась всем телом, гибким и сильным, спрятала лицо у меня на груди, закинула руки на шею. Ее плечи и все тело содрогались, но не похоже, что она плакала. И позывов к рвоте я не заметил — иных, и крепких мужиков, в таких вот ситуациях выворачивает наизнанку, и в этом нет ничего стыдного. Я, правда, после своего первого не блевал, но долго проторчал в мерзкой оцепенелости...

Чуть неуклюже погладив ее по голове, я сказал, насколько мог задушевно:

— Жизнь такая, Алатиэль, иногда или ты, или тебя... Не было другого выхода...

Она долго молчала, припав щекой к моей груди, уже не дрожала всем телом — и наконец вскинула голову, уставилась мне в лицо совершенно сухими, сердитыми глазищами:

— И впредь буду убивать каждого, кто встанет на пути! Оказалось, это не так уж трудно...

Высвободилась, стояла передо мной, все еще с горестным лицом, но уже не такая бледная, на щеки медленно возвращался прежний румянец, мысленно я ее

похвалил — как уже понял раньше, твердая девочка, далеко пойдет, не завидую тому, кто рискнет заступить ей дорогу с мечом в руках...

— Спасибо... — сказала Алатиэль почти обычным голосом. — А сейчас, пожалуйста, оставь меня, мне нужно побыть одной...

Выдернула из земли меч, загнала его в ножны и опустилась в траву, села, обхватив руками колени, глядя куда-то сквозь весь этот ужасный жестокий мир.

Перешагнув через покойника, как через бревно, я отошел к Грайту, стоявшему над телом Лага и в самом деле таким свинцовым монументом, с застывшим лицом и скрещенными на груди руками. В мою сторону он не смотрел, но, несомненно, отметил мое присутствие, потому что сказал негромко:

— Он был моим молочным братом, сын моей деревенской кормилицы. И он прекрасно знал, на что шел и чем рискует...

Я молчал — понимал, что любые мои слова ему не нужны.

— Как там Алатиэль?

— В общем, неплохо, — сказал я. — Ни слез, ни истерик, быстро овладела собой...

— Я в ней не сомневался, — сказал Грайт бесстрастно. — Вот только не могу похоронить моего молочного брата как надлежит, в этой глуши нет необходимого... Но и нельзя оставлять возможным ищейкам никакого следа...

Он отошел к лошадям, я остался стоять. Алатиэль сидела в прежней позе. Копье из груди Лага Грайт уже выдернул и бросил рядом. Лицо его молочного брата понемногу приобретало ту восковую бледность, которой я уже навиделся. Тот, кого я приложил дубиной, не шевелился — ему уже было все равно.

Грайт вернулся с пузатой баклагой, постоял над телом, произнес без выражения:

— Да унесут тебя скакуны Артеии в Безмятежные Равнины...

Осторожно — осторожнейше — обернув длинную пробку носовым платком, низко склонился над телом и стал, опять-таки осторожнейше, поливать его тягучей жидкостью темно-синего цвета, от лба до подошв. Бросил пустую флягу, проворно отступил на пару шагов. Запах неведомой жидкости, резкий и довольно противный, забил все еще стоявший над поляной запахок свежепролитой крови. Синей крови.

Над телом поднялись словно бы струйки полупрозрачного дыма, синеватого, не колыхавшегося на легком ветерке. Произошла удивительная метаморфоза: сначала исчезла одежда, потом стало словно бы таять тело, так что вскоре остался один белеющий скелет, а там и он исчез, осталась только проплешина в траве, будто выжженной до земли, — очертания только что лежавшего здесь тела.

— Походное погребение, — покривил губы Грайт. — На нас троих тоже достаточно запасено, разве что тот, кто останется в живых последним, может не успеть, но тут уж ничего не поделаешь... Ага, поднялась на ноги. Пора побыстрее отсюда убираться, а то еще нагрянет стража — они порой усердно гоняются за разбойниками... Подорожные у нас в полном порядке, но лишние объяснения ни к чему...

Вскоре мы были в седлах. Коня Лага Грайт привязал к седлу одного из вьючных, покрутил головой:

— Чуть нескладно получается: седел четыре, а всадников только трое... Ладно, это еще не основание задавать охотникам неудобные вопросы...

Временами я посматривал на Алатиэль, стараясь делать это незаметно (как и Грайт). Никаких основа-

ний для беспокойства не было: она оставалась хмурой, сумрачной, и только...

Примерно через полчаса невдалеке, меж деревьями, показалось небольшое озеро с прозрачной чистой водой — и Грайт, к некоторому моему удивлению, решительно повернул коня туда, хотя никакой необходимости вроде бы не было, мы совсем недавно напоили коней и наполнили фляги.

Однако он повел себя так, словно нам предстоял внеурочный привал: захлестнул поводья своего коня в кольцо с длинным железным шипом и каблуком вогнал его в землю. Я уже успел привыкнуть, что так всегда поступают на привалах, а потому дисциплинированно поступил так же, чуточку отстав от опередившей меня Алатиэль.

Озеро было метров ста в диаметре, не особенно глубокое — даже в центре его виднелись россыпи окатанных камешков на дне и длинные пучки похожих на ленты водорослей, меж которыми промелькивали струйки серебристых рыбок. У песчаного берега лежали на спокойной воде зеленые листья, большие, глянцеви́то-блестящие, с синими цветами наподобие кувшинок. Красивое было место, любой художник-пейзажист соблазнился бы.

Грайт попробовал воду ладонью, удовлетворенно хмыкнул:

— Ну конечно, теплая, солнцем прогретая... — и достал из седельной сумы большое белое полотенце, свернул и положил на желтый песок у воды. — Алатиэль, можешь искупаться...

— Ой, Грайт, спасибо! — воскликнула она уже почти весело. — А как у нас со временем?

— Времени предостаточно, — ободрил Грайт. — В таких озерах не бывает водяников, так что резвись смело...

— А если бы и был! — фыркнула Алатиэль. — Меня еще маленькой старухи в деревне научили надежному

заклинанию против водяников. Я его в прошлом году на одном испробовала в Куретайских озерах. Шарахнулся, будто его ошпарили, в воду булькнул так, что, не будь это водяник, можно сказать, что он утоп. И больше не показывался.

— Ты, как всегда, неподражаема, — сказал Грайт своим обычным насмешливым тоном. — И не искала его захоронку с золотом? Говорят, у водяника всегда есть такая...

Грамотно он держался — не сюсюкал и не гладил по головке.

— Нужна мне его захоронка! — сказала Алатиэль, державшаяся уже почти как обычно. — Вот если бы там был меч Итагера...

— Никто пока что его не нашел, — сказал Грайт.

И присел на бугорок, повернувшись к озеру спиной. Я поступил так же. Вскоре послышался плеск воды, потом, судя по звукам, Алатиэль прыгнула на невеликую глубину и поплыла к тому берегу.

— Ей купание пойдет на пользу, — негромко сказал мне Грайт. — Поможет быстрее прийти в себя. В поместье ее родителей большое озеро, и несколько поколений детей сызмальства из него не вылезали. Особенно Алатиэль, она плавать научилась раньше, чем ходить. У нее даже прозвище из-за любви к воде — Озерная Дева. Есть такие сказочные хозяйки озер, рек и даже больших ручьев. В отличие от водяников, людям не стараются вредить, наоборот, иногда одаривают любовью молодых рыцарей. Некоторые считают, что они и в самом деле когда-то обитали в водах, и я склонен верить. — Он усмехнулся. — Потому что в этих сказках порой любовь Девы приносит рыцарю одни несчастья — но не смертельные, а вроде лютой тоски на всю оставшуюся жизнь, если Дева рыцаря бросает. Я почему-то склонен верить, что сказки с несчастливym концом как раз и отражают

былую действительность. Как бы там ни было, прозвище у Алатиэль красивое, это не Свинцовый Монумент...

Мы помолчали. От озера больше не доносилось плеска воды, и я чуточку обеспокоенно посмотрел на Грайта. Он понял, усмехнулся:

— Когда Алатиэль в воде, да еще в таком спокойном месте, за нее не нужно беспокоиться. Чистый водяник. Нырнула и рассматривает дно... Хорошая девушка, надежная, с характером, можно на нее во всем полагаться, особенно теперь, когда у нее на счету первый... Потом пойдет легче, если потребуется снова... Знаешь... Не стоит при ней упоминать, но я хочу, чтобы ты относился к ней предельно серьезно, не смотрел на нее как на легкомысленную девчонку с романтическими фантазиями в голове. Она однажды прошла последнее испытание на пути в полноправные члены Братства. Было оно таким...

— Я знаю, — сказал я. — Она мне сегодня рассказала.

— Вот как? — поднял брови Грайт. — Значит, посчитала нужным. Интересно, ты после этого стал относиться к ней серьезнее?

— Вот именно что, — сказал я.

— Значит, она рассчитала правильно, она умница. Есть одна вещь, которую она не знает и никогда не узнает. Тот человек, что обязан был охранять ее в таверне, оказался мерзавцем. Нет, он был верным членом Братства, но кое в чем оказался мерзавцем... Тот пузатый купец был его знакомым прихвостнем. Есть у нас такие — щедро платят за возможность общаться с дворянином почти на равных, в дорогих тавернах, веселых домах, на скачках. И немало небогатых дворян терпят возле себя прихвостней, иногда целую свиту. Однажды этот брюхан увидел Алатиэль и, понимаешь ли, вспыхнул. Шансов у него не было ни малейших. Что греха таить, иные небогатые дворяночки в глубокой тайне отзываются на звон золота

в чьих угодно руках, но Алатиэль из богатой семьи. Прежде чем она отправилась на испытание, ее оберегатель за пригоршню золота выдал секрет купцу и устроил так, что тот и оказался ее покупателем... Никаких тайн Братства он не выдал — сказал купцу, что блудливой девочке из богатой семьи захотелось развлечься. Случается и такое...

— Алатиэль говорила, его потом убили в поединке...

— Я его и убил, — без усмешки сказал Грайт. — Как только узнал. Все было проделано в строгом согласии с кодексом о поединках, никто не узнал истинной причины, и в Братстве тоже. Я убежден, что человек, однажды сделавший маленькую подлость, способен и на большую, если подвернется искушение...

Я тоже был в этом убежден, но промолчал.

За нашими спинами вновь послышался беззаботный плеск воды, а потом опять стих. Грайт сказал задумчиво, словно самому себе:

— Победа — только полдела. Яростно верю, что мы... что ты добьешься победы, вот только потом ты вернешься в свой мир, а нам еще столько трудов предстоит... Нужно будет покарать всех пособников и разгрести немало грязи, а потом налаживать новую жизнь. И на Алатиэль я полагаюсь больше, чем на иных удальцов с заслугами перед Братством не в пример ей...

Я мог бы ему сказать, что в нашей истории накоплен громадный печальный опыт того, как после победы той или иной революции вчерашние верные соратники сходятся в смертельной схватке. Нам читали спецкурс по истории революционных движений, и мы узнали много из того, что гражданским не преподают.

Пока речь идет только о том, чтобы свергнуть царя или короля и сломать старый порядок, разногласий нет, или они ничтожны. А вот после победы оказывается, что у многих есть свои взгляды на то, как обустроить

теперь мир, и точки зрения непримиримы, а отступать мало кто хочет.

До определенного момента с большевиками ноздря в ноздю шли левые эсеры и анархисты, но довольно быстро обнаружились те самые неодолимые разногласия, и кончилось все кровью (всезнающее и никогда не ошибавшееся «сарафанное радио» в свое время втихомолку разнесло: наш преподаватель когда-то служил в ЧК и участвовал в разгроме последней штаб-квартиры анархистов, трудно поверить, существовавшей под черным знаменем до двадцать первого года)...

И Великая французская революция, конечно. Монархию аннулировали в самом теплом единении, а чуть погода раскололась на несколько непримиримых фракций. Жирондисты проиграли, монтаньяры стали отправлять на гильотину сначала вчерашних соратников по борьбе, затем и друг друга, всех ярких вождей буквально выбили, у руля оказалась шайка примитивных воров и казнокрадов, осточертевшая всем очень быстро, так что ее без особого труда разогнал Наполеон Бонапарт и произвел сам себя в императоры.

Можно присовокупить еще и Льва Троцкого — но это запретная тема, в которую и наши спецкурсы не углублялись...

Словом, я мог бы привести Грейту много поучительных и грустных исторических примеров, но не видел необходимости читать ему длинные лекции о нашей политической истории. Да и был уверен: он пропустит все мимо ушей, скажет что-нибудь вроде: «Нам повезет больше». Очень многие так и думали, считали, что уж им-то повезет больше, но жестоко ошибались, чего некоторые так и не успевали понять...

Послышалось похрустывание песка под легкими шагами, шуршание материи — ага, наша амазоночка наку-

палась и вытиралась старательно. Раздался ее звонкий, вполне себе веселый голос:

— Можете обернуться, благородные господа!

Что мы и сделали безо всякой поспешности. Алатиэль стояла уже полностью одетая, в сапогах, разве что без оружия на поясе, наклонив голову набок, вытирала уже собственным полотенцем, гораздо более мягким на вид, распущенные великолепные волосы. Грайт бросил на меня многозначительный взгляд, и я легонько кивнул в знак того, что понял правильно: долгое купание оказалось прямо-таки волшебное действие, Алатиэль выглядела бодрой и веселой, уже без тени подавленности...

— Вода теплая, просто чудесная, — сообщила она, проворно и ловко заплетая в косу влажные волосы, держа в зубах кончик ленты с самоцветами.

— Мы, признаться, заждались, — сказал Грайт. — И не слышали, как ты плаваешь. Полное впечатление, ты расхаживала по дну, с тебя станется, Озерная Фея...

И вновь я не увидел в его взгляде ровным счетом никаких мужских желаний, вполне понятных и допустимых в этой ситуации. Все же что за отношения их связывают? Может, она его родственница, которую он знает с пеленок и вполне на нее полагается? Ладно, какое мне дело? Главное, только что прозвучало «ты вернешься в свой мир» — и, что особенно радует, этак мимоходом прозвучало, как нечто само собой разумеющееся...

— Я много ныряла, — сказала Алатиэль, привычно переплетая лентой косу. — В такой глухомани только и остались жемчужницы, это там, где близко живут люди, озерный жемчуг под метелку повымели...

— И как успехи? — хмыкнул Грайт.

— А вот. — Алатиэль показала ему на ладони большую, с пачку папирос, бурую раковину, похожую на веер, покрытую ровными желобками. — Видишь тонень-

кие желтые полосочки? В таких и есть самые крупные озерные жемчужины.

— Давай откроем и проверим.

— Вот уж нет! — энергично возразила Алатиэль. — Я загадала. Когда мы победим, тогда и открою. И там обязательно будет большущая жемчужина, голубая, цвета надежды... Грайт... Озеро слишком маленькое для твоей карты, его там наверняка нет, но ты запомнишь место? У тебя такое прекрасно получается. Там на дне — россыпь жемчужниц, жалко, не во что было их собрать. Я сюда обязательно вернусь...

— Запомню, — крайне серьезным тоном (обычно скрывавшим у него беззлобную насмешку) пообещал Грайт. — И отправлю с тобой шесть раз по шесть ныряльщиков.

— Вот этого не надо! Я буду собирать ракушки сама, иначе неинтересно. И сделаю ожерелье, давно о таком мечтала, но где раздобудешь озерный жемчуг, даже за деньги? Подруги друженько умрут от зависти...

Она (чему стоит только порадоваться) вновь стала беспечной девчонкой, напоминая молодого игрушечного щенка.

— Не сомневаюсь, — сказал Грайт. И добавил тоном, в котором явственно прозвучали приказные нотки: — Алатиэль, спрячь ракушку, надень оружие, и — по коням. Мы немного выбились из расчетного времени, нужно поторопиться. Хочу приехать в город засветло, чтобы поговорить обстоятельно до ночи, посмотреть, как успехи... В общем, живенько в седла...

И мы вновь двинулись в неизвестность. Неизвестностью наш дальнейший путь был только для меня, но я не лез к Грайту с расспросами — все равно непосредственно перед началом всякой операции следует подробный инструктаж, как же иначе, наверняка и здесь без этого

не обойдется, так что следует набраться необходимого толковому пограничнику терпения...

Долгий походный марш — вещь не просто скучная, а даже нудная. Если не случается чего-то, нарушившего монотонность пути, — но ничего подобного с нами не случилось. Привычный аллюр: размеренной рысью, коротким галопом, и все повторяется. Разве что пару раз попадались обширные равнины, где деревья почти что и не росли, и тогда Грайт пускал коней полным галопом. Явно хотел уложиться в неведомый мне график — он не подавал вида, но смотрел на часы и сверялся с картой, иногда пользуясь компасом, иногда просто глядя на солнце с несомненной озабоченностью.

Мы не разговаривали. Алатиэль, я с радостью отметил, совершенно пришла в себя, отбросила всякие переживания, но и она помалкивала. Возможно, не находила подходящих тем для разговора. От монотонной скуки я задумался о недавней идее — предложить Грайту раздобыть в нашем мире огнестрельное оружие. Уже было ясно из его невольных оговорок, что они бывали не только у нас, но и в зарубежных странах, — он очень точно описывал совсем недавно Эйфелеву башню. Вигень им позволит понимать любой язык, а маскироваться под местных легко. Совсем нетрудно принести в наш мир золото, которого здесь хватает, и его можно при некоторой смекалке легко продать там, где это в обычае.

И это не голое теоретизирование, я в силу профессии знал немало о том, как обстоят дела с продажей оружия на Западе. Знал, где его можно без особого труда купить. Давненько уж Бельгия торговала легким стрелковым оружием, не особенно и проверяя покупателей — лишь бы выглядели авторитетно и исправно платили. Чем пользовались всевозможные повстанцы и революционеры, в том числе и русские. Чехословакия вдобавок

к этому продавала по всему свету броневики и танки. Тем же занималась и Англия — до войны.

Война многое переменяла. Англия берегла оружие для собственного потребления, Бельгия и Чехословакия оккупированы немцами. Однако остаются две нейтральных страны, Швеция и Швейцария, которые свой нейтралитет понимают своеобразно, преспокойно поставляя Гитлеру отличные пушки «Бофорс», и не только их.

Вот только одна загвоздка. Если разговор пойдет обстоятельный, нужно будет посоветовать Грайту отправить в ту же Швейцарию кого-нибудь с короткой стрижкой. Не знаю в подробностях, как проходит торговля оружием, но, думается мне, человек с прической музыканта или актера на этом специфическом базаре будет выглядеть странновато и привлечет к себе ненужное внимание...

В концов концов я решился, легонько дал коню шенкеля и поравнялся с Грайтом. Все равно путешествие было скучным, а чужих ушей тут, безусловно, не имелось.

Грайт выслушал краткое изложение идеи о покупке оружия, как мне показалось, довольно рассеянно. Сказал с уже привычной мне безучастностью, способной надежно маскировать любые эмоции и чувства:

— Интересная идея. Обговорим подробнее в городе, вечером. На постоялом дворе шпигов уж точно не будет — надежное место...

Я почувствовал себя неловко. Уж не сваял ли дурака? (Я не собирался запоминать здешний эквивалент этого выражения.) Вполне могло оказаться, что чья-то умная голова давным-давно додумалась именно до этой идеи? Грайт не выразил никакого удивления по поводу моего пистолета, сразу определил, что это оружие, — просто сам он из нашего огнестрела никогда не стрелял. Если

они знают о нашем оружии, нетрудно сделать следующий шаг — догадаться, что это отличное средство против ватаков, гораздо более эффективное, чем их луки... Расспрашивать бесполезно, он завел моду делиться со мной строго дозированной информацией — так ребенку выдают по одной конфетке...

Я хотел было придержать коня, чтобы он уехал вперед, но Грайт спросил словно бы деловито:

— Костатен, у тебя есть прозвище? Я уже знаю, что в вашем мире прозвища в ходу, а у нас они когда-то были особенно любимы как раз у военных...

Прозвище у меня было, а как же — профессиональным шиком считалось иметь прозвище, сплошь и рядом устоявшееся, прямо-таки официальное, разве что не попадавшее в казенные бумаги. Заработать его можно было по самым разным поводам, часто не связанным со службой. Ниночка Бакрадзе с некоторых пор звалась Шаманка — за мастерское умение колоть самых неразговорчивых клиентов. Никаких шаманок в Грузии нет, там они как-то по-другому называются, но Нине понравилось. Бывало и наоборот. Прозвище Веньки Самохина Гарсон прилипло после самого что ни на есть бытового смешного случая. Как-то Веня с двумя знакомыми из нашей же системы ехал в отпуск, и поезда они дождались в вокзальном ресторанчике, с графинчиками, естественно. К ним за столик подсел старший лейтенант с интендантской эмблемой на петлицах — и очень всем не понравился. Дело было отнюдь не в том, что он интендант, среди них тоже попадаются неплохие люди, — просто типчик был какой-то мутный, неприятный и очень скоро стал недвусмысленно набиваться на угощение водочкой, никак не хотел отвязаться. Вене это надоело, и он, широким жестом подозвав официанта, распорядился: «Гарсон, два по двести!» Интендант рас-

плылся было в предвкушении, но Веня тут же уточнил: «В одну посуду!» Только теперь интендант сообразил, что к чему, и слинял, а Веня носил прозвище уже год...

Я не у бога теля съел, а потому эта традиция распространилась и на меня. Когда я начинал службу, был Малыш, потом Кентавр (за кавалерийское прошлое), а с месяц назад прилипло устоявшееся, все на том сошлись, прозвище Маугли. Была одна передрыга, когда, помимо прочего, потребовалось умение мастерски лазать по деревьям, а им в нашей группе мог похвастать я один. Так и прижилось. Мне нравилось.

Но Грайту я этого рассказывать не стал — пришлось бы долго объяснять, кто такой Маугли. Сказал, пожав плечами:

— Не удостоился как-то. А что?

— У всех членов Братства есть прозвища, так уж издавна повелось. Когда отправляемся куда-то небольшим числом, как мы сейчас, называем друг друга по именам, а вот когда встречаемся с другими на пути, в ход идут прозвища. Старый обычай, все его соблюдают. Тебе, может быть, он покажется глупым...

— Ничего подобного, — сказал я чистую правду. — Повсюду свои обычаи.

— Вот я и подумал, что тебе нужно тоже дать прозвище, коли уж ты вплотную занялся делами Братства. Я тут подумал... Если я дам тебе прозвище Красный, по цвету твоей крови, у тебя не будет возражений? Знамя у вас как раз красное...

— Ни малейших, — сказал я.

Мне пришло в голову, что прозвище подходит как нельзя лучше: я ведь красный не только по цвету крови, но не стоит разяснять им такие тонкости. Ну вот, теперь я полноправный подпольщик с партийной кличкой, уписаться можно от радости...

Лес понемногу редел, появились обширные пустоши, поросшие уже знакомым кустарником. В последний раз сверившись с картой и компасом, Грайт удовлетворенно хмыкнул:

— Не плутали, вскоре попадем на Большой Тракт, а там — напрямик до города. Костатен, еще краткие необходимые пояснения. Как только подъедем к городским воротам, изображай глухонемого. Жесты все помнишь?

— Помню.

— Вот и отлично. Собственно, провинциалу из глухомани простительно не знать о городской жизни самых простых вещей, но есть другая опасность. Кто-нибудь может тебе задать совершенно безобидный вопрос из нашей жизни — и, если ты на него не ответишь должным образом, попадешь на заметку, а это ни к чему. Понимаешь?

— Кажется, понимаю, — сказал я.

В самом деле, есть куча местных мелочей, которые просто обязан знать обитатель этого мира, но абсолютно не знаю я. На постоялом дворе обошлось, но большой город — другое дело. Легко приложить эту коллизия к нашей действительности. Предположим, я подошел к остановке и спрашиваю стоящего там человека, по внешности и одежде обычного горожанина:

— Седьмой троллейбус здесь ходит?

А он, глядя на меня незамутненным взором маленького ребенка, отвечает вопросом:

— А что такое «троллейбус»?

Я, разумеется, не потащу его ни в милицию, ни в НКВД — уж иностранный шпион знал бы, что такое троллейбус. Однако прочно запомню такого чудака...

— Разумеется, когда мы приедем к нашему человеку, глухонемого изображать не будет нужды, — сказал Грайт. — И тому, что ты гость из другого мира, прише-

лец с красной кровью, он ничуть не удивится. Пожалуй, можно тебе выдать очередную тайну... У него уже месяц живет человек из вашего мира. Тот, кто для надежности пойдет к Мосту с тобой. — Он с лукавинкой посмотрел на меня. — Надеюсь, ты не загрустишь оттого, что оказался не единственным незаменимым?

— И не подумаю, — пожал я плечами. — Не собираюсь тратить время на такие глупости. Побыстрее бы все закончить — и домой, там я тоже не буду незаменимым, но дело мне найдется, все воюют... А что за человек? Сам понимаешь, мне нужно знать, кого ты мне дашь в... компаньоны.

— Вот тут могут возникнуть определенные сложности, а то и трения... или не возникнуть. Видишь ли, это человек из страны Лилового Короля. С которой вы сейчас воюете. Правда, когда он попал к нам, ваши страны еще не воевали, так что он о войне и не знает. Также из войска, как и ты, только не порубежник, а ездит на этой вашей железной колеснице, что катается на бесконечных лентах. Уже повоевал.

Очаровательно, подумал я. Нежданно-негаданно свалился в напарники немец-танкист, не исключено, убежденный фашист. Что ж, в конце концов, нам с ним не детей крестить и не политические дискуссии вести, постараюсь потерпеть...

— Ну так как же? — с тревогой, которую он не смог скрыть, спросил Грайт. — Сможешь ты идти с ним бок о бок как ни в чем не бывало? Мне очень важно это знать.

— Смогу, — ответил я, не особенно и задумываясь.

— Прекрасно, — вздохнул он облегченно. — Вообще-то Лаус, как уверяют те, кто его сюда пригласил, не особенно замораживается тем, что у вас называют итейностью. Совсем другого склада человек, крайне практичный...

Лаус, Лаус... Вообще-то не слыхивал о таком немецком имечке. Но если вспомнить, что Грайт упорно именует Оксану Саной... Может быть, Клаус? Да будь он хоть Христиан-Мария Виллибальд, мне без разницы...

— Интересно, его-то как вы уговаривали? — не без иронии поинтересовался я. — Как ты меня? Или это тоже секрет?

— Да нет, какой там секрет... Все было чуточку иначе. В отличие от тебя, Лаус любит золото нежно и трепетно. Когда узнал, сколько мы готовы ему заплатить, согласился без колебаний. Мы и его предупредили, что дело может оказаться смертельно опасным, он нисколько не испугался. — Грайт усмехнулся. — Только запросил в два раза больше. Мы честно заплатим, в конце концов, это не телега золота, а мешок, который человек может унести на спине...

— А почему он в городе?

— Он нас полностью устраивает, всем хорош, — сказал Грайт. — Старшие мне рассказывали, что на человека, способного рискнуть жизнью за золото, иногда можно полагаться больше, чем на прекраснодушного бессребреника. Вот только Лаус, как очень быстро выяснилось, совершенно не умел ездить верхом. Знахарь взялся за месяц обучить его более-менее сносно держаться в седле, у нас тут есть человек, который как раз и держит школу верховой езды для неучей, в том числе и юных дворян. Так что все должно быть в порядке, судя по последнему посланию Знахаря...

Хорошенькая компания подобралась: хладнокровный убийца, молодая девчонка, пусть, пользуясь привычными терминами, идейно подкованная, но упокоившая своего первого супостата всего несколько часов назад, немец-ландскнехт и советский пограничник. Как писал один юморист, каменоломня из сна пьяного двор-

ника. А впрочем, подобные разношерстные компании порой добивались успеха не только в приключенческих романах, но и в жизни...

Потом деревья окончательно исчезли, пошла безлесная равнина, а там и выехали к засеянному полю, где густо росли какие-то зеленые стебли с коробочками наподобие маковых, только бледно-сиреневого оттенка. Даже мне было сразу ясно, что это возделанное крестьянское поле, — но Грайт пустил коня напрямик по нему, так привычно и буднично, словно покуривал или седлал коня. Я волей-неволей последовал за ним — ему виднее, да и другого пути не было. Видимо, очередная дворянская привилегия, вроде той, когда и европейские баре, и наши помещики преспокойно носились по неубранным крестьянским полям немалыми охотничьими кавалькадами. Снова мурло феодализма во всей неприглядности. Ничего, когда-нибудь и здесь настанет время массовых поджогов помещичьих имений, время колхозов...

А там показался впереди и Большой Тракт. Мы выехали на него совершенно буднично, никто и ухом не повел, глядя, как мы появились со стороны крестьянского поля, и мало кто удостоил нас вниманием — скорее всего, эти люди не были охотниками и охотничьей добычей не интересовались совершенно. Хотя со стороны других имели место любопытно-завистливые взгляды.

Ничего необычного я не увидел — все то же самое, что уже было в прошлый раз. Правда, вскоре обнаружились различия: попутчики выглядели точно так же, а вот встречный поток с некоторых пор стал совсем другим: все чаще попадались обозы из десятка, а то и двух однотипных повозок с одинаковыми грузами: на телегах без бортов громоздились высокие штабеля тщательно примотанных веревками больших ящиков, обитых по

граням железом. Заметив, что я обратил на них внимание, Грайт пояснил:

— Посуда, от крестьянской до дворянской. Город — один из шести самых больших городов, и там самые большие в королевстве фарфоровые и фаянсовые заводы...

И снова — скучная монотонная езда рысью. Правда, на этом участке Большого Тракта попутчиков, в том числе и дворян, оказалось гораздо меньше, и Грайт всякий раз пользовался этим, чтобы коротким галопом преодолеть очередной отрезок большой дороги.

Я не смотрел на часы, но примерно прикинул, что мы ехали уже не менее часа — привычного, не здешнего.

И не смог отделаться от впечатления, что во встречном движении что-то разительно изменилось. Точнее говоря, встречное движение прекратилось полностью, та сторона дороги словно вымерла — я впервые видел такое на Большом Тракте. Да и попутчики то и дело придерживали коней, вставали на стременах, словно пытаясь разглядеть что-то на горизонте. Отчего-то это мне показалось чуточку неправильным — раньше такого не было, попутчики никогда так себя не вели, а встречная полоса никогда не оказывалась пустой. Спросить у Грайта, вдруг это что-то да означает, или промолчать — вдруг это опять одна из реалий здешнего мира и я снова попаду впросак?

Я не успел решить для себя этот, в общем-то, пустяковый вопрос: Грайт вдруг точно так же привстал на стременах, принялся напряженно всматриваться в даль, и мне крайне не понравилось выражение его лица, в мгновение ока ставшего напряженно-сосредоточенно-хищным. Я и тут не успел ничего спросить, он рывкнул:

— За мной, во весь опор!

И резко свернул на поросшую невысокой травой равнину. Алатиэль поскакала следом и, когда Грайт остановил коня, пронеслась мимо, а за ней мчались вьючные

лошади так, что тонкая веревка, соединявшая седло девушки с уздой переднего коня, натянулась как струна. Я помчался следом не задумываясь. Грайт, когда я его миновал, припустил замыкающим, покрикивая:

— Быстрее!

Я поневоле пришпорил коня, Алатиэль нахлестывала плеткой своего, и мы во весь опор неслись вверх по широкому отлогому склону. Некогда было оглядываться на Большой Тракт и высматривать, что за опасность там внезапно объявилась, — в том, что это именно опасность, я уже не сомневался.

Наконец сзади послышался крик Грайта:

— Можно остановиться!

Я не без труда остановил сорвавшегося в галоп коня, стоя на склоне, повернулся к дороге. Мы отъехали более чем на километр, и дорога была как на ладони.

— Смотри внимательно, запоминай... — сквозь зубы процедил Грайт. — Алатиэль, ты первый раз это видишь, тебя тоже касается...

Я и без команды смотрел во все глаза.

Такого на Большом Тракте я еще не видел. Оказалось, мы далеко опередили остальных: с дороги на обочину еще сворачивали оказавшиеся не такими проворными всадники, телеги... Это было форменное паническое бегство, дорога опустела.

— Посмотри. — Грайт протягивал мне уже разложенную подзорную трубу. — Тебе будет познавательно...

Я так поспешно вскинул ее к лицу, что легонько ушиб надбровье, припал к окуляру. Да, это было паническое бегство: всадники неслись очертя голову, опрометью мчались повозки, богатая карета, успевшая совсем недалеко отъехать от Тракта, подпрыгнула на ухабе, завалилась набок, и тут же то же самое произошло с двумя повозками с квадратным матерчатым верхом — причем

скатившиеся с козел люди, не оглядываясь на бившихся коней и опрокинутые фургоны, припустили прочь от дороги. Одного из них с разлету сшиб всадник, упавший пополз, упираясь локтями. Еще у одного всадника споткнулась лошадь, он перелетел через ее голову и забился в траве в отчаянных корчах, пытаясь ползти. Еще одна повозка опрокинулась, еще один всадник кубарем покати́лся по земле... Было слишком далеко, звуки почти не долетали, но я прекрасно видел раздернутые в крике рты, искаженные ужасом лица...

Потом увидел и причину паники. Со скоростью идущего скорым шагом человека с той стороны надвигалось уже знакомое сиреневое мерцание. Геометрически правильный сиреневый круг — та же Светоносная Изгородь, только движущаяся, диаметром не менее трехсот метров, выступавшая далеко за пределы дороги. Те, кого она захватывала в свои пределы, люди, лошади и верблюды, моментально замирали в нелепых позах и оставались лежать — несомненно, уже мертвыми...

Потом я рассмотрел еще кое-что. В центре круга бесшумно летела на высоте примерно двух человеческих ростов овальная штуковина вроде небольшого остроного дирижабля, как и замок ватака сплошь состоявшая из зеркал, в которых большим ослепительным клубком пламени отражалось стоявшее уже низко солнце...

Те, кто благополучно оказался за пределами страшного круга, не останавливались, и всадники, и повозки так и неслись прочь от дороги, временами повозки опрокидывались, а всадники вылетали из седел, но это не умеряло общей паники...

Зеркальный летательный аппарат и сиреневый круг (представлявший собой ту же затейливую изгородь, что я видел на земле) поравнялись с местом, напротив которого мы стояли, проплыли дальше с той же невеликой

скоростью, и вслед им двигался немаленький конный отряд, во всю ширину дороги. Сверкали золотые халаты и золотые шлемы, в точности такие, как на Золотом Стражнике с постоялого двора. Копий у них не было, только мечи с позолоченными эфесами, в ножнах, на всю длину украшенных золотыми фигурными бляхами.

Следом ехало несколько больших повозок, самых обычных телег с высокими дощатыми бортами, запряженных самыми обычными конями, с возницами в самой обычной одежде. Время от времени повозки останавливались, Золотые Стражники группами по два-три человека гнали коней к трупам, спешивались и волокли их к телегам, где уже лежали навалом мертвецы, сваливали кучей как дрова. Уносили только покойников-людей, не обращая никакого внимания ни на лошадей и верблюдов, ни на грузы (часть веревок лопнула, ящики разлетелись, бочки раскатились). Повозки проезжали немного, останавливались, и все повторялось. Походило на то, что я наблюдаю непонятную, но давно налаженную работу, словно деловую суету трудолюбивых муравьев...

Грайт с несвойственной ему неуклюжестью прямо-таки сполз с седла и опустился в траву, уронив руки меж колен, с отрешенным лицом угнетенного тягостным зрелищем человека. Алатиэль тоже спешила, стояла возле своего коня, положив руку на седло, и лицо у нее было вовсе уж потерянное, осунувшееся, печальное...

Грайт процедил сквозь зубы:

— Третий раз вижу и не могу привыкнуть... Смотри, Алатиэль, в первый раз очень познавательно...

— Убила бы тварей своими руками... — откликнулась она с полыхнувшей в глазах лютой ненавистью.

Наши кони безмятежно щипали траву. Беглецы наконец-то остановились, но никто не торопился вернуться на дорогу, хотя она давно опустела, сиреневое мерцание

исчезло далеко слева, скрылись с глаз и сверкавшие позолотой всадники, и повозки, заваленные мертвецами. Я все еще ничегошеньки не понимал в только что разгравшейся жутковатой сцене.

Слез с коня, подошел к Грайту и осторожно спросил:

— Что это все значит? Почему они забирали только людей? И зачем?

Грайт взмыл на ноги так стремительно, что я невольно отшатнулся, — показалось, он вот-вот на меня набросится. Нет. Он просто придвинулся вплотную, сграбастал меня за кафтан на груди так, что едва не отлетели пуговицы, и, уставясь бешеным взглядом, прорычал:

— Чтобы жрать! Понятно тебе? Хотел правды, всей правды? Вот тебе правда: ватаки жрут людей...

Обмяк вдруг, словно оправившись от вспышки ярости, вновь стал непроницаемым и холодным, выпустил мой кафтан, так что я смог перевести дух — тугой ворот сдавил горло, — отошел деревянной походкой и вновь сел наземь, не глядя на меня, похлопал ладонью по густой сочной траве. Расценив это как недвусмысленное приглашение — скорее уж приказ — сесть рядом, я опустился в траву, как обычно, не сразу уложив меч в ножнах так, чтобы не мешал.

Грайт заговорил, не глядя на меня, монотонным глухим голосом, напоминавшим механические звуки старой заезженной пластинки. Чем дальше, тем больше во мне крепили омерзение, злость, переходившая в слепую, нерассуждающую ярость...

Он рассказывал толково, грамотно, отсекая ненужные подробности, — умел работать с информацией не хуже иных моих сослуживцев-аналитиков, двигаясь по ключевым точкам...

Вскоре после Вторжения выяснилось, что ватаки едят людей — то есть человечину, приготовленную точно так

же, как люди готовят обычные блюда. Человечина была не главной пищей, а своеобразным деликатесом, каким у дворян служат дичь и рыба некоторых пород (впрочем, у всех, на какой бы ступеньке общественной лестницы они ни стояли, есть свои деликатесы, считающиеся таковыми лишь в узком кругу). Очень скоро людоедство превратилось в стройную систему со своей спецификой: когда правила хорошего тона требуют не называть иные вещи вслух и не упоминать их в приличном обществе, не говоря уж о газетах и книгах, — но абсолютно все знают, что эти вещи существуют...

Давным-давно введен Жребий. В завершающий день каждой недели крестьяне и горожане собираются у особых бочек, начиная с детей, которые начали ходить, и по строгой очереди вытаскивают из нее медные кружочки. Тех, кто вытянул не пустой кружочек, а отмеченный особым знаком, уводят Золотые Стражники, и все точно знают куда — но никто это не обсуждает. Все знают, что они попадают на Поварни — окруженные сиреновой изгородью кухни, где готовят еду. Каждый приговоренный к смертной казни отправляется туда же. Пропорции Жребия расписаны четко: самую большую долю участников составляют крестьяне, а дальше некая пирамида: чем выше стоят те или иные группы населения на той самой общественной лестнице, тем меньше доля участвующих в Жребии. Дворяне от Жребия избавлены вовсе, кроме тех, кто приговорен к смертной казни за определенные преступления (которые я бы определил как политические). Та же привилегия распространяется на служителей Дакташи (но не на служителей Шести Священных, правда, их доля самая низкая).

И, наконец, самое гнусное. Кроме Поварен, существуют еще Приюты, где женщины, отобранные по особому Жребию, только тем и занимаются, что рожают

детей, которых через несколько дней у них забирают и отправляют на Поварни. Приютов гораздо меньше, чем Поварен, из чего члены Братства давно сделали вывод: у ватаков есть некая иерархия в потреблении деликатесов, одним полагается простая человечина, другим — молодое мясо, третьим — младенцы...

Словом, разработанная система, покончить с которой можно, только покончив с ватаками, а это до ближайшего времени считалось невозможным. Но теперь, когда выяснилось, что на людей с красной кровью смертельные для всех с синей кровью Изгороди не действуют...

Как ни прискорбно это сознавать, но именно стройная, отлаженная система Жребия вносит спокойствие в людскую общность. Многим дворянам глубоко наплевать, что низшие попадают на Поварни. Многим низшим, тем, кто стоит выше других, Жребий представляется не таким уж страшным злом — не большим, чем, скажем, утонуть, попасться разбойникам или погибнуть от удара молнии. Наконец, сама система жребия не столь уж тягостна — каждый надеется, что уж он-то, везунчик, вытащит пустой кружочек. Считается еще, что молитвы трем из Шести Священных спасут от рокового жребия, и эта вера широко распространена (к выгоде соответствующих служителей культа, мысленно прокомментировал я).

Попутно выяснилось, почему ватаки разгромили храмы Седьмой Священной (с именем, которое я не собирался держать в памяти). Только в ее храмах существовал комплекс молитв и проклятий, направленных против поедателей человечины (как я понял, возникших еще в те чертовски стародавние времена, когда люди жили дикими племенами и людоедство еще кое-где бытовало). Прихожан у нее было немало, вот ватаки ради своего вящего спокойствия и приняли меры...

Когда он закончил и стало ясно, что продолжать не будет, рассказал достаточно, я спросил:

— И часто у вас так?

И кивнул в сторону Большого Тракта — там все еще никто не выехал на дорогу, даже остававшиеся верхом дворяне. Люди возились у повозок — с некоторых свалился груз, другие выглядели непострадавшими, их ставили на колеса...

— Частенько, — сказал Грайт. — Вероятнее всего, они так лишний раз хотят показать, кто здесь хозяин. Преспокойно могли бы летать без дорог, как делают купцы, благодетельствованные ими летучими кораблями. Но всякий раз шествуют по Большому Тракту и другим большим дорогам. Не так часто, чтобы это стало настоящей напастью, но и не так уж редко. Некоторые у нас считают, что для них это еще и своего рода развлечение, наподобие охоты. Можно пополнять запасы и без Жребия и прочего. Тут уж кому не повезло, так не повезло... куда денешься от больших дорог? Во всяком случае, на разбойников они уж точно охотятся, не всегда передоверяют это Золотой Страже...

И вновь замолчал, не сводя отрешенного взгляда с дороги, — но вряд ли видел ее. На Алатиэль я посмотрел только раз и тут же отвел глаза — очень уж горестное было у нее лицо, сердце чуточку защемило от жалости...

Стараясь, чтобы это не прозвучало укором, я спросил:

— Почему же ты раньше не рассказал, как обстоят дела? У меня было бы совсем другое отношение... ко многому...

Впервые за время нашего разговора он глянул на меня и тут же отвернулся. Я уж думал, что он не ответит, когда Грайт сказал глухо:

— Веришь ты или нет, но казалось чертовски унижительным признаваться, что люди — не более чем мясо...

Я верил всему, что он рассказал, умел работать с информацией и знал, с какими лицами не врут. Что-то перевернулось у меня в душе, и на многое теперь следовало смотреть по-другому. До этого к Грайту и Алатиэль я относился чуточку снисходительно, даже зная, что они ходят под смертью, полагал чуточку бесившимися с жиру дворянскими подпольщиками наподобие декабристов, у которых слова решительно расходились с делом — как они ни витийствовали об уничтожении крепостного рабства, никто из них (а помещиков с «душами» среди них хватало) собственных крестьян не освободил, наоборот, иные преспокойно сдавали деревеньки в залог и перед самым восстанием, а деньги тратили исключительно на себя...

Теперь все переменилось самым решительным образом. Дворян Жребий нисколько не касался — но мои спутники, хотя их лично жизнь под ватаками почти и не затрагивала, стремились покончить с колонизаторами. Впрочем, я неудачно подобрал слово. Колонизаторы из нашей истории ватакам и в подметки не годились. Они грабили по всему свету под метелку, пролили реки крови, но все же не докатывались до людоедства — что еще сквернее, возведенного в стройную систему. Нужно из кожи вон вывернуться, но помочь моим спутникам, как советский человек не могу поступить иначе...

Грайт утрюмо спросил:

— Ну, теперь ты понял, за что предстоит драться и против кого?

— Не сомневайся, понял, — сказал я сквозь зубы. — Будь спокоен, не подведу...

— Ну тогда в седла, — сказал он, пружинисто взмывая на ноги. — Мы и так много времени потеряли...

Мы спустились с пологого косогора, ехали мимо оторопевших всадников, перевернутых повозок, потом —

мимо мертвых лошадей и оставшихся без хозяев грузов. Кивнув на них, я спросил:

— Так и останутся валяться?

— Вот уж нет. — Грайт покривил губы. — Скоро набегут крестьяне из окрестных деревень, народец рачительный. Уташат все, что пригодится в хозяйстве, — законом это позволяется. Еще одна сладость от ватаков, которая им ничего не стоит...

Дорога была пуста, как лунная поверхность или пустыня Сахара, — так что стук подков наших коней показался странноватым и даже чуточку неуместным. Впрочем, пустая дорога пошла нам только на пользу — пустили коней коротким галопом, таким аллюром и проделали немаленький отрезок пути, пока не наткнулись на группу дворян, которых обгонять не полагалось, и пришлось вновь перейти на рысь. Правда, ехавшие впереди двигались крупной рысью, не задерживая нас, — подхлестывали коней, торопясь в город.

На нашей полосе все же было какое-то движение — а вот встречная, ведущая из города, так и осталась пустой. Я и без лишних расспросов догадывался, в чем тут дело, — видимо, с наступлением вечера никто не пускался из города в долгий путь, что было вполне объяснимо и понятно...

— Ну вот, полюбуйся, — сказал Грайт. — Успели даже раньше, чем я прикидывал...

Я посмотрел вправо. Насколько хватало глаз, тянулась странная стена, заканчивавшаяся плавным изгибом, почти перпендикулярным дороге. С большими промежутками стояли похожие на минареты башни — высокие и тонкие, этакие исполинские карандаши, из светло-желтого камня, с острыми коническими крышами, черными, вроде бы черепичными, без окон и смотровых площадок для часовых, они казались сплошными, не

рассчитанными на присутствие людей. А меж ними все та же, уже знакомая, слабо мерцавшая, затейливая светло-сиреневая Изгородь, сплетение смертоносного света...

— В городе что, живут и ватаки? — спросил я.

— Да нет, — сказал Грайт. — Они не живут в городах, я вроде бы тебе уже говорил. Даже те, из королевского дворца, обитают в замке за окраиной столицы. А здешняя Изгородь... Еще один великодушный дар ватаков взамен обветшавших прежних стен. Отцы города довольны — не нужно тратить на починку денежки из городской казны, и простые горожане довольны: в город уже не проникнут, минуя стражу, разбойники и прочие злоумышленники. — Он усмехнулся. — Ну а для людей вроде нас город может в два счета стать надежной ловушкой: там всего трое ворот, одни для путников, двое других для повозок, и их легко занять дополнительной стражей. С тех пор как я в Братстве, недолюбливаю города как раз из-за новых стен — они во многих городах появились, за исключением маленьких, — он pokrивил губы обычной гримасой, к которой я уже притерпелся, — что опять-таки играет роль вкусной косточки для собаки или конфетки для ребенка: жители городов, живущие за Изгородями, задирают нос перед теми, кто такой привилегии лишен. Человеку иногда очень мало нужно для счастья или сладкого ощущения превосходства над окружающими — такое уж это своеобразное и загадочное животное... Скоро приедем. Старательно изображай глухонемого, а вот с любопытством глазеть по сторонам нисколько не возбраняется — обычное поведение для провинциала, впервые в жизни попавшего в большой город...

Город и в самом деле оказался немаленький — от того места, где кончалась овальная стена, и до ворот было три здешних меры длины и еще кусочек. Я прикидывал расстояние чисто от скуки и однообразия пути — по-

лучалось, что здешняя «верста» составляет примерно полтора километра.

— Не думаю, что наши пристанища раскрыты, — сказал Грйт. — Но все равно в таких делах следует предполагать самое худшее... тем радостнее потом узнать, что все обошлось... Сначала заедем к Знахарю, познакомимся с Лаусом. А если они не выдержали пыток и нас выдали... Вряд ли нас станут вести по городу. Скорее уж будут хватать на воротах. Если начнется заварушка, кусай перстень не раздумывая, так для тебя... для всех нас будет только лучше.

— Что бы я делал без твоей теплой дружеской заботы... — проворчал я.

Он хмыкнул и ничего не ответил. Подумав, я сказал:

— Если нас уже ждут, наверняка будут какие-то признаки засады. Ну, скажем, больше стражи. Как мне узнать, идет все как обычно или есть чего опасаться?

— Резонно... — сказал Грйт. — Обычно в воротах толкуются и стражники, и шпики. Если их будет больше, чем обычно, я проведу ладонью по щеке, вот так. И у нас будет время...

От дороги к городским воротам уходили три дороги, поуже, но замощенные столь же старательно и добротнo, точно так же разделившиеся невысоким каменным барьерчиком на две полосы. Я сразу определил, в чем тут придумка: дворяне впереди нас поехали по центральной, на правую свернули груженные повозки, а по левой двинулся экипаж вроде тарантаса или шарабана, там сидели люди, одетые гораздо лучше возчиков на повозках, но все равно в шапках, больших, наподобие четырехугольных беретов, — надо понимать, здешние буржуа или что-то вроде. И тут привилегии. До разных дорог и разных городских ворот у нас не додумались и во времена расцвета сословных привилегий, самого махрового феодализма...

То, что это именно городские ворота, мог бы издали определить, пожалуй что, и деревенский пентюх, которого мне снова придется изображать. Три каменные арки, высоченные и широченные, куда могли бы проехать четыре полуторки в ряд. Ни следа собственно ворот — только эти арки. По обе стороны стояли кучки людей в здешнем цивильном и в незнакомой форменной одежде — у цивильных руки были пустые, а обмундированные с величавостью мелкой сошки опирались на что-то вроде алебард с широкими зазубренными лезвиями, способных причинить нешуточный вред организму, даже если они не наточены — если отоварить такой железякой по башке, последствия будут самые печальные. Справа в лучах заходящего солнца поблескивал халат и шлем — самый роскошный привратник, Золотой Стражник, помещался в приподнятой над землей будочке без крыши, с аккуратной лесенкой сбоку. Ага, расположился на такой высоте, чтобы всадники, не сходя с коня, могли подавать ему подорожные...

У цивильных были классические глаза шпииков — бегающие, цепкие, щупающие каждого, кто въезжал в ворота. Они ничуть не скрывались, не притворялись мирными лодырями наподобие тех, которых описывал Марк Твен в «Приключениях Гекльберри Финна». Да и стражники в желто-красном тоже не выглядели скучающими зеваками. Приходилось признать, что наружное наблюдение у них тут поставлено неплохо.

Я во все глаза следил за Грайтом, готовый при малейшей угрозе кусануть мнимый самоцвет в перстне — никак не улыбалось попасть живым в здешнюю сигуранцу. Страх не было, но напряжение, понятно, подступило нешуточное...

Обошлось, кажется: Грайт и Алатиэль после проверки подорожных спокойно проехали в ворота, и никто на

них не бросался, не тащил с коней. Правда, как и следовало ожидать, здешний цербер тоже потянул время, подобно своему поделельнику на постоялом дворе, нагло плясь на девушку с гаденькой улыбкой. Алатиэль, надменно задрав голову, притворилась, будто ничего не замечает.

Когда настала моя очередь, стражник, положив подорожную на свое загадочное устройство, поинтересовался этак свысока:

— Хворать изволили, благородный господин? Не огорчайтесь, бывают хвори и похуже, лечатся гораздо труднее...

Памятуя уроки Алатиэль, я действовал по обстановке: указательным пальцем правой руки очертил круг вокруг правого уха, тем же пальцем провел вдоль рта, в завершение сделал ладонью перед лицом рубящее движение. Доступно растолковал, что глухонемой, и азбуки глухонемых не знаю — не дворянское это дело, любезный, так что отвяжитесь...

Золоченый болван моментально потерял ко мне всякий интерес, по глазам было видно. Даже мурыжить не стал: тут же снял подорожную с овального стекла и сунул мне.

Я проехал в ворота следом за спутниками — и почти сразу же оказался в коловерти большого города. От ворот вела широкая улица, застроенная большими красивыми домами с вычурными балконами, высокими острыми крышами, затейливыми водосточными трубами и красивыми башенками, высотой в пять и больше этажей. Все они выглядели официальными зданиями, а не жилыми домами — ну конечно, никто из зажиточных людей, которых в таком городе наверняка хватает, не стал бы жить на улице, по которой что ни день тянется поток путешественников...

А вот это — явно театр, или цирк, или все вместе: круглое здание с небольшим количеством окон, и по обе стороны от входа, широкой лестницы с полукруглыми колоннами, стоят на подпорках не менее дюжины афиш: больших, красочных, выполненных довольно искусно, но, сразу видно, не нарисованных от руки, а печатных. Ничего необычного: пестро разодетый усач с длинным бичом перед здоровенным мохнатым зверём, смахивающим на медведя, акробатка в коротенькой юбочке наподобие тех, какие носят бляки, на спине ухоженной белой лошади, жонглер с большими сверкающими шарами, шеренга танцовщиц в коротеньких открытых платьях, с широкими улыбками вскидывающих ножи. А это уже искусство классом повыше: несколько человек, мужчин и женщин, в пышных одеждах, непохожих на все, что я видел здесь раньше, — очень может быть, не современных, а старинных, и это пьеса здешней классики...

Прохожих на тротуарах было много, и они никуда не спешили, скорее прохаживались, чем целеустремленно шли по делам. Некоторые выступали уж вовсе величаво, со спесивыми лицами хозяев жизни — все пусть и в головных уборах, но роскошных, украшенных золотым шитьем и самоцветами. Безмятежно фланировала буржуазия, не зная, что исторически обречена и их далеким потомкам придется пережить массу неприятностей...

Попадались, конечно, и грустные лица, но редко. Как я ни приглядывался, не заметил общей подавленности и уныния людей, вынужденных жить под гнетом Жребия, — притерпелись, надо думать, и каждый надеется вытянуть счастливый билетик...

Из потока прохожих вынырнул толстый человечек, одетый чуточку беднее многих, но ничуть не в дерюгу, пошел рядом со мной, легонько держась за стремя, широко мне улыбаясь, гримасничая подвижным лицом

клоуна. Ехавший рядом Грайт, мельком глянув на него, и бровью не повел — значит, не было никакой опасности.

Человечек был сама благожелательность, но в его гримасах и ухмылочках было нечто специфическое. В жизни не видел зазывалу из борделя, но примерно так он и должен выглядеть.

Он молчал — и мне, согласно принятой на себя роли, не полагалось задавать вопросов типа: «Чего тебе надобно, старче?» Однако он ничуть не походил на нищего попрошайку.

Наконец, когда я совсем уж было решил, что это — настоящий немой, хотя и не понял, какого рожна ему от меня надо, человечек заговорил:

— Благородный господин, не соблаговолите ли посетить лавку конайров? Это недалеко, за углом, лучший товар из натуральных волос, цены без запроса...

Я ни черта не понял, что у него за товар, но не растерялся — только что, в воротах, все прошло гладко. Повернулся к нему и вновь теми же тремя жестами дал понять, что абсолютно ему не интересен и со мной ему никак не договориться.

Он потерял ко мне интерес еще быстрее, чем стражник на воротах. На лице мелькнуло разочарование, и он, так и не согнав масляную улыбочку, выпустил мое стремя, отстал. Без малейшего изумления на лице — разыгралась непонятная для меня, но явно насквозь бытовая сцена...

Мы свернули на такую же широкую, но почти безлюдную улицу, где по обе стороны тянулись приземистые здания с крохотными зарешеченными оконцами под самой крышей и широкими двустворчатыми воротами, иногда прямо в стенах. Редкие прохожие проходили деловитой рысцой, и у каждого ворот торчал хмурый тип с оструганной дубиной, смахивавшей на оглоблю. Больше всего это походило на квартал лабазов.

Место было подходящее, без лишних ушей, и я спросил Грайта:

— Что этот тип от меня хотел?

— Обычная картина для города, — пожал он плечами. — Зазывала из лавки. Конайр — это... такая шапочка из натуральных человеческих волос, если хорошая, дорогая, ее не отличить от натуральной прически. У нас их носят не только плешивые, но и бедные волосами щеголи, а уж особенно щеголихи — далеко не у всех такие богатые волосы, как у нашей Алатиэль. Понятно, и многие из тех, кто перенес хворь и стесняется показаться на людях с короткими волосами. Но если бы купцы рассчитывали только на тех, кто перенес хворь, быстро прогорели бы. В общем, товар ходкий. Вот только даже дремучие провинциалы знают, что такое конайр, так что ты поступил правильно.

Оказалось, все так буднично, что даже скучно сделалось... Всего-навсего парики.

— Ну да, — сказал я. — А что такое троллейбус?

— А что такое троллейбус? — серьезно спросил Грайт.

Ну не читать же ему лекцию о нашем общественном транспорте... Чуть подумав, я сказал:

— Это такая наша шутка, долго было бы объяснять суть, вот и вигень не справился...

— Понятно, — кивнул Грайт. — Ну вот, мы сейчас приедем. Засады там быть не должно, но все равно первое время держись настороже, пока не придем к Знахарю. Человек надежный, предать не может. Держись с ним совершенно свободно и, если зайдет речь, не скрывай, кто ты такой. Знахарь, ты уже, наверное, понял, посвящен в тайну...

— Конечно, понял, — кивнул я.

И подумал с любопытством: интересно, как пройдет моя встреча с этим Клаусом, златолюбивым нем-

цем-танкистом, и какие у нас сложатся отношения? Надо постараться, чтобы получились чисто рабочие, чем быстрее я с этой эскападой разделаюсь, тем лучше. Хватит самообладания, чтобы не смотреть на него зверем: в конце концов, он против нас не успел повоевать, подался в здешние ландскнехты. Не стоит ему сообщать, что немцы на нас напали и мы сейчас представители сражающихся друг с другом армий. Вряд ли он об этом знает. И вряд ли он такой уж убежденный фашист — золото для него оказалось притягательнее гитлеровских бредней...

Улица, куда мы повернули, оказалась еще шире, безлюднее и респектабельнее: окруженные деревьями, красиво подстриженным кустарником и цветущими клумбами небольшие, но красивые особняки в два этажа, хотя попадались и трехэтажные. Сразу видно — дворянское гнездо, здешний резидент Братства не в пролетарской лачуге обитает.

Улица мне крайне понравилась с профессиональной точки зрения: на такой очень трудно поставить соглядатаев, при здешнем безлюдье и роскоши особняков любой шпик, как бы он ни маскировался, издали бросится в глаза. Так что явка устроена грамотно...

Мы остановились перед высокими чугунными воротами в затейливой чугунного же литья ограде. Внутри, у калитки, стоял небольшой деревянный домик, явная сторожка — но красивый, как игрушечка. Из него проворно выскочил человек средних лет в колпаке слуги, точно таком же, как у покойного Лага. Поклонившись издали, он безо всяких вопросов кинулся открывать ворота — то ли знал Грайта или Алатиэль в лицо, то ли привык к подобным визитам незнакомцев.

Мы проехали на небольшой мошечный двор. Справа было длинное здание, больше всего напоминавшее ко-

нюшню, слева — круглая клумба незнакомых желтых цветов на высоких стеблях с венчиком круглых листьев у основания. Пахли они очень приятно, чем-то напоминающая вчерашние духи Алатиэль.

Все спешили. Грайт спросил:

— Господин дома?

— В лаборатории, — кивнул слуга. — Как всегда в эту пору. Признаться, мы вас ждали завтра утром...

— Болтаешь много, — отрезал Грайт, и слуга моментально примолк — словно бы даже не с почтением, а с робостью, — положительно, он хорошо знал Грайта, а может быть, и его прозвище, явно полученное не без причины...

— Все спокойно? — с тем же холодным выражением лица поинтересовался Грайт.

— Не извольте тревожиться, тишь да гладь... Соблаговолите пожаловать...

— Лошадей в конюшню, — коротко распорядился Грайт. — Не расседлывать. Поклажу не трогать. Господин Лаус дома?

На лице слуги явственно изобразилось замешательство:

— Э-э... Он... В общем, его нету... Господин сам расскажет...

Я прекрасно видел, как глаза Грайта нехорошо сузились, но он тем же безучастным тоном спросил:

— Барлон дома?

— Конечно, как всегда...

— Выполняй, что я тебе приказал, — бросил Грайт и первым неторопливо направился к каменному крыльцу с затейливыми чугунными перилами. Отойдя на несколько шагов, сказал тихо, похоже, обращаясь и ко мне, и к Алатиэль: — Крайняя осторожность. Держите ушки на макушке. Не нравится мне это...

— Засада? — мгновенно подобралась Алатиэль.

— Не похоже, — сказал Грайт. — Но это странно. Очень странно. Знахарь дома, единственный слуга дома, а вот Лауса нет. Он никогда в эту пору не выходил из дома. Это неправильно, а я не люблю неправильностей, за ними может скрываться что угодно...

— Но нам же по обычаю придется оставить оружие в прихожей...

— Ничего не поделаешь, — сказал Грайт. — Обычаи нарушать нельзя. — Его губы покривились в жесткой усмешке. — В конце-то концов, перстни нам нет необходимости оставлять в прихожей. Возможно, я напрасно паникую, но лучше лишний раз сыграть панику, чем... В общем, будьте готовы ко всему. Засапожник при тебе, Алатиэль?

— Конечно, как всегда...

— Отлично. Ну а Костатен — сам по себе оружие. Сигнал тревоги — слова «Вот незадача!». Именно сигнал тревоги, а не команда к действиям. Когда понадобится действовать... если понадобится, вы сами поймете...

Хорошенькое начало...

— И еще, — быстро, все так же тихо бросил Грайт, когда мы уже подходили к крыльцу. — Не пейте, если он что-то предложит, откажитесь под любым предлогом...

Мы вошли в обширную прихожую, отделанную резными деревянными панелями от пола до потолка. Туда выходили две двери. Из той, что пониже, как чертик из коробочки, появился субъект с ухватками вымуштрованного слуги — я уже посмотрелся на постоялом дворе на эту человеческую разновидность. Поклонился и замер в выжидательной позе. Грайт спокойно отстегнул меч и кинжал, протянул ему. Слуга отнес то и другое к высокой деревянной стойке с фигурными вырезами, привычно уместил там. Тем же путем проследовало наше

с Алатиэль оружие. Я впервые почувствовал себя голым, хотя не умел обходиться с мечом, — видимо, подействовало напутствие Грайта, и теперь приходилось ожидать чего угодно. Ничего, боевое самбо всегда при мне...

— Господин в лаборатории, — сообщил слуга. — Прикажете проводить?

— Не утруждайтесь, любезный Барлон, — сказал Грайт непринужденно. — Я не так давно был здесь в последний раз, чтобы забыть дорогу...

Возможно, это и было против правил здешнего этикета, но слуга с непроницаемым лицом отступил с поклоном. Обойдя подножие ведущей на второй этаж лестницы, Грайт уверенно направился ко второй двери, и мы, понятно, пошли следом.

За дверью обнаружился короткий коридор, упиравшийся во вторую дверь, гораздо более старинную на вид: низкую, с полукруглым верхом, окованную тремя затейливыми полосами кованого железа, с массивным кольцом вместо ручки — за такими в приключенческих романах, пришло мне в голову, таятся сундуки с сокровищами. Когда Грайт потянул за кольцо, она поддалась неожиданно легко, и мы вошли.

Глаза у меня разбежались с порога. Сундуков с сокровищами что-то не замечалось, но обширная комната со сводчатым потолком в пол не соответствовала двери. Все четыре стены сплошь занимали деревянные стеллажи, тоже показавшиеся старинными — из солидных досок на толстых круглых стойках, ничего от этажерочной легкости. На одних идеальными шеренгами протянулись ряды бутылок со стеклянными пробками, выстроенные по ранжиру, от совсем крохотных пузырьков наподобие аптечных до огромных бутылей, вмещавших доброе ведро. Все они полны жидкостей, поражавших калейдоскопическим разноцветьем красок. Мутных или блеклых

красок не было — яркие, чистейшие цвета, словно полосы радуги. У меня мелькнула неуместная в данной ситуации, когда предписано было готовиться ко всему, мысль: как хозяин ориентируется во всем этом разноцветье? При том, что ни единой этикетки нет? Это сколько же нужно держать в голове...

На других стеллажах стояла разнообразная стеклянная и фарфоровая посуда, порой самой необычной формы, какие-то банки с разнообразными порошками, лежали кучки странных приспособлений, в углу — большая печь с вытяжным колпаком над ней...

Теперь я в должной степени оценил предостережение Грайта ничего здесь не пить — этаким вот алхимиком (или просто химиком, без разницы) мог в любое питье подмешать любое зелье, необязательно смертельное, но от этого не легче...

Хозяин вышел нам навстречу из-за громадного стола темного дерева, уставленного склянками и колбами (под одной, пузатой, с тонким изогнутым горлышком, ровным пламенем пылала горелка под треножником, на котором колба и держалась. В ней пузырилась розовая тяжелая жидкость — может, прозаическое средство от зубной боли, а может, эликсир бессмертия: от алхимиков, я помнил из книг, чего угодно можно ожидать, интересы у них самые разнообразные)...

Выглядел он крайне импозантно: высокий, статный, с тщательно уложенной седой шевелюрой и интеллигентным лицом настоящего профессора, в сером дворянском платье. Никаких украшений, ни перстней, ни браслетов, длинные пальцы пианиста, выразительные внимательные глаза — научный работник с большим стажем, да и только...

Он подошел к Грайту, положил ладонь ему на сердце, Грайт сделал то же самое, и они постояли молча —

должно быть, здесь это было чем-то вроде дружеского объятия.

— Я тебя ждал только завтра, Свинцовый Монумент... но все равно очень рад тебя видеть. Добрались благополучно?

— Не считая мелких дорожных неприятностей, от которых никто не избавлен. Но никакой опасности за спиной, Знахарь...

— Прекрасно, — облегченно вздохнул хозяин.

Мне почудилось в нем нешуточное внутреннее напряжение, но так ли это, судить не берусь — я его видел впервые в жизни, а первые впечатления о незнакомом человеке часто оказываются ошибочными.

— Озерную Деву ты уже знаешь, — сказал Грайт не принужденно. — А этот молодой человек с некоторых пор получил прозвище Красный.

Знахарь уставился на меня с неприкрытым любопытством:

— Интересное прозвище, многозначашее... Уж не потому ли дано, что он тоже из того мира, где кровь у людей красная? Или это тайна?

— Ну какие от тебя могут быть тайны, Знахарь? — усмехнулся Грайт. — От тебя-то? Смешно и подумать... Да, он именно оттуда. Сразу замечу — в данном случае золото не в игре. Он из страны Усатого Короля. Ты там не был, но немало о ней наслышан...

— Еще бы. Действительно, в той стране высшей ценностью считается отнюдь не золото... что меня только привлекает в Усатом Короле и его подданных. Но что же мы стоим? Садитесь. Вина или прохладительного? Я прикажу готовить ужин, распоряжусь, чтобы Барлон сбегал за кухарем, он обитает недалеко...

Он потянулся к большому колокольчику на столе, но Грайт мотнул головой:

— Не стоит лишний раз утруждать слугу... Мы хорошо поужинали в корчме у городских ворот, так что ничего не нужно. — Он усмехнулся: — Конечно, это нешуточное оскорбление хозяину — когда гости едят и пьют в корчме, прежде чем явиться в дом. Но извиняет то, что мы не вполне обычные гости, а ты не вполне обычный хозяин. Не правда ли?

— Разумеется, Свинцовый Монумент!

Он вернулся за стол, а мы уселись в стоявшие близко к нему кресла — массивные, неподъемные, не способные служить подручным средством в дискуссии с неожиданными оппонентами, если таковые нагрянут.

Знахарь сказал с тем самым внутренним напряжением:

— Я так понимаю, события разворачиваются по намеченному? Красный должен сопровождать Лаусу?

— Ты, как всегда, проницателен, — без выражения сказал Грйт. — Все именно так и обстоит... Кстати, о Лаусе. Что стряслось? Что-то ведь определенно стряслось. Гокель сказал, что Лауса «нету», и лицо у него при этом было какое-то странное...

Вот теперь я убедился, что мне ничуть не показалось: на лице хозяина явственно изобразилось замешательство, даже тревога. С вымученной улыбкой он сказал:

— Грйт, так уж все обернулось... Лаус ушел. Совсем.

— Вот незадача! — воскликнул Грйт.

Алатиэль медленно изменила позу, чтобы ее рука оказалась как можно ближе к голенищу сапога, — а я и не подозревал, что у нее есть засапожный нож, пока Грйт не сказал... Напрягся и приготовился к любым поганым сюрпризам. Плохо, что я, как и мои спутники, сидел спиной к двери — впрочем, ее ни за что не распахнешь бесшумно...

Дверь не распахнулась, и никто в лабораторию не ворвался.

— Да уж, незадача... — промолвил Знахарь. — Но я ничего не мог поделать. Он именно что ушел, сказал, что не собирается выполнять поручение и совесть у него чиста, потому что он до сих пор не взял у нас ни единого золотого... Видишь ли, он решил, что отыскал гораздо более подходящий вариант устройства своей судьбы. Хочет мирно жить в этом городе...

— Объясни, — с ледяным спокойствием сказал Грайт. — Ясно уже: случилось нечто из ряда вон выходящее, чего мы не предусмотрели. Лаус неглупый человек и прекрасно понимал: слишком плохо он знает наш мир и нашу жизнь, чтобы устраиваться в ней собственными трудами. К тому же нужны веские причины, чтобы человек его склада характера отказался от груды золота...

— Все верно, — с той же вымученной улыбочкой отозвался Знахарь. — Но ты не удивишься, когда услышишь старую истину: от груды золота нетрудно отказаться при виде еще большей груды... к тому же в ситуации, когда золото можно получить без малейшего риска...

— Ты не мог бы выражаться яснее? — спросил Грайт.

— Ты ведь здесь не раз бывал, знаешь таверну «Золотой рукав»...

— Ну еще бы, — усмехнулся Грайт, повернулся ко мне. — Красный, чтобы тебе было понятно... Самое дорогое заведение в городе, только для дворян и бялок высокого полета. Куча уютных комнат, где иные высокородные дамы коротают время не только с равными себе, но и с платными красавчиками из самого что ни на есть простонародья. Те же бялки, только в штанах... Болтают даже, что к услугам любительниц самых утонченных развлечений хозяин обустроил уединенный домик, где содержит штуня. Не было нужды эту сплетню проверять без необходимости...

— Все так, — кивнул Знахарь. — Ты же сам передал мне наставления: сделать все, чтобы Лаус в свободное время развлекался, как только захочет. Вот Рыжий на второй же день, расспросив, что Лаусу больше по вкусу, отвел его в «Золотой рукав», и Лаус стал там завсегдатаем. К концу недели он свел тесное знакомство с Олайти Парской...

Грайт снова повернулся ко мне:

— Одна из самых богатых дворянок в округе. Молодая вдовушка, причем сплетничают, что мужа-старичка свело в могилу неумеренное потребление возвращающих мужскую силу снадобий. И одна из самых завзятых шлюх, по тем же слухам, способная вогнать в краску законченных повес...

— Очень точное описание, — кивнул Знахарь. — Лаус очень быстро стал ее постоянным другом. Как он сам хвастал, подвыпив, у него имелись некоторые достоинства, прямо-таки восхитившие Олайти при всем ее богатом опыте. А два дня назад у нас с Лаусом состоялся откровенный разговор. Он рассказал, что Олайти предложила ему законное супружество, что в его положении может отказаться только идиот, а он кто угодно, только не идиот. Заверил, что никаких тайн Братства выдавать не собирается — и не давал никаких клятв верности, и никто ему не грозил смертью за нарушение устава Братства. Его просто наняли для определенной работы, а теперь он передумал и уходит. И ушел. Свинцовый Мономент, я ничего не мог поделать. Удерживать его силой было бы бессмысленно, и он это прекрасно понимал — не тот случай, чтобы добиваться своего принуждением... И то, что он мало знает о нашем мире, его нисколько не пугало: он сообразил, что для жизни в качестве законного супруга Олайти и не нужно, в общем, знать наш мир в совершенстве. Со временем наберется нужных знаний... Ты об этом не мог ничего знать, разумеется.

Я вчера отправил Братству зашифрованное донесение с нашим обычным курьером, но они, сам понимаешь, не знают, где тебя искать... Вот так дело и обстоит. Случайность, которую никто не мог предвидеть...

Некоторое время стояло напряженное молчание. Потом Знахарь сказал с расстановкой, лишенным эмоций голосом:

— Ну что же... И в самом деле, ничего тут не поделаешь. Убивать этого скота бессмысленно, он не собирается никого предавать или что-то выдавать. Должен прекрасно понимать: если он пойдет к ватакам, не получит и монетки, а вот кожу наверняка сдерут... И он прав: не думаю, что решат его убить, махнут рукой, в конце концов, не он первый...

— Действительно, — кивнул Грайт. — Махнут рукой, учтут, что он, если разобраться, был взят в наш мир помимо своего желания. Крайне смягчающее обстоятельство. Что тут сказать... Печально, конечно, что все именно так обернулось. Однако ровным счетом ничего не потеряно. Разве что у нас не двое людей с красной кровью, а один. Но я совершенно уверен, что Красный не отступит, даже оказавшись в одиночестве. Так что все продолжается по задуманному.

— Вот о задуманном я и хотел бы поговорить... Свинцовый Монумент, может быть, мы побеседуем с глазу на глаз?

Грайт, как обычно, был непроницаем, и все же мне показалось, что он удивлен. Однако его голос звучал ровно:

— Зачем? У меня нет тайн от моих спутников. Озерная Дева — такая же Посвященная, как мы с тобой, а в Красном я уверен полностью. Наконец, я в толк не возьму, отчего вдруг понадобился разговор с глазу на глаз? О чем в данной ситуации говорить с глазу на глаз и с какой стати?

— Я просто хотел, чтобы молодые люди оказались в стороне от неприглядных сторон жизни...

— Такая забота о молодых душах делает тебе честь, — усмехнулся Грйт. — Однако эти молодые люди мало похожи на нежные цветочки из теплицы. И прекрасно знают о неприглядных сторонах жизни. Ну и молодость — недостаток, который всегда проходит со временем...

— Возможно, для молодых людей то, что они услышат, покажется слишком сложным, ошеломит, и они в силу молодости не смогут обдумать все трезво...

— Не беспокойся, Знахарь, — в голосе Алатиэль был металл. — Я уже вышла из детского возраста и умею рассуждать трезво о многих вещах. Думаю, Красный то же самое может сказать о себе. Так что отправлять нас за дверь, как напроказивших детей, не стоит. Что бы ни услышали, в обморок не упадем и в истерику впадать не будем. — Она добавила с нескрываемой насмешкой: — Может быть, ты боишься? Не бойся, наше оружие осталось в прихожей...

— Мне кажется, Озерная Дева права, Знахарь, — сказал Грйт. — Она сумеет держать себя в руках, что бы ни услышала. А Красный тоже не впечатлительный мальчишка, он сюда попал со страшной войны, какую ты себе и представить не можешь. Также не дитя малое. Знаешь, ты меня всерьез заинтриговал, скажу больше — удивил. То, что ты говоришь, мне кажется предельно странным, ты, право же, на себя прежнего нисколько не похож...

С той же вымученной улыбкой Знахарь произнес:

— Мне эти мысли тоже сначала показались не просто странными — ошеломительными, неприемлемыми. Но потом...

— Может быть, перестанешь говорить загадками?

— Изволь... Хочу сразу уточнить: я в первую очередь буду обращаться к тебе. Во-первых, ты командуешь этим

делом. Во-вторых, я не сомневаюсь, что эти молодые люди неглупые и отважные, но уверен: Озерная Дева никогда не задумывалась о многих сложностях жизни и не рассчитывала ничего наперед. Ну а Красный — пришелец из другого мира, он наверняка имеет о нашей жизни самое смутное впечатление... Итак. Убедительно прошу сначала дать мне высказать все, а уж потом возражать и давать волю чувствам. Разумеется, ты по ходу разговора можешь высказывать свои мысли, я к этому готов...

— Слушаю внимательно, — сказал Грайт. — Молодые люди тоже не станут тебя прерывать. — Он посмотрел на нас. — Уяснили, молодые люди?

Мы с Алатиэль кивнули — он здесь командовал.

— Итак... — сказал Знахарь, явно чуточку волнуясь. — Свинцовый Монумент, тебе никогда не приходило в голову, что свержение ватаков принесет стране и людям неисчислимые бедствия, превосходящие нынешнее положение дел? Что лекарство окажется неизмеримо хуже болезни?

— Никогда, — сказал Грайт. — Развивай свою мысль, я весь внимание.

— Предположим, Красный разрушит Мост, и мы уничтожим отрезанных от своего мира ватаков. А что потом? Если правы те, кто считает, что с исчезновением ватаков исчезнут и Светоносные Изгороди? Наши рубежи окажутся совершенно беззащитными, и соседи, наверняка все трое, пошлют войска? Испокон веков так и было — когда кто-то ослабевал, к нему вторгались соседи, иногда просто грабили и жгли, иногда отрывали целые провинции. А мы окажемся не просто слабы — абсолютно беззащитны. Войска у нас нет уже тридцать лет. Те командиры с военным опытом, что еще живы, — глубокие старики или пожилые люди, давно растерявшие прежние умения и позабывшие прошлый опыт.

Кто сумеет подготовить из не обученных военному делу людей мало-мальски боеспособную рать? Нам попросту не дадут для этого времени. Стражники умеют только поддерживать порядок, завидев неприятельское войско, они попросту разбегутся. К тому же давно уничтожена большая часть производивших оружие мастерских, те, что остались, делают лишь оружие для стражников и дворян... которые большей частью не умеют им владеть, разве что на поединках, большей частью носят мечи исключительно в силу старинных привилегий. Наша славная панцирная дворянская конница давно исчезла, в краткие сроки ее невозможно возродить... не говоря уж о том, что нет ни единой мастерской по изготовлению доспехов, состарились те оружейники, что владели этим умением. Нет славных отрядов лучников, когда-то наводивших страх на любого врага, луки остались только у дворян-охотников, а их слишком мало, не наберется даже на одно знамя. А вот все соседи, я уверен, сохранили и войско, и оружейные мастерские. Мы очень мало знаем о том, что делается у соседей, но не сомневаюсь, что именно так и обстоит, война в основе человеческой природы. У двух из трех соседей — сильный военный флот, а у нас вообще нет морских кораблей. Та же картина: давно состарились корабельщики, потеряли навыки строители кораблей... Наконец, кроме соседей, есть еще и Заморье. Сколько раз они нападали на побережье, наше и соседей, жгли и грабили... Даже ты мальчишкой слышал о таких набегах, а я гораздо старше тебя, я видел один такой... Словом, если мы и избавимся от господства ватаков, то только для того, чтобы очень быстро попасть под соседское, гораздо более тяжелое и разорительное. Что скажешь?

— Что ты преувеличиваешь и сгущаешь краски, — ровным голосом ответил Грйт. — Есть средства успешно

отразить любое вражеское нашествие, и ты по своему положению в Братстве должен это прекрасно знать, хотя и не занимаешься прямо этими делами...

— Ну разумеется! А как же! Оружие, которое вы принесли из мира Красного... Я его никогда не видел, но верю тем, кто описывает его поразительное действие: металлические стрелки, летящие быстрее, чем их может увидеть человеческий глаз, штуковины, стреляющие гораздо быстрее, чем лучшие лучники прошлого...

Вот оно в чем дело, подумал я. Они и без меня додумались таскать из нашего мира огнестрельное оружие. Обучиться им владеть — нехитрое дело, особенно при полном отсутствии соперника. Потому Грайт и отнесся так равнодушно к моему предложению — запоздало...

— Оружие великолепное, не спорю, — продолжал Знахарь. — Но вряд ли его очень уж много, как и тех, кто умеет им владеть. Силы все равно будут неравны. Возможно, враг и разбежится в панике... но быстро поймет, что имеет дело с результатом труда человека, а не с молниями бога Гюлеша. И успеет вдоволь пограбить, сжечь, убить и угнать массу народу. Ты же читал книги по военной истории, о войне наших древних королей с горцами Тембината?

— Доводилось, — сказал Грайт.

— Помнишь, как обстояло с луками? У королевского войска они были во множестве, а горцы луков не знали. И поначалу посчитали оружие, убивающее на дальнем расстоянии, злым волшебством. В жуткой панике разбежались, не принимая боя. Но очень быстро сообразили, что к чему, выработали тактику борьбы с лучниками, а там, еще на протяжении жизни одного поколения, сами начали делать луки, и война стала совершенно другой, прежнего преимущества королевское войско лишилось. Это лук сделать очень просто даже тому, кто

с ним познакомился совсем недавно: подходящая гибкая палка, тетива — и готово. Я прекрасно понимаю: никто в нашем мире не сможет сделать ни оружие из мира Красного, ни тот горючий порошок, что мечет металл. Я не о том. Я о том, что абсолютного преимущества оружие из другого мира нам не даст...

— Ну это мы еще посмотрим, — сказал Грайт. — В конце концов, от нас потребуется продержаться до тех пор, когда сможем вооружить и обучить обычное войско. Для этого потребуется время, но все же не целая жизнь. Можно еще, пока соседи не успели проникнуть в суть дела, самим нанести по ним такие удары, чтобы зареклись на нас нападать и опомнились очень не скоро. Многое можно придумать, члены Братства, когда-то служившие в войске, разные варианты придумывают.

— Хорошо, не будем больше о военных делах, — сказал Знахарь. — Перейдем к лекарским. Ты сам прекрасно знаешь: ватаки покончили и с эпидемиями, и с серьезными хворами из тех, что либо убивают больного, либо превращают его в калеку. Подарили нашим лекарям великое множество разнообразнейших лекарств и обучили ими пользоваться. Сколько эпидемий прокатывалось в прошлом и сколько жизней они уносили... От некоторых у наших лекарей вообще не было лекарств, а от некоторых они помогали, но плохо, и половина заболевших не излечивалась. Что далеко ходить, ты сам мальчишкой застал нагрянувшую в ваши места синюю потрясучку. Сколько тебе тогда было, девять?

— Восемь.

— Помнишь?

— Такое не забудешь, — сумрачно сказал Грайт. — Все семейство со слугами затворилось в замке, неделю вокруг него сплошной полосой днем и ночью горели костры: когда кончились дрова, извели всю мебель начи-

сто, занавески, портьеры, постельное белье, даже часть одежды — все, что могло гореть. Замок был пуст, как пустая бутылка в кабаке, дедушка даже бросал в костры наименее ценные книги из библиотеки — тут уж было не до почтения к печатному слову... Хорошо еще, были запасы провизии. И ведь помогло, хвороба в замок не прорвалась, не сумела, как обычно, преодолеть высокое пламя. Помню, как в деревне чуть ли не кучами лежали мертвые, как их потом сжигали на кострах...

— Вот видишь... — сказал Знахарь. — А от бешеницы и смешливой смерти не спасало и пламя, вообще ничего не спасало. В иных городах вообще не оставалось живых... А ползучая плесень? А... Ну ты знаешь. Лекарства ватаки приносят из своего мира, люди их делать сами не умеют. Я не один год пытался, как и многие, изучить их состав, — он кивнул в сторону ближайшего стеллажа. — И оставил всякие попытки, как и остальные, — мы просто не понимаем, что там за ингредиенты, не говоря уж о том, чтобы самим получить подобное. Теперь — об инструментах ватаков. С ходу не перечислить, сколько они подарили разнообразных инструментов, облегчив труд превеликого множества мастеровых. Молодые и не представляют, что можно работать иначе, старинными орудиями. И множество вещей, невероятно облегчивших жизнь людям. Ты никогда в жизни не брился обычной бритвой, не чистил одежду обычной щеткой. Новые бритвы, щетки, кипячение воды, камни для прикуривания трубок, метлы, стирка... Всего не перечесть. Люди, от дворян до последних крестьян, очень уж привыкли к дарам ватаков. Все это они опять-таки приносят из своего мира, мы не то что не умеем сами делать такие вещи — мы просто не понимаем, как они работают. Ватаки несказанно облегчили нашу жизнь, одолели болезни, избавили от войн...

— Послушать тебя, ватакам нужно сапоги целовать, — усмехнулся Грайт. — Знахарь, ты всю жизнь прожил горожанином, а я вырос в деревне, сызмальства знаком с жизнью крестьян. Ну да, справный хозяин умеет заботиться о животине и птице: хорошо кормит, лечит, содержит в холе... до той поры, пока не придет пора резать. Так и ватаки. Они себя показали справными хозяевами, заботятся о домашней скотине — берегут от болезней, от войн, голода. А потом все равно режут...

— Неудачное сравнение, — спокойно возразил Знахарь. — Ничего общего. Это в деревнях в сезон сбора урожая режут весь скот, кроме молочного и того, что оставляют на расплод. Это и я знаю, хотя в деревне не рос и почти там не бывал. Ватаки всего-навсего запретили общую грамотность, не посягая на все остальное. Если подумать, это затронуло ничтожную часть людей. Крестьяне и до того были неграмотными за редчайшими исключениями. Да и у мастеровых и всех прочих низших грамотность была не в чести. В том числе и у дворян — и до Вторжения их было много неграмотных. Что далеко ходить, ты сам когда-то рассказывал, что твой старший брат не пожелал учиться грамоте, как многие, считал, что это не дворянское дело... поголовно грамотными были лишь купцы, чиновники, мастера некоторых цехов, лекари и, конечно, ученые. Но все они и сейчас не бедствуют... да и ученые не перевелись окончательно. А то; что некоторые науки пришли в упадок, большую часть людей оставило глубоко равнодушными.

— Жребий и Поварни, — бесстрастно сказал Грайт.

— Да, разумеется... Но так ли уж они страшны для подавляющего большинства людей? Я давно уже сделал расчеты. Понимаю, ты в силу известных причин не можешь освоить математику, но должен прекрасно знать значение слова «неизмеримо». За тридцать лет число тех,

кто подвергается Жребию, нисколько не увеличилось, остается прежним. И оно неизмеримо меньше тех, кто за год погибал от вражеских нашествий, эпидемий, голода. Неизмеримо! Так что Жребий можно рассматривать и как неизбежную плату за благополучие большинства. Своего рода стихийное бедствие вроде наводнений, ударов молнии в грозу и градобития... вот, кстати, о посевах. Кроме лекарств для людей, ватаки покончили и с хворями растений, плодовых деревьев, больше нет тех катастрофических неурожаев, что раньше часто вызывали голод, от которого, случалось, вымирали не то что деревни — целые провинции. Я подвожу к нехитрой мысли: свержение ватаков и уничтожение Моста вызовет неизмеримо больше жертв, чем Жребий и все ему сопутствующее. Это не голословные утверждения, все легко подтвердить расчетами, и они у меня есть. Тебя они не убедят из-за твоего незнания математики, но многие ее знают... Свинцовый Монумент, мы часто, много и охотно повторяем, что нами движет забота о благополучии людей. Но мы никогда не интересовались мнением самих людей, а ведь у слишком многих будет свое мнение на этот счет, отличное от нашего! Что будут думать лекари... и все остальные, когда лишатся лекарств? Крестьяне — эликсиров от болезни растений, деревьев и домашней скотины? Мастеровые и крестьяне — инструментов? Купцы — летающих лодок? Неужели поставят памятники членам Братства и воздадут ему хвалу? Подозреваю, будет как раз наоборот, и противников будет слишком много, чтобы истребить их поголовно... И, наконец, еще одна позабытая угроза. Мятежи. Вместе с войнами, эпидемиями и голодом вернутся и мятежи. И вовсе не те, что будут направлены против нас, — хотя я уверен, что случатся и такие. Вся история человечества пестрит разнообразными мятежами, часто приносившими не мень-

ше жертв и разрушений, чем большие войны. Вот какие забытые напасти к нам вернутся — войны, эпидемии, голод, мятежи. Не лучше ли ради блага людей ограничиться нынешними, неизмеримо меньшими жертвами?

Покосившись вправо, я видел, что Алатизель уставилась на Знахаря с нешуточной ненавистью. Ее пальцы касались голенища, за которым прятался засапожник, но она дисциплинированно молчала, не получая приказов от Грайта. Что до меня, я без труда отыскал аналоги в нашей недавней истории — без особого труда и малейших натяжек. Этот Знахарь — классический меньшевичок. Соглашатель. Существующий порядок плох, но не стоит на него покушаться из опасения еще больших потрясений. У нас эта точка зрения не прошла — а вот в Германии социал-демократы, тамошние меньшевики, из тех же побуждений расчистили дорогу Гитлеру. За что вскоре и поплатились...

В общем, как сказал бы Остап Бендер, старик — типичная сволочь.

— И что же ты предлагаешь, Знахарь? — все так же бесстрастно спросил Грайт. — Я тебя знаю давно. Ты никогда не тешился умозрительными рассуждениями. Все, что ты сказал, выглядит продуманным. У тебя просто обязан быть свой план действий, отличный от прежнего, не может не быть...

— Ты прав, план есть... В первую очередь это касается тебя — потому что ты руководишь этим делом, а молодые люди — не более чем исполнители... хотя и они имеют право на свою точку зрения после того, как все это услышали и получили пищу для ума... Ты все равно пробудешь у меня до утра,пустишься в дорогу только на рассвете. Подумай как следует над всем, что я говорил, отбрось всякие эмоции и рассуди трезво, стоит ли разрушать Мост. Ты же умница и эмоциям никогда не

поддавался, отсюда и прозвище. Я мало общался с Озерной Девой, но слышал, что она умна. И, наконец, вы, Красный. Вас это касается даже больше, чем ваших спутников: они не могут преодолеть Светоносную Изгородь, а вы можете, значит, и разрушать Мост предстоит вам. Подумайте, нужно ли это делать. Я верю Свинцовому Монументу, что вы не наемник, идущий на риск ради золота. Помыслы у вас, конечно, самые благородные, я немного наслышан о вашей стране, где в чести не золото, а как раз заботы о благе людей. Только будет ли это благо или получится совсем наоборот? Вы ведь должны знать математику...

— Имею некоторое представление, — сказал я.

— Отлично! Я вам дам свои расчеты с точным числом нынешних жертв Жребия и тем неизмеримо большим числом жертв, которые неминуемо будут после разрушения Моста. Вы легко разберетесь. Лаус мне немного рассказал о вашей математике. У нас, конечно, другие обозначения цифр, но вся разница только в том, что у вас десять знаков, а у нас — двенадцать. Числа так и остаются числами, независимо от того, по какой системе они записаны, по нашей или по вашей. У меня в бумагах есть очень простая таблица перевода одних цифр в другие. Лаус быстренько составил, хотя он и не ученый, дело было нехитрое. Наконец, я с удовольствием вам помогу после ужина, если что-то пойдет трудно...

— Не трудитесь, — сказал я, не раздумывая долго. — Никогда не любил арифметику, и нет никакой охотышний раз возиться с расчетами, да еще переводить одни цифры в другие...

— Понятно, — сказал Знахарь, как мне показалось, с грустью. — Все то же самое: молодежь рвется действовать, сворачивать горы, не задумываясь над тем, насколько сложна жизнь... Но ты-то, Свинцовый Монумент?

Вы стараетесь уберечь молодых от сложностей жизни, притворяетесь, будто на свете есть одна-единственная, изначально верная точка зрения и все прочие — в лучшем случае опасные заблуждения, а в худшем измена великому делу... Тебе не кажется, что такой постановкой вопроса вы молодых только калечите, отучаете их мыслить и рассуждать, заставляете слепо верить?..

Лицо Грайта было сумрачным.

— Не кажется, — ответил он.

— Зря... Могу тебя заверить: я вовсе не выродок. В Братстве есть люди, со мной совершенно согласные, и их больше, чем можно сосчитать по пальцам...

— Но все же недостаточно много, я так понимаю, чтобы по всем правилам потребовать созыва Великого Совета и предложить изменить какие-то основы?

— А разве истина подтверждается числом тех, кто ее защищает? Ты же читал книги об истории храма богини Лаути. Она явилась одному-единственному человеку, не ученому и не мыслителю, простому неграмотному гончару. И он отправился нести свет истины в одиночку. Но прошло не так уж много времени, и приверженцы Лаути появились во множестве. Сейчас ее храмы воздвигнуты и на нашей Большой Суше, и в Заморье, везде, где живут люди...

— Ты снова выбрал неудачное сравнение, Знахарь, — ровным голосом сказал Грайт. — Лаути — богиня Истины, а ты защищаешь людоедство, хоть и уверил себя, будто из самых высоких побуждений...

— А разве забота о том, чтобы как можно больше людей жили в довольстве и счастье, — неблагоприятное побуждение?

— Меня совершенно не тянет на долгие дискуссии, — сказал Грайт, встал с кресла и словно бы в задумчивости неторопливо прошелся по комнате. — Я хорошо тебя

знаю. Все, о чем ты говорил, — не минутный нахлыв и не игра ума. Твердое убеждение, не так ли?

— Хорошо, ты хоть это признаешь...

— Я хорошо тебя знаю, — повторил Грайт, остановившись рядом с ним.

Поднял ладонь жестом, каким обычно преграждают дорогу, — и вытянутой рукой с размаху ударил Знахаря в грудь против сердца. Деревянный стук — звук, какому неоткуда взяться при таком ударе, громкий и звонкий металлический щелчок...

Знахарь не шевельнулся, не изменил позы — но из его глаз исчезло что-то неуловимое, делавшее их живыми, исчезла жизнь, взгляд стал неподвижным и словно бы остекленевшим. Я еще не успел в полной мере понять, что на моих глазах произошло, как Грайт убрал руку, на этот раз с некоторым усилием. Ах вот оно что... Под его ладонью сверкнуло узкое и длинное лезвие, покрытое синей кровью, чуть курившейся парком...

Преспокойно вытерев его черным носовым платком, Грайт запустил пальцы левой руки под правое запястье, что-то там сделал — и лезвие с тем же металлическим щелчком исчезло в рукаве. Сделал еще что-то — раздался второй щелчок, потише, — ну конечно, там должен быть предохранитель, стопор, иначе велик риск, что лезвие при случайном нажатии выскочит в самый неподходящий момент...

— Неблагодарное оружие разбойников и грабителей, согласен, — сказал Грайт своим обычным насмешливо-отчужденным тоном. — Но не всегда можно прибегать к благородному оружию, тем более когда такой возможности нет... Я рад, друзья мои. На ваших лицах не видно ни особенного удивления, ни жалости. Это хорошо...

Неподвижный Знахарь стекленеющими глазами смотрел в никуда, румяные щеки на глазах наливались

восковой бледностью. На осунувшемся личике Алатиэль ничего не отражалось, кроме злости, да что там — ненависти. Я тоже не чувствовал к свежее испеченному мертвецу ни малейшей жалости — порой интеллигентские терзания способны причинить нешуточный вред, и тут уж не до гуманизма и прочих слюнтяйств, главное — остановить вовремя. Что Грайту, полагаю, удалось...

— В доме еще слуга... — отрешенно выговорила Алатиэль.

— И еще один во дворе, — кивнул Грайт. — Правильно мыслишь, Алатиэль. Посидите пока, я справлюсь один...

И он вышел своей всегдашней размашистой, энергичной походкой, бесшумно притворив за собой тяжелую дверь. Мы так и остались сидеть, не глядя друг на друга, — а что мы могли сказать или сделать? Тем более что от нас не требовалось ни слов, ни действий...

Вернулся Грайт быстро. Кинка на виду не было.

— Нечего рассиживаться, пошли, — сказал он деловито. — В Весельчаке я абсолютно уверен, хотя бы потому, что он совершенно не склонен к умствованиям и колебаниям... но все равно нельзя оставаться в городе, в этой огромной ловушке. Нынче не старинные времена, городские ворота не запирают на ночь, да и нет давненько ворот. А от охотников всегда ждут чудачеств и сумасбродств, никто не удивится, что они пустились в путь на ночь глядя. Ночевка в лесу — не самое неприятное из того, что может нас подстергать...

Он вышел первым, мы двинулись следом. В доме стояла мертвая тишина — в данном случае и в самом прямом смысле. Пристегнув оружие, мы вышли на крыльцо, и от сторожки моментально бросился с поклонами привратник:

— Прикажете расседлывать, благородный господин? Вы так и не дали распоряжений...

Мне пришло в голову, что он вот-вот начнет недоумевать, сообразив, что оружие висит у нас на поясах, — а значит, я уже понимал, ему станет ясно, что в гостях мы не остаемся, сорвались на ночь глядя. Однако Грайт явно не собирался давать ему время на раздумья, сказал непререкаемым тоном:

— Да, расседывай, пошли вместе, я покажу, с какими седельными сумами надлежит обращаться особенно осторожно...

И первым направился к двери конюшни, за ним зарысил привратник, судя по безмятежно-услужливому лицу, так и не успевший проникнуться недоумением. Дверь оставалась открытой, но раздался лишь короткий тихий шум, и тут же Грайт распахнул изнутри ворота конюшни, позвал:

— Живо, выводим лошадей!

Никаких особенных эмоций я не ощутил: слуги были ни в чем не виноваты, но сплошь и рядом в играх, где ставки слишком высоки, не считают пешек. Снова в ходу жестокое понятие «неизбежные потери», на том стоит наш мир, и этот, как быстро выяснилось, тоже, и ничего тут не поделаешь...

Неспешной рысью мы двинулись по улицам. Еще не стемнело окончательно, но уже повсюду горели уличные фонари той же загадочной системы, что и на постоялом дворе: яркое, порой мерцавшее пламя непонятной природы, вполне может оказаться, что очередное благодеяние ватаков. Начиналась оживленная ночная жизнь для горожан с туго набитым кошельком — гуляющих почти не убавилось, разве что исчезли с улиц одетые попроще, много было парочек и веселых компаний, из высоких, настезь распахнутых окон доносилась музыка, смех и веселый гомон. Ручаться можно, никто не вспоминал о Жребии и Поварнях.

Из города нас выпустили беспрепятственно. Шпиков и стражников в воротах поубавилось примерно наполовину — сразу видно, в ночное время здешний устав караульной службы изрядно терял суровость. Мы оказались в воротах единственными проезжающими. Даже Золотой Стражник откровенно поклевывал носом в своем скворечнике и вернул подорожные без всякой демонстративной задержки, не задав ни одного вопроса, так что на сей раз мне не пришлось изображать глухонемого — ага, проем был ярко освещен, и он быстро заметил шкуру неведомого зверя, снимавшую все вопросы и вносящую полную ясность. Я слышал, как шпик лениво, громко шепнул другому:

— Ну да, подряпали на зорьке шертанов подстергать...

Большой Тракт, как и следовало ожидать, был пуст, мы, равняясь на Грайта, двинулись размеренной рысью. По обе стороны дороги тянулись возделанные поля. Понемногу стемнело, справа над полями появился ярко-коричневый месяц рожками вверх, чуточку прибавивший в толщине, — а вот выщербинка на желтом кружочке определенно стала больше.

Чуть позже на небе проступили звезды, особенно крупные и яркие, как всегда вдали от городов, главным образом привычно-белые, но попадались и синие, алые, желтые. Ни одного знакомого созвездия я не увидел, чему нисколько не удивился. Только Млечный Путь, совершенно такой же, знакомо протянулся наискось по всему ночному небосклону от горизонта до горизонта, блистая неисчислимой россыпью звезд, прекрасной и далекой.

Ехали молча. Прошло довольно много времени, прежде чем Алатиэль сердито бросила:

— Каков мерзавец!

— Покойный был прав в одном-единственном, — сказал Грайт. — Молодые частенько не учитывают всех сложностей жизни. Он не был мерзавцем, Алатиэль, он искренне верил в свою правоту, вот только его правота оставалась правотой только для него самого, а с великой целью была категорически несовместима, и потому он не имел права жить. Это будет для тебя жестоким, но необходимым уроком. Теперь ты знаешь, что в Братстве есть и такие — те, кто придерживается иных, своих взглядов на цель и методы. И порой они становятся для нашего дела смертельно опасны. Мы и раньше прекрасно знали, что кое-кто из старых полностью надежных членов Братства придерживается подобных взглядов, но я никак не ожидал, что и Знахарь...

— Почему же их не перережут? — воскликнула Алатиэль горячо.

Я ничуть не удивился, услышав слова Грайта о том, что подобные фракции прекрасно известны: конечно же, серьезное подполье просто обязано завести, пользуясь нашими терминами, партийную контрразведку...

— Потому что до определенного момента такие люди не опасны, — подумав, все же ответил Грайт. — Приносят гораздо больше пользы, чем вреда. При других условиях такую позицию можно было назвать циничной, но эти бытовые определения не годятся в нашем непростом деле...

— И вы нам, молодым, ничего об этом не говорите...

— Так уж заведено с самого начала. Испытал на себе — меня тоже не сразу посвятили во все сложности... Одно успокаивает: если мы добьемся своей цели, прежние сложности внутри Братства перестанут существовать сами по себе...

Но сами по себе появятся новые, быть может, окажутся еще тяжелее и опаснее, мысленно продолжил я. Очень уж часто победители становились непримиримы-

ми врагами. Но, может быть, он прав, и такие вещи до поры до времени не следует знать ясноглазым девочкам, яростным, целеустремленным. Понемногу открывать им глаза на сложности жизни, воспитывать, как воспитывают детей. Никогда не был подпольщиком, нацеленным на ломку прежней системы, так что не могу судить со своей колокольни...

Алатиэль сказала с жалобной ноткой:

— Теперь на душе будет грустно оттого, что вдруг столкнулась с таким...

— Это и называется «взрослеть», — хмыкнул Грайт. — Тебе, право слово, легче, Алатиэль. У тебя на душе всего лишь грусть из тех, что проходят быстро. А вот мне горько, и эта горечь так скоро не пройдет. Мы были знакомы со Знахарем больше двадцати лет, он меня и привел в Братство, был наставником, примером, образцом... Но не было другого выхода. Усомнившийся сплошь и рядом кончает предательством... — Он помолчал, потом воскликнул с веселостью, показавшейся мне напускной: — Не самый подходящий для коротания дорожной скуки разговор! Вообще не стоит болтать. Дорога пуста, ехать еще долго, так что следует подхлестнуть коней. Быстрее доедем — дольше поспим, а с рассветом нам уже нужно быть в седлах... Эгей!

И он первым пустил коня в галоп.

Вновь размеренный дорожный аллюр: короткий галоп, через примерно равные промежутки времени (явно определенные для себя Грайтом заранее) сменявшийся столь же размеренной короткой рысью. В один из моментов, когда мы как раз шли на рысях, я обратил внимание, что в окружающем мире произошли существенные изменения (правда, не таившие никаких опасностей): по обе стороны от нас скользили наши тени, как им и полагалось: одна, от ярко-коричневого серпи-

ка, протянулась не так уж далеко справа налево, другая, от желтого кружочка, соответственно, слева направо, еще короче. И обе были довольно жидковатые, что ли. Но с некоторых пор прибавилась третья тень, гораздо длиннее, четче и гуще. Если те две можно было сравнить с крепко разведенной водой черной акварелью, то третью — с черной тушью, где не было и капельки воды. Третья тень летела впереди нас. Чтобы понять, откуда она взялась, достаточно было оглянуться, что я и сделал.

Над горизонтом, над покинутым второпях городом поднималась к зениту третья луна. Зрелище было впечатляющее: безукоризненно ровный, словно на токарном станке выточенный диск цвета яркой и сочной весенней травы, самое малое в два раза больше привычной мне луны нашего мира. Я не присматривался, но с первого взгляда было видно, что на нем не в таком уж малом количестве имеются темные полосы, фигуры вроде неправильных незамкнутых кругов. Я не стал задавать вопросов — космогония этого мира (который, если все пойдет благополучно, удастся вскоре с превеликим облегчением покинуть) совершенно меня не интересовала, как и все остальное, не имевшее прямого отношения к нашей поездке в неизвестность...

Потом я подметил, что с некоторых пор Грайт внимательно приглядывается к верстовым столбам — вернее, надо полагать, не к ним самим, скучно-одинаковым, как горошины из одного стручка, а к загадочным знакам на них, остававшимся для меня китайской грамотой, о чем я нисколько не сожалел. Он даже, вопреки несомненно составленному им для себя расписанию пути, не перевел кавалькаду на галоп, когда пришло для этого время, а по-прежнему пустил рысью, даже чуточку более медленной, чем обычно. Походило на то, что он ожидает, когда покажется какой-то прекрасно знакомый ему ориентир.

Так и есть: когда до следующего верстового столба оставалось совсем немного и он уже виднелся впереди, отбрасывая, как все вокруг, три тени, Грайт вовсе перешел на шаг, а там и остановил коня — молча, но мы с Алатиэль дисциплинированно последовали его примеру.

Возделанные поля закончились, по обе стороны дороги тянулось редколесье. Грайт сказал:

— Ну вот, опять поедем лесом. Если я не заблужусь — не беспокойтесь, не должен, — часа через два доберемся до удобного места, где можно устроить привал. Места сравнительно безопасные. Против зверей есть средства, а разбойники в такой глуши ночью не шастают за отсутствием подходящей добычи. Устраивать засады на случайных охотников — дело безнадежное, не обещающее выгоды... Вперед!

И первым поехал клесу. Мы следом, а за нами — вьючные лошади. По мере того как мы углублялись в лес, он становился гуще, но все же не дотягивал до гордого звания дремучей чащобы, и мы ехали меж деревьев и кустов почти по прямой, лишь иногда огибая непролазные островки высокого кустарника. С тех пор как мы покинули Большой Тракт, Грайт ни разу не достал карты или компаса, зато, я подметил, часто поднимал голову к небу — несомненно, ориентировался по звездам с уверенностью человека, уже бывавшего в этих местах... или запечатлевшего в памяти подробные карты. Он ни разу не скомандовал изменить аллюр, и мы двигались рысью — впрочем, он и раньше не переходил в лесу на галоп.

Деревья отбрасывали три тени, отчего лес выглядел ожившей декорацией к какой-то волшебной сказке. Вокруг развернулась обычная ночная жизнь: с разных сторон слышались крики птиц, судя по звукам, размером посolidнее воробьев и прочих мелких птах, по стволам порой шустро прошмыгивали небольшие зверюшки

с длинными пушистыми хвостами, всякий раз молча скрывались в кронах, ничем не напоминая спутников вопленика с их радостным цоканьем. Один раз прямо у нас на дороге, довольно далеко впереди, появилось какое-то крупное высокое животное, встало неподвижно, расставив передние ноги и низко держа голову с невысокими острыми ушами. Судя по его спокойствию, это был хищник — травоядные всегда опрометью уносились в чащу, едва заслышав или почуяв нас.

Возглавлявший кавалькаду Грайт не придержал коня — и зверь, когда до него оставалось метров десять, не убежал: удалился в чащу спокойной трусцой уверенного в себе создания. У него, когда повернулся к нам задом, обнаружился хвост длиной в локоть, торчащий вверх, как у рыси.

— Нодак, — сказал мне Грайт. — В этих местах они не так уж редко попадают...

— Хищник? — безо всякого интереса спросил я.

— Изрядный. Но с людьми обычно расходится мирно. Самки с детенышами опасны, а самцы обычно тихонько убираются в чащобу. Шкура у них невидная, хорошей охотничьей добычей не считается, так что нет взаимной вражды. И у него нет привычки красться за людьми и нападать сзади, так что можем быть спокойны...

Часа через два, как Грайт и говорил, мы оказались перед большой поляной, по которой с лопотаньем и плеском протекал широкий быстрый ручей. В дальнем ее конце громоздился грубо высеченный каменный истукан в три человеческих роста, не меньше, изрядно покосившийся. В свете зеленой луны его физиономия не показалась мне злобной — скорее уж, отрешенно-спокойной, хоть и без улыбки.

— Древний бог печали, — сказал мне Грайт. — Ему перестали поклоняться еще в незапамятные времена,

и монументы сохранились только в такой вот глуши, где нет хозяйственного народа, приспособившего бы камень к делу... Привал до рассвета.

Коней мы опять привязали к железным кольцам, которыми заканчивались глубоко вбитые в землю каблуками острые штыри, — предварительно, конечно, вдоволь напоив у ручья. Потом Грайт совершил странную, на мой взгляд, процедуру: достал из седельной сумы довольно большой толстый мешок (но по виду очень легкий), отошел от лошадей, развязал мешок и двинулся по дуге, высыпая на траву что-то вроде порошка, не разлетавшегося пылью, а тяжело ложившегося наземь толстым валиком. Трудился очень старательно и сосредоточенно, чуть ли даже не вдохновенно.

— «Пугалочка», — объяснила мне Алатиэль. — Смесь шести сушеных и свежих трав, я сама не помню точно, которых, а тебе должно быть и вовсе не интересно, ты наших трав не знаешь... Но действует безотказно: человек никакого запаха не чувствует, а любое дикое животное почует издалека и убежит в страхе...

Уложив назад пустой мешок, Грайт сообщил:

— Пора и поужинать. Правда, запасы харчишек скудные, я не думал, что так обернется, что придется покидать город в спешке, не оставшись на ночлег...

Поздний ужин и в самом деле оказался весьма скудным: ломоть хлеба с ветчиной, немаленький, но для хорошего ужина недостаточно. Ну и вода из ручья. Когда с так называемым ужином было быстро покончено, Грайт, взглянув на часы, сказал:

— Удачно все вышло. До рассвета шесть часов. С небольшим. Так что получается три дежурства по два часа. Алатиэль первая, потом Костатен, и последним я.

Дежурство он, надо признать, распределил правильно: предрассветные часы, те, что моряки называют «со-

бачьей вахтой», — самое тяжелое и скверное для часового время. Спать хочется неимоверно, глаза так и слипаются. Хотя мог бы и поручить «собачью вахту» мне — не первый раз пришлось бы дежурить до утра. Однако во мне слишком прочно сидело накрепко вбитое: приказы командира не обсуждаются, особенно в боевом походе — а как еще назвать нашу поездку?

Видимо, здешний устав караульной службы (которого наверняка не существовало или он был прочно позабыт — учитывая полное отсутствие военной службы) не требовал от часового оставаться на ногах и ходить дозором — Алатиэль уселась на разостланном плаще, удобно расположив рядом меч в ножнах. Грайт не сделал ей замечания, отнесся к сидящему на посту часовому совершенно спокойно — лег и завернулся в плащ чуть ли не с головой, предварительно положив рядом лук и колчан.

Первое время я подремывал чутко — как-никак на часах у нас стояла девушка, наверняка без соответствующего опыта, — но потом, убаюканный покойной тишиной, лишь редко нарушавшейся неопасными ночными звуками, провалился в сон, как со мной обычно и бывало.

Сон мне приснился красочный, радующий.

Я ехал верхом по здешней тесной дороге, широкой и ровной, в сопровождении нескольких человек, тоже верхами. Почему-то я не мог рассмотреть их лиц, но нимало о том не сожалел, откуда-то и так знал, что все они — добрые знакомые, сослуживцы по комендатуре. Подо мной был мой Абрек, уверенно шедший неспешной рысью, и я совершенно точно знал, что мы все — конная разведка, авангард несокрушимой и легендарной Красной армии, как и надлежит зеленым фуражкам товарища Берии. А следом за нами двигались прошедшие через туннель, озаренный огоньками, стрелковые колонны, над ними развевались красные знамена, и гремели начищен-

ной медью полковые оркестры. Товарищ Сталин отнесся к моему докладу крайне серьезно, и начался освободительный поход в иной мир. Очень скоро нам предстояло покончить с обреченным феодализмом, прижать наиболее зарвавшихся слугителей культа, сотрудничавших с захватчиками-людоедами, и первым делом разобраться с этими захватчиками так, чтобы небу жарко стало...

Из сна меня вырвало легкое прикосновение. Проснулся я всегда моментально, так что и сейчас мгновенно оценил окружающую реальность. Ничего тревожного вокруг не наблюдалось, стояла тишина, а надо мной сидела на корточках Алатиэль, все еще державшая ладонь на моем закутанном в плащ плече.

— Твоя очередь дежурить, — сказала она чуточку извиняющимся тоном. — Мое прошло спокойно...

Не та была ситуация, чтобы голосом ретивого старшины ее поправлять: «Говорить нужно иначе: за время моего дежурства никаких происшествий не произошло» — к чему ей это? Так что я, стряхнув последние остатки приятного сна, проворчал:

— Надеюсь, и мое пройдет спокойно...

Сел на разостланном плаще, как давеча Алатиэль, и не без внутреннего сопротивления совершил вопиющее нарушение устава караульной службы — достал трубку и кисет. Курить хотелось зверски, а устав, к которому я привык, здесь все равно не действовал. Не похоже, чтобы Алатиэль собиралась укладываться, и я сказал вполне дружелюбно:

— Ты бы поспала, а то завтра будешь носом в седле клевать...

— Ничего подобного, — живо возразила она. — Мне хватит времени, чтобы выспаться...

Я не стал настаивать — в конце концов, командиром здесь был не я, и не следовало лезть поперек батьки

в пекло. Закурил, уже наловчившись обращаться с «волшебным стеклышком» — удобная все же вещичка (жаль, в наш мир ее с собой не возьмешь), с удовольствием выпустил дым. В лесу поблизости послышался отчаянный вопль какого-то мелкого зверька, тут же оборвавшийся, — должно быть, угодил в когти ночной хищной птицы, наподобие нашей совы. И вновь настала тишина. Алатиэль все так же сидела, подтянув колени к подбородку и обхватив их руками.

— И потом, я привыкла с детства, — сказала она. — В ночь Трех Теней никто не спит. А сегодня как раз Ночь Трех Теней. Впереди еще три ночи, но праздник — только первая. Ты, конечно, не знаешь... Три Ночных Светоча сходятся на небе только два раза в год. И их встречу всегда празднуют. Зажигают три костра по числу Светочей, танцуют вокруг них... конечно, у дворян, горожан и крестьян танцы разные, и вино разное, дворяне и горожане пускают еще фейерверки, но празднуют все одинаково весело. Музыка, песни... Сейчас повсюду, в городах и в селах, веселятся и танцуют, а мы сидим здесь, в глухомани, со мной такое впервые в жизни, ну да ничего не поделаешь...

— Празднуют везде?

— Везде, — сказала Алатиэль. — В самых крохотных деревушках, везде, где живут люди. Говорят, даже разбойники празднуют в своих логовах.

— Странно, — сказал я. — Не видел в городе ничего, что походило бы на подготовку к празднику...

— Ничего странного, — сказала Алатиэль. — Просто мы уехали, когда время еще не подошло. Издавна праздновать начинают, когда Ламитель, — она кивком показала на ярко сиявший зеленый диск, — появится на небе. На самом деле все давно готово, и люди с нетерпением ждут: Ламитель взойдет над горизонтом — и моментально начнется веселая суета, народ повалит

из домов, зажгут костры и плошки с зеленым пламенем, выкатят бочки с вином... — Она на секунду отвела взгляд, но тут же лукаво взглянула мне в лицо: — Знаешь, есть старинное поверье — девушке, потерявшей невинность в Ночь Трех Теней, до самой смерти будет сопутствовать удача решительно во всем... Я потеряла невинность как раз в Ночь Трех Теней и потому уверена, что у нас все закончится удачей, победой...

Я легкомысленно подумал: вполне может быть, в незапамятные времена эту легенду пустил в свет какой-то ухарь, добивавшийся благосклонности девушки. Другим ухарям придумка понравилась, вот и пошла убедительная народная примета. Еще я подумал: может, Грайт потому и взял в чертовски опасную поездку именно ее, что по натуре очень суеверен и свято верит во всевозможные приметы? Вполне допустимая версия, многие известные в нашей истории люди были крайне суеверны и часто в своих поступках руководствовались как раз своими суевериями...

— Про Ламитель есть множество легенд, — продолжала Алатиэль. — Говорят, что там живут страшные чудовища, а иные говорят наоборот — не чудовища, а прекрасные бессмертные девы. Сказок и легенд не счесть, страшных и добрых, но никто не знает точно. А тем, кто уверял, будто бывал на Ламителе или свел знакомство с его обитателями, особой веры нет — так писали ученые, в том числе и те, кто жил незадолго до Вторжения. Очень уж много, говорили они, разных «свидетельств», не сочетающихся друг с другом. Вот если бы все писали об одном и том же... Словом, никто не знает, кто живет на Ламителе и живет ли вообще. Мне хотелось бы верить, что там живут не чудовища, а веселые счастливые люди... — В ее голосе зазвучала грусть. — На которых никто не смотрит как на пищу...

Мне пришло в голову, что этот их Ламитель вполне может оказаться и обитаемым. Читал как-то в научно-популярной книге по астрономии: если бы на Луне была атмосфера, пригодная для дыхания, она нам с Земли казалась бы именно ярко-зеленой, цвета молодой весенней травы. Правда, это еще не значит, что лунные жители были бы похожи на нас как две капли воды. На других планетах могут обитать и какие-нибудь чудовища, наука об этом еще не сказала веского слова, — мы гораздо ближе, чем этот мир, к налаживанию межпланетных сообщений, но они пока что доступны лишь авторам научно-фантастических романов. И, оказывается, один из них лет двадцать назад угодил в яблочко, описав «следующие миры», о чем вряд ли подозревал...

Алатиэль зевнула, прикрывая рот ладошкой — узкой, изящной, с массивным «смертным» перстнем, смотревшимся вполне подходившим нам с Грайтом, но неуместным на ее тонком пальце. Решительная все же девчонка, нет сомнений, что сумеет им воспользоваться, если не дай бог...

— Алатиэль, — сказал я мягко, но настойчиво, — шла бы ты спать, чтобы завтра встать бодрой... — и, как мне кажется, нашел убедительный аргумент: — Грайту вряд ли понравилось бы, что ты после дежурства не легла отсыпаться, а болтаешь тут со мной...

То ли упоминание о Грайте подействовало, то ли она сохраняла самодисциплину — не говоря больше ни слова, покладисто встала, расстелила в траве плащ и легла, завернувшись в него. Оставшись в одиночестве, я долго не раздумывал, приступил к обязанностям часового более привычным мне способом, какой вбили в голову в первом же летнем курсантском лагере: встал и принялся неторопливо прохаживаться возле высокого валика противозвериного зелья, прекрасно раз-

личимого в свете трех лун, особенно зеленого Ламителя.

Ночные звуки по-прежнему доносились со всех сторон, но никакой угрозы не содержали, зверек, угодивший кому-то на ужин, оказался единственным таким невезучим. Кони вели себя спокойно. Так что дежурство вышло спокойное.

Сверившись с часами, я разбудил Грайта (проснувшегося моментально, живо вскочившего на ноги) и едва не ляпнул привычное: «За время моего дежурства никаких происшествий не произошло» — но вовремя опомнился, лег и быстро уснул, на сей раз без сновидений.

Разбудил меня Грайт, как и следовало ожидать. Алатиэль уже умывалась у ручья. Я тоже сполоснул лицо прозрачной прохладной водой, провел ладонью по щеке и решил, что бриться нет необходимости — за день совсем и не оброс, так что в походе можно пренебречь утренним бритьем, как не раз случалось и в прежней жизни. Грайт, готовивший завтрак, тоже был небрит. Впрочем, ему не пришлось так уж утруждаться, съестные припасы явно подошли к концу: ломти хлеба и ветчины оказались меньше вчерашних. Правда, гралиньяка было вдоволь: Грайт с помощью одной из «волшебных палочек» ватаков заварил немаленький котелок, так что каждому досталось по две больших оловянных походных кружки. От наблюдательного Грайта не укрылось легкое неудовольствие не только меня, но и Алатиэль, и он хмыкнул:

— Молодые воители, понимаю, что завтрак получился скудным. Но кто же знал, что так обернется в городе...

Я не удержался от вопроса:

— Я так понимаю, в дальнейшем придется добывать пропитание охотой? Я не чревоугодник, но в походе есть нужно как следует. Сразу предупреждаю: охотник

из меня никакой, с луком обращаться не умею, так что на вас вся надежда...

Грайт уставился на меня что-то очень уж пытливо для такого простого вопроса. Помедлил и сказал с расстановкой:

— Охотиться не придется, разве что понадобится раздобыть обед в случае удачи. Должен извиниться: я вас обоих обманул. Первый и единственный раз за время поездки, и второго случая при любом исходе не потребуется. Видите ли, нам вовсе не нужно ни твоей недели, Костатен, ни нашей, Алатиэль. Если нас ничто не задержит, возле Моста мы будем уже через два с небольшим часа...

На лице Алатиэль отразилось нешуточное удивление, и я от души надеялся, что у меня самого лицо гораздо спокойней. И все же у меня само собой вырвалось:

— Зачем?

— Зачем, Грайт? — как эхо повторила Алатиэль.

— Для пользы дела, — невозмутимо, с усмешкой сказал Грайт. — Начнем с тебя, Костатен. Ты настроился на долгое путешествие... Покопайся наскоро в себе. Что ты сейчас испытываешь, узнав, что осталось всего два часа до цели и при удаче ты вернешься к себе уже сегодня?

У меня не было на него злости...

— Тут и копать долго не нужно, — мрачно сказал я. — Что я чувствую? Несказанное облегчение, нешуточный прилив сил, радость...

— Другими словами, прилив боевого духа, — усмехнулся Грайт. — А ты что чувствуешь, Алатиэль?

— То же самое, — сердито отрезала она. — Все, о чем говорил Костатен. Грайт, ну как ты мог...

— Я здесь командир, Алатиэль. А командиру иногда приходится проделывать и не такое, а уж идти ради пользы дела на безобидный обман... Когда-нибудь, если тебе придется командовать, многое поймешь. А пока бери

пример с Костатена. Судя по его лицу, ему этот маленький обман неприятен, но в глубине души он признает мою правоту... Ведь так, Костатен?

— Так, — сказал я уже не так упрямо.

Радость перевешивала все прочие эмоции и чувства. Если есть возможность вернуться домой уже сегодня — нужно горы свернуть!

— Вот и прекрасно, — сказал Грайт. — По коням. Думаю, никого не придется подгонять?

Он был прав. Я прямо-таки кинулся к своему коню, и так же поступила Алатиэль...

...В пути нас ничто не задержало, ни звери, ни люди, которые порой в лесу опаснее зверей. С некоторых пор ландшафт стал меняться — теперь повсюду, куда ни глянь, вздымались невысокие, поросшие густым лесом горы, наш маршрут стал прихотливо извилист — мы ехали долинами, огибая кручи и проезжая краешком пологих откосов. Однако через два с лишним часа Грайт решительно повел нас в гору, не такую уж крутую, но довольно высокую, заставляющую лишь порадоваться, что ты едешь верхом, — утомительно было бы тащиться пешком на такую верхотуру...

Когда мы оказались на самом гребне горы, Грайт остановил коня на небольшой полянке, где я увидел статую, сущего близнеца истукана, возле которого мы ночевали, — только эта оказалась повалена, раза в два поменьше размером и покрыта зелеными побегами с белыми цветочками-колокольчиками наподобие выюнка.

Грайт спрыгнул с седла и распорядился самым будничным тоном:

— Ну вот и прибыли. Коней на привязь, и пойдем посмотрим, где придется действовать... точнее, к великому сожалению, действовать будет один Костатен. Ну ты же страшно хотела увидеть Мост...

— Не то слово! — воскликнула Алатиэль.

Ее лицо пылало энтузиазмом. Что до меня, я, представьте себе, почти что и не испытывал никаких таких особенных чувств. И потому, что дорога к цели иногда занимает больше, чем сама цель, и оттого, что чувствам, пожалуй, не было места. Самая привычная вещь: я был на задании, я вышел к цели, и думать нужно было только о том, как наилучшим образом задание выполнить.

Привязав коней, мы двинулись за Грайтом, не спеша спускавшимся по отлогому лесистому склону. Остановились там, откуда открывался великолепный обзор на много километров вокруг.

Меж двумя длинными горами располагалась большая долина. Посреди Светоносной Изгороди, идеальной окружности диаметром, я так прикинул, с полкилометра, стоял самый обычный по здешним (да и моим тоже) меркам дом, ничуть не похожий на виденный мной зеркальный замок ватака, гораздо более изящный, что ли, — особняк из светло-желтого кирпича с высокой черепичной крышей, полубашенками по углам, затейливыми водосточными трубами и высоким крыльцом. Вот только рядом с крыльцом стояла в высокой траве зеркальная летающая лодка, как две капли похожая на ту, что проплыла над Большим Трактом, сея панику и смерть...

Поблизости располагался еще один смертоносный для обладателей синей крови светоносный круг — только примерно вдвое больше диаметром. Там стояли длинные, приземистые дома, опять-таки не похожие на строения ватаков (я видел в городе такие же, только поменьше размером). Я отметил, что к «поселку» ведет широкая дорога без рытвин и ухабов — а вот к замку нет ни единой узенькой тропинки. Требовались не столь уж хитрые умозаключения, чтобы с ходу понять: в «посел-

ке» обитают люди, а в замке — исключительно ватаки, которым дороги не нужны...

— Поварня? — уверенно спросил я.

— Она самая, — кивнул Грайт с закаменевшим лицом. — Довольно большая для здания, где постоянно обитают лишь двое ватаков, но они, как явствует из долгих наблюдений, не в пример другим, жрут в три глотки гораздо больше... деликатесов. Ну, она тебя не должна интересовать, твоя цель — замок. Ватаки живут исключительно в своих зеркальных обиталищах, но почему-то для Моста они выбрали обычное людское жилище. Некоторые считают, что у них не было другого выхода, что Мост проходит только здесь. Но это только предположения. Если они верны, это послужит к нашей пользе... Когда-то здесь был охотничий дом одного из местных дворян. Ни он сам, ни поехавшие с ним на охоту так никогда и не объявились после Вторжения, вероятнее всего, стали первыми жертвами ватаков... Ну, насмотрелись? Пойдемте назад. Он, скорее всего, давно уже ждет, насколько я их знаю, они с некоторой поры за нами наблюдали, оставаясь незамеченными, как они это умеют...

Алатиэль не выразила ни малейшего удивления, а вот я не без любопытства спросил:

— Кто? Или это еще одна тайна, которую мне знать не полагается по веским соображениям?

— Ну какая там тайна, — усмехнулся Грайт. — Если ты все равно сейчас сам увидишь... Смело можно сказать, соратники... хотя и не люди. Надежные и верные соратники, куда надежнее, чем некоторые... люди и даже члены Братства. Алатиэль, ты уже дважды их видела, так что это для тебя никак не станет сюрпризом. А вот ты, Костатен... Я предвижу, что ты несколько не испугаешься, но удивишься не на шутку — в первый раз это

зрелище кого угодно удивит. Не удивляйся особенно, не стоит тратить эмоции понапрасну. Уясни одно: это свой. Уловил?

Я молча кивнул.

— Что же, я его зову... — сказал Грайт.

Он уселся на ствол поваленного дерева, предварительно проверив его на прочность ладонью, жестом велел нам сесть рядом, достал из своего бездонного кармана какую-то странную дудочку с плоским раструбом на конце и подул в нее — старательно, изо всех сил. Потом еще и еще, словно подавал сигнал чем-то вроде азбуки Морзе. Я видел, как надуваются его щеки, но не услышал ни малейшего звука. И ничуть не удивился. Никакой магии, никаких чудес — обыкновенный ультразвуковой свисток. В нашем мире его еще лет двести назад изобрели английские браконьеры в те времена, когда в науке еще не было такого понятия — «ультразвук». Как-то наткнулись чисто опытным путем, народные умельцы, тамошние Левши. Человек такого свистка не слышит, а вот собака слышит прекрасно, так что можно ее подозвать издали, не всполошив лесных сторожей. У нас эта нехитрая штука давно применяется в питомниках служебного собаководства...

Я уставился туда, куда смотрели Грайт и Алатиэль, в промежуток меж двумя деревьями в пол-обхвата, где не было кустарника, — через него мы и выехали на поляну. Какое-то время ничего там не происходило...

Удивительное зрелище: словно нагретый воздух жаркого бездымного костра колыхнулся над травой, заслоняя нижнюю часть стволов растущих поодаль деревьев, меняя их очертания... Я смотрел во все глаза и наконец сообразил, что вижу: что-то немаленькое двигалось прямо к нам, ежесекундно меняя окраску — то оно цвета светло-рыжих стволов, то приобретает зелень травы, вот

оно уже на поляне, близко, можно рассмотреть точно, хотя теперь оно цветом неотлично от травы...

Где уж тут не удивиться! В жизни ничего подобного не видел и не предполагал, что когда-нибудь увижу!

Перед нами стояло настоящее чудовище. Величиной и ростом с крупную собаку, дынеобразное тело, кажется, без шерсти и чешуи, в передней части шесть гибких ног, по сторонам передней части (четко выраженной головы ведь не было) пучки щупалец (левый пучок держал странную штуку, нечто вроде открытого с торца тубуса, в каком у нас носят чертежи). Имелось нечто вроде пасти, но чудовище держало ее закрытой. Четыре больших глаза, показавшихся выразительнее и умнее собачьих. Над ними, параллельно — нечто вроде хохолка, высокого, густого.

Оно, никаких сомнений, уставилось прямо на меня, всеми четырьмя темно-коричневыми глазищами, и под этим внимательным взглядом я отчего-то почувствовал себя уютно.

Правда, оно тут же стало пялиться на Грайта немигающими глазами с вертикальными, как у змей, зрачками.

И оно заговорило!

Конечно, это ничуть не походило на членораздельную человеческую речь, но, сразу стало ясно, не имело ничего общего со звуками, издаваемыми животными, — череда гласных и согласных, перемежавшаяся целыми слогами, щелчками и посвистыванием, крайне походившими на азбуку Морзе, нечто вполне осмысленное. Судя по лицу подавшейся вперед Алатиэль, она понимала не больше моего.

А вот Грайт в какой-то момент принялся отвечать — подался вперед, с видом крайней сосредоточенности прижав указательные пальцы к щекам пониже скул, стал именно что отвечать на том же языке... Завязалась беседа, где оба собеседника обменивались короткими

фразами. Теперь я точно рассмотрел, определил безошибочно, что звуки исходят не из пасти странного существа, остававшейся закрытой, — позади глаз колебалась круглая мембрана, похоже, тонкая...

Продолжалось это совсем недолго. После совсем уж короткой фразы — похоже, Грайт повторил ее в точности — создание развернулось и скрылось в лесу, принимая цвета кустарника и деревьев, отчего очень быстро исчезло с глаз, как я ни присматривался.

— Ну что? — нетерпеливо спросила Алатиэль, явно знавшая, чего от диковинного визитера ждать.

— Все пока что идет гладко, — ответил Грайт, обращаясь к нам обоим. — Он сказал, что ватаков там, как обычно, только двое. Они наблюдали еще с ночи. Никаких признаков того, что нас заметили и приняли меры предосторожности. Это прекрасно и дает нешуточную надежду на успех...

— Что это за диво? — спросил я.

— В нашем мире это никакое не диво, — усмехнулся Грайт. — Самый прозаический кальтинг. Это не имя, а название. Есть ли у них имена, мы до сих пор не знаем, и представления не имею, приходил ли тот же самый, что в прошлый раз, или другой — они похожи друг на друга, как зернышки в колосе... Это такие разумные создания, с незапамятных времен обитающие в чащобах. У них есть свой язык и какие-то ремесла, книги — впрочем, мы и об этом почти ничего не знаем. Некоторые книжники считали, что кальтинги когда-то пришли из другого мира, но никто не знает, как обстояло на самом деле. Кровь у них, во всяком случае, синяя, как у людей... у нас. Люди с ними почти не общались, да и они не выказывали такого желания. О кальтингах с давних пор написаны груды книг, можно рассказывать долго, но вряд ли это тебе сейчас нужно?

— Совершенно не нужно, — кивнул я.

— Кратенько о том, что тебе необходимо знать... Люди и кальтинги всегда сохраняли меж собой... то, что можно назвать вежливым отчуждением. Исключения из правил тебе сейчас опять-таки неинтересны. Однако после Вторжения они стали нашими надежными и верными союзниками. Потому что у нас общая беда — ватаки их тоже жрут, причем для них кальтинг, давно установлено, даже гораздо больший деликатес, чем человек. Вот на них ватаки охотятся часто и много, а еще исправно платят любым охотникам за добычу серебром по весу. — Он зло покривился. — Поскольку человек все же большая сволочь, немало стремящихся серебро заработать. Охотники на обычную дичь их не любят как выродков, позорящих древнее благородное ремесло, при любой возможности стараются прикончить, но не всегда это удается — если охотник за кальтингами не пойман с добычей, нет никакой возможности его отличить от обычного... В общем, кальтинги давно отступили из равнинных чашоб, где раньше обитали, в горные леса, но их достают и там. Те, что остались, помогают нам наблюдать за замками ватаков. Могут на расстоянии определять, сколько ватаков в жилище, умеют еще кое-что полезное. У нас такие люди тоже есть, но их мало, а вот у кальтингов этим умением владеет всякий. Что еще? Когда придет время, кальтинги окажутся нелишними и в драке. Видел штуку у него в руках... ну, в том, что у него сходит за руки? Это серьезное оружие. Из него вылетают ядовитые стрелки, причем не все сразу, а по одной. И летят почти так же далеко, как стрелы наших луков. Вот, пожалуй, и все. Итак, в замке только двое ватаков...

— А почему они не поставили тут свой зеркальный дом, а сохранили прежний? — спросил я.

— Никто не знает, — сухо ответил Грайт. — Возможно, для этого у них были веские причины... но сейчас это совершенно несущественно. Главное, их там только двое. Пошли. — Он пружинисто взмыл с бревна. — Ты готов?

— Всегда готов, — ответил я без улыбки.

Он, конечно же, не понял и не оценил шуточки юмора. Продолжал деловым тоном командира, дающего инструктаж перед боевой задачей:

— Не стану скрывать: ты идешь в совершеннейшую неизвестность. Мы совершенно точно знаем, что человек с красной кровью преодолеет Изгородь беспрепятственно... и все. Неизвестно, есть ли у ватаков какое-то оружие в домах или они всецело полагаются на Изгородь. Неизвестно, владеют ли они какими-то умениями, позволяющими заранее узнать о твоём приближении, заморочить сознание, просто обездвижить... как я тебя, извини уж запоздало, обездвижил в доме Саны. Одним словом, ты идешь в полную неизвестность. Это тебя не пугает? Хотя бы немножко?

— Не пугает, — кратко ответил я.

— Отлично. Меч и кинжал оставь здесь, все равно ты не умеешь с ними обращаться. Возьми секиру, с ней у тебя выйдет гораздо ловчее — ты сам мимоходом упоминал, что в жизни переколол немало дров. — Он жестко ухмыльнулся. — В известном смысле удар секирой по ватаку ничем не отличается от удара топором по чурбану.. После стычки с разбойниками я убедился, что ты можешь убивать быстро и без колебаний. А если учесть, что ватаки хуже любого разбойника... Ладно, что-то я разболтался, это, наверное, от неизбежного в таком деле волнения... Пошли. Я не буду тебя торопить, спешить нам некуда, да и спешка вредит любому серьезному делу... Как следует, не торопясь изучи окрестности, подступы...

Он и в самом деле долго стоял с непроницаемым лицом рядом со мной на том же наблюдательном пункте — в отличие от Алатиэль, она порой часто переступала нетерпеливо с ноги на ногу, но дисциплинированно молчала, старательно гасила эмоции.

В конце концов я наметил себе подходящий маршрут, несколько не озаботясь путями отхода — если все сорвется, никакого отхода не будет, нужно это трезво допускать. Это мне далось без малейшего сопротивления — в отличие от армейцев, вышедшая на задание группа пограничников в редчайших случаях просчитывает пути отхода...

— Ну я пошел, — сказал я, а больше сказать было и нечего.

— Удачи, — только и сказал Грайт, а что он еще мог сказать?

Зато на лице Алатиэль причудливо мешались самые разнообразные чувства — тут и страх, и надежда, и беспокойство (однако, за меня), и даже восхищение (моей скромной персоной, ага). И я поскорее отвернулся: восхищение мною красавицы, с которой у меня никогда ничего не будет, меня, по большому счету, волновать не должно, и восхищения я пока что не заслужил ни капли...

Страх, разумеется, не было, вообще ничего не было, кроме не раз уже испытанной настороженности вышедшего на охоту зверя. И напряжение, проникшее в каждую жилочку...

Ну что, покажем этим сраным людоедам, на что способны зеленые фуражки товарища Берии? О которых здесь слыхом не слыхивали — а зря, господа мои, зря... Говорите, детей хаваете за праздничным столом? Ну посмотрим, удастся ли дальше...

Я старательно — и привычно — загонял себя в то состояние, что без затей именуется боевой злостью. Без

этого в серьезной драке просто нельзя — а дело предстоит серьезнее некуда, это вам не на танцах драться с общевоисковыми курсантами и даже не бандитов с диверсантами на границе перехватывать...

Сколько удалось, я перебежал от дерева к дереву. Потом началась горизонталь, долина с редколесьем, — и я двигался быстрыми, заранее просчитанными перебежками, опять-таки от дерева к дереву. А там и деревья кончились, метров за двести от Изгороди, и за ней уже не было ни единого дерева (быть может, специально извели?) — только невысокий кустарник, достаточно редкий, чтобы ползущий почти не шевелил верхушки.

Начинался самый опасный отрезок пути. Я лег на брюхо и, не жалея дворянского кафтана, привычно пополз по-пластунски. Ползти с секирой в руке оказалось не труднее, чем случалось с винтовкой или автоматом ППД, да и весила она не так уж много, ненамного больше, чем винтовка или автомат. Пожалуй, гораздо труднее пришлось в летнем лагере на третьем курсе, где старшина Мосейчук, неистощимый на выдумки, однажды погнал нас ползти по-пластунски с ручным пулеметом Дегтярева, ободряя одной из своих бесчисленных присказок:

— «В жизни, хлопцы, все надо попробовать», — сказал индус, слезая с обезьяны...

В какой-то момент Изгородь, причудливое переплетение бледно-сиреневого света, оказалась прямо передо мной. До сих пор помню высокие травы и цветы, четко рисовавшиеся на ее фоне. Не задерживаясь, опираясь локтями в землю, подтягивая ноги, я пополз вперед. Когда коснулся ее лбом, показалось, что тело прошило что-то вроде очень слабенького электрического заряда. Сказав себе, что это не более чем самовнушение (как оно, вероятно, и было), я рывком оказался на той стороне, в «запретке», — живехонький!

Чуть полежал, оценивая обстановку. Стояла безмятежная тишина, перед глазами мельтешила какая-то мошара, незнакомо, но приятно пахли здешние цветы.

Если у них в берлоге есть что-то вроде радиолокатора, мне хана еще на дальних подступах. О радиолокаторах, к тому времени уже состоявших у нас на вооружении, правда, в небольшом количестве, я знал — в мае сорок первого Витюху Маслова откомандировывали на две недели в Ленинградский военный округ, где на учениях он со своим взводом как раз и охранял две станции на автомобильном шасси, здоровенные фургоны с высоченными антеннами. И немного рассказал, вернувшись, нисколько этим не нарушив военной тайны. Конечно, само существование этих станций и их внешний вид считались военной тайной — но третьестепенной, вроде количества винтовок в стрелковом полку или расписания смены часовых в нашей комендатуре. Я так понимаю, особой секретностью была их начинка, а возможно, и принцип действия. Впрочем, принцип действия пытался обдумать наш связист Руслан Копотев: некие электромагнитные волны отражаются от самолетов и возвращаются, неся информацию об их количестве, скорости и высоте полета...

К чему я сейчас вспомнил радиолокацию, в неподходящий, казалось бы, момент? А к тому, что следовало учесть все возможные опасности. Ватаки, уже ясно, опередили в научно-техническом развитии этот мир. У них, умельцев, могут найтись и особые радиолокаторы, которые способны засекать не самолеты в небе, а человека в кустарнике.

И тут же подумал: а что это меняет? Если и будет засада, я о ней узнаю только тогда, когда в нее попаду. Так что нет смысла торчать на месте и маяться посторонними мыслями. Трем смертям не бывать, а одной не миновать. В какой-то книге по военной истории я чи-

тал, как перед очередным сражением Фридрих Великий рывкнул своим гусарам:

— Вы что, каналы, собрались жить вечно?!

В яблочко. Ни один кадровый военный не рассчитывает жить вечно. Бог не выдаст — свинья не съест...

С этой оптимистической мыслью я пополз дальше. И ничего не произошло. Если таких радиолокаторов у них нет... О ватаках мне известно меньше, чем Грайту с Алатиэль, но будем надеяться, что у них нет привычки бесцельно сидеть у окна и таращиться на равнину с той стороны, откуда я подползаю...

Высокое крыльцо совсем близко. Я отметил, что отразился в зеркальном боку летающей лодки, — ну и черт с ним...

Все. Я был возле нижней ступеньки из темного камня, казавшейся, как и вся лестница, чисто подметенной. По бокам входной двери два больших высоких окна, а на втором этаже окон целых пять, и из любого я виден как на ладони... если только у окна кто-то стоит...

Ползти вверх по лестнице было бы вовсе уж нелепо, и я поднялся на ноги, встал во весь рост. Как и следовало ожидать, окинув себя быстрым взглядом, убедился, что порядочно изгваздался в земле и траве, но не следовало тратить время, чтобы отряхиваться. Я не к теще на блины пришел, да и нет у меня тещи. Если все закончится удачно, будет время почиститься «волшебной палочкой», а если нет — никого не будет волновать мой испачканный дворянский наряд, и в первую очередь меня самого...

На цыпочках поднялся по лестнице, самая обычная дверь с самой обычной ручкой, большой и затейливой, — ну конечно, дело рук человеческих, как и сам замок. Держа секиру в правой руке, потянул ручку левой — и дверь открылась без малейшего скрипа. За дверью обнаружилась обширная прихожая, где на стенах в обилии висели

былые охотничьи трофеи — мохнатые головы рогатых и клыкастых зверей, распластавшие крылья чучела птиц, судя по когтям и клювам, хищных. Ватаки их не убрали, ничего своего сюда не привнесли, сразу видно — то ли им было все равно (это ведь не жилое строение, а что-то вроде узла связи), то ли прихожая отвечала их чувству прекрасного, если таковое у людоедов имелось. Эстеты, мать их так. Еще друг бравого солдата Швейка старый сапер Водичка разъяснил, кто такие эстеты, все поголовно...

В прихожую выходили две двери — одна прямо передо мной, другая в боковой стене, — и я на миг остановился в раздумье, соображая, какую быстренько выбрать. Та, что передо мной, была выше и шире, выглядела более роскошно — без сомнения, ею и пользовались сгинувшие тридцать лет тому благородные господа охотники. А вот боковая очень уж походила на ту, какой пользуются слуги, — в прихожей дома Знахаря из почти такой же вышел его комнатный лакей. Логично предположить: поскольку ватаки чувствуют себя здесь панами, они и обитать должны на господской половине...

Так что я шагнул к высокой двери, опять-таки сторожко, на цыпочках, взялся за вычурную ручку, отметив мимоходом, что бронза хорошо начищена...

Сбоку почти бесшумно открылась вторая дверь, и тут же раздался громкий удивленный возглас...

Я резко развернулся в ту сторону, держа наготове секиру, — и буквально остолбенел в нешуточном удивлении.

Не было никакого отвратительного чудовища — а ведь примерно такой образ сложился у меня в голове после признаний Грайта. Передо мной стоял самый обычный человек. Никаких просторных рукавов и опущенного на лицо капюшона мантии. На нем был самый обычный кафтан и штаны без стрелок, чуточку непривычного фасона, но ничем особо не отличавшиеся от тех, что я видел

на постоялом дворе и в городе. Желтые кожаные башмаки, широкий матерчатый пояс с затейливой большой пряжкой, смахивающей на золотую. Непокрытая голова. В руках ничего, что могло бы сойти за оружие, а на поясе — ни кинжала в ножнах, ни кобуры, вообще ничего.

Но главное — лицо! Добродушная, румяная, толстощекая, ласковая физиономия Деда Мороза с новогодней открытки, разве что без бороды, но с красивой седой шевелюрой, напомнившей мне Знахаря. Казалось, такой человек только и делает, что переводит старушек через дорогу, тетешкает на коленях внуков, а в жизни и мухи не обидел...

Все это в мгновение ока пронеслось у меня в голове и прочно отложилось в памяти — человеческая мысль, давно известно, быстрее молнии... На лице у него застыло безмерное удивление, не чета, наверное, тому, что испытал я. Однако я уже опомнился, напомнил себе, что Зло может выступать в разнообразнейших обликах, в том числе и надежно маскирующих до поры до времени его нутро, — а вот ватак (кто же это еще?) не мог оправиться от изумления, быть может, самого сильного в его жизни...

Он неуверенно — именно неуверенно! — сделал три шага вперед и, кругля добрые, внимательные глаза, спросил:

— Кто ты такой и как сюда попал?

Я прекрасно понял каждое слово — ах да, вигень... Промедление, в полном соответствии со старой пословицей, было смерти подобно, и я, чувствуя, как на смену удивлению приходит ярость, сказал:

— Да вот проходил мимо и решил заглянуть в гости...

Удивление мало-помалу исчезало с его лица — оно оставалось добрым и душевным, но я звериным — или охотничьим — чутьем ощущал, что он овладел собой. И хладнокровно прикинул, куда бить.

И тут... От ватака словно хлынула волнами, то ослабебая, то усиливаясь, несказанная доброта, благожелательность, сочувствие, дружеская теплота. Твердое намерение без колебаний его прикончить вдруг показалось чем-то таким противоестественным, мерзким, извращенным, что я ощутил рвотный позыв, и державшие древко секиры пальцы стали вялыми, непослушными...

Нужно было бороться, но я не знал как...

Словно неким озарением перед глазами возник образ: зажаренный человеческий младенец на большом блюде, в окружении гарнира из какой-то зелени, и ватак, по-прежнему с добрейшим лицом, нацеливается ножом и вилкой...

Наваждение моментально схлынуло, я шагнул вперед, широко размахнувшись, и вогнал секиру меж шеей и плечом, словно обрушил колун на неподатливое полено.

Он испустил тоненький крик, напомнивший мне вопль подстреленного зайца, шагнул назад и повалился навзничь, скребанув затылком по двери. Густым фонтанчиком хлынула зеленая кровь.

Не теряя время, я попытался вытащить лезвие — но оно застряло крепко, будто топор в узловатом полене. Без тени каких-либо человеческих чувств я уперся сапогом ему в грудь (почувствовав подошвой конвульсивные содрогания), ухватил обеими руками древко и вырвал наконец лезвие, отчего зеленая кровь забила сильнее.

Легонький скрип за спиной!

Проворно обернулся. В распахнутой двери стоял второй ватак, в одежде того же фасона, только не светло-синей, а зеленой, с лицом не вполне похожим на первого, но так же исполненным невероятной доброты.

На сей раз я не собирался давать ему время, зарывав что-то непонятное мне самому, кинулся вперед. Жалобно пискнув, словно попавшая в капкан крыса, ватак повер-

нулся и побежал прочь. Догнав его в три прыжка, я вогнал секиру ему в спину, а когда он повалился ничком, дернул секиру на себя, и она поддалась гораздо легче.

Огляделся, готовый ко всему. Стояла тишина, лежавший передо мной ватак еще слабо трепыхался, а вот второй уже лежал неподвижно в немаленькой луже зеленой крови. Итак, это не злые духи, не неуязвимые демоны, — создания из плоти и крови, которых нетрудно убить.

Коридор, где я оказался, был широкий, высокий, но не такой уж длинный. Справа — четыре невысоких двери, и еще одна побольше и повыше — в конце коридора, слева — два стрельчатых окна, выходивших на равнину с протянувшейся вдаль Изгородью. Прикинув размеры охотничьего домика, не такого уж и большого, в один этаж, я пришел к выводу, что все его внутреннее устройство как раз и ограничивается тем, что я вижу.

Начал с ближайшей двери. За ней оказалась комната, обставленная явно предыдущими хозяевами, людьми: кровать того же вида, на которой я спал на постоялом дворе, почти такие же, только побогаче, стол и стулья, кресла, шкаф в углу. Комната выглядела чистой и ухоженной, регулярно прибиравшейся, ни следа пыли и паутины (но отчего-то сразу чувствовалось, что здесь давно никто не живет).

Другие две представляли полную противоположность ей. Узкие кровати, столы, кресла, шкафы — но вся мебель выполнена совершенно в другом, незнакомом стиле, и словно бы не из дерева, а из металла или пластмассы. Комнаты совершенно одинаково обставлены и больше всего напоминают казарму — абсолютно ничего лишнего, никаких признаков индивидуальности вроде картинок на стене или керамической вазочки с цветами на подоконнике. Возможно, они чем-то и украшали свои жилые помещения, но здесь, уже ясно, размещалась не

более чем караулка при секретном объекте, а такие места всегда сохраняют казенную спартанскую простоту...

Четвертая комната оказалась самой интересной. На длинном столе нежно-лимонного цвета стояли аккуратной шеренгой странные и непонятные предметы: белые ящики, квадратные, со стороны примерно в полметра, высотой в ладонь, с закругленными краями. По их поверхности порой проплывали разноцветные зигзаги, кружочки и полосы — как показалось с первого взгляда, без малейшей системы. Перед столом стоял такой же желто-лимонный стул, а больше в комнате не было никакой мебели. И стол, и стул показались мне вещичками нездешней выделки, больше похожими на скудную мебель в спальнях. И уж определенно не здешними были загадочные белые ящики с неустанно проплывавшими по ним разноцветными фигурами.

(Сейчас, сорок с лишним лет спустя, я уверенно назвал бы их компьютерами, но тогда такого слова никто не знал, даже седовласые многомудрые академики.)

Вышел из странной комнаты, прошел к двери в конце коридора, распахнул ее — и сразу понял, что попал куда следует. Если это не Мост, то я — балерина...

Когда-то здесь, без сомнения, была трапезная, где праздновали удачные охоты, — в дальнем углу сохранился в неприкосновенности громадный камин, в котором можно было зажарить на вертеле целого оленя или здорового кабана, а стены сплошь покрыты огромными гобеленами с разнообразными охотничьими сценами. Быть может, ватаки все это оставили в целости и сохранности оттого, что у них имелись некие эстетические потребности. Что делало их еще более отвратительными: людоед во фраке, знающий толк в симфонической музыке, по-моему, еще хуже людоеда-дикаря с кольцом в носу...

Большой зал с высоким потолком, под которым рекрецивались потемневшие могучие балки, выглядел пустоватым — но то, что стояло в центре вместо длинного стола, за которым когда-то пировали развеселые гуляки, впечатляло не на шутку...

Аккуратный круглый помост из светло-желтых, вроде бы лакированных досок метра два в диаметре и высотой человеку по колено, а на нем...

А на нем на высоту не менее двух человеческих ростов вздымалась причудливая конструкция, похожая то ли на скелет средневекового замка, то ли на плод фантазии принявшего изрядную дозу опиума художника-экспериментатора. Все сделано словно бы из прозрачного стекла — невероятное переплетение прямых, изогнутых и вившихся змеями труб, толстых колес, простых и зубчатых, трубы заканчиваются шарами и полушариями. Так и тянуло ущипнуть себя — но я и так знал, что не сплю, что передо мной доподлинная реальность — диво дивное, непохожее на все, что я в жизни видел...

И ведь эта потрясающая машинерия работала! Размерно, неторопливо вращались колеса, по трубам проплывали четко очерченные словно бы сгустки чистейших спектральных цветов, в шарах и полушариях кружились словно бы омутки, тоже разноцветные, меж соседними трубами временами протягивались этакими медленными разрядами ломаные шнурочки синего и красного цветов.

И все это происходило абсолютно бесшумно — так, что я в конце концов сильно топнул правой ногой, чтобы убедиться, не оглох ли внезапно: кто знает, на какие еще чудеса способен этот замок. Нет, не оглох, и в самом деле работает совершенно бесшумно...

Не знаю, сколько бы я еще стоял столбом как замороженный, таращась на это диковинное диво, но вдруг

прошла трезвая и холодная мысль: ты на задании, болван! Нашел время паяться, не в Эрмитаже!

Эта нехитрая мысль моментально вернула меня в разум, и я двинулся к диковинному агрегату (а это был именно агрегат, не наваждение нечистой силы, с которым я прежде, правда, никогда и не сталкивался). Стиснув секиру (лезвие выпачкано зеленой кровью, но вытирать его нет никакой охоты), прошелся вдоль помоста, приглядываясь и прицеливаясь, подумал мельком, что похож на дровосека, подступающего к здоровенной лесине. Кабеля или провода нигде не видно, вряд ли он проложен под полом — каменные плиты выглядят нетронутыми с того момента, как их здесь уложили. Да и к чему уродоваться, прокладывая под полом проводку? И все же... Если эта штукавина работает все же на электричестве, может чувствительно долбануть током... хотя вряд ли, деревянное топорище послужит изолятором. Ни одной металлической детали, все выглядит сделанным из стекла, а стекло, как известно из школьного курса физики, электрический ток не проводит... наше стекло, а как обстоит со стеклом ватаков, поди догадайся...

Я ощутил нешуточный прилив злости на самого себя и выругал себя в три загиба и семь этажей: прохлаждаешься тут! Нетрудно догадаться, в каком нечеловеческом напряжении ждут сейчас на склоне Грайт и Алатиэль, не сводя глаз с замка. Пора что-то делать, и начинать лучше всего, эксперимента ради...

Обухом секиры я от души приложил по ближнему шару, в котором размеренно кружился желтый омут. И отпрыгнул на всякий случай...

Зря боялся — ровным счетом ничего неприятного и уж тем более душевного не произошло. Осколки шара посыпались на пол с натуральным стеклянным дребезгом, это и в самом деле оказалось стекло, гораз-

до толще, чем в электролампочке, но все же превосходным образом бьющееся, если как следует врезать по нему стальным обухом немаленького топора, который благозвучия ради следует именовать боевой секирой...

Из стеклянной трубы как-то нелепо торчала горловина шара, окруженная зубчатыми осколками, крайне похожая на прозаическую битую бутылку. Оставшийся, так сказать, бесквартирным омуток неяркого желтого огня несколько секунд висел в воздухе безо всякой опоры, понемногу замедляя вращение, в конце концов обрушился вниз, как подстреленная птица, и беззвучно угас на полу, как лампочка, когда повернут выключатель. В горловину все так же размеренно выплывали сгустки желтого света — и, лишившись невидимой опоры, падали вниз осенними листьями в безветрие, тускнели, гасли...

И это — все! И током не долбануло! В приливе веселой ярости я, ободрившись, прямо-таки обрушился на диковинную машинерию; махая секирой, как спятивший дровосек, — впрочем, не беспорядочно, а расчетливо, прилежно выбирая следующую цель, действуя то лезвием, то обухом...

Не знаю, сколько это продолжалось. Вряд ли особенно долго — не такая уж и большая была машинерия. Когда я малость отошел от лихого разгрома, все было в порядке: круглый помост был усыпан грудой прозрачных обломков, в которой еще что-то беспорядочно помигивало, кое-где светились быстро угасавшие разноцветные огни. Следовало бы ожидать, вспоминая иные виденные мною заводские агрегаты, что заверещат тревожные звонки и замигают тревожные лампы, но ничего подобного я не дождался — благодатная тишина. Даже если у ватаков есть радиосвязь или что-то аналогичное, и сигнал о повреждении агрегата поступил в центр (дол-

жен же у них быть какой-то центр, вряд ли они живут такими анархистами?), ручаться можно, там особо не встревожатся. Вспоминая безграничное удивление на лице первого упокоенного мной ватака, можно с уверенностью сказать: они чересчур уверены в себе, полностью полагаются на свои Изгороди, которые обитатели этого мира преодолеть не способны. О том, что живут еще и люди с красной кровью, они и не подозревают. В крайнем случае сюда вылетят не подозревающие плохого ремонтники (должны же у них быть ремонтники, не существует такой техники, которая не ломалась бы и не отказывала), я их встречу в прихожей и душевно покритую их моральные принципы и образ жизни...

А ведь я еще не все доделал! Подумав об этом, быстрым шагом прошел в комнату со странными ящиками (к ним тоже не вели никакие провода), примерился, методично принялся крушить их то лезвием, то обухом.

Отлично все получилось! Снова ничего похожего на мелькание электрических разрядов — ящики оказались самую чуточку потверже стеклянного Моста, белая поверхность шла глубокими трещинами, ломалась, трескалась, разлеталась в куски, летели ни на что не похожие обломки (сейчас я сравнил бы их с внутренностями транзисторного приемника, о которых тогда и не слышали), мигали белые и зеленые огоньки и тут же гасли. И снова — никакого сигнала тревоги, ни лампочками, ни звонками...

В конце концов я отступил от заваленного обломками стола, смахнул пот со лба. Подумал мельком: во все это, несомненно, вложено немало научной мысли и хитрых инженерных изысков. Только самый передовой и сложный научный агрегат недолго продержится и кончит бесславно, если он достаточно хрупок и им, оставленным без присмотра, вдумчиво займется неандерталец

с дубиной, в жизни не слыхавший о высшей математике и физике. Маленький урок ватакам: секретные объекты, господа мои, следует охранять бдительно и неустанно, иначе получится черт знает что...

Вернувшись в бывшую трапезную, я присмотрелся и этак хозяйственно прихлопнул обухом избежавший общей участи стеклянный шар, в котором, представьте себе, кружился неяркий алый свет. Порядка ради, чтобы не оставлять работу незаконченной — вот теперь все в ажуре, не крутится-вертится, не моргает...

Дверь трапезной я нарочно оставил нараспашку, чтоб вовремя услышать нежеланных визитеров — а кто еще мог сюда заявиться, кроме ватаков, полных здесь хозяев? И я услышал, как открылась выходная дверь — ее рванули на себя так, что она стукнула о стену, как раздались громкие, уверенные шаги людей, ничуть не скрывавшихся, — и снова такими могли быть только ватаки. Правда, те, что валялись сейчас в прихожей, ступали гораздо тише, и отнюдь не оттого, что таились, просто их поступь была по-кошачьи мягкой, почти бесшумной. Но откуда мне знать, что так ходят все ватаки?

Я прижался к стене так, чтобы меня не увидели из коридора, приготовился приложить секирой первому, кто сунется... и тут же ее опустил. В дверях стояла... Алатиэль, с мечом в опущенной руке, уставилась на жалкие обломки Моста с неописуемым выражением лица — глаза стали огромными, сразу и не поймешь, то ли она сейчас захочет, то ли зарыдает в три ручья...

Я встал перед ней и сказал, отчего-то почувствовав себя глупо:

— Вот так...

Других слов отчего-то не нашлось.

— Костатен... — почти прошептала она. — У тебя получилось...

— Получилось вот, — сказал я. — Убери меч, а то порежешься...

В другой ситуации — я ее уже немного узнал — в ответ на такую реплику обязательно последовало бы сердитое сверкание глазищ и возмущенные слова, однако сейчас она послушно вложила меч в ножны, не отводя взгляда от того, во что превратился Мост.

— Как вы вошли? — спросил я, помня, что входили как минимум двое. — Там же Изгородь...

— Изгороди нет, — проговорила она, все так же глядя на обломки, завалившие помост, лежавшие вокруг него. — Мы стояли, места себе не находили... и вдруг Изгородь исчезла, как не бывало... ничего не поняли, но решили, что это неспроста... кинулись в замок, а тут...

Тут только я догадался повернуться к высоким окнам трапезной. Изгороди не было, только поросшая кустарником, протянувшаяся до отлогого склона равнина. Белые ящики, пришло мне в голову. Те, что сейчас тоже валяются кучей обломков. Окончательно ясно, что не было никакого злого колдовства, которое бывает только в сказках, — техника неизвестной природы, и все дела...

— Где Грайт? — спросил я. — Я же слышал: вошли двое...

— В прихожей... — ответила Алатиэль чуточку рассеянно, не сводя глаз с груды прозрачных обломков невиданной машинерии.

Грайт стоял над тем ватаком, которого я упокоил первым, — как всегда, с непроницаемым лицом. Хотя некоторая хищная радость присутствовала.

Он произнес отрешенно, не глядя на меня:

— Много лет мечтал увидеть хоть одного без мантии. И вдруг сразу двое, да еще в таком радующем глаз виде... Оказывается, это никакие не чудовища, надо же... Ни-

кто никогда не слышал о зеленой крови — но если есть красная, почему бы не быть и зеленой...

Подошел ко мне, закинул на шею сильную руку и боднул головой в лоб. Отстранившись, сказал чуть взволнованнее, чем обычно:

— Костатен, чтоб тебя... Ты и не представляешь, что для нашего мира сделал...

— Рад стараться, — ответил я почему-то по-уставному.

Он не попросил разъяснений — значит, вигень перевел мои слова достаточно верно. Скорее всего, у них, когда еще существовала армия, было в уставах что-то похожее...

— Я так понимаю, с Мостом все в порядке? — спросил он. — То-то Алатиэль торчит там как пришитая...

— Любуется, — кратко ответил я. — Зрелище интересное, даже когда там все разломано вдребезги и пополам...

— Схожу посмотрю...

Он скрылся в трапезной, и его не было довольно долго — что ж, неудивительно, сбылось то, о чем он так долго мечтал... Я остался стоять в прихожей. Никаких особенных мыслей и чувств не было — и уж ничего похожего на ликующую радость триумфатора. В жизни, когда одерживаешь безусловную победу, обычно никаких таких высоких чувств, излюбленных в былые времена романистами, не испытываешь. Скорее уж наоборот, появляется некая опустошенность: цель достигнута, что дальше? На краткое время приходит даже тоска: неизвестно, что будет дальше, что еще предстоит сделать в этой жизни, будут ли и в дальнейшем сплошные победы, или придется нарваться и на поражения, без которых, увы, сплошь и рядом не обходится...

Зазвучали уверенные шаги: показался Грайт, за ним торопилась Алатиэль. Она смотрела на меня так, что,

признаться, на душе играли фанфары — редко случалось, чтобы на меня с таким восхищением смотрели красивые девушки, — точнее сказать, никогда прежде не случалось. И было мне от роду двадцать два годочка, так что такие взгляды — как маслом по сердцу...

— Костатен, ты великолепен... — проговорила она.

Грайт и тут спустил все с небес на землю. Сказал со своей обычной беззлобной насмешкой:

— Алатиэль, тебе остается броситься ему на шею и пылко расцеловать. Вы будете в точности как витязь Коркат и прекрасная Таньяри, когда он вернулся с головой горного дракона...

— Коркат и Таньяри пылко и беззаветно любили друг друга. А у Костатена есть невеста. Грайт, вечно ты приземлишь все...

— Что поделаться, такой уж уродился, — пожал плечами Грайт. — Пойдемте, все еще не закончено...

Когда мы вышли на крыльцо, он посмотрел на равнину и удовлетворенно хмыкнул:

— Ага, явились наконец. Немного задержались, но не опоздали ничуть. Что ж, на Поварню отвлекаться не стоит, сами отлично справятся...

Проследив за его взглядом, я увидел, что исчезла и Изгородь вокруг Поварни, что там бестолково мечутся люди в золотых халатах и в обычной одежде. Доносились испуганные вопли — ага, верные псы обнаружили, что остались без хозяев и защитить их некому, — но это вызвало у меня лишь злорадное удовлетворение.

Потом... Сначала мне показалось, что это несет широкой полосой сильный ветер, колыхавший кустарник. Но тут же рассмотрел, что там происходит: по равнине, прямехонько к Поварне, со всех ног неслась целая орава кальтингов, неотличимых цветом от зеленых веток...

— Все в порядке, — хмыкнул Грайт. — У них большой счет к Поварням и Золотым Стражникам... Пойдемте, нужно побыстрее все закончить...

Чуть запыхавшись, мы добрались до поляны, где оставили коней, — они там так и стояли на привязи, безмятежно пощипывая травку, как обычно с животными и бывает, не подозревая, что стали свидетелями безусловно исторического события. Грайт сказал требовательно, тоном приказа:

— Алатиэль...

— Ну разумеется, Грайт, — откликнулась она серьезно.

Расстегнула пояс с оружием, сняла и положила на самый высокий куст кафтан, проворно разулась, сняв и носки, принялась проворно расплетать косу. Встряхнула головой, разметав волосы по плечам. Такая, босиком, в одной тонкой рубашке, с распущенными волосами, она была очаровательна, так что я, несмотря ни на что, ощутил мимолетный сердечный укол — на красоту можно смотреть бесконечно, есть у тебя любимая невеста или нет...

— Посиди пока, — сказал мне Грайт. — Твоя работа закончена, а нам еще нужно кое-что сделать...

Я присел на поваленное дерево, чувствуя, как пропадает, тает, отпускает сумасшедшее напряжение, достал трубку и кисет. Подойдя к одной из выючных лошадей, Грайт достал кинжал и осторожно подпорол кончиком лезвия боковину одной из матерчатых седельных сумок. Достал оттуда целый пучок каких-то тонких стержней и направился туда, где Алатиэль уже лежала в траве, вытянув руки вдоль тела, широко раскрытыми глазами глядя в небо. Принялся осторожно втыкать стержни вокруг ее головы, так что они образовали этаким нимб. Теперь я их мог хорошо рассмотреть: толщиной с мизинец, цвета начищенной меди, заканчиваются синими

шариками, словно бы стеклянными или из прозрачного камня, с переплетением золотистых прожилок внутри. Я их машинально сосчитал — двенадцать.

Покончив с этим непонятным занятием, Грайт уселся рядом со мной и тихонько сказал:

— Если захочешь что-то спросить, говори шепотом. Громко нельзя, помешает...

Не о чем пока было спрашивать, и я смотрел во все глаза. Лицо Алатиэль побледнело так, что казалось маской, широко раскрытые глаза стали такими отрешенными, словно она не видела ничего вокруг, — подозреваю, так оно и было...

От шариков потянулись словно бы золотистые лучики, смыкаясь над лицом Алатиэль, образовав нечто вроде паутины. Можно было разглядеть, как ее бледные губы зашевелились, но не доносилось ни звука — странное, но ничуть не пугающее зрелище...

— Что это такое? — шепотом спросил я.

— Она сейчас говорит с нашими людьми в столице. Это врожденное умение, им владеют немногие, Алатиэль — одна из лучших...

Ну вот, объяснилась загадка, не дававшая мне покоя, пусть и несколько лениво. Понятно стало, почему в смертельно опасное предприятие Грайт взял не какого-нибудь лихого рубаку с изрядным числом покойников за спиной, а девчонку, пусть смелую и отчаянную. Алатиэль была у них радисткой...

Продолжался сеанс связи недолго, несколько минут. Потом золотистая паутина растаяла, Алатиэль приподнялась и села, закрыв глаза, помотала головой — и тут же принялась привычно заплетать косу. Ее лицо и губы быстро приобретали нормальный цвет, и она вовсе не выглядела усталой, не похоже, чтобы работа на здешней рации отняла у нее силы.

— Все прекрасно, Грайт, — сказала она своим обычным голосом, звонким и спокойным. — Они постараются вылететь как можно быстрее...

Мне показалось, что Грайт чуточку расслабился — самую чуточку. Точно, ему не зря дали прозвище Свинцовый Монумент...

— Вот теперь все, Костатен, — сказал он спокойно. — Осталось только сидеть и ждать. Они прилетят часа через два.

— Прилетят? — спросил я с некоторым удивлением.

— Ну да, — сказал он безмятежно. — Получилось так, что в нашем распоряжении две летающие лодки. Купеческие. Иногда бывает очень легко договориться кое о чем как раз с купцами. Такая уж у них натура — за звонкую монету продадут и родную бабушку, если увидят случай взять хорошую цену. Прилетят наши, обшарят замок — вдруг там найдется еще что-то интересное. Но еще до отлета дадут условный сигнал, и наши люди возьмутся за ватаков, пустят в ход все, чем мы располагаем...

— А чем вы располагаете, если это не тайна?

— Какие теперь от тебя тайны, Костатен... — усмехнулся Грайт. — Тебя не удивило, что я с прохладцей отнесся к твоему предложению раздобыть в вашем мире оружие наподобие твоего?

— Вы без меня до этого додумались, еще раньше, — убежденно сказал я.

— Вот именно. Очень быстро додумались, как только увидели ваше оружие в действии, сразу поняли, что его можно использовать против ватаков. Ваша страна оружием не торгует с кем попало, но другие, на наше счастье, оказались не столь щепетильны. Человек, немало в вашем мире освоившийся, с мешком золота и торговым опытом, справится легко... У нас уже есть некоторое количество ваших винтовок и пулеметов

с хорошим запасом патронов. И наши люди без труда купят еще. Есть даже мысль пронести к нам ваши небольшие пушки, разобрав их на части. Наконец, есть ваши люди, согласившиеся за золото немного повоевать в нашем мире, — и, в отличие от Лауса, они не отважатся сбежать. Ему просто подвернулся очень удобный случай освоиться в нашем мире, а вот у них такого случая не будет.. Конечно, у нас мало оружия и людей, чтобы напасть на все замки ватаков одновременно. Ничего, мы их будем выжигать поодиночке и в конце концов со всеми покончим. Главное, они потеряли ход в свой мир и неизвестно, смогут ли, успеют ли его восстановить. Выжжем поодиночке их змеиные гнезда...

Я нисколько не сомневался, что так оно и будет. Нетрудно представить, что случится с зеркальным замком, если против него старательно работает пара пулеметов или хотя бы десяток магазинных винтовок. А уж если они и в самом деле притащат сюда разобранные пушки, пусть малокалиберные... Ключки по закоулочкам. Это даже не Омдурман¹, это почище...

— В первую очередь, сейчас же, займутся Королевским Дворцом, — продолжал Грайт со злой мечтательностью. — Дворцом ватаков. Есть у них такой возле столицы. Все их замки небольшие, а там — несколько больших строений. Четыре раза в год они все туда слетаются на какие-то торжества. Это, безусловно, торжества — в такие дни они потребляют огромное число... деликатесов и тамошняя, самая большая Поварня ра-

¹ В битве при Омдурмане (Судан, 1888 год) англичане, потеряв всего около четырехсот человек, уничтожили из пулеметов примерно десять тысяч повстанцев-махдистов. Одно из первых в военной истории применений пулеметов на поле боя.

ботает круглосуточно. — Его лицо на миг исказила злая гримаса. — Через несколько дней должно было состояться очередное торжество, но теперь мы им не дадим возможности повеселиться. До сих пор неизвестно, если ли у них король в нашем понимании, но какой-то властелин, безусловно, есть. Потому Братство в первую очередь и займется Королевским Дворцом... — Он улыбнулся пошире обычного, я впервые видел у него такую улыбку, но, конечно, не удивился. — Что же мы сидим и болтаем? То, что ты сделал, нужно отметить...

Он сходил к вьючным лошадям, принес пузатую серебряную фляжку, украшенную чеканкой из незнакомых цветов и овальных листьев, и большую деревянную коробочку. Снял продолговатую крышку — как я и думал, это оказалась чарка граммов на сто, налил из фляжки темно-янтарной жидкости до краев. Сильный, приятный запах вызвал у меня вполне определенные ассоциации.

— За успех, — сказал Грайт, подавая мне полную чарку. — Имей в виду, это гораздо крепче вина, выдержки два раза по шесть лет, из королевских подвалов — а его величество, даром что мерзавец и прислужник ватаков, бурды в винных подвалах не держит, знает толк... Думаю, напиток крепче вина тебя не испугает?

— Вот уж ничуть, — уверенно сказал я.

В самом деле, нет винца сильнее пограничного молодца... Вспомнив читанную в каком-то историческом романе поговорку «Нам, казакам, нипочем, что бутылка с сургучом!», я привычно выдохнул воздух и осушил чарку до дна. Глотку немного обожгло, в желудке моментально разлилось приятное тепло. Это было что-то вроде отличного коньяка, к тому же двенадцатилетней выдержки — что ж, короли издревле знали толк в первоклассном спиртном...

Грайт подсунул мне открытую коробочку, где лежали какие-то темные ломтики, усыпанные чем-то вроде желтых и зеленых крупных перчинок, сказал:

— Смело можешь закусывать, точно известно, что для людей из вашего мира это не отрава...

Когда это закуска для хорошего коньяка была отравой для бравого пограничника?! Я лихо закинул ломтик в рот и не прогадал — это было копченое мясо в специях, таявшее во рту, — очень может быть, тоже с королевской кухни. Дворяне-подпольщики, как уже подмечено, предпочитали максимальный комфорт — что нисколько не умаляло моего к ним уважения...

Грайт налил себе до краев, выпил, лишь чуть поморщившись, сжевал мясо.

— А мне? — воскликнула Алатиэль, до того сидевшая смиренхонько и паинькой слушавшая наш разговор.

Грайт, чуточку поколебавшись, все же налил чарку до половины и подал ей, предупредив:

— Только осторожнее, Алатиэль. Крепче вина ты еще ничего не пила, так что поберегись...

— Ерунда! — отрезала наша амазонка. — Я видела, как вы пили. Значит, и я смогу...

Старательно выдохнула полной грудью и опрокинула чарку в рот. Как и следовало ожидать, последствия оказались знакомыми: она посидела с разинутым ртом и вытаращенными глазами, на которые навернулись слезы, потом отчаянно раскашлялась. Грайт, похлопав ее по спине, подсунул коробочку с мясом, и она кое-как прожевала ломтик. Утерла глаза рукавом и сердито бросила:

— Жидкий огонь какой-то! Как вы это пьете?

— Богатая практика, — коротко ответил Грайт. — Ничего, сейчас тебе полегчает, посмотришь на жизнь по-другому...

Я с ним мысленно согласился. В самом деле, вскоре ее щечки покраснелись, она заулыбалась. Не опьянела, конечно, однако пришла в самое хорошее расположение духа, чего и следовало ожидать от человека, принявшего хорошую рюмку отличного коньяка. Посидела немножко, благодушно взирая на нас и окружающий мир, потом заявила:

— Костатену нужно памятник поставить!

— Заслужил, — серьезно сказал Грайт. — Я уже об этом подумал — только что не хотел из суеверия такое мысленно обсуждать с самим собой раньше времени... Костатен, я всегда выполняю свои обещания. Когда более-менее установится... новый порядок, всерьез задумаемся о памятнике. Твою одежду я прекрасно запомнил, Алатиэль превосходно рисует, и красками, и карандашом, и углем, так что сходство будет полное. Без головного убора, конечно. И непременно на коне — испокон веков памятники прославленным на войне ставят только конные... ну, конными по старой традиции изображают еще и королей, пусть даже они никакими воинскими подвигами не прославились. Хорошо, памятника нынешнему королю еще нет... — Он хищно улыбнулся. — И, слово чести, никогда уже не будет... А вот тебе будет.

Я не был воодушевлен столь заманчивой перспективой — скорее раздосадован. Вот уж не ожидал! Мои амбиции не простирались дальше золотых генеральских звезд на петлицах — о них втихомолку мечтает всякий молодой командир. А вот памятник, тем более конный, — как-то и не по чину...

— Непохоже, чтобы ты так уж радовался, — усмехнулся Грайт.

— Если подумать, ничего хорошего, — сказал я. — Птички будут на голову гадить...

— Ну, есть зрители за памятниками...

Алатиэль, блестя чуть-чуть хмельными глазами, добавила:

— А зато у твоего памятника, как часто случается с другими, будут назначать свидания влюбленные...

— Это, конечно, гораздо приятнее, чем птички как-кашки на голове, — проворчал я.

— Ну что, за будущий памятник? — совершенно по-русски предложил Грйт, потянувшись за флягой.

Выпили по второй, Алатиэль уже почти не кашляла. А вот дальше возникла явственная заминка. Разговор не клеился, было даже впечатление, что я стал третьим лишним — конечно, не в амурном плане. И Грйт, и Алатиэль были охвачены таким радостным нетерпением, а мое присутствие стало обременительным. Я и не подумал на них обижаться: все правильно, у них впереди еще масса серьезных дел, где обойдутся — и слава богу! — уже без меня. Я и сам чуял радостное нетерпение, только, разумеется, по другому поводу...

Грйт пытливо глянул на меня:

— Костатен, ты явно мыслями где-то далеко. И выражение лица у тебя примечательное, только я не пойму, это потаенное недоверие или потаенное нетерпение?

— Какое там недоверие, — сказал я искренне. — Я тебе с некоторых пор доверяю. Нетерпение, ага. И мыслями я не далеко, а здесь, на этой самой поляне. Ты обещал отправить меня назад, когда дело будет сделано...

— И отправлю, — сказал он спокойно. — Только... Ты и в самом деле так рвешься назад? Не хочешь остаться еще немного и помочь нам громить ватаков? Не ради золота, понятно, — из тех чувств, что делают человеку честь...

— Не хочу, — решительно сказал я. — Идет война, и мое место там. А громить ватаков найдется кому и без меня.

— Ну я просто так спросил, порядка ради... Что же, отправляйся назад, не могу же я тебя удерживать силой...

— Нужно будет возвращаться к тому месту? К охотничьему домику?

— Нет никакой необходимости, — сказал Грайт весело. — Это ватаки, без сомнения, намертво привязаны к определенному месту, а у нас обстоит совершенно иначе. Нет причин от тебя и эту тайну скрывать. Видишь ли, я... — Он подумал. — Я тебе не буду говорить наше слово, каким называют таких людей, как я. В твоём языке нет соответствия, все равно пришлось бы объяснять... Короче говоря, у нас есть люди, способные открывать Тропы в любом месте, где находятся. Я такой. Люди эти встречаются даже реже, чем то умение разговаривать на расстоянии, каким владеет Алатиэль. — Он усмехнулся, как мне показалось, печально. — Могу тебя заверить, я от этого не ощущаю ни малейшей гордости, наоборот... Видишь ли, за многое приходится платить. Я, например, из-за умения открывать Тропы совершенно не способен к арифметическим расчетам, даже простейшим, считать могу только до десяти по пальцам, а дальше — «десять раз по десять», примерно так. И еще кое-чего, что доступно обычным людям, полностью лишен...

Уж конечно, не интереса к женщинам, легкомысленно подумал я, чуть развеселившись от двух чарок отличного коньяка. Не для того же ты на постоялом дворе увел к себе красивую бялку, чтобы разговоры с ней разговаривать?

И тут же отогнал всякое легкомыслие — не время... Спросил:

— Я тебя правильно понял? Тропу в мой мир ты можешь открыть прямо здесь, на этой самой поляне?

— Ну да, — буднично и просто сказал Грайт. — Прямо здесь, и много времени это не займет..

Нетерпение прямо-таки захлестнуло меня, но я тут же трезво подумал о некоторых крайне важных и серьезных подробностях. Спросил:

— А куда я попаду? В то же место, откуда ушел, или...

— Ну это очень просто объяснить, — сказал Грайт. — Мне в свое время все подробнейшим образом растолковали ученые люди, которые у нас занимаются Тропами. Они у меня и открыли эти способности, о которых я и не подозревал — как, впрочем, и о самом существовании Троп... Дело обстоит так: ты вернешься к себе в то место, какое отстоит от «места убийства» ровно столько на то расстояние, которое преодолел здесь. Почему так получается — это уже высокая наука, в которой я не силен. Но обстоит именно так. Давно проверено.

Не могу сказать, что такие подробности меня обрадовали. Наоборот. От того охотничьего домика мы удалились на изрядное расстояние, ехали не строго по прямой, но все равно уехали далековато. Так что я свободно могу оказаться в немецком тылу, причем не на нашей временно оккупированной территории, а где-нибудь в бывшей Польше, откуда выбираться к своим будет крайне затруднительно. Да и наш глубокий тыл, попади я туда, сулил нешуточные сложности. Непременно спросят: это как же ты оказался так далеко от фронта, такой шустрый?

Можно, конечно, убить два дня и вернуться к тому охотничьему домику — вряд ли Грайт мне не поможет туда попасть. Однако попаду из огня да в полымя: хорошо, если развернулись наши главные силы, стали выбивать немцев... а если нет? В деревне Оксаны наверняка уже немцы. Что ж, придется рисковать...

— У тебя только та карта, что я видел?

— Есть еще одна, — сказал Грайт. — Того же размера, но вмещает гораздо больше земель, не только эти места, а целых три провинции.

— Давай посмотрим! — не без азарта воскликнул я.

Штудирование карт и разговор о них заняли часа два, не меньше. Во-первых, я представления не имел, как здешние стороны света сочетаются с нашими. Во-вторых, на второй карте, как и на первой, не было масштабной линейки. Приходилось примерять к картам конные переходы, пытаться их как-то перевести в километры, пусть приблизительно. Грайт пользовался в расчетах здешних километров именно теми словами, о которых рассказал: «Пальцы на руках», «пальцы на ногах», «пять пальцев на одной руке и три на другой». Вершиной его математических познаний было «десять раз по десять». У искренне пытавшейся помочь Алатиэль с математикой обстояло гораздо лучше, но карту она не умела читать совершенно...

Так что с нас троих семь потов сошло. И все же кое-что удалось определить: мне предстояло вернуться в точку, отстоящую примерно километров на шестьдесят от деревни Оксаны, — знать бы только, западнее, восточнее, южнее или севернее... Невозможно сказать точно. Ну что же, придется рисковать, ничего другого не остается...

Нужно хорошо продумать, как я буду выглядеть в глазах окружающих, когда вернусь, неважно, наших или немцев. Пояс с мечом и кинжалом, конечно, долой. Кафтан тоже. Очень уж он отличается фасоном от обычной — да и музейной — одежды нашего мира. Штаны, сапоги и рубашка тоже способны вызвать вопросы, но все же смотрятся не так экзотично. Вот именно, сапоги...

Я проворно их скинул, снял шпоры и в два счета срезал острейшим кинжалом верхнюю часть голенищ с золотыми бляшками — они прочно сидели на заклепках, и выковыривать каждую по отдельности было бы слишком долго. Сапоги, штаны и рубашка — необхо-

димый минимум, нельзя же отправляться босиком, без рубашки и уж тем более без штанов. Теперь карманы...

Я отдал Грайту кошелек с деньгами и зажигательное стеклышко. Трубку и кисет с табаком по коротком размышлении оставил: особых подозрений они возбудить не могли, разве что легкое любопытство — в нашем мире неисчислимое множество видов трубок самого разнообразного фасона и материала, никаких каталогов нет и не было. То же и со светло-желтым длиноволокнистым табаком — мало ли сортов, кто знает их все? Вот вигень напоследок я расстегнул и снял с шеи с сожалением: отличная штука, могла бы здорово пригодиться, но брать ее с собой никак нельзя: вполне вероятно, где-нибудь да обыщут...

Закончив, я вопросительно взглянул на Грайта, чуть разведя руками, — теперь мы не могли понимать друг друга. Он показал жестом, что отлично все сообразил, столь же выразительным жестом велел мне сидеть на прежнем месте и вышел на середину поляны. Я во все глаза уставился на него.

Не произошло ровным счетом ничего необычайного. Просто он поднял руки жестом опытного дирижера (не хватало только палочки) и надолго застыл в этой позе. Молчал. Может быть, произносил что-то про себя (вдруг для этого нужны какие-нибудь заклинания? Есть же в этом мире магия, Грайт сам говорил), но он стоял ко мне спиной, и я не видел его лица.

Потом перед ним появились неяркие желтые огоньки, очень скоро принявшие очертания невысокой арки, слились в сплошную полосу золотистого сияния — и за ней открылось нечто знакомое: коридор или туннель со стенами темного цвета, по которым мерцали зеленые огоньки. То, что я уже видел в спальне Оксаны, когда Грайт меня уволок в свой мир. Он был недлинный,

метров пять, и я с того места, где сидел на поваленном стволе, прекрасно рассмотрел, что на другой стороне — самый обычный лес, по каким я изрядно походил и во время службы, и во время скитаний...

Грайт обернулся, сделал приглашающий жест. Не нужно было приглашать дважды: я прямо-таки метнулся туда, ног под собой не чуя от радости.

Не было долгих прочувствованных прощаний — к чему? Грайт толкнул меня кулаком в плечо, и я впервые за время нашего знакомства увидел на его лице настоящую улыбку — широкую, веселую. И тут же подбежала Алатиэль, очаровательная амазонка, храбрая подпольщица, радистка, в которую я, к счастью, так и не влюбился по известным причинам. Глядя мне в глаза, произнесла длинную певучую фразу, оставшуюся совершенно непонятной. Тут же поняла свою ошибку, смущенно улыбнулась, махнула рукой, бросилась мне на шею и крепко поцеловала в губы, прижавшись всем телом, — и это, что греха таить, было чертовски приятно. Грайт, уже, как всегда, хмурый и озабоченный, требовательно похлопал ее по плечу, она медленно убрала руки с моей шеи и отступила.

Повернувшись, я бросился в проход меж мирами, как бросаются в холодную воду. Почти бегом, в несколько прыжков, выскочил на той стороне, где деревья, кусты и цветы были знакомы, как собственная комнатка в комендатуре. Ликующая радость накатила, и тут же прошиб нервный озноб, с которым я быстро справился. Осторожно сделал несколько шагов вперед, словно по тонкому льду (тогда я еще не знал, что по тонкому льду нужно идти как раз быстро), — но под ногами была твердая земля.

Оглянувшись, я уже не увидел Тропы — исчезла напроочь. Вокруг стояла покойная тишина, нарушавшаяся только беззаботным щебетанием мелких птах, солнце

висело низко над лесом, и я от волнения не смог проделать самые примитивные вычисления, вспомнить с ходу, утреннее это солнце или вечернее.

Сел в траву, рядом с высоким кустом, временами лениво колыхавшимся под слабенькими порывами теплого ветерка. Легкий хмель от хорошего коньяка уже выветрился, и нельзя было терять попусту время, следовало в хорошем темпе и качественно проработать легенду — точнее, две, для немцев и для наших.

Проще всего оказалось с немецкой. При мне не было абсолютно ничего, свидетельствовавшего о принадлежности к Красной армии. Я представления не имел, как немцы относятся к гражданским, не вызывающим подозрений, задерживают ли и по какой методике допрашивают, если все же гребут. Но предстояло выдать себя за самого что ни на есть гражданского.

Родной город, где жили родители и Наташка, так и оставить родным. А в остальном надеть на себя, как пришедшуюся по размеру чужую шинель, кусочек биографии Наташки.

Это я заканчивал библиотечный техникум. Вот так вот лежала у меня душа к библиотечному делу. Парень я начитанный, о литературе поговорить смогу, в том числе и о немецкой классике. Здание техникума в старинном купеческом особняке и даже его коридоры я смогу описать очень точно — не раз поджидал у входа Наташку и несколько раз заходил внутрь. Библиотечное дело нехитрое. Когда у Наташки был месяц практики в детской библиотеке, я к ней заходил каждый день, долго там просиживал, насмотрелся, как она ищет карточки читателей, отмечает принесенные книги, записывает выданные — ничего сложного. А впрочем, вряд ли проверка будет столь уж скрупулезной — я так полагаю, немцев не интересует постановка библиотечного дела

в Советском Союзе, как нас в комендатуре не интересовало немецкое...

Возраст двадцать два года, большеват для студента. Ну что же, я по призыву отслужил в Красной армии, рядовым стрелковой роты — обычный красноармеец, пеш-пехотинец, не обремененный знанием серьезных военных тайн, ножку тянул, по мишеням стрелял, строевые песни распевал... Простой карандаш.

А потом? А потом начались каникулы, и я поехал к тетке в Гомель. Там и встретил войну. Мой поезд попал под бомбежку, там в пиджаке остались все мои документы, и я, вместе с другими беженцами, пустился на восток. Часть маршрута можно позаимствовать из реальности. Вот, собственно, и все.

А вот над легендой для наших нужно подумать не в пример обстоятельнее, я же назову свое настоящее имя, место службы и все остальное. Путь из Минска до Оксаниной деревни нужно будет обрисовать так, как он и проходил в действительности, — совершенно нечего скрывать. Вот дальше придется напрямь соображаловку до предела, придумать убедительную историю, объясняющую, что со мной происходило в течение этих двух дней, что я делал, почему оказался... черт, пока что неизвестно, где именно я оказался, — ну, канва есть, подробности приложатся потом, по ходу дела...

Сначала обрисовался, высокопарно выражаясь, костяк, потом помаленьку стал обрастать плотью, пришла пора и для мелких подробностей. Когда легенда окончательно сформировалась, я ее старательно обдумал от начала и до финала, добавил подробностей, еще раз обдумал. Получалось вполне удобоваримо. А потому дальше рассиживаться здесь не стоило. Солнце высоко поднялось над лесом, уже не требовалось расчетов, чтобы точно определить, что оно утреннее. Прикинуть,

что сейчас часов одиннадцать утра, и сориентироваться по сторонам света.

И я пошел на восток. Шел, и ни разу не встретилось никакого оставленного человеком мусора, ни нашего, ни немецкого. Ничто не говорило о войне, только однажды в безоблачном небе прошла тройка самолетов на юго-запад — но они летели слишком высоко, и нельзя было определить, наши это или немецкие. Правда, судя по скорости, это, безусловно, были не истребители — бомбардировщики или транспортники.

Потом впереди послышались отголоски звуков, они усиливались, крепили и, наконец, с уверенностью можно сказать, обернулись чем-то донельзя знакомым: шум движения по большой дороге. И машины, и телеги, и шагающие пешком люди...

Прибодрившись, я ускорил шаг и вскоре увидел сквозь деревья то, что и ожидалось. А там, притаившись за одним из крайних деревьев, разглядел привычную для первых дней начала войны картину...

Довольно широкая проселочная дорога. Не сплошь забита невольными странниками, но движение довольно оживленное. А понаблюдав еще немного, я понял, что можно установить некую закономерность, присмотревшись и безошибочно определив, кто именно движется в какую сторону...

Была четкая закономерность!

Дорога пролегла с юго-запада на северо-восток, с отклонением, можно прикинуть, градусов в двадцать от оси координат — следовательно, смело можно сказать, что она шла с запада на восток. На восток тянулись исключительно гражданские: прошла полуторка, битком набитая детьми младшего пионерского возраста, еще одна, нагруженная какими-то мешками, без единого человека в кузове, только в кабине сидели двое гражданских. По-

нуро брели беженцы, навьюченные самой разнообразной поклажей (одна старушка тащила даже завернутую в тряпку кошку, а мужчина пожилых лет нес арифмометр без чехла). И ни одного военного — возможно, где-то западнее действовал сборный пункт. На обочине виднелись воронки от мелких авиабомб, какие с собой порой волокли «мессеры», некоторые люди опасливо смотрели в небо, но общей боязни воздушного налета я не отметил.

И наоборот. На запад прошагало воинское подразделение численностью не менее роты — шли не в ногу, но в строгом порядке, с шагавшими сбоку командирами, с винтовками. Следом ехали три зеленых военных повозки, нагруженные каким-то армейским имуществом. Колонна прошла недалеко от меня — лица у красноармейцев были угрюмые, сосредоточенные, но никакой растерянности я ни у кого не заметил.

Проехало в том же направлении несколько полуторок, окрашенных в защитный цвет, с обозначенными на дверцах армейскими номерами. Деловито пропылила «эмка» с пулевой пробойной на правой стороне ветрового стекла — характерная дырка, от которой змеятся трещины, явно винтовочного происхождения. Наконец, что мне особенно понравилось, проехали три танка БТ, танковый взвод полного состава — запыленные машины, отнюдь не сверкавшие блеском стали, как в знаменитой довоенной песне.

Все увиденное придало мне бодрости и спокойствия — ничуть не походило на те дороги, по которым я прошел после того, как на минскую группу выскочили немецкие танки. Ни хаоса, ни паники, ни общей потерянности, порой перераставшей в безысходность. Явно где-то неподалеку какой-то командный пункт, откуда исходят четкие распоряжения, в том числе и по поддержанию порядка...

Какое-то время я двигался лесом на восток, параллельно дороге, — и наконец увидел то, что мне как нельзя более подходило...

На обочине стояла полуторка, недалеко от нее — пятеро в зеленых пограничных фуражках, с зелеными петлицами, заставившие меня чуточку размякнуть душой: погранцы! Старшина с наганом в кобуре на поясе смотрелся лет на сорок, его подчиненные были гораздо моложе, но тоже не выглядели первогодками. Трое с карабинами, а у одного, с одинокими ефрейторскими треугольничками на петлицах, висел на плече автомат ППД. Дорогу они не перегораживали — стояли на обочине аккуратной шеренгой, внимательно приглядываясь к беженцам, — конечно же, заслон. Их-то мне и нужно!

И я начал претворять в жизнь хорошо продуманный план: вышел к дороге и направился к пограничникам — брел чуть зигзагом, шатаясь, как пьяный, растрепав предварительно волосы. Они быстро меня заметили — как не заметить этакое чудо, единственного, кто перся по обочине... Я пошел быстрее, изобразив на лице радость (отнюдь не притворную), а оказавшись в паре шагов от ближайшего, зашатался и осел в траву, закрыв глаза.

Конечно, меня тут же обступили, кто-то присел рядом на корточки, окликнул:

— Эй, что с тобой?

— Пьяный, может?

— Да вроде не пахнет... Эй!

Я открыл глаза, сел, а там и поднялся, открыв глаза. Выдохнул:

— Наши!

И стоял, время от времени легонько пошатываясь.

— Мы-то наши, а вот кто ты таков, птичка божья? — откликнулся ефрейтор с автоматом. — Дело пытаешь

али от дела лытаешь? И по какой причине тебя резвы ноженьки плохо держат?

Сразу видно, парень разбитной, записной весельчак и балагур.

— Я контуженый, — сказал я, старательно пошатнувшись. — Немец бросал бомбы, взрывной волной шибануло... Дня два бреду, как в тумане, путается в мозгах все... Где я?

— На планете Земля, браток, — сказал ефрейтор, лыбясь. Я заметил, что у него одного верхняя пуговица гимнастерки не застегнута, не по-уставному. — Туда попал, куда хотел? Сам, часом, не с Марса будешь? Одежда у тебя странноватая какая-то, и каблуки на женские смахивают... Как там оно? У вас, говорят, классная девчонка живет, по имени Аэлита. Что про нее слышно, замуж не вышла?

Востроглаз парень, мигом подметил странность в одежде и каблуках сапог...

Не было никакой охоты точить с ним лясы, и я, отыскав взглядом старшину, спросил:

— Где я? В голове все перепуталось...

Глядя на меня пытливо, со вполне уместной сейчас подозрительностью, он сказал:

— Если прикинуть, сколько километров до райцентра...

И назвал райцентр — я там не бывал, но название это знал. Что ж, все не так плохо: от деревни Оксаны я переместился километров на шестьдесят на восток, был между Оршей и Смоленском, ближе к Орше, дальше, соответственно, от Смоленска.

— Как тебе такие координаты, браток? — встрял ефрейтор. — А фотки Аэлиты в купальничке у тебя с собой нету?

— Не болтай, Ланжерон, — приказным тоном сказал старшина. — И пуговичку застегни, а то опять наряд вне

очереди схлопочешь. Лучше... — Он сделал многозначительный жест подбородком в мою сторону.

Застегнув пуговицу, Ланжерон (явно одессит, судя по прозвищу) проворчал едва слышно:

— Я как та красotka, от нарядов вне очереди не бегаю...

Подошел, пытливо присмотрелся ко мне, охлопал бока, штанины, бесцеремонно залез в накладные карманы — откуда, разумеется, ничего не извлек, кроме табака и трубки. Передал скудную добычу старшине. Тот повертел трубку, развязал кисет, старательно поворошил табак двумя пальцами, ничего постороннего там не найдя, вернул все мне, сказал, словно бы ни к кому не обращаясь:

— Значит, документов никаких...

— Пропали и документы, и форма, — сказал я. — Когда выходил из окружения. Так уж не повезло... Я старший лейтенант погранвойск. Служил у полковника Мелентьева, может, слышали? Здешний округ, четвертая комендатура...

— Не слышал, — сказал старшина спокойно. — Мы вообще-то из соседнего погранкорпуса, только второй день здесь... И что теперь?

— Отправьте меня в ближайший штаб погранвойск, — твердо сказал я. — Набегался от немцев, воевать пора... Фронт далеко?

— И не так чтобы далеко, и не так чтобы близко... — уклончиво сказал старшина. — Ну что же, через часок сменимся, в штаб и отправим, коли уж есть такое желание... Вон там можно посидеть, возле машины — пеньки очень даже удобные. Никуда не отходить, а то придется, как предписывает устав в отношении подозрительных личностей...

И окинул меня требовательным, воистину старшинским взглядом. Направляясь к машине, к указанным

пенькам, я подумал, что мужик, безусловно, хваткий: ни разу не обратился ко мне ни на «ты», ни на «вы»... Присел на пенек — а на соседнем, в паре шагов, поместился пограничник.

— Спичек не найдется, боец? Кончились мои...

Он протянул коробок, и моментально определился мой статус в глазах старшины, несомненно, ревностного служаки: не задержанный, не подконвойный, коему не разрешается разговаривать с охраной и которому спичек, безусловно, не дадут. Всего-навсего «подозрительное лицо» — это легче...

На пеньке, будто тот леший, я просидел около часа. За это время пограничники не выцепили из потока беженцев ни единого человека — не нашлось там подозрительных личностей, кроме моей скромной персоны. Потом приехала еще одна полуторка с комотдом в кабине и четверьмя пограничниками в кузове. Комотд тихо поговорил о чем-то со старшиной, явно и я был упомянут — он покосился с любопытством в мою сторону. Потом приехавшие направились к тому месту, где до этого стояли люди старшины, а те пошли к машине. Старшина, сказав что-то ефрейтору, сел в кабину, а Ланжерон сделал широкий жест:

— Прошу в карету! Ездил в кузове, марсианин?

Пропустив это мимо ушей, я запрыгнул в кузов первым. Полуторка выехала на дорогу и помчалась на восток, обгоняя беженцев там, где удавалось. Ланжерон, как я и ожидал, не смог удержать язык за зубами:

— Так как насчет Аэлиты, марсианин? Вышла замуж или меня дожидается, орла бравого?

— Где ж ей было тебя дожидаться, если ты столько лет не писал, — не удержался я от ответной шпильки. — Вот и вышла замуж, у нее уж семеро по лавкам. Мужик серьезный, не то что некоторые трепачи...

Видя, что коса нашла на камень, пограничники сдержанно фыркнули, а Ланжерон, смешавшись, проворчал:

— Убил ты меня в самое сердце, марсианин. Вообще не больно-то и хотелось, девушек на свете немерено...

И больше с подначками не лез, ехали в молчании. Идущих навстречу войск становилось все больше, мы миновали уже не роту, а не менее чем два стрелковых батальона полного состава, проехали две упряжки с орудиями, прогреготала даже одинокая «тридцатьчетверка» — но все равно это ничуть не походило на развертывание тех самых главных сил, подхода которых все ждали, и военные, и гражданские. И я решился спросить:

— Ребята, что-нибудь слышно про главные силы? Что и где?

Лица у всех были злые, все молчали, потом только Ланжерон, ни на кого не глядя, бросил:

— Где... — и непристойной рифмой уточнил. Скверно, подумал я. Пограничники — люди информированные, если уж и они угрюмо молчат... Будь иначе, они даже подозрительной личности разъяснили бы обстановку с неприкрытой радостью...

Минут через пятнадцать мы въехали в райцентр, небольшой, главным образом деревянный городок сельского облика. Попетляли по незнакомым улицам, и машина остановилась у двухэтажного домика с часовым у входа (петлицы пехотные) и зеленой вывеской, где под красной пятиконечной звездой с серпом и молотом значилось: «3-е управление НКО СССР».

Старшина, сказав что-то часовому, ушел в дом. Я ничуть не удивился, что меня привезли именно сюда, — следовало ожидать. Третье управление — это военная контрразведка, особые отделы, в этом году переданные в Наркомат обороны. Все как я и рассчитывал — кто еще

будет заниматься человеком, назвавшим себя командиром-пограничником?

Отсутствовал старшина минут пять. Появился в сопровождении хмурого старшего лейтенанта и рядового с винтовкой. Как поется в старой песне, и повели его, болезного... Меня то есть. Руки, что было ожидаемо, велели держать за спиной. Я и держал.

Когда вели через главный вход, я успел глянуть на настенные часы — пятнадцать сорок восемь. Привели, конечно же, в полуподвал, в небольшую камеру — видно было, что они тут обустроились давно, быть может, еще до передачи их ведомства в НКЮ. Две прикрепленные к стенам деревянные койки — это все-таки была не тюрьма, так что койки утром не поднимали. Никакого сокамерника — то ли у них было мало постояльцев, то ли собирались держать меня в одиночестве.

Вот тут уж обыскали со всем тщанием, велели раздеться догола, стать раком и раздвинуть ягодицы — ну, стандартная процедура, мало ли что у задержанного может быть там запрятано. Другое дело, никогда не думал, что однажды самому придется ей подвергнуться.

Унесли не только сапоги (что понятно, следовало проверить, не зашито ли что-то интересное в голенищах, не спрятано ли под подошвой), но и всю одежду, что выглядело довольно нестандартно. Ну, вполне возможно, у особистов были свои регламенты на этот счет, не такие, как у нас. Трубку и кисет, разумеется, тоже забрали. Взамен — вот же благородные люди! — принесли сменку: многократно стиранное и штопанное обмундирование рядового с выцветшими петлицами без эмблем и знаков различия, ботинки, какие носят с обмотками (обмоток не дали, и шнурки вынуты), и, наконец, паршивенькие хлопчатобумажные носки с прохудившимися пятками. Зеркала, разумеется, не было, но я и так знал, облачив-

шись в это старье (хорошо хоть, стираное), что выгляжу как босьяк. На гауптвахте (пару раз сиживал в курсантские годы, плох тот курсант, что не был на губе), по крайней мере, не заставляли переодеваться в старье. Ну да в чужой монастырь со своим уставом не ходят...

На допрос в этот день не вызывали вообще. То ли у них была запарка и на мелюзгу вроде меня не хотели отвлекаться, то ли, не исключено, хотели потерзать неизвестностью. В этом случае они крупно просчитались: терзаться неизвестностью я вовсе не собирался, хорошо представлял процедуру, через которую мне непременно придется пройти, немцами не завербован, а о путешествии в другой мир упоминать не стоит...

Ужин, надо отдать им должное, принесли — и не баланду, по красноармейской норме. А потом и «постельные принадлежности», именно так, в кавычках: тощий, как блин, матрац, такая же подушка, продранное в паре мест кусачее одеяло из жесткой шерсти неизвестного животного, какое, надо полагать, водится только в питомниках особых отделов.

Самое интересное, что дрых я как суслик. Я и прежде бессонницей не страдал, а теперь, видимо, сказалось нешуточное напряжение последних двух дней, проведенных в мире Грайта и Алатиэль отнюдь не в праздности...

Утром принесли ломоть черного хлеба, крохотный кусочек сахара и жестяную кружку с жиденьким чаем. А потом повели на допрос. Тут и началась карусель...

Допрашивал меня старший лейтенант Шушарин, персонаж примечательной наружности: верзила с пудовыми кулаками и физиономией, какая могла бы напугать самого лихого неандертальца (это он представился Шушариным, не предъявив никаких документов, так что мог оказаться хоть Сидоровым, хоть Худайбердыевым). С самого начала дал понять, что относится ко мне

с нескрываемым отвращением: сам дымил как паровоз, но мне, вопреки расхожим штампам, ни разу не предложил, обращался исключительно на «ты», пялился на меня зло, не говорил, а скорее лаял. Сначала я, как он велел, подробно рассказал, кто я такой, что за училище оканчивал, где служил, как получилось, что в тот день угодил утром в самое пекло. Что интересно, записывал он мои показания быстро, сноровисто и, как я разглядел, красивым, хоть и не каллиграфическим почерком, — хотя выглядел и держался так, будто грамоте был еле-еле обучен. Тогда-то у меня и зародились подозрения, что его внутренняя сущность, ум и характер не имеют ничего общего с маской похмельного питекантропа. Очень быстро подозрения подтвердились, но не будем забегать вперед...

Я рассказал, как пришлось несколько дней прослужить в штабе пограничного округа в Минске, как меня определили в группу, вывозившую документы, как группа напоролась на немецкие танки. Шушарин грохнул кулачищем по столу, на котором стволом в мою сторону лежал наган (с пустым барабаном, как я сразу определил), и рывкнул:

— Вот теперь проясняется! Там тебя немцы и взяли за шиворот! Иначе почему ты один от группы остался, выбрался сюда? Вербанули, ясен пень!

Я постарался сохранить хладнокровие и не вестись на первую же подначку. Вообще-то еще не факт, что из группы добрался до наших я один... Стараясь говорить как можно более спокойно, я ответил:

— А доказательства моей измены у вас есть?

— Будут, — зловеще пообещал Шушарин. — Или вообще было иначе. Ты, сучий потрох, на немцев работал еще до войны. И когда стало известно, что будут вывозить документы, пошел к связному, а у того была рация!

— Во-первых, после того, как я узнал, что меня отправляют с группой, я полтора часа, до отъезда, не покидал здания, у меня при себе не было никаких вещей, так что и собирать в дорогу было нечего, — сказал я. — Не мог бы пойти ни к какому связному. А во-вторых... Не устроите ли очную ставку с этим связным?

— Я тебе устрою! — рявкнул он. — Я тебе так устрою, что будешь сломанными ручонками выбитые зубки собирать. Война идет, никто с тобой, изменником Родины, цацкаться не будет! Ты не волнуйся, ножки тебе не поломаю, — чтобы до стенки собственными ножками доковылял. Ну, ври дальше!

Я рассказал, как прибил к тем красноармейцам из разных частей, как до того лишился всех документов из-за того дерганого старлея, как меня бросили те двое хозяйственных мужичков и я снова шагал лесами-перелесками в одиночку.

— Гладко придумал! — захохотал Шушарин. — По фамилиям никого не запомнил, только в лицо. А и знал бы фамилии, где этих людей искать? Поднатаскали тебя немцы брехать убедительно... Бреши дальше, чего уж!

Я рассказал, как вышел в деревню, где стоял брошенный броневомобиль, как встретил местную учительницу Оксану.

— Значит, тебя и в Глембовичи заносило?

— В какие еще Глембовичи?

— Деревня так называется, — сообщил Шушарин. — Судя по твоему описанию, это точно Глембовичи. Я до войны в этих местах долго служил, тот район знаю, бывал и в Жулянах, и в Глембовичах...

— Названия деревни, так уж сложилось, мне никто не сказал, — ответил я чистую правду. — Может, вы и учительницу знаете, если там бывали? Не так уж много в тех местах учителей...

— Не твое собачье дело, кого я знаю, а кого нет! Значит, учителька, молодая, симпатичная и одинокая... Если ты вообще в Глембовичах был. Врать можешь как угодно, знаешь ведь, что не пошлем мы для проверки людей через линию фронта. Мелкая ты персона, мы таких по дюжине в день стреляем... Молодая учителька, говоришь? Разложил ее, поди, поганец, со всем усердием? И утром на прощаньице палку кинул? По роже видно, что кинул, сытым котом смотришь...

— Товарищ старший...

— Гусь свинье не товарищ! — рыкнул Шушарин. — Я тебе, падла такая, гражданин старший лейтенант!

— Гражданин старший лейтенант, вы уж чего-то одного придерживайтесь, если речь зашла о Глембовичах...

— Это как? — спросил он нормальным голосом.

— Выберите что-то одно из двух, — сказал я. — Если меня в Глембовичах не было, я не мог иметь дела с тамошней учительницей. А если и был, если меж нами и в самом деле что-то случилось, это никакое не преступление ни по гражданским законам, ни по военным...

Он не был обескуражен — но в глазах определенно мелькнуло что-то умное, не вязавшееся с неандертальским обликом...

— Ладно, ври дальше!

Дальше и в самом деле начиналось сплошное вранье — но я успел его хорошо продумать, а он не мог ничего проверить и не способен был уличить меня во лжи...

Оксана выстирала мою военную форму, очень уж она испачкалась за последние дни, а чтобы я не сидел голым, завернувшись в рядно, принесла от соседа сапоги и ту самую одежду, в которой я объявился перед пограничниками. А назавтра, на рассвете, в деревне появились немецкие мотоциклисты. Не было времени переодеваться, вот я и рванул в лес в чем был. Вскоре вышел к большаку

и двинулся на восток с несколькими военнослужащими, точно так же искавшими сборный пункт. Этих трех красноармейцев я описал подробно — что не составило никакого труда, когда речь шла о начисто вымышленных людях, главное было — накрепко запомнить их «внешность», чтобы потом не было разночтений в показаниях.

Через какое-то время налетели «мессеры» — неожиданно на полной скорости вынырнули из-за леса и помчались над шоссе. Сбросили несколько бомб, одна из них легла близко, и меня здорово шибануло взрывной волной, сбilo с ног, швырнуло оземь. Долго провалился без сознания, еле встал. Вот тут, я прекрасно понимаю, показания мои теряют всякую связность, но что поделывать, если так и было? Голова туманилась, перед глазами все плыло, окружающее виделось как во сне, и время от времени наступали приступы полного беспамятства. Вроде бы меня какое-то время везла на телеге деревенская баба. Вроде бы на пути попадалась пара деревень, где мне удалось разжиться скудным харчем. Но большую часть пути я брел в одиночестве, толком не представляя, куда иду, с грехом пополам ориентируясь по солнцу остатками здравого рассудка. Одну ночь провел в стогу сена, вторую — в лесу под деревом. А потом вышел к дороге, представления не имея, где я, увидел пограничников, собрал последние силы и с прервеликой радостью объявился...

Невозможно было определить, как он относится к моему рассказу. Чуть поразмыслив, он рявкнул:

— Вот и нашлась отправка точка! Ты, паразит, из Глембовичей вовсе не убежал! Там тебя немцы и приловили в хозяйкиной постельке, когда ты дрых, наблудивши! И склонили к измене. А чтобы как-то замаскировать эти два дня, что ты провел у немцев, выдумали басчку про бомбу и контузию, от которой у тебя, понимаешь, мозги перепутались. Ничего не скажешь, умно. О чем

ни спроси, ответ будет один: в мозгах туманилось, ничего не помню. Немцы тоже не дураки, работать умеют... Давай чистосердечное, тогда, смотришь, и к стенке не встанешь, дальними лагерями отделаешься!

— И опять надо выбрать одно из двух, — сказал я. — Сами только что сказали, что немцы работать умеют. Что ж они оказались такими дураками, что отправили агента вроде меня — без единого документа, в странноватой одежде, не знающего точно, где находится? Снова одно с другим не вяжется...

— Что, хорошо знаешь методы работы немецкой разведки? Откуда?

— Я же говорил: служил в разведке погранвойск. Приходилось противодействовать немецкой агентуре. Так что некоторое представление о методах работы немецкой разведки имею. — И спросил безо всякой подковырки: — А вы?

— Не твое собачье дело, о чем я имею представление, а о чем не имею. Об одном я имею представление точно: как с гадами вроде тебя обращаться...

Он вылез из-за стола (и стало окончательно ясно, что наган на столе лежит для декорации, — у него на поясе обнаружилась кобура не от нагана, а от ТТ, и пистолет там имелся), поместился за моей спиной и рывкнул:

— Сидеть смирно, не оборачиваться!

И несколько показавшихся нескончаемыми минут торчал за моей спиной, грозно сопя и пару раз тряхнув спинку расшатанного стула. Учítывая его зверообразность и манеру разговора, следовало ожидать, что мне вот-вот крепенько прилетит кулачищем по загривку. Учítывая возникшие у меня подозрения и кое-какие беглые наблюдения за личностью Шушарина — вряд ли...

Обошлось, и пальцем не тронул. Дал мне почитать мои показания (надо отдать ему должное, записано вер-

но, без малейших попыток извратить что-то в угодном ему направлении, пришить шпионаж и измену), дал расписаться. Вручил небольшую стопку бумаги, авторучку, приличный огрызок чернильного карандаша и велел написать в камере все, что рассказал ему. На том и распрощались без малейших сожалений с моей стороны.

Разумеется, я все старательно написал. Бумаги осталось еще три листочка, а вот чернила в паршивенькой авторучке кончились — и пришлось писать карандашом (Шушарин оказался предусмотрителен).

Постучал в дверь, отдал эпистоляр часовому. Часа два меня не тревожили, а потом выдернули, как оказалось, на очередной допрос. Там я очень быстро убедился, что мои предположения оказались верными и со мной работают по той же самой методике, какую у нас в комендатуре пользовали Паша Кондратенко и Нина Бакрадзе, только еще жестче...

Второй следователь, капитан Галицкий, оказался полной противоположностью Шушарину. Постарше, лет сорока, с тонким интеллигентным лицом и тремя наградами на гимнастерке: орден «Знак почета» (им в системе НКВД до войны награждали часто) и медали «За боевое отличие» и «XX лет РККА» (ее давали не только отслужившим двадцать календарных лет, но и тем, кто служил меньше, но каким-то образом отличился). И ничего огнестрельного на столе. Говорил он ровным тоном, называл меня исключительно на «вы», ни разу не повысил голоса, не употребил не только ни одного матерного слова, но и ни одного вульгарного. Когда я (чисто проверки ради) назвал его товарищем капитаном, он так же ровно и бесстрастно сказал, что в моем положении мне следует называть его «гражданином». А главное, кроме той пачки «Норда», из которой брал папиросы (курильщиком он, сразу видно, был заядлым),

положил передо мной вторую, непечатую, придвинул спички и сказал, что курить я могу сколько угодно. Чем я без ненужного жеманства воспользовался.

Однако игра на контрастах и есть игра на контрастах. Интеллигентный, вежливый Галицкий вцепился в меня как клещ, почище Шушарина. Мою унылую одиссею исследовал прямо-таки под микроскопом. Спрашивал о таких мелких подробностях, которых Шушарин и не коснулся (вряд ли по недостатку квалификации, просто у Галицкого опыт оперативной работы явно был гораздо больше). Вопросов практически не задавал — ни когда речь шла о маршруте Минск—Глембовичи, ни о последующем. Я не смог определить, как он относится к истории о двух днях якобы «туманившегося сознания» — да и вообще к моим показаниям. Но душу на плетень мотал качественно...

Завершилось все как с Шушариным — дал прочитать показания (опять-таки записанные безо всякой отсебятины), дал подписать, выдал бумагу, авторучку и карандаш, так что пришлось сочинять в камере второй эпистоляр идентичного содержания.

Так оно и тянулось четыре дня, как в сказке про белого бычка, — с утра меня водили к Шушарину, тот снова стучал кулачищем по столу, снова матом-перематом обвинял в работе на немцев, грязно комментировал мое общение с Оксаной, а в завершение приказывал написать в камере то же самое. Затем наступала очередь Галицкого, и все повторялось, как заигранная пластинка. Ну хоть покурить можно было вдоволь — правда, Галицкий не простер свое благорасположение до того, чтобы давать мне с собой папиросы в камеру..

Эта монотонная процедура за четыре дня надоела мне хуже горькой редьки — но куда денешься? Несомненно, они все это время обменивались моими показаниями

и эпистолярами, искали противоречия и несоответствия — но, судя по дальнейшим допросам, таковых не нашли — все же легенду о событиях после моего ухода из Глембовичей я продумал тщательно, и поймать меня оказалось не на чем. К исходу четвертого дня мне стало казаться, что Шушарину с Галицким самим эта волюнка надоела (что Галицкий скрывал гораздо лучше Шушарина — он, я так думаю, все это время оставался самим собой, а вот Шушарина, такое впечатление, стала тяготить роль матерщинника-неандертальца).

На пятый день все переменялось.

С утра меня повели не в кабинеты Шушарина или Галицкого, а в какой-то другой, гораздо меньше. Конвоир велел сесть на стул, развернутый к глухой стене с канцелярским шкафом, и сидеть смирно. Так я и просидел пару-тройку минут. Не было сомнений, что меня показывали кому-то, кто меня знал. Я, конечно, не стал шарить взглядом по стене в поисках хорошо замаскированного глазка — сидел со скупающим видом, не елозя глазами. Но было страшно любопытно: кто там, за стеной? Кто-то из сослуживцев, сумевший все-таки пробраться к нашим? Или кто-то из минского штаба пограничного округа? Больше некому и быть...

Я ждал очной ставки с кем-то, кто меня знает, но ее не последовало. Из той комнатухи меня отвели в кабинет Галицкого, и начался долгий допрос под хорошие папиросы капитана — но уже совершенно другого порядка...

Больше не заходило и речи о моих странствиях после двадцать второго, вообще о чем-то, кроме службы в комендатуре. Галицкий задал массу вопросов — причем не о званиях начальства и сослуживцев, не об их фамилиях, прозвищах и внешности. О самых что ни на есть мелочах — и я всякий раз отвечал быстро, не раздумывая, я же все прекрасно помнил...

С какой стороны стояла караульная будка у въезда в военный городок? Справа или слева? Слева. В какую сторону смотрел товарищ Сталин на портрете на арке над воротами, вправо или влево? Ни в какую — товарищ Сталин был изображен в профиль. Справа или слева при въезде помещался у ворот стенд боевой славы? Его вообще не было у ворот, он помещался гораздо дальше, перед штабом. С какими наградами был изображен на портрете в нашем клубе товарищ Берия? Без наград, во френче со знаками различия генерального комиссара государственной безопасности. Сколько собак было в нашем питомнике и какой породы? Около тридцати, в основном эльзасские овчарки, но было четыре среднеазиата, прекрасно себя показавших на пограничной службе. Как звали моего коня? Абрек, конечно (и я добавил еще несколько кличек других лошадей). На каком примерно расстоянии от столовой помещалась кухня? Она помещалась в пристройке к столовой. Кто заведовал столовой и в каком воинском звании? Серафима Петровна Левко, без звания — вольнонаемная, как весь персонал столовой и кухни. Сколько примерно человек вмещал наш кинозал? У нас не было отдельного кинозала, кино показывали прямо в клубе, опустив с потолка перед сценой свернутый в трубку экран. Согласен ли я, что самая красивая связистка — воентехник Лида Завьялова? Никакой Лиды Завьяловой при мне не было — ни на узле связи, ни вообще в комендатуре.

И еще куча подобных вопросов — от имени библиотекарши до прозвища приезжавшего к нам подковывать лошадей кузнеца. На любой я отвечал без малейшей запинки и заминки. Как и предполагал, пришлось писать в камере эпистоляр по врученному Галицким отпечатанному на машинке вопроснику на четыре странички. А перед этим Галицкий раздобылся настолько, что дал

мне с собой в камеру едва початую пачку неизменного «Норда» и спички. И, как писалось в каком-то старинном романе, душа его возликовала. Не стоило радоваться и обнадеживаться раньше времени, но изменившийся характер допросов, исчезновение Шушарина и пачка папирос позволяли питать радужные надежды...

И они оправдались! Допрос закончился в первом часу дня — и до отбоя меня не побеспокоили. А утром отвели к Галицкому. Я с порога заметил: на этот раз у него на столе не было чистой бумаги для протоколов допроса, только тоненькая папочка без надписей или штампа на серой обложке.

— Итак... — сказал он, когда я сел напротив него и получил папиросу из его пачки (на этот раз предназначавшейся для меня пачки не оказалось). — Достоверно установлено: вы действительно старший лейтенант Багряков Константин Георгиевич, предоставленные вами данные о прохождении службы истине полностью соответствуют. Проверить какие бы то ни было сведения, сообщенные вами о времени после отъезда из Минска, мы не в состоянии, но не располагаем в отношении вас какими бы то ни было компрометирующими материалами. Задерживать вас здесь далее, мы считаем, бессмысленно. Особенно в нелегкое и сложное время. Поэтому ознакомьтесь.

Он достал из папочки небольшой листок бумаги с типографским грифом учреждения, где мы сейчас пребывали, неразборчивой подписью и четкой круглой печатью, положил передо мной. Я, бегло прочитав, взлетел на седьмое небо. Старший лейтенант Багряков К.Г. спецпроверку в территориальном органе 3-го Управления НКВ СССР прошел, для дальнейшего прохождения службы направляется в штаб погранполка с трехзначным номером...

Галицкий тем временем шагнул к невысокому сейфу, достал оттуда трубку и табак, положил передо мной:

— Вещи, бывшие при вас в момент задержания. Распишитесь вот здесь.

Я расписался.

— Штаб погранполка находится в этом городе, — бесстрастно сообщил Галицкий. — Дежурный вам объяснит, как до него добраться.

Я не собирался рассыпаться в горячих благодарностях, да и вряд ли Галицкий их ждал. Мной владело одно желание: побыстрее выбраться отсюда. И я, встав по стойке «смирно», спросил:

— Разрешите идти, товарищ капитан?

— Сядьте, — распорядился он и, когда я сел, словно бы короткое время пребывал в замешательстве, но сказал все так же бесстрастно: — Хочу с вами короткое время побеседовать, совершенно неофициально, без протокола... Не возражаете?

Армейские рефлексy сидели во мне прочно, и я ответил:

— Никак нет, товарищ капитан.

— Речь пойдет о вашем... анабазисе¹. — Скупой улыбкой он в который раз напомнил мне Грайта. — Вы знаете, что такое анабазис?

— Исключительно по «Бравому солдату Швейку», — осторожно сказал я.

— Представьте, я тоже... Так вот, ваш анабазис, мне представляется, четко делится на две части. Первая,

¹ «Анабазис» — название двух книг древнегреческого полководца и писателя Ксенофонта о дальних походах. В романе «Похождения бравого солдата Швейка» Я. Гашек употребляет это название в ироническом смысле, описывая недолгие блуждания Швейка по тылам.

Минск — Глембовичи, особого интереса не представляет. Проверить мы ничего не в состоянии, но эта история крайне похожа на те, что я в немалом количестве уже слышал от окруженцев. Зато вторая... Понимаете ли, я пробыл на оперативной работе восемнадцать лет... ну, с перерывом на год с небольшим, случившимся отнюдь не по моей вине. Это несущественно. Я не о том. За эти годы я давно пришел к выводу: явление под названием «оперативное чутье» реально существует. Вы год прослужили в разведке погранвойск на оперативной работе. Быть может, согласитесь со мной, что эта вещь... это явление существует.

— Безусловно, — сказал я, насторожившись.

— Иные говорят проще — нюх. Ничего не имею и против этого определения. И нюх мне подсказывает, прямо-таки вещает: то ли в самих Глембовичах, то ли вскоре после ухода оттуда с вами что-то произошло. Что-то, не имеющее отношения к немецкому шпионажу, к войне, вообще к тому, что происходит вокруг. Что-то другое. Эти два дня, что вы провели якобы в помрачении ума после контузии, — предельно загадочная вещь. Нет, я не говорю «подозрительная» — но крайне загадочная. Одежда у вас... странноватого фасона, никогда такой не видел. Здесь, в городе, есть старый портной, большой мастер своего дела. Он клянется и божится, что одежда сшита не фабричным способом, а вручную — и классным мастером. Портной так и сказал: «Точно вам говорю: не на крестьянина шито, а на пана». Он немало в старые времена шил для панов — но с таким фасоном решительно незнаком. То же и с сапогами: сапожник заверяет, что они сработаны вручную хорошим мастером, из кожи отличной выделки... причем затруднился определить, чья это кожа. Всякие кожи видывал, а такой не знает. Это не замша, не шевро, не юфть... вообще непонятно, как

он выразился, с какой скотины содрана. Да и гвозди, которыми сапоги подбиты, — опять-таки не фабричной работы, а ручнойковки. Я в сжатые сроки... и во вне-служебное время проделал массу работы. Хорошо, что мы в городе, где отыскался и портной с сорокалетним стажем, и сапожник, и кузнец... Наконец, каблуки высоковаты для обычных сапог, но сапоги, безусловно, не женские, мужского размера. Какие бы то ни было новые вопросы вам задавать бесполезно. У вас будет один ответ: «Что мне дали, то я надел и обул». Верно?

— Совершенно верно, товарищ капитан, — кивнул я. — Рассказал все, как было. Что мне дали, я надел и обул. Дареному коню в зубы не смотрят, в моем положении было не до капризов...

— Пойдем дальше, — сказал Галицкий. — Старшина, командовавший нарядом, — служака матерый, надел форму на несколько лет раньше, чем я. Я с ним поговорил подробно. По его глубокому убеждению, вы ничуть не походили на бедолагу, два дня скитавшегося по глухомани без крошки во рту и спавшего под деревьями. Выглядели вы вполне благополучным, сытым, свежес выбритым, причем, по его наблюдениям, побрились не далее как тем утром, и одежда у вас была не особенно измята, не похоже, что вы в ней ночевали где-нибудь в кустарнике или в стогу сена. Но все это — никакое не доказательство, и вы это понимаете... Да! Ваша «контузия» (он произнес это слово, словно бы уверенно заключив его в жирные кавычки). И здесь нет никаких доказательств, что вы лжете. Современная медицина не в состоянии диагностировать наличие контузии. Правда, вы допустили существенный прокол. Перед нарядом вы сыграли контузию очень качественно. А вот здесь, за все дни пребывания у нас, с вами ни разу не произошло не то что обморока, но даже головокружения, и провалов

в памяти не было ни малейших. Расслабились, оказавшись у своих, а? Решили, что дальше играть незачем...

Я молчал, не пряча глаз. Нужно признать, с «контузией» он меня неплохо подсек, да и со всем остальным тоже. Однако бессилён доказать, что я брешу как сивый мерин, и прекрасно это понимает...

— Вы меня в чем-то обвиняете, товарищ капитан? — спросил я, чтобы чуточку поторопить события — нестерпимо хотелось на волю...

— Ни в чем, — сказал Галицкий так, словно отмахнулся. — У меня нет оснований для обвинения, есть только странности, которым нет объяснения, а это совсем не то... Нет ни малейших оснований подозревать в вас немецкого агента. Никто и никогда не отправил бы такого агента: в странной одежде, без единого документа, даже не знающего толком, где именно он находится. А работать немцы умеют, сами должны знать... Не усматриваю ни шпионажа, ни предательства, ни измены Родине. Есть только странности... Но заниматься ими некогда. В мирное время я обязательно рассмотрел бы ваши показания под микроскопом, постарался бы найти каких-то свидетелей — кто-то где-то должен был вас видеть. Сейчас такой возможности нет. Обстановка, что скрывать, тяжелейшая, есть основания ждать немецкого прорыва. Никто в этих условиях не станет заниматься вашими... странностями, и я в первую очередь. У меня масса дел, продохнуть некогда... Я и так с вами непозволительно заболтался. И все же... Откровенно говоря, терпеть не могу оставлять за спиной нерешенные загадки, пусть и не имеющие отношения к делу. А вы — сплошная загадка. В голову даже лезет всякая чушь, иногда появляется шальная мысль, что вы два дня провели в каком-то совершенно другом мире, о котором современной науке ничего не известно... Но у меня нет на посторонние за-

гадки времени. Может быть, все же кратенько расскажете вашу настоящую историю? Уверен, вам это ничем не грозит. Я не стану оценивать, где тут правда, а где ложь, просто выслушаю... и отпущу вас восвояси. Что скажете?

Я видел в его глазах чистейшей воды любопытство — но должен был молчать. С одной стороны, информация из тех, что непременно должна попасть на самый верх, к товарищу Сталину, с другой — нет никакой возможности этого добиться. Очень возможно, Галицкий, выслушав, и не законопатит меня к психиатрам — но, безусловно, отправит на все четыре стороны прежней дорогой. Я на его месте тоже не пошел бы к начальству с такой докладной...

— Нечего мне сказать, товарищ капитан, — произнес я как можно убедительнее и тверже. — Никаких таких странностей, все так и было, и добавить нечего...

— Знаете что, старший лейтенант? Рано или поздно война кончится, может быть, даже через несколько месяцев. И тогда я о вас обязательно вспомню. Будет время и возможность исследовать вашу одежду скрупулезнейше, сапоги, табак... Да, табак — я, уж не посетуйте, отсыпал жменьку в баночку, закупорил и присовокупил к остальному. И можно будет поискать свидетелей. И тогда... Думаю, и тогда не будет случая обвинять вас в чем-то... подлежащем обвинению. Но есть странности, которые, я считаю, нельзя оставлять без объяснения. И это как раз ваш случай. Так что, буду жив-здоров, после войны обязательно вспомню о вас... Можете идти.

Я с превеликой радостью вскочил, четко повернулся через левое плечо и строевым шагом покинул кабинет, чувствуя спиной неотрывный взгляд Галицкого.

Только отойдя метров на сто, почувствовал некоторое неудобство и сообразил, что так и шлепаю в ботинках без шнурков. Так спешил покинуть это гостеприимное за-

ведение, что не заикнулся дежурному о шнурках — хотя он, несомненно, вошел бы в положение избавленного от всех подозрений командира Красной армии и нашел бы парочку.

Ну не возвращаться же. И я пошел по указанному тем же дежурным пути, коснувшись нагрудного кармана ветхой гимнастерки и еще раз удостоверившись, что там нет прорехи, что на месте волшебная бумажка, военно-бюрократическая индульгенция, вернувшая меня в привычную жизнь. Все равно вскоре мне предстоит от этих говнодавов избавиться...

Так оно и оказалось. В штабе погранполка со мной не долее пяти минут говорил хмурый, издерганный кучей текущих дел немолодой майор. А еще минут через сорок я браво шагал в расположение. Форма п/ш, приличные яловые сапоги, кубари на зеленых петлицах не защитные, а красной эмали, фуражка зеленая, новенькие португепя с кобурой и даже полевая сумка, выданная раздобившимся каптером. Поставлен на все виды довольствия, определен к делу — командир взвода второй роты первого батальона погранполка с трехзначным номером. Еще в царские времена среди молодых офицеров ходило присловье: «Дальше Кушки не пошлют, меньше взвода не дадут». А мне даже в Кушку тащиться не пришлось. И я уже знал, почему оказался обмундирован так качественно, — довоенные склады, ага, перед войной полк в этих местах и дислоцировался (через две недели, при отступлении, склады эти пришлось поджечь за невозможностью вывезти — но это уже совсем другая история)...

Разумеется, и речи быть не могло о прежней, довоенной службе по охране рубежей Родины. В противоречие известному лозунгу, часть границы, в первую очередь западной, оказалась не на замке. Западные границы те-

перь были в немецком тылу, сначала ближнем, а потом и глубоком...

Чем мы занимались? Да тем же самым, что и пограничный наряд, к которому я вышел (между прочим, Ланжерон обнаружился в моем взводе, показал себя толковым хватким бойцом, вот только в сорок втором)... Наводили порядок на неопикуемых дорогах близ фронта (которого сплошь и рядом не было как такового), проверяли документы, тормозили беспорядочно отступавших и отправляли на сборные пункты. И вылавливали немецких шпионов и диверсантов, которых в сорок первом было как грязи (да и потом шастало немало). Подробно о наших задачах написал Богомолов, «В августе сорок четвертого». Читали? Вот именно это. Взаимодействовали с особыми отделами, со Смершем, когда он появился, с войсками НКВД по охране тыла — вопреки названию, они действовали как раз не в тылах. Ходили под смертью чуть ли не каждый день. Ничуть не безопаснее, чем на передке. Разница только в том, что на передке у людей была тыща шансов поймать свинец или железо, а у нас — сотня. Если уточнить, что этому свинцу или железу достаточно секунды, разница будет, право же, невеликая...

И вот что любопытно... Через несколько месяцев создалось стойкое впечатление, что дела у меня в смысле военной карьеры обстоят не совсем обычным образом — а в последующие годы впечатление это переросло в стойкую уверенность...

Понимаете ли, это четко прослеживалось. Я не лез поперек бабки в пекло и не прятался за чужие спины. Воевал как все. Но пару раз случалось, что за успешные операции мои ребята, сделавшие ровно столько, сколько и я, получали ордена, а я — медали. И в третий раз был случай, когда я командовал группой, и все, в том числе и я сам, ожидали ордена на мою богатырскую

грудь, — а туда порхнула опять же медаль, при том, что все трое моих хлопцев получили кто Славу, кто Знамя. Если честно, было довольно обидно, тем более что иные сослуживцы выражали по этому поводу недоумение, а один, сибиряк, сказал как-то: «Ну будто какая ведьма тебе удачу отшибла, старлей...» Так что первый орден я получил только в сорок четвертом.

И с повышением в звании и служебном положении наблюдалась та же петрушка. Несколько комвзводов, с которыми мне довелось служить, относительно быстро получали очередные «шпалы», а потом и звездочки, уходили на роты, а один и на батальон, пробыв комроты всего ничего, — ну заслужили все. Что до меня, я очень долго оставался вечным комвзвода и вечным старлеем, капитана получил только осенью сорок третьего, а через месяц поставили и на роту.

Одним словом, неувязка присутствовала. Временами я начинал думать: возможно, все дело в том, что в заведенном вновь в том городке личном деле присутствует некая запись... как бы это сказать, не компрометирующая, но явственно подтормаживающая в военной жизни. А может, зря я так думал, и вся причина в том, что я попал в эту полосу устоявшегося невезения. С военными это случается нередко — с некоторыми. Форменный Максим Максимыч у Лермонтова — до седых волос прослужил штабс-капитаном в захолустных гарнизонах, и награды его облетали стороной. Бывает. Многие маршалы Бонапарта начинали рядовыми — но куча их сослуживцев выше лейтенанта не поднялась...

Возможно, все дело как раз в «синдроме Максим Максимыча». Укрепляет в этой мысли и то, как все обернулось с членством в партии. Замполит, мужик, в общем, справедливый, но резкий, как три похмельных дикобраза, и не в меру горячий, не скрывал, что намерен

меня из партии исключить — за утрату партбилета «при невыясненных обстоятельствах».

(Кстати, мне где-то через месяц пришло в голову: тот дерганый старлей был парнем весьма своеобразным. Отобрал у меня все до единой бумажки, а пистолет оставил, даже когда всерьез собирался расстрелять на обочине, — хотя, по уму и по инструкции, первым делом следовало подозрительную личность как раз обезоружить...)

Однако сложилось так, что замполит через неделю погиб в стычке с немецкими парашютистами. Да и время было очень даже неподходящее для партсобраний с вдумчивыми пропесочиваниями. В конце концов новый замполит ограничился строгим выговором с занесением, и партбилет я получил новенький, так что не пришлось вступать в партию заново на общих основаниях. Вряд ли дело кончилось бы так благостно, окажись и вправду где-то в казенных бумагах «тормозящая запись».

(Да, а оба значка я так и не восстановил. Где бы было в той коловерти раздобыть новые, тем более «Конника»? Вдобавок, когда стало ясно, что никакого «развертывания главных сил» не дожидаться, что война разворачивается всерьез и надолго, эти значки стали чуточку смешным воспоминанием счастливой довоенной жизни, вроде первой папиросы или первого поцелуя с одноклассницей. И значки мирного времени, как я уже говорил, быстро, без всякого циркуляра, пропали с гимнастерок...)

Наташка? Конечно, я ей написал, едва получив форму, назначение и личное оружие, в тот же вечер. И через несколько дней (полевая почта и в те шальные недели работала исправно) получил длиннющее сумбурное письмо, и с тех пор переписка не прерывалась. С ней все было в порядке, фронт до них не дошел (разве что несколько раз случались мелкие бомбежки, уже позже, в сорок втором, когда гитлеровцы прорвались к Волге,

где и получили по зубам). Техникум работать не перестал, но Наташка устроилась вахтером на единственный в том городке полувоенный заводик — в тылу было голодно, а вахтерам давали рабочую карточку. Через месяц прислала новую фотографию — малость осунулась, конечно, щеки были не такие пухлые, — но, по моему глубокому убеждению, она от этого стала еще красивее, о чем я ей и отписал, убедительно попросив рассматривать это как искренний комплимент, а не попытку утешить перед лицом жизненных невзгод.

Большая война для меня кончилась в мае сорок четвертого. После того как наши войска ранней весной вышли к прежней границе Советского Союза, ее стали обустривать, а кому заняться этим делом, как не довоенным погранцам? Так что меня, как многих, сняли с фронта, назначили помощником начальника заставы и направили туда почти, где я служил до войны.

Заставы не было — одни фундаменты и высоченный бурьян, в котором военные строители нашли три скелета, проржавевшие винтовки и покореженный «максим», явно накрытый прямым попаданием малокалиберного снаряда (скорее всего, от немецкой танковой пушки). Не было никаких документов, наверняка уволокли немцы, у них особые команды, шедшие следом за наступающими, собирали абсолютно все бумаги, имевшие хоть какое-то отношение к армии или погранвойскам. Так мы их и похоронили безымянными под троекратный винтовочный залп, написав на табличке скромного деревянного обелиска «Трое героев-пограничников»...

Вскоре ко мне приехала Наташка, и мы расписались. Первые три месяца жили в палатке, как все, — так что я потом в шутку звал нашего первенца Колька Палаткин.

Что еще? Я не зря употребил слово «большая» война. Война маленькая продолжалась еще несколько лет.

В Польше долго шла чуть ли не натуральная гражданская война, краем захватившая и нас, — там была самым активным образом замешана всякая сволочь, сидевшая по лесам и на нашей стороне, и на польской. Так что порой приходилось жарковато, самой спокойной границей в то время, представьте себе, считалась китайская, а самой беспокойной, соответственно, наша, западная. От тех времен у меня остались четвертое ранение, пулевое навывлет, Красная Звезда и польская военная медаль — за успешно проведенную с польскими коллегами совместную операцию.

С Галицким я никогда больше не встречался, и с Шущариным тоже. И никто никогда не возвращался ко второй части моего, извините за выражение, анабазиса. Быть может, Галицкий не вернулся с войны. Или, учитывая его целеустремленность, все же попытался однажды вернуться к той истории, но его начальство посчитало, что она не заслуживает трудов (или он сам махнул рукой). После грохотавшей почти четыре года огромной и жуткой войны странности моей истории показались незначительными и неинтересными. Как очень многое из событий июня сорок первого...

Глембовичи? Я наводил справки тогда же, в конце весны сорок четвертого. Как многие сотни белорусских деревень, Глембовичи летом сорок второго немцы сожгли дотла, и никто не слышал, чтобы кому-то из жителей удалось оттуда спастись. Очень надеюсь, Оксану Грайт все же забрал задолго до того, он явно дышал к ней неровно...

Сам я три года о своем вынужденном путешествии в мир, над которым кружили три луны, не вспоминал вообще — не до того было, изгладилось из памяти, оставив полустертые обрывки, как иногда бывает со снами, необязательно плохими.

Потом только, когда жить стало чуточку спокойнее, иногда вспоминал безо всякого энтузиазма, с таким вялым любопытством: чем же у них там все кончилось? Уверен, что ватаков, отрезанных от своего неведомого мира, в конце концов разнесли вдребезги с помощью нашего огнестрельного оружия, но как потом жилось победителям, вот вопрос...

Вполне можно допустить, что и сегодня, пока мы тут с вами беседуем, по улицам наших городов ходят люди с голубой кровью, неотличимые по внешнему виду, с вигениями под рубашками. И крепко сомневаюсь, что это ученые, одержимые страстью к познанию, — если такие и есть, то в подавляющем меньшинстве. Такие жесткие прагматики, как Грайт, в первую очередь думали бы о том, как унести из нашего мира технические новинки, способные им пригодиться. Кое-какой опыт уже имелся к тому моменту, как я попал туда. Так что очень даже возможно: сейчас где-нибудь в Женеве спокойный, несуетливый человек на конвертируемую валюту (полученную за принесенное из своего мира золото) покупает у «черных» торговцев оружием партию компактных автоматов, а то и гранатометов — никакой хитрой электроники в них нет, сметливого человека из того мира научить обращаться с ним не труднее, чем рязанского или орлеанского зеленого новобранца...

Вот, кстати, о голубой крови. Опять-таки ничего мистического или невероятного. Сплошная наука. Я еще до войны читал в каком-то научно-популярном журнале, что у земных спрутов и осьминогов кровь тоже голубая, — а лет через десять после войны наткнулся и на уточнения, отчего так происходит. Голубая кровь оттого, что в ней повышенное содержание ионов меди. Красная — оттого, что в ней повышенное содержание ионов железа. Просто и обыденно. Что именно делало кровь

зеленой, представления не имею, никогда не копал глубоко, но не сомневаюсь, что и для нее есть вполне материалистическое, скучное даже научное объяснение...

А однажды мне пришло в голову... Если бы я писал фантастический роман, непременно вставил бы красивую романтическую сцену наподобие следующей. Приходя в себя в госпитале после тяжелого ранения, я обнаружил на тумбочке у койки странный цветок, большой, синий, приятно и незнакомо пахнувший, как две капли воды похожий на озерные кувшинки, росшие там, где Алатиэль нашла жемчужную раковину.

И это была не галлюцинация, не бредовое видение — я был уже в ясном сознании, держал его в руках, вдыхал аромат. Но потом он куда-то пропал, медсестрички никакого цветка не видели. Но я-то сразу догадался, что это был привет от Алатиэль, именно от нее — не тот мужик Грайт, чтобы посылать кому-то цветы...

Или так. Однажды, году, скажем, в пятидесятом, скажем, в Минске я шел с Наташкой и пятилетним карапузом Колькой к речке Немиге — и вдруг увидел на другой стороне улицы красивую молодую женщину, ничем не отличавшуюся платьем и прической от минчанок, — и она стояла, не сводя с меня глаз. А когда я наконец сообразил, что это повзрослевшая Алатиэль, ее уже там не было...

Красиво, верно? Вот видите... Только ничего этого не было. И ни разу Алатиэль мне не снилась — как и весь ее мир. Было — и прошло, никогда не вернется, что тут еще скажешь? Я не ученый и не романтик по натуре, я отставной полковник пограничных войск, с которым однажды произошло нечто странное, чему нет никаких доказательств, даже трубка пропала где-то в тяжелейшем для нас сорок втором году.

А самое занятное... Я думал иногда...

Грайт был человеком, всегда выполнявшим свои обещания и никогда не бросавшим слов на ветер. А потому не будет таким уж безудержным полетом фантазии допущение, что сейчас в мире под тремя лунами на какой-нибудь столичной площади стоит бронзовый всадник. Конь, как это за монументальными конями частенько водится, принял невероятно картинную позу, шею изогнул по-лебединому, красиво поднял переднюю ногу. Всадник, вполне может статься, принял напыщенную до глупости позу — с монументами это тоже случается сплошь и рядом. На нем форма командира Красной армии, на петлицах три кубаря. И у него мое лицо, возможно, с горделивым до идиотизма выражением, какого у меня не было никогда в жизни.

И тамошние голуби при первой возможности гадят на мою бронзовую непокрытую голову.

Вот уж что хорошо — у них там наверняка нет юных пионеров. Иначе стыд прошибал бы при попытках представить такую картину: в какой-нибудь праздничный день — а день сокрушения Моста, уверен, стал праздником, люди любят их создавать по поводу и без повода — под звуки горнов и барабанов пионеры торжественно возлагают цветы к копытам моего бронзового коня. И пионерские отряды наперебой соревнуются за право носить имя Костатена — к которому прилагается не один почетный эпитет. И седая заслуженная бабушка Алатиэль напутствует молодое поколение:

— Дети, будьте такими, как Костатен!

Представляете? Да меня бы зашугали насмешками сослуживцы, узнав они о таком. Кличку приклеили бы остроумную...

Лучше уж гадающие на голову птички — что с них взять, с неразумных?

Красноярск, октябрь 2022

Литературно-художественное издание

БУШКОВ. НЕПОЗНАННОЕ

Бушков Александр Александрович

ЦВЕТ ТВОЕЙ КРОВИ

Ответственный редактор *А. Дышев*
Художественный редактор *Д. Сазонов*
Технический редактор *Н. Духанина*
Компьютерная верстка *Т. Каменская*
Корректор *М. Виноградова*

Страна происхождения: Российская Федерация
Шығарылған елі: Ресей Федерациясы

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Россия, г. Москва, ул. Зорге, д. 1, стр. 1, эт. 20, каб. 2013. Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «Издательство «Эксмо» ЖШҚ

123308, Ресей, Мәскеу қаласы, Зорге көшесі, 1-үй, 1-құрылыс, 20 қабат, 2013-каб.

Тел.: 8 (495) 411-68-86. Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.

Тауар белгісі: «Эксмо»

Интернет-магазин : www.book24.ru

Интернет-магазин : www.book24.kz

Интернет-дүкен : www.book24.kz

Импортёр в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».
Қазақстан Республикасына импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию
в Республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»

Дистрибьютор және Қазақстан Республикасында өнімге шағымдар
қабылдау жөніндегі өкіл: «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Алматы қ., Домбровский көш., 3 «а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-90/91/92. E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Эксмо»:
www.eksmo.ru/certification

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестілігін растау
туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://eksmo.ru/certification/>

Произведено в Российской Федерации

Ресей Федерациясында өндірілген

Сертификаттауға жатпайды

Дата изготовления / Подписано в печать 19.10.2023. Формат 70x100^{1/32}
Гарнитура «NewtonCTT». Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,85.
Тираж 3 000 экз. Заказ 5456.

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ООО «Тверской полиграфический комбинат» 170024, Россия, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15

Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru